

А. И. ЕФИМОВ

ИСТОРИЯ
РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА

УЧПЕДАГИЗ

1964

А. И. ЕФИМОВ

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Москва 1961

ГЛАВА I

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ КУРСА ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

§ 1. Марксистско-ленинское учение о развитии языка в связи с историей народа — основа построения курса истории литературного языка

Курс истории русского литературного языка строится на основе марксистско-ленинского учения о развитии языка в связи с историей народа. Все основные процессы, происходящие в стилях литературного языка, а также существенные изменения в составе речевых средств и в нормах их употребления в той или иной степени связаны с изменениями в материальной и духовной жизни народа.

Основой марксистско-ленинского учения о языке и его развитии является мысль В. И. Ленина о том, что язык — это «важнейшее средство человеческого общения»¹. Развитие языка теснейшим образом связано с историей народа. Формирование национального языка, существенные изменения в его составе и функциях находятся в зависимости от развития экономической и политической жизни общества. На эти факторы указывают К. Маркс и Ф. Энгельс при характеристике различных путей образования национальных языков: «... в любом современном развитом языке естественно возникающая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском языке, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленный экономической и политической концентрацией»². Мысль о связи языка с развитием общества, говорящего на данном языке, о влиянии экономического и политического фактора на развитие языка проведена и в статье В. И. Ленина «Либералы и демократы в вопросе о языках»

¹ В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 20, стр. 368.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, М., 1956, стр. 407—408.

(1913): «Чем демократичнее будет строй России, тем сильнее, быстрее и шире разовьется капитализм, тем настоятельнее потребности экономического оборота будут толкать разные национальности к изучению языка, наиболее удобного для общих торговых сношений»¹.

Следует также иметь в виду, что самая «культурная общность народа прежде всего зависит от социально-исторических условий, создающих для широких слоев народа реальные возможности активного владения литературным языком. Великая культурная функция литературного языка выделяет его не только как орудие развития в области материального и духовного прогресса народа, как орудие социальной борьбы. Литературный язык — это мощное орудие воспитания народных масс, приобщения их ко всем сокровищам культуры, науки и технического прогресса, которые запечатлены в произведениях, написанных на соответствующем литературном языке»².

Так как развитие языка тесно связано с развитием общества, то самые закономерности использования речевых средств будут непонятны, если игнорируются факторы общественной жизни.

История русского литературного языка со всей очевидностью убеждает, что язык весьма чутко реагирует на различные изменения в истории народа, что появление и употребление многих слов и выражений находит свое обоснование в развитии общественной мысли. Ср. замечания проф. П. Я. Черных о появлении на разных этапах истории русского народа таких слов, как *крестьянин*, *дворянин* (с XV века), *рабочие люди*, *мастеровые* (с XVII века), *рабочие* (с XIX века) и др.³. В 40—60-х годах XIX века входят во всеобщее употребление такие слова, как *социализм*, *коммунизм*, *конституция*, *реакция*, *прогресс* и т. д.

К числу общественно-исторических факторов, оказавших большое влияние на развитие языка, относятся: развитие производства, появление классов, возникновение письменности, зарождение государства, развитие торговли, развитие литературы. Каждый из этих факторов не только нашел отражение в русском литературном языке, но и оказал влияние на развитие средств литературного выражения.

К числу важнейших задач, связанных с изучением истории литературного языка в связи с историей народа, относятся:

1. Определение того, как история народа находит свое отражение в формировании средств литературного выражения, как развитие общественной жизни влияет на литературный язык, в силу чего он обогащается новыми словами и выражениями, а также изменяется смысловое значение многих бытующих в нем слов, совершенствуется морфологическая и синтаксическая структура языка.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 19, стр. 317.

² См.: «Вопросы советской науки. Проблема образования и развития литературных языков», коллектив авторов под руководством В. В. Виноградова, изд. АН СССР, 1957, стр. 3.

³ См.: П. Я. Черных, О связи развития языка с историей народа, «Известия Стд. литературы и языка АН СССР», т. X, вып. 3, 1951, стр. 244.

2. Изучение того влияния, которое язык, будучи средством общения, оказывает на развитие культуры, науки, литературы и искусства.

3. Выяснение и уточнение того, как отражаются закономерности развития общества на развитии литературного языка, а также тех специфических явлений в развитии языка по его внутренним законам, в которых общественная жизнь находит не прямое, а преломленное отражение.

В силу неразрывной связи между языком и его носителем периодизация истории русского литературного языка в первую очередь учитывает важнейшие этапы отечественной истории. Как правильно указывал Горький, язык существенно пополняется и изменяется в эпохи наиболее энергичной общественной деятельности людей.

Но по мере усиления и мощного развития литературы (беллетристической, публицистической, научной и т. д.) изменения в литературном языке начинают все более и более совпадать с изменениями в области литературы. Новаторство в области литературного творчества быстро отражается в литературном языке. Поэтому при решении вопроса о периодизации истории литературного языка нельзя не учитывать и роли такого действенного фактора, как развитие литературы.

§ 2. Литературный язык как высшая форма языка общенародного

Литературный язык в своей основе — язык общенародный, обработанный и творчески обогащенный мастерами слова, поэтому его необходимо рассматривать как высшее достижение речевой культуры народа. Это высшая форма общенародного языка, результат речевого творчества всего народа во главе с его выдающимися мастерами слова. Средства и нормы литературного выражения не только создаются всеми носителями языка, но — что очень важно — бережно и заботливо охраняются обществом как большая культурная ценность. Деятельность же мастеров слова как бы возглавляет и увенчивает весь этот созидательный процесс.

«Язык создается народом, — говорил А. М. Горький. — Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанный мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его»¹.

Будучи весьма сложным, исторически развивающимся общественным явлением, литературный язык претерпевал в процессе развития существенные изменения. Поэтому в различные эпохи, включая и древнейшую, изменялись и совершенствовались самые методы и приемы литературной обработки общенародного языка. Эта обработ-

¹ А. М. Горький, О литературе, М., 1953, стр. 328.

ка и шлифовка речевых средств, бесспорно, происходила и в древнейшие периоды. В доказательство можно сослаться на превосходные образцы мастерски обработанного языка «Слова о полку Игореве». Нельзя также не подчеркнуть значения того обстоятельства, что автор «Слова» сознательно выбирает, в каком стиле ему вести повествование — в стиле Бояна или «по былинам сего времени», и мотивирует затем свой выбор.

Одной из важнейших задач истории литературного языка является определение характера и роли в творческой обработке общенародного языка тех выдающихся деятелей, которых Горький назвал «мастерами слова». Было бы совершенно неправильно полагать, что под мастерами слова следует разуметь исключительно только писателей. Такая точка зрения не только предельно суживает круг лиц, которые играют в развитии средств литературного выражения выдающуюся роль, но и неправильно, односторонне представляет самый процесс развития литературного языка.

Так как литературный язык — это сложная система стилей (художественно-беллетристических, общественно-публицистических, научных, производственно-технических, документально-деловых и т. п.), исторически развивающихся и находящихся в постоянном взаимодействии, то писателям принадлежит выдающаяся роль в развитии стилей поэзии и прозы, а также стилистической системы литературного языка. Но не только писатели являются творцами литературного языка. Нельзя, например, умалять роли видных ученых, принимавших деятельное участие в формировании стилей научного изложения. Это относится, например, к Ломоносову, заложившему прочные основы стилей научных работ по химии, физике и т. п. и создавшему многие научные термины, широко известные в литературном языке. То же самое можно сказать о роли Белинского в формировании стилей литературно-критических работ. Не менее велика роль передовых общественных деятелей, критиков и публицистов, например Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, которые оказали огромное влияние на развитие общественно-публицистических стилей русского литературного языка второй половины XIX века.

Лексика и фразеология литературного языка, пополняясь не только за счет национальных речевых запасов, но и путем заимствования, а также благодаря появлению в разных стилях литературного языка множества неологизмов, в свою очередь начинает употребляться во всем общенародном языке и становится общеупотребительной. Таким образом, литературный язык не только постоянно пополняется словами общенародного языка, но в свою очередь поставляет в общенародный язык новые и жизненно необходимые слова. Например, слова *коммунизм, революция, агитация, пропаганда* получили широкую известность через посредство общественно-публицистических стилей литературного языка, характерных для революционно-демократической литературы XIX века. Прежде чем войти в лексику общенародного русского языка, они вначале

употреблялись в стилях революционно-демократической публицистики, распространяясь затем в стили научно-философские, официально-документальные, художественно-беллетристические и т. д.

В состав средств литературного выражения отбирается далеко не все, чем располагает словарный состав и грамматический строй общенародного языка. Обычно за пределами современного литературного языка остаются: а) диалектные слова и выражения, а также некоторые элементы словообразования и синтаксические конструкции, характерные для какого-либо говора или группы их: *утиральник, ужотка, маманя, надо трава косить*; б) просторечные слова, употребляемые в общенародной речи, но не имеющие прав литературности: *огорошить, подкузывать, трухнуть, обтегорить, налимиться* и т. д., а также просторечные значения многих общеупотребительных слов: *вкатить, заехать, залепить* («ударить»), *стянуть* («украсть»), *надуть* («обмануть»), *мазать* («промахнуться»), не говоря уже о некоторых элементах просторечного характера в произношении (интересно замечание Чехова: «Лакеи должны говорить просто, без *пуцц* и *таперича*»); в) жаргонная лексика и фразеология и элементы словоупотребления, характерные для существовавших в прошлом жаргонов; г) арготические слова и выражения, свойственные, например, воровскому аргю, а также аргю картежников, людей социального дна и т. д.; д) специфические профессиональные термины, хотя и имеющие права литературности (например, автомобильные термины), но не входящие во многие стили литературного языка из-за ограниченности сферы их применения и непонятности для неспециалистов.

Включение далеко не всех профессионально-технических терминов в состав лексики литературного языка и в нормативные словари позволяет сделать следующий вывод, проливающий свет на специфику литературного языка: ведущие стили литературного языка — это стили художественно-беллетристические, публицистические и др. Они отличаются общепонятностью и общедоступностью.

Кроме отбора различных речевых средств общенародного языка, происходит также их творческая обработка, осуществляемая мастерами слова. Обратимся к тому, что конкретно следует понимать под этой обработкой. Она выражается в следующем.

1. Происходит дальнейшее развитие значений общеупотребительных слов, осуществляемое в соответствии с внутренними законами развития языка. Например, в выражении Горького «бывшие люди» слово *бывшие* употребляется в новом, социально-идеологическом значении.

2. Осуществляется фразеологическое новаторство, обогащающее язык меткими образными изречениями, новыми удачными словосочетаниями, например *мякотелый интеллигент* у Салтыкова-Щедрина.

3. Развиваются и обогащаются средства словесно-художественной изобразительности — сравнения, метафоры, эпитеты, перифразы, словесные каламбуры и т. п.

4. Создаются новые слова, причем некоторые плоды словотворчества писателей, ученых и публицистов становятся достоянием общеупотребительной лексики, например слова *промышленность*, *будущность*, введенные в литературный язык Н. М. Карамзиным.

5. В процессе обработки общенародного языка происходит непрерывное улучшение и совершенствование его грамматического строя. Например, со времени Пушкина до наших дней наряду с серьезным пополнением словарного состава русского языка также улучшился его грамматический строй (подробнее об этом см. в главе «О роли национальной художественной литературы в развитии русского литературного языка в XIX веке»).

§ 3. Письменно-книжная и устно-разговорная разновидности литературного языка

Бесписьменных литературных языков, как правило, не бывает. Формирование русского литературного языка, шлифовка его средств и норм начались со времени появления на Руси письменности. Что же касается существовавших ранее традиций устно-поэтического творчества, то они, по-видимому, должны рассматриваться как предыстория, как такой процесс речевого творчества, накопления языково-стилистических ценностей, без которого невозможно появление литературного языка, рассматриваемого обычно как язык образцовый. Кроме того, язык устного поэтического творчества никак не тождествен литературному языку с развитой в нем системой различных стилей, в том числе и документально-деловых, эпистолярных и др.

Таким образом, литературный язык — это язык литературы в широком смысле этого слова (художественной, научной, публицистической и т. п.); этим и объясняются его специфические качества и само название.

Существование в литературном языке двух основных разновидностей — письменно-книжной и устно-разговорной, развивающихся в тесном единстве, дает интереснейший материал для познания разных сторон одного и того же явления. Разговорная литературная речь в отношении лексико-фразеологического состава в основном совпадает с книжной. Ее отличает лишь то характерное, чем выделяются синтаксические конструкции и нормы словоупотребления, определяющие стилистический профиль разговорной речи.

Равнение на нормы живой разговорной речи, стремление освободиться от специфически книжных, порой тяжеловесных и громоздких конструкций и оборотов — вот одна из основных закономерностей, которые характерны для исторического развития русского литературного языка, и в первую очередь стилей художественной литературы. Решительно порывая с устаревшими традиционными, условно риторическими приемами повествования, многие русские писатели XIX века практиковали различные приемы стилизации, воспроизводя в художественной литературе средства и

приемы выражения, характерные для разговорной речи. Например, «Капитанская дочка» написана от имени Гринева, «История села Горюхина» — от имени Белкина; в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» стилизуется рассказчик Рудый Панько; в «Герое нашего времени» даны рассказы Максима Максимыча или же воспроизведен журнал Печорина; множество рассказов В. Даля, Тургенева и других писателей написаны не от автора, а рассказываются каким-либо персонажем, что позволяло стилизовать живую и многообразную разговорную речь.

Значение письменности для формирования и развития литературного языка трудно переоценить. Она позволяет сохранять созданные и накопленные за много веков ценности национальной культуры слова; она способствует устойчивости языка, запечатлевает весь путь его исторического развития, помогает складываться и формироваться наиболее жизненным традициям литературного выражения и их популяризации. Само понятие литературной нормы немыслимо без исторически сложившихся и закреплённых письменностью и традицией способов и приемов образцового выражения.

Говоря о значении письменности, следует уточнить сам термин «письменный язык», который иногда употребляется применительно к языку древнерусской письменности. Строго говоря, термин «письменный язык» можно употреблять лишь применительно к чужому языку, привнесённому извне, который временно обслуживает нужды народа. Например, у поляков до XV века письменным языком была латынь, употреблявшаяся в богослужении и судопроизводстве. Такого рода письменные языки в итоге становятся мертвыми языками в силу отсутствия живой, органической связи с общенародным языком.

Что же касается древнерусского литературного языка, то называть его «письменным языком» нельзя, потому что он не являлся своего рода автономией, не имел своего особого словарного состава и грамматического строя, а был органически связан и поэтому соотносён с разговорным языком древней Руси.

§ 4. Литературный язык — язык нормированный

Специфика литературного языка состоит в том, что это язык нормированный как в отношении словарного состава, так и грамматического строя. В отличие от диалектов, жаргонов, а также просторечных языковых средств литературный язык немыслим без исторически развивающейся литературной нормы. Она призвана устанавливать и узаконивать употребление типичного для литературного языка и его стилей известного круга слов и их значений (лексико-семантические нормы), морфологической структуры и синтаксических конструкций (грамматические нормы), а также самые способы и приемы употребления речевых средств, методы создания средств художественной изобразительности (стилистические нормы), не говоря уже о единообразном произношении, принятом для

каждого языка в определенный период его развития (орфоэпические нормы).

Литературная норма изменяется в зависимости от развития языка. Например, в русском языке со времени Пушкина и до наших дней произошли некоторые изменения в словарном составе и грамматическом строе. Это, конечно, не могло не отразиться на понятии литературной нормы, которая не может быть антиисторичной, не может идти против течения и предписывать языку то, что не соответствует его состоянию и тенденциям развития, которые постоянно обнаруживаются в языке. Нормализаторы языка не должны отставать от века и удерживать в языке отжившее, исчезающее.

Важнейшая задача литературной нормы — улавливать новое, жизненное, типичное для всего языка. Творцом и носителем языка является народ. Поэтому литературная норма должна быть общенародной, современной и отражать поступательное развитие языка.

Так как под понятием литературного языка объединяются две важнейшие его разновидности — книжная и разговорная, то вопросы нормы и культуры речи относятся к той и другой, но прежде всего — к языку книжно-литературному, который служит задаче наиболее широкого культурного общения; именно на его основании создается национальная языковая норма. Проф. Е. С. Истрина подчеркивает, что разговорный язык, сохраняя общую литературную норму, отличается все же меньшей отделкой, меньшей строгостью своей системы: «Разговорный язык обслуживает небольшие коллективы, причем обычно более или менее близких между собою людей; он проявляется в основном во взаимной беседе, в диалоге, в вопросах и ответах; в нем значительное место занимает мимика, жесты, интонация. Он более подвижен и менее ответственный. В нем иной подбор слов, допустимы иные формы; в нем менее отчетливое произношение. Разговорный язык допускает так называемое просторечие и сближается с ним»¹.

Литературному языку обычно противопоставляется просторечие. Такое противопоставление проливает свет на своеобразие и соотношение этих двух языковых категорий. В отличие от литературного языка с его общепризнанной литературной нормой просторечие квалифицируется как отступление от этой нормы, как нелитературная речь, как атрибуты различных социально-речевых стилей, характерных для общенародной разговорно-бытовой речи.

К просторечию относятся те многочисленные и весьма разнообразные по своему происхождению речевые средства, которые остаются за пределами литературного языка и рассматриваются как фамильярно-упрощенные, иногда грубоватые, не характерные для книжной речи и образцового языка, но широко известные в разговорной речи.

¹ Е. С. Истрина, Нормы русского литературного языка и культура речи, АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 13.

От диалектизмов просторечные слова отличаются тем, что они бытуют не в каком-либо одном говоре, а известны всему народу. Такие, например, слова, как *якшаться* (употребляемое Пушкиным), *трухнуть* (Гоголем), *гурьба* (Щедриным) и другие, часть которых отнесена Академическим словарем 1847 года к просторечным, известны всему народу. Значительная часть такого рода слов, квалифицируемых, например, Академическим словарем русского языка (1789) как просторечные, с течением времени вошла в литературный язык. Это слова: *ковылять*, *плутать*, *молодиться*, *свадьба*, *молодежь* и другие, которые в словарях XIX века и современных уже не имеют стилистических помет, указывающих на их просторечный характер.

Из этого можно сделать вывод, что просторечие — это резерв, за счет которого пополняется лексика литературного языка. Видную роль в системе средств образного выражения играют также те просторечные значения, которые возникают у общеупотребительных слов вследствие их метафорического употребления (*накатать* — «написать», *так и режет* — «бойко говорит» и т. п.).

Далеко не все элементы просторечия входили на памяти истории в систему средств литературного выражения. Это относится, например, не только к грубо-фамильярным словам (*налимониться*, *пустобрех* и др.), но и ко многим элементам словопроизводства (*деляга*, *обиденкою*, *летось*, *дарма* и т. п.). Приобщиться к средствам литературного выражения этим просторечным элементам мешает их своеобразный «стилистический паспорт», свидетельствующий о принадлежности их к различным социально-речевым стилям.

Социально-речевые стили — это отличающиеся особенностями словоупотребления, многочисленные ответвления общенародной разговорной речи. Разговорная речь безусловно далеко не однородна: в ней выделяется много разновидностей, характер которых зависит от неоднородности самих носителей языка. Различные социальные прослойки вносят в разговорную речь некоторые специфические черты, отражающие круг их интересов, вкусы и излюбленные приемы выражения.

Известно, что жаргоны создаются верхушечными слоями имущих классов, которые оторвались от народа и старались противопоставить себя народу и в отношении речевой культуры. Помимо этих слоев, в обществе существуют различные социальные группы и прослойки, которые тоже несколько отличаются в смысле использования языка, выделяются в отношении специфики словоупотребления.

В отличие от жаргонов, располагающих специфическими и главное неизвестными и часто непонятными для народа словами и выражениями, социально-речевые стили разговорной речи по составу и характеру привлекаемого словарного и грамматического материала понятны и доступны всем. Но при всем этом особая печать лежит, например, на словоупотреблении чеховского унтера Пришибеева, пушкинского Савельича, гоголевского Манилова, старооб-

рядцев, изображенных Мельниковым-Печерским, чиновников и помпадуров у Шедрина и т. п.

Итак, социально-речевые стили — это категории стилистического характера, отличающиеся специфическими приемами словоупотребления (подбор слов, их расположение и употребление некоторых из них в особых значениях, использование излюбленных оборотов и выражений, широкое привлечение просторечных речевых средств, своеобразие произношения и т. п.). Учет всего многообразия этих социально-речевых стилей русской разговорной речи и анализ характерных для них речевых средств позволяют всесторонне разобраться в весьма сложных и интересных процессах взаимодействия литературной устно-разговорной речи со многими разновидностями и ответвлениями общенародной разговорной речи.

Весьма интересным является вопрос: входят ли социально-речевые стили в систему устно-разговорной литературной речи? Решение этого вопроса возможно лишь при учете того, насколько речевые средства, типичные для этих стилей, соответствуют литературной норме, обязательной не только для письменно-книжной, но и для устно-разговорной разновидности литературного языка.

Если, например, социально-речевые стили, характерные для разговорной речи культурных людей (например, медиков, артистов, научных работников, учителей и т. п.), по составу речевых средств и нормам их употребления не отходят от литературной нормы (за небольшим исключением узкопрофессиональных слов и оборотов речи, например в речи преподавателей: *окно* в расписании, ликвидировать *хвосты*), то они, разумеется, входят в систему устной литературной речи. Что же касается речевых средств, бытовавших некогда, например, в социально-речевых стилях, типичных для купечества, приказчиков, свах и т. п. (ср. выражения свахи из «Доходного места» Островского: *«И орген на шее, а умен как, просто тебе истукан золотой»*), то они являлись отклонениями от литературной нормы и поэтому не входили в систему разговорной литературной речи. Без решения проблемы социально-речевых стилей и изучения их специфики нельзя приступать к анализу речи персонажей и правильно определять степень ее типичности.

Являются ли в наше время диалектизмы резервом, из которого пополняется лексика литературного языка? Есть много оснований утверждать, что диалектные средства теперь не пополняют лексического состава русского литературного языка, не входят в его многочисленные стили. Привлекаемые же в художественные произведения, они выполняют определенные стилистические функции, т. е. служат материалом стилизации и создания речи персонажей (как это можно заметить у Шолохова и других писателей).

На разных этапах развития русского литературного языка менялась и роль диалектных речевых средств. В периоды формирования русской народности, а затем нации местные диалекты, являющиеся ответвлениями общенародного языка, являются важнейшим источником, из которого он пополняется.

По мере своего развития литературный язык начинает все более и более опираться не на какой-либо один диалект, а базироваться на всем общенародном языке. Это особенно заметно в тот период развития языка, когда на основе племенных языков вырастает язык народности и когда, следовательно, роль отдельного диалекта и его отношение к литературному языку существенно видоизменяются. Поэтому к числу важнейших задач, стоящих перед историей русского литературного языка, относится определение того, на каких этапах его развития диалектизмы являлись резервом и источником, из которого пополнялась литературная лексика.

Каждый национальный литературный язык имеет свою историю, свои закономерности развития. В силу этого решать проблему диалектизмов, пополнявших состав средств литературного выражения, можно лишь применительно к отдельно взятому языку. История русского литературного языка убеждает, что местные диалектные слова уже в конце XIX века перестали быть заметным резервом для пополнения литературной лексики.

Диалекты, обладающие своим грамматическим строем и основным словарным фондом, в ходе исторического развития языка нации постепенно утрачивают свою специфику, вливаются в него и растворяются в нем. Все жизненное, типичное, необходимое для языка как средства общения, орудия развития общества, было, следовательно, отобрано из этих диалектов в общенародный язык. В диалектах остались и сохранились лишь те слова, для которых в общенародном языке уже оформились синонимы, широко известные всему народу. Например, *валенки*, в диалектах — *катанки*; *брюква* — *калега* и т. п.

После всего сказанного становится понятной практика Пушкина, Щедрина и других писателей, которые избегали употребления диалектизмов. Бесспорно, глубоко прав был Горький, утверждавший, что «писатель должен писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски».

Таким образом, источники и резервы, за счет которых формируется и развивается литературный язык, исторически изменяются. При этом оказывается, что некоторые из тех резервов, которые использовались русским литературным языком в период развития языка русской народности, позднее, во время перехода от языка народности к языку нации, становятся уже в основном исчерпанными и поэтому перестают быть источниками. С этого времени уже литературный язык оказывает огромное влияние на говоры, является рассадником новых слов и выражений, что особенно характерно для развития общенародного русского языка в советскую эпоху.

Литературный язык характеризуется устойчивостью основных и важнейших элементов его лексики, фразеологии, морфологии, синтаксиса, средств художественной изобразительности. Трудно поэтому предположить, что когда-либо общеизвестные литературные слова *петух*, *варежки*, *кринка* будут заменены или вытеснены диалектными синонимами (*кочет*, *шубенки*, *махотка*).

Что же касается появления в языке новых слов, необходимых для обозначения новых понятий и предметов, то, как убеждает развитие лексики русского языка в советскую эпоху, они привлекаются не из местных диалектов, а создаются при помощи разнообразных приемов словопроизводства, а также путем переосмысления общеизвестных слов и заимствований из других языков.

§ 5. Задачи историко-стилистического изучения литературного языка

Задача курса истории русского литературного языка — изучить процесс формирования и развития языка художественной, публицистической, научной, документально-деловой литературы и других важнейших ее жанров, которым соответствуют разновидности языка, называемые стилями. Историческое развитие литературного языка как системы стилей, формирование характерных для каждого стиля лексико-фразеологических, морфологических, синтаксических средств, а также приемов словесно-художественной изобразительности составляют предмет и основное содержание данного курса.

От исторической грамматики русского языка он отличается в отношении задач, материала и метода исследования.

Занимаясь изучением развития звукового и грамматического строя языка с древнейших пор до нашего времени, историческая грамматика прослеживает это развитие применительно к разным видам письменной и разговорной речи. В задачу же истории литературного языка входит изучение вопроса нормализации грамматических средств, а главное — их стилистической дифференциации и закономерностей употребления в соответствии с формировавшимися стилями языка.

Рассматривая историю литературного языка как процесс развития и совершенствования всей речевой культуры народа, процесс формирования сложной системы средств литературного выражения, мы должны отвести в ней подобающее место лучшим русским писателям. Их язык был образцом литературной речи, а также воплощением национальной литературной нормы. Если этот курс посвятить только развитию грамматических, фонетических и лексических средств литературного языка, определяя характерное для каждой эпохи, то в таком «анатомированном» виде он будет отождествлен с исторической грамматикой, а также с исторической лексикологией. Целостного же представления о действительной жизни и художественно-эстетической ценности литературного языка, о богатстве функций и сфер его использования в этом случае создать невозможно.

Основное, что отличает курс истории литературного языка, — это изучение не только самого состава нормированных средств

выражения, но и функционирования их в различных типах речи. Ограничившись анализом одного лишь состава грамматических и лексических средств, мы вернемся к неудачному опыту Е. Ф. Будде, так как его «Очерк истории современного литературного русского языка» (1908), по справедливому замечанию акад. В. В. Виноградова, представляет собой «недостаточно систематизированную коллекцию фонетических, морфологических, а отчасти и лексических фактов, свойственных русскому языку XVIII и начала XIX века» (см. «Русская наука о русском литературном языке», «Ученые записки МГУ», т. III, кн. I, 1946).

Таким образом, самой природой литературного языка предсказываются два основных аспекта изучения его развития: исторический и стилистический, которые не должны противопоставляться друг другу, а наоборот — органически сочетаться. Изучение всех средств литературного языка должно быть историческим, анализирующим развитие не только состава речевых средств, но и закономерностей их употребления в разных типах речи.

Литературный язык представляет собой систему стилей, соотношение и характер взаимодействия которых изменяются в разные эпохи в зависимости от развития языка в связи с развитием общества.

Под стилем следует понимать исторически сложившуюся разновидность литературного языка, которая отличается своеобразным строем речи, подбором и объединением речевых средств, а также традиционными нормами их употребления.

Развитие стилей литературного языка нельзя рассматривать в отрыве от развития жанров литературы, понимаемой в широком смысле (т. е. включая литературу научную, публицистическую, производственно-техническую и т. д.). Как самый состав речевых средств, так и нормы их употребления находятся в тесной связи с жанром произведения. Более того, жанровый принцип лежит в основе выделения и классификации самих стилей литературного языка. Так, в соответствии с реальным существованием публицистики как определенного жанра литературы выделяется публицистический стиль. То же самое следует сказать о стилях художественно-беллетристических, документально-деловых и т. п.

Чтобы проследить развитие каждого стиля и его отношение к другим стилям, установить, как на памяти истории один стиль уступал ведущее положение другому, необходимо охарактеризовать основные группы стилей современного русского литературного языка. В соответствии с жанрами письменности нашего времени в современном русском литературном языке выделяются следующие группы стилей:

1. Стили художественно-беллетристические, в составе которых выделяются две основные разновидности: стили поэзии и стили прозы.

2. Стили общественно-публицистические, в составе которых выделяются газетно-журнальные, стили литературно-критических

работ, стили различных социальных памфлетов, обличительных статей, очерков и т. д.

3. Стили научного изложения, состав которых и характер излюбленных в них речевых средств крайне разнообразны. В связи с мощным развитием науки и усиливающейся специализацией знаний существенно изменяются и стили научного изложения. Поэтому, например, стиль медицинских работ заметно отличается от стиля работ математических, а последний в свою очередь значительно отличается от стиля научно-философских работ. То же можно сказать о юридических работах, которые в смысле строя речи также весьма специфичны.

4. Стили профессионально-технические, которые характерны для производственно-технической литературы, обслуживающей нужды и потребности крайне разнообразных профессий, для областей техники, для военного дела и других сфер деятельности.

5. Стили официально-документальные в свою очередь подразделяются на ряд разновидностей, к числу которых относится стиль указов, официальных распоряжений или приказов, законодательных документов.

6. Эпистолярные стили, характерные для различной переписки, дневников, писем и т. д.

На разных этапах развития литературного языка меняется и ведущая роль его стилей. Если, например, в XVIII веке стили поэзии свое ведущее положение начинают уступать стилям прозы, то в середине XIX века на первое место выходят стили общественно-публицистические, оказавшие большое организующее влияние на развитие всех средств и норм литературного выражения.

Остается еще недостаточно выясненным следующий вопрос: что общего у стилей литературного языка и что их отличает друг от друга? Что можно считать специфическим для каждого стиля?

Обратимся вначале к общему. По-видимому, общим для всех стилей литературного языка является прежде всего грамматический строй языка и общеупотребительные слова. В силу этого стили имеют общую и единую основу, позволяющую рассматривать литературный язык как систему стилей, представляющую собой целостный синтез всех его речевых средств. Например, такие слова, как *белый*, *вода*, *сидеть*, *вчера* и другие, употребляются во всех стилях литературного языка. В отличие от специфической лексики, характерной для какого-либо стиля (например, химические, медицинские или математические термины, типичные для стилей научных работ), такие слова стилистически более универсальны, они составляют общестилевую основу языка.

Что отличает стили друг от друга? Прежде всего следует указать, что для стилей характерны особые специфические значения, которые создаются у общеупотребительных слов. Например, слово *дух* имеет основное и общепринятое значение («поднять дух армии» «дух — разумная сила, побуждающая к действию»). Но это слово, привлекаемое в стили публицистики, приобретает в них иное зна-

чение, типичное для общественно-политической литературы (например: «дух статьи», т. е. идейное направление). В научно-философских стилях слово *дух* употребляется для обозначения того, что противопоставляется обычно материи. В существовавших в прошлом церковно-богослужёбных стилях слово *дух* употреблялось в значении сверхъестественного божественного существа. В просторечии оно означает запах или дыхание («свежо, *дух* видно»).

Следует отметить также, что стили отличаются друг от друга специфической лексикой и фразеологией. Так, например, в публицистическом стиле употребительна такая терминология, как «восточный вопрос», «женский вопрос», «польский вопрос». Это типично публицистическая фразеология, ибо слово *вопрос* используется не в основном его значении, а в общественно-публицистическом. Кроме того, стили различаются в отношении состава и приемов использования терминологии.

Наконец, стили различаются средствами художественной изобразительности, особенностями словоупотребления, а также привлечением особых конструкций предложений и способов их связи между собой.

Стилистическое богатство и разнообразие литературного языка объясняется многогранностью его функций и сфер применения. Так, в зависимости от содержания и целей высказывания, а также самой ситуации экспрессивные качества речи бывают весьма различными. На основании этого акад. Л. В. Щерба выделил в устной разновидности литературного языка стили или, как он называет, «четыре соотносительных слоя слов — торжественный, нейтральный и фамильярный, к которым можно прибавить и четвертый — вулгарный. Их иллюстрировать можно, например, следующими рядами: *лик, лицо, рожа, морда; вкушать, есть, уплетать, лопать или жрать*»¹. Таким образом, многообразие стилей литературного языка определяется не только существованием многих жанров письменности, но и степенью смысловой и эмоциональной насыщенности речи.

Однако ведущим принципом различения стилей следует признавать жанровый. Так, в соответствии с этим принципом чешский языковед Ф. Травничек различает следующие основные стили современного чешского литературного языка: научный, газетно-публицистический, ораторский, официальный, разговорно-обиходный, художественный².

Взаимодействие стилей, выражающееся, например, в перемещении элементов поэтических стилей в прозу, — также одна из тех неизученных проблем, которые ожидают своего разрешения. Дело в том, что еще в XVIII веке стили поэзии, опередившие в своем развитии стили прозы, оказывали большое организующее влияние на

¹ Л. В. Щерба, Современный русский литературный язык, «Русский язык в школе», 1939, № 4, стр. 22.

² См.: F. Travníček, O jazykovém slohu, Praha, 1953.

средства и нормы прозаического языка. Державин, напутствуя Карамзина, писал: «Пой, Карамзин! — И в прозе глас слышан соловьиный!» Язык карамзинской прозы, действительно, был обильно насыщен элементами поэтической лексики и фразеологии.

Для стилей публицистики характерна общественно-публицистическая лексика, постоянно отражающаяся также в стилях прозы и поэзии, в которых она вступает у каждого писателя в довольно своеобразное взаимодействие с лексикой других пластов. Изучение этого взаимодействия дает интересные данные, позволяющие характеризовать не только особенности слога писателя, но и его мировоззренческие позиции. Известно, что стили публицистики неоднородны; в них отражаются общественные направления и идеологическая борьба. Например, стили революционно-демократической публицистики середины XIX века существенно отличались от стилей публицистики реакционной или смыкавшейся с ней буржуазно-либеральной. Это отличие находило отражение и в отборе самой лексики, особенно в тех по своему количеству немногих словах, в которых сказывалось классовое влияние, и в нормах словоупотребления.

Взаимодействие различных стилей языка обнаруживается и в том, что художественная литература способствует обычно процессу метафоризации научных терминов, благодаря которой последние употребляются в переносном значении и способствуют созданию образа. Например, философские термины *материя* и *дух* следующим образом употреблены Щедриным при описании внешности Горехвастова, имевшего огромный рост: «... голос густой и зычный; глаза, как водится, свинные...»; «вообще заметно, что здесь материя преобладает над духом» («Губернские очерки»).

Немаловажное значение имеет и характеристика того взаимодействия, в которое вступает научная терминология, употребляемая писателем, с лексикой других стилистических систем. Ср., например, у Щедрина сочетания терминологического слова с разговорно-бытовым или книжным: *эпидемия болтовни*, *эмбрион стыдливости*, *духовное малокровие*, *опыты фильтрации чепухи* и т.п. Примеры эти свидетельствуют также о том, что между стилями прозы и публицистики нет каменной стены, что творчество писателя отражает оригинальный взаимообмен речевыми средствами, который происходит между этими стилями, что самый литературный язык есть сложный синтез его стилей и закрепленных за ними слов и выражений.

Кратко остановимся теперь на вопросах, связанных с отражением в литературном языке классовых интересов. Различные стили литературного языка в той или иной степени испытывают на себе стремление классов использовать язык в своих целях, внести в него специфические слова и выражения. Но степень насыщенности ряда стилей, вбирающих специфические слова и выражения, далеко неодинакова. Если, например, стили документально-канцелярские вбирали в себя крайне ничтожное количество этих специфических речевых средств, если в стилях научного изложения (например,

математические, астрономические, химические исследования) примесь этих специфических слов и выражений тоже незначительна (хотя, конечно, для философа имеет первостепенное значение идейное содержание таких, например, слов, как *материя*, *идеализм* и т. д.), то в стилях общественно-публицистических они представлены и выражены значительно полнее и рельефнее. В свете учения В. И. Ленина о наличии при капитализме двух культур в рамках одной нации приобретает определенное значение, например, известное заявление Щедрина о том, что в публицистике наряду с «грабим языком» появился еще «язык холопский», представляющий собой «смесь наглости и клеветы». Поэтому есть все основания противопоставлять стили революционно-демократической публицистики XIX века стилям публицистики реакционной, буржуазно-дворянской, ибо в понимании и употреблении ряда слов и выражений (*свобода*, *конституция*, *деспотизм*, *анархия*, *содействие общества*, *оторваться от почвы*, *материалист* и др.), например, у Щедрина и Каткова, наблюдались коренные расхождения, обусловленные их мировоззрением. В стилях художественной прозы и поэзии, например, XIX века эти специфические речевые средства, отражающие мировоззрение различных классов, служили Добролюбову основанием для иронических замечаний по адресу так называемого «слога великосветских романов».

Н а р о д н о с т ь литературного языка — это тоже один из актуальных вопросов, требующих конкретной разработки в свете общенародного характера языка.

Воплощение в литературном языке и в языке художественных произведений всех лучших достижений речевой культуры народа, органическая связь языка писателя с языком общенародным — вот существо и основное содержание понятия народности языка.

В соответствии с этим резкому осуждению должны быть подвергнуты всякие попытки видеть народность языка художественного или публицистического произведения лишь в употреблении писателем грубых, полуграмотных, иногда явно нелитературных слов. Такая точка зрения не только искажает действительное положение вещей (почему, например, слова *любить*, *страдать*, *нежный*, *радость* и другие не должны рассматриваться как народные?), но и отражает старый, барски-пренебрежительный взгляд на народ («мужик — грубиян, безграмотен» и т. п.), с которым в свое время вели непримиримую борьбу еще Белинский, Щедрин, Чернышевский и другие революционные демократы.

Итак, одной из центральных задач истории литературного языка является изучение сложного и многогранного взаимодействия общенародного, «сырого»; по словам Горького, ненормированного языка с обработанным, культивированным и творчески обогащенным языком литературным. История литературного языка — это история непрерывной творческой обработки, обогащения и развития богатств общенародного языка.

Изучить историю литературного языка — значит проследить историческое развитие состава его лексики, фразеологии, морфологических и синтаксических средств, а также норм и приемов их употребления в различных типах речи.

ЛИТЕРАТУРА

В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., изд. 2, Учпедгиз, М., 1938; Основные этапы истории русского литературного языка, «Русский язык в школе», 1940, № 3, 4, 5; Русская наука о русском литературном языке, «Ученые записки МГУ», т. III, кн. I, 1946; О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII—XIX вв., «Известия Отд. литературы и языка АН СССР, 1946, № 3; Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы, «Вопросы языкознания», 1955, № 4; О понятии «стиля языка» (применительно к истории русского литературного языка), «Известия Отд. литературы и языка АН СССР», 1955, № 4; «Великий русский язык», Гослитиздат, 1945; Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР, изд. АН СССР, М., 1955; Вопросы образования русского национального литературного языка, «Вопросы языкознания», 1956, № 1; Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, изд. АН СССР, М., 1958, О языке художественной литературы, Гослитиздат, М., 1959. С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, изд. АН СССР, М., 1946, Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX в., т. I, Киев, 1941; Исторический комментарий к русскому литературному языку, изд. 3, Киев, 1950. А. А. Шахматов, Введение в курс истории русского литературного языка, СПб., 1912; Очерк древнейшего периода истории русского языка, изд. Академии наук (из серии «Энциклопедия славянской филологии»). Е. Ф. Будде, Очерк истории современного литературного русского языка, СПб., 1908. П. Я. Черных, Происхождение русского литературного языка, Учпедгиз, 1950; Очерки русской исторической лексикологии, изд. МГУ, 1956; Л. П. Якубинский, История древнерусского языка, Учпедгиз, 1953. С. Д. Никифоров, История русского литературного языка (программа и методические указания с кратким изложением курса для заочников педагогических институтов), М., 1947. Сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», изд. АН СССР, т. I, 1949; т. II, 1951; т. III, 1953; т. IV, 1957. Г. О. Винокур, Русский язык, М., 1945. В. Д. Леви́н, Краткий очерк истории русского литературного языка, Учпедгиз, 1948. А. Г. Широкowa, К вопросу о различии между чешским литературным языком и народно-разговорной речью. Сб. статей «Славянская филология», вып. 2, изд. МГУ, 1954. С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов, Хрестоматия по истории русского языка, Учпедгиз, ч. I, изд. 2, 1952; ч. II, вып. I, 1948; вып. 2, 1949. Сб. «Русские писатели о языке», под ред. А. М. Дюкова, Учпедгиз, Л., 1954. Сб. «Русские писатели о языке», под ред. Б. В. Томашевского и Ю. Д. Левина, «Советский писатель», Л., 1954. Р. И. Аванесов, Русское литературное произношение, Учпедгиз, изд. 2, 1954. И. В. Устинов, Очерки по истории русского языка, «Ученые записки МГПИ имени В. И. Ленина, т. XXXII, вып. 5, 1955. С т а т ь и, посвященные вопросам стилистики, в журн. «Вопросы языкознания», № 1—6 за 1954 г. и № 1 за 1955 г. Очерки истории русского литературного языка XIX в. Проспект (материалы к обсуждению), под ред. С. Г. Бархударова, изд. АН СССР, М., 1956. В. Б. Бродская, С. О. Цаленчук, История русского литературного языка, ч. I, изд. Львовского университета, 1957. Г. И. Шклярёвский, Введение в историю русского литературного языка, изд. Харьковского университета, 1959. Тезисы докладов по проблемам изучения истории русского литературного языка нового времени, изд. АН СССР, М., 1960. Тезисы докладов на совещании по проблемам образования русского национального языка в связи с образованием других славянских национальных языков, изд. АН СССР, М., 1960.

ГЛАВА 2

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

§ 6. Появление письменности на Руси и формирование литературного языка

Вопрос о происхождении русского литературного языка обычно рассматривается в теснейшей связи с появлением на Руси письменности¹. Сложившаяся в прошлом и долгое время господствовавшая традиционная точка зрения на происхождение древнерусского письма выражалась в следующем.

Письмо появилось на Руси в связи с принятием христианства, вслед за официальным крещением Руси в конце X века². Тогда впервые появились рукописные книги, написанные кириллицей на старославянском языке. С течением времени стали появляться книги, написанные по образцу церковнославянских, но уже своеобразным церковнорусским языком.

До самого последнего времени письменные памятники древней Руси датировались обычно с XI столетия. Например, надпись тмутороканского князя Глеба на беломраморном камне относится к 1068 году. Более ранней надписью является подпись (кирилловскими буквами) Анны Ярославны, дочери Ярослава Мудрого, вышедшей замуж за французского короля, на одной грамоте 1063 года (надпись состоит из двух слов: *ана рѣина*, т. е. «анна регина» — «Анна королева»).

Однако новейшие исследования и открытия советских археологов со всей убедительностью свидетельствуют о том, что письменность была широко распространена на Руси значительно раньше официального крещения, т. е. конца X века. Эти новые данные имеют большое значение для решения вопроса о происхождении и

¹ Подробнее см. об этом: П. Я. Черных, Происхождение русского литературного языка, Учпедгиз, М., 1950; е го ж е, Историческая грамматика русского языка, Учпедгиз, 1954.

² Ср., например, мнение С. А. Орлова: «Книжность в том виде, какой представляют дошедшие ее образцы, явилась на Руси в конце X — начале XI века как одно из положительных следствий правительственного введения на Руси христианства» (С. А. Орлов, Героические темы древнерусской литературы, «Известия Отд. литературы и языка АН СССР», т. IV, вып. 2, 1945, стр. 45).

функциях русского литературного языка в древнейшую эпоху его развития.

Ценные данные о культуре и письменности древней Руси дали раскопки, осуществленные археологами в 1949 году около села Гнездово, недалеко от Смоленска, где был разрыт курган № 13, датируемый первой четвертью X века. Среди других предметов в нем были найдены черепки корчаги — амфоры. На ее верхней части есть надпись кириллицей, которую Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров читают как *горихица*¹, а П. Я. Черных — *горушна*². Гнездовские раскопки позволяют считать бесспорным, что письменность, какие-то формы письма у восточных славян существовали не только в X столетии (договорные грамоты Руси с греками, сохранившиеся в «Повести временных лет», свидетельство арабских писателей), но даже в IX («Корсунские книги», о которых упоминается в «Житии» Константина Философа).

Новые ценные исследования в области древнерусской культуры, а также ремесел древней Руси акад. Б. А. Рыбакова обогатили наши представления о распространении письменности в обыденной жизни, среди гончаров и других ремесленных людей. Интересные сведения он дает, например, относительно надписи на глиняной корчаге из киевского клада XI века: «Надпись представляет значительный интерес не только потому, что относится к древнейшему периоду русской письменности; но еще и потому, что сделана рукой мастера-гончара на сырой глине до обжига сосуда»³.

Очень ценные данные о древнейшей русской письменности дали раскопки, проводимые в Новгороде под руководством проф. А. В. Арциховского⁴. Были найдены написанные не бересте грамоты XI—XII, а также XIII—XIV веков, по своему содержанию — это частные письма.

Раскопки в Новгороде дали множество берестяных грамот, употреблявшихся в бытовой переписке и запечатлевших разговорно-бытовую речь новгородцев X—XV вв.

В морфологическом отношении грамоты дают интересные показания: аорист в них отсутствует, преобладает причастие на -лѣ, которое имело окончание -лѣ, -ла, -ло, -ле. Встречается также типичное новгородское цоканье и замена ѣ на и, хотя в большинстве случаев ѣ употребляется без замены.

Приведем некоторые вновь обнаруженные письма, буквы которых нацарапаны на бересте. Грамота № 53 найдена в слое XIII—XIV веков, представляет собой целое письмо: «Поклон от Потра к Марье. Покосиле есмь пожню, и Озерици у мене сено отяли. Спиши списокъ

¹ См.: Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров, Древнейшая русская надпись, «Вестник АН СССР», 1950, № 4, стр. 76.

² П. Я. Черных, К вопросу о гнездовской надписи, «Известиях Отд. литературы и языка АН СССР», т. IX, вып. 5, 1950, стр. 401.

³ Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, изд. АН СССР, 1948, стр. 367.

⁴ См.: А. В. Арциховский, Археологические открытия в Новгороде, «Вестник АН СССР», 1951, № 12, стр. 60—70.

с купной грамоте, да пришли семо. Куды грамота поведе, дать ми разумно».

Как предполагает А. В. Арциховский, это переписка между мужем и женой, которые, видимо, оба умели писать. Марья была грамотна, иначе Петр не употребил бы выражения «спиши список». Просьбу о снятии копии можно было выразить иными словами. Это письмо свидетельствует о широком распространении грамотности среди новгородских женщин даже из среды рядового трудящегося населения.

Следует при этом подчеркнуть, что берестяные древнерусские грамоты, датируемые таким ранним периодом, до сих пор были совершенно неизвестны науке.

Среди берестяных грамот, обнаруженных археологами в 1951 году при раскопках «Холопьея улицы» в Новгороде, особый интерес вызывает наиболее ранняя из них по времени и в то же время лучше других сохранившаяся грамота № 9 (найденные грамоты обозначались номерами, всего их в 1951—1952 годах обнаружено 83). Вот что пишет о ней в своей первой печатной публикации руководивший раскопками А. В. Арциховский:

«Грамота № 9 найдена на глубине 4,56 м между 16 и 17 строительными ярусами, возле мостовой; по форме букв и по залеганию относится к XI веку. Эта древнейшая из грамот отличается наилучшей сохранностью и наибольшей четкостью. Текст гласит: «От Гостыи къ Васильви. Еже ми отць даяль и роди съдаали, а то за нимъ. А ныне, вода новую жену, а мнѣ не въдасть ничѣтоже. Избивъ руки пустилъ же мя. А иную поялъ. Доеди, добрѣ сътворя».

Содержание этого древнейшего частного письма можно понять следующим образом: «Гостыи жалуется на своего отца, женившегося на двух новых женах и отнявшего по этому случаю у него имущество. Отец здесь является носителем традиций большой семьи, патриархально распоряжаясь имуществом ее членов. Сын опирается на новые городские нормы, требуя отдельного владения. Он обращается к некоему Василию, надеясь, что тот придет, сотворив добро, то есть поможет. Здесь мы имеем возможность познакомиться с разговорной речью XI века»¹.

§ 7. Различные взгляды на происхождение русского литературного языка

Традиционные взгляды на происхождение русского литературного языка наиболее четко выражены в работах акад. А. А. Шахматова. Он утверждал, что «по своему происхождению русский литературный язык — это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык,

¹ А. В. Арциховский. Новые открытия в Новгороде, «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 77—87. Описание языка берестяных грамот см. у В. И. Борковского в статье «Новые находки берестяных грамот», «Вопросы языкознания», 1953, № 4.

в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличье». Литературный язык «был по происхождению своему церковным, постепенно обрусевшим, а не наоборот, русского живою речью, подвергшейся церковному влиянию». По мнению Шахматова, русский литературный язык «содержит в себе еще и теперь наполовину слова, формы, обороты древнеболгарской книжной речи»¹.

Ср. высказывания в работах проф. М. А. Максимовича в 30—40-х годах XIX века: церковный язык «принят на Руси вместе с христианством»; он и «составил собою основу всего письменного языка Руси»². Акад. В. М. Истрин писал в «Очерках истории древнерусской литературы», что с введением христианства внесена была на Русь почти вся болгарская литература. В связи с этим «в основание русского книжного литературного языка лег литературный болгарский язык»³.

Несколько иную точку зрения развивал акад. А. И. Соболевский. Считая церковнославянский язык литературным языком древней Руси, он допускал существование параллельно с ним делового русского языка. Он утверждал: «Старая Россия пользовалась двумя языками. Один из них был литературным, другой — живым, деловым»⁴. Взаимоотношение между этими языками он характеризует следующим образом. «Конечно, люди с слабым образованием часто писали свои литературные произведения на таком языке, где церковнославянские элементы были в меньшем количестве, чем русские, но все-таки они желали писать на церковнославянском языке и пускали в оборот весь свой запас сведений по этому вопросу. Таковы были, между прочим, наши летописцы и автор «Слова о полку Игореве»⁵.

Указывая, что язык древнерусской письменности не был вполне тождественным с языком старославянским, проф. А. М. Селищев, однако, придерживался того мнения, что русский литературный язык древней поры сформировался на основе старославянского. Он писал: «Было высказано и иное мнение о давней основе языка древнерусской письменности, — мнение, основанное на изучении языка «Русской правды», первоначальная письменная редакция которой относится к XI в., ко времени Ярослава I (он умер в 1054 году). Многочисленные элементы русского языка, отразившиеся в языке этого юриди-

¹ А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, изд. 4, М., 1941, стр. 60; Курс истории русского языка, ч. 1, изд. 2, СПб, 1910—1911, стр. 209; Очерк древнейшего периода истории русского языка, П., 1915, Введение, стр. XXXLX.

² М. А. Максимович, Собрание сочинений, т. III, 1888, стр. 69, 71.

³ В. М. Истрин, Очерк истории древнерусской литературы, П., 1922, стр. 65.

⁴ А. И. Соболевский, Ломоносов в истории русского языка, СПб, 1904, стр. 366.

⁵ А. И. Соболевский, Русский литературный язык, «Труды Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях», СПб, 1904, стр. 366.

ческого памятника, дали основание некоторым лингвистам для такого утверждения: ранее формирования древнерусского литературного языка на основе старославянского языка на Руси существовал более древний тип литературного языка, отличавшийся простотой своей структуры, представлявший собою целно элементы живой русской речи; это была речь, которой пользовались восточные славяне на севере, в Новгородской области; в этом языке не было заимствований южнославянских... Мы не можем принять таких утверждений»¹.

Следует указать, что точка зрения на русский литературный язык, как в основе своей привнесенный на русскую почву язык церковнославянский, подвергшийся с течением времени обрусению, разделялась далеко не всеми историками языка. Выступая против отождествления литературного языка древней Руси с церковнославянским, они настойчиво подчеркивали существенное различие между ними.

Еще Ломоносов, характеризуя язык летописей, указал на его отличие от старославянского: «Речи, в российских летописях находящиеся, разнятся от древнего моравского языка, на который переведено прежде священное писание. Ибо тогда российский диалект был другой, как видно из древних речений Нестора, каковы находят-ся в договорах первых российских князей с царями греческими. Тому же подобны законы Ярославовы, «Правда русская» называемые, также прочие исторические книги, в которых употребительные речи в библии и в других церковных книгах по большей части не находят-ся»².

А. Х. Востоков, давший впервые научное описание старославянского языка сравнительно с русским, находил большую «разность между древним русским языком, коего остатки находят в «Русской правде», в «Слове о полку Игореве» и проч., и между церковнославянским»³.

Чтобы доказать, что литературный язык древнейшей поры был создан на русской, а не на церковнославянской основе, необходимо было тщательно исследовать древнейшие памятники, особенно те из них, которые были написаны в начальный период существования русской письменности.

С критикой традиционной теории происхождения русского литературного языка выступил акад. С. П. Обнорский, исследовавший важнейшие оригинальные памятники древнерусской письменности. Он утверждал, что теория церковнославянской основы русского

¹ А. М. Селищев, Старославянский язык, ч. 1, Учпедгиз, 1951, стр. 83. Ср. его статью: «О языке «Русской правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка», «Вопросы языкознания», 1957, № 4.

² М. В. Ломоносов, Сочинения, т. IV, СПб, 1898, стр. 257.

³ А. Х. Востоков, Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составленной по древнейшим оного письменным памятникам, «Труды общества любителей российской словесности при Московском университете», ч. 17, М., 1820, стр. 8.

литературного языка несостоятельна, что факты опровергают ее и свидетельствуют о том, что русский язык развивался самобытным путем. В книге «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» он следующим образом указывает на ошибки И. И. Срезневского, который, высказавшись по этому вопросу, никак специально не аргументировал своего взгляда. Существо этой точки зрения заключается в том, что русский литературный язык в своем зарождении был не русским языком, а церковнославянским (древнеболгарским) языком, пришедшим к нам в связи с принятием христианства в богатой церковно-богослужебной и иной церковно-религиозной книжности, представлявшей собой перевод с греческого языка на болгарский язык. Считается, что этот пришлый, книжного типа язык сразу оказался у нас с правами и в роли нашего литературного языка. Для понимания этого явления Срезневский подчеркивает неоднократно ту мысль, что именно церковнославянский язык по сравнению с иными славянскими языками был особенно близок к русскому языку. «Всего было легче утверждение старославянского наречия в русской письменности,— читаем мы в «Мыслях об истории русского языка и других славянских наречий» Срезневского (стр. 76),— потому что русский язык к старославянскому наречию был гораздо ближе всех других наречий славянских и по составу и по строю». Это положение для нас в настоящее время, конечно, не может служить аргументом. Все славянские языки в старую пору, в IX—X вв., были относительно близки друг к другу, каждый вместе с тем характеризуясь совокупностью своих черт применительно ко всем сторонам языка. Вместе с тем именно старославянский язык, как книжный язык, сложившийся на базе переводов, язык, жанрово ограниченный, должен был представляться языком далеким в отношении к любому иному живому славянскому языку, в том числе и к языку русскому...

Этот общий взгляд на происхождение русского литературного языка стал на последующие десятки лет стереотипным взглядом. Он, между прочим, был повторен и крупнейшим современным представителем науки русского языка акад. А. А. Шахматовым. Должно, однако, заметить, что А. А. Шахматов специально проблемами истории русского литературного языка не интересовался, не занимался»¹.

§ 8. Народная основа литературного языка древней Руси

Подвергнув анализу древнейшие памятники русского литературного языка, преимущественно светского, а не церковно-религиозного содержания, акад. С. П. Обнорский обнаружил в них целостную систему языковых особенностей русского происхождения, составляющих основу литературного языка старшей поры. Им были ис-

¹ С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, изд. АН СССР, 1946, стр. 4—5.

следованы «Русская правда», своеобразный юридический памятник по сложению начала XI века (представлена в краткой ее редакции лишь в позднейших списках), «Поучение Владимира Мономаха», относящееся к началу XII века (сохранилось в составе Лаврентьевского списка летописи 1377 г.), «Слово о полку Игореве», происхождение которого относится к концу XII века (дошло до нас в одном лишь списке, погибшем во время московских пожаров в 1812 г.).

Общий вывод, к которому пришел акад. С. П. Обнорский, сформулирован им таким образом: во всех этих источниках представлен единый русский литературный язык старшего периода, «тот именно первичного сложения, русский в своей основе, наш литературный язык, который, соприкоснувшись в определенный исторический момент с книжным болгарским языком, стал постепенно впитывать его особенности, обогащаться особенно его лексикой, его фразеологией, пользуясь вместе с тем всеми этими новыми элементами дифференцированно, применительно к жанрам самих литературных произведений»¹.

Наиболее существенным итогом в его исследованиях является «положение о русской основе нашего литературного языка, а соответственно — о позднейшем столкновении с ним церковнославянского языка и вторичности процесса проникновения в него церковнославянских элементов»². «Анализ языка всех исследованных памятников показывает, что язык их один и тот же, это и есть общий русский литературный язык старшей поры. Показательная сила единого содержания языка всех этих памятников особенно значительна, если принять во внимание, что исследованные памятники охватывают относительно широкий отрезок во времени — около двух столетий (от начала XI по конец XII в.), принадлежат по своему происхождению разным пунктам русской территории — и северу, и югу, и средней Руси, и, наконец, являются литературными произведениями, разными по жанру»³.

Незначительная сама по себе доля церковнославянского воздействия, по свидетельству непосредственных памятников, колеблется, по его мнению, в зависимости от жанра памятников, а также от времени сложения рукописи. Памятники более ранние имеют меньше наслоений церковнославянизмов по сравнению с памятниками позднейшего сложения. В жанровом отношении выделяется «Русская правда» с полным отсутствием церковнославянизмов; собственно таково же «Слово о полку Игореве». Показательны неодинаковые свидетельства отдельных произведений Владимира Мономаха о церковнославянском воздействии на язык: оно заметно в «Поучении», совсем незначительно в письме Мономаха к Олегу и почти отсутствует в его автобиографии. «Все эти данные, покоящиеся на материале непосредственных памятников, должны

¹ С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, изд. АН СССР, 1946, стр. 79.

² Там же, стр. 6.

³ Там же.

служить достаточным основанием для признания ложности старого взгляда на происхождение русского литературного языка как языка в основе нерусского»¹.

Итак, как показывают исследования, важнейшими источниками, на основе которых формировался и развивался русский литературный язык древней поры, были: 1) устная речь восточных славян; 2) весьма богатые и разнообразные стили устной поэзии; 3) складывавшиеся на базе разговорной речи государственно-деловые стили; 4) элементы церковнославянского языка.

Своеобразие характера культуры восточного славянства подчеркивает крупнейший исследователь русского литературного языка акад. В. В. Виноградов: «Письменная культура восточного славянства при зарождении своем оказывается органически связанной с народной речью... Старославянский литературный язык лишь обогащает и удобряет глубоко возделанную почву самобытной восточнославянской культуры»². В соответствии с этим он указывает, что «нет достаточных исторических оснований отождествлять начало киевской письменности и культуры с переходом болгарской литературы на Русь... Надо думать, что официальному крещению русского народа предшествовал подготовительный период в истории русского просвещения и русской письменно-языковой культуры, так как в одно или два поколения писцов и книжников не могли сложиться такие русско-славянский или славяно-русский язык, стиль, правописание, какие мы видим, например, в «Остромировом евангелии», в «Служебных минеях 1095—97» или у первых наших писателей»³.

По поводу традиционной точки зрения на происхождение русского литературного языка акад. В. В. Виноградов говорит: «Ставить это широкое общественное применение письменной речи у восточных славян в непосредственную связь с влиянием старославянского языка и старославянской письменности совершенно невозможно. Таким образом, отпадает упорно защищавшееся историками древнерусского языка, древнерусской литературы и культуры современ акад. И. И. Срезневского (т. е. с середины XIX в.) вплоть до середины 30-х годов XX века и считавшееся незыблемым и общепринятым положение о том, что «древнерусская письменность не возникла постепенно из основ, заложенных в самой русской народности; а явилась вдруг, будучи занесена от родственного народа»⁴.

В самом процессе образования древнерусского письменного языка, указывает акад. В. В. Виноградов, «были заложены семена,

¹ С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, изд. АН СССР, 1946, стр. 7. Критический обзор этой концепции см. в рецензии В. Д. Левина, «Новые книги по истории русского и украинского языков», «Вопросы языкознания», 1959, № 3.

² В. В. Виноградов, Великий русский язык, М., 1945, стр. 29, 32.

³ В. В. Виноградов, Русский язык, Большая Советская Энциклопедия, т. 49, стр. 752.

⁴ В. В. Виноградов, Вступительная статья в книге Л. П. Якубинского «История древнерусского языка», Учпедгиз, М., 1953, стр. 6.

обеспечившие быстрый и пышный расцвет русской языковой культуры.

Письменная культура восточного славянства при зарождении своем была органически связана с народной речью. Восточнославянская письменность является отростком общеславянского корня. Древняя Русь не знала употребления чужого языка в качестве письменного, как это было в истории многих западноевропейских государств. Древнерусский литературный язык складывался под живым воздействием языка старославянского, общелитературного языка славянства IX века. Как показали новейшие исследования (особенно акад. В. М. Истрина, акад. С. П. Обнорского и др.), в образовании и развитии русского письменного языка древнейшего периода громадную роль играли живые формы устной восточнославянской речи, государственно-деловой и народно-поэтический стили...

О высоком совершенстве восточнославянской народной поэзии свидетельствуют такие мировые памятники словесно-художественного творчества древней Руси, как «Слово о полку Игореве». В языке «Русской правды» отчасти отражается дописьменная традиция деловой восточнославянской речи»¹.

Значение языка устной народной поэзии для формирования литературного языка древней Руси трудно переоценить. Будучи свободным от многих местных диалектных черт, он способствовал выработке единого общенародного языка, созданию высокохудожественных средств выражения, широко входивших в литературный язык. Показательно, что устную поэзию народа А. М. Горький считал «родоначальницей книжной литературы». Роль народной поэзии в создании литературного языка древней Руси весьма значительна.

Таким образом, древнерусский литературный язык в числе различных источников, питавших его стили, имел богатые речевые средства устно-поэтического творчества народа. Следует, конечно, иметь в виду, что «соотношение фольклора и письменной литературы было неодинаковым в разные исторические эпохи. Если многие произведения древнерусской литературы почти целиком строятся на фольклоре, то в позднейшие периоды наблюдается уменьшение влияния фольклора на художественную литературу (и в соответствии с этим расхождение языка фольклора с языком письменной литературы), хотя надо отметить, что это влияние никогда не прекращалось». «Язык фольклора тесно связан с литературным языком, потому что оба они имеют своей базой общенародный язык и оказывают друг на друга сильнейшее влияние»².

В древнейший период развития литературного языка как языка устно-поэтического творчества, судя по данным «Слова о полку Иго-

¹ В. В. Виноградов, Величие и мощь русского языка, изд. «Правда», 1944, стр. 7—8.

² И. А. Оссовецкий, Об изучении языка русского фольклора, «Вопросы языкознания», 1952, № 3, стр. 98—99.

реве», был сравнительно свободен от местных диалектных черт. Многие поэтические формулы, устойчивые эпитеты и ходячие метафоры, а также фразеологические единицы, характерные для языка этого памятника, трудно отнести к какому-либо древнерусскому диалекту. Устная народная поэзия и ее язык в значительной мере способствовали объединению народа, созданию основ единого языка русской народности.

Период формирования древнерусского литературного языка совпадает, таким образом, с образованием древнерусской народности — сложным историческим процессом, который в основных своих чертах завершается в XI веке. «Будучи исторической категорией, народность, как и нация, подвержена историческим изменениям. В истории русской народности явно ощущаются следующие моменты: несомненно, русская народность уже существует в X—XI вв., обладая такими признаками, как единый язык при наличии диалектов, единая территория, единая культура и наличие экономических связей, допускаемых феодальным характером хозяйства. Единая государственная территория в X—XI вв. упрочила внутреннее единство народности, которое не распалось и в эпоху феодальной раздробленности. Лишь после монгольского завоевания и последующего политического разобщения отдельных частей Руси единая русская народность выделяет из своего состава украинскую и белорусскую народности. Во избежание путаницы русскую народность до XIV в. лучше называть древнерусской, подразумевая под этим термином предков русских, украинцев и белорусов, живших тогда единой исторической жизнью»¹.

Итак, новые данные о древнерусской письменности подтверждают, что письмо было распространено на Руси задолго до крещения. Существование письменности являлось условием, благоприятствующим возникновению литературного языка. Если к тому же учитывать, что задолго до возникновения литературного языка древняя Русь имела весьма развитые стили народно-поэтического творчества, то почва для книжной обработки как разговорной речи, так и устно-поэтических стилей была вполне подготовленной².

Большую роль в формировании и шлифовке древнерусского литературного языка играл язык Киева, этого экономического, политического и культурного центра страны. В Киеве складывалось своеобразное койнэ, т. е. единый общий язык, в котором стирались и нивелировались диалектные особенности словарного состава, грамматического строя и норм произношения. Как указывает проф. П. Я. Черных, именно на базе этого языка и сложился литературный русский язык старшей поры в течение IX—X вв., еще в период, предшествовавший офи-

¹ Б. А. Рыбаков, Древние русы, «Советская археология», вып. XVII, М., 1953, стр. 104.

² См.: Д. С. Лихачев, Предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы, «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 36.

циальному крещению Руси. Благодаря его сравнительно «нейтральному» характеру он получил широкое распространение в Киевском государстве, так как стал употребляться в качестве литературного языка и на территории других восточнославянских племен: словен, кривичей, северян и др., и в Новгороде, и в Смоленске, и в Ростове, и в Чернигове, и в Тмутарокани, и в других древнерусских городах.

Ввиду того что в эту эпоху еще не существовало и не могло существовать тех многообразных средств нормализации литературного языка и тех факторов его развития, которые управляют жизнью литературного языка в новое время, — правильно функционирующей и широко раскинутой сети школьного образования, академий, научных и литературных обществ, при наличии грамматических пособий и т. д. — литературный язык древней Руси, возникший на восточнославянской народной основе, не мог отличаться особенной устойчивостью своей системы. Местные диалектные черты языка, например, на севере, в Новгородской области, неразличение *ч* и *ц*, оборот типа «взяти гривна» и др., иногда не могли не получать своего отражения в письменности»¹.

§ 9. Прогрессивная роль старославянского языка в развитии языка древней Руси

Речевая культура древней Руси значительно обогатилась за счет старославянского языка, распространение которого на русской почве сразу же весьма плодотворно сказалось на объеме, содержании и характере всей письменности. Складывавшиеся на Руси разновидности восточнославянского литературного языка были заметно пополнены и обогащены речевыми средствами церковнославянской письменности. Это создало в итоге стилистическое разнообразие древнерусского литературного языка и существенно обогатило его лексику, фразеологию, синтаксические конструкции и словообразовательные возможности.

Называя старославянский язык международным языком славянской письменности и славянской цивилизации, акад. В. В. Виноградов отмечает, что приобщение восточного славянства к этой культуре не только поднимало древнюю Русь на новую, высшую ступень политической жизни, но и углубляло культурные связи восточных славян с другими славянскими государствами, обеспечило русскому литературному языку прочный, народный фундамент. Оно неизмеримо увеличило богатство его выразительных средств. «Эта непосредственная преемственность культурного общеславянского наследия, эта тесная связь древнерусского литературного языка с языком старославянским, который никогда не был чужд русскому народу, ставили историческое развитие русского литера-

¹ П. Я. Черных, Происхождение русского литературного языка и письма, Учпедгиз, 1950, стр. 25.

турного языка в иные, более выгодные условия сравнительно с западноевропейскими языками. Как известно, литературным языком, языком науки, религиозного культа, государственного делопроизводства и внешних политических сношений в странах средневековой Европы был язык латинский, совершенно чуждый, например, германским народностям»¹.

Слияние и сложные виды взаимодействия в древнерусском литературном языке двух речевых стихий — исконно русской и старославянской, во многих своих чертах родственной и близкой восточным славянам, — не привело в итоге к образованию двух особых языков древней Руси. Синтез двух этих речевых потоков привел к образованию единого литературного языка с весьма разветвленной системой стилей. Так, в стилях светской письменности явно преобладали элементы восточнославянской разговорной или деловой речи и поэтического творчества; в церковно-литературных жанрах письменности безусловный перевес имели церковнославянизмы.

Взаимодействие этих стилей и общие условия их развития сказывались в том, что один и тот же автор, в зависимости от содержания памятника, активизировал в одних случаях элементы старославянского языка, в других — древнерусского. Например, характеризуя язык сочинений Владимира Мономаха, акад. С. П. Обнорский указывает во второй главе своих «Очерков», что, с одной стороны, этот язык «обнаруживает на себе следы болгарского воздействия», а с другой — «язык Мономаха... сливается с тем литературным языком, который от начала XI в. засвидетельствован нам «Русской правдой» и который несколько позднее будет представлен классическим памятником — «Словом о полку Игореве». Следовательно, язык Мономаха — это «первичного сложения, русский в своей основе, наш литературный язык, который, соприкоснувшись в определенный исторический момент с книжным болгарским языком, стал постепенно впитывать его особенности, обогащаться особенно его лексикой, его фразеологией, пользуясь вместе с тем всеми этими новыми элементами дифференцированно, применительно к жанрам самих литературных произведений».

На сложное, менявшееся и в ряде случаев явно непропорциональное соотношение в древнерусских памятниках элементов старославянского и древнерусского языков указывает и проф. А. М. Селищев. При этом он подчеркивает, что в оригинальных произведениях русских книжных людей старославянский язык уступал первенство русской речи: «Язык древнерусской письменности не был вполне тождественным с языком старославянским: элементы русского языка проникали в той или иной мере в язык рукописей, выполнявшихся русскими писцами. Элементы русского языка не в одинаковой степени отражались в древнерусских произведениях: их проникновение в язык рукописей зависело от степени грамот-

¹ В. В. Виноградов, Величие и мощь русского языка, изд. «Правда», 1944, стр. 8.

ности и начитанности писца, а также от того, была ли рукопись копией со старославянского оригинала, или она представляла собою оригинальное произведение русского книжного человека: в списках со старославянских оригиналов элементы древнерусского языка отражались слабее, чем в оригинальных произведениях. Степень проникновения черт русского языка зависела и от содержания произведения, было ли оно оригинальным, или представляло список со старославянской рукописи: в церковно-богослужебных текстах, в торжественных словах-проповедях элементы книжного, старославянского языка соблюдались строго русскими книжными людьми; в произведениях же, ближе стоявших к общественно-бытовой жизни, в летописях и в особенности в деловых документах более значительны были элементы бытовой русской речи¹.

Вопрос о характере взаимодействия этих двух языковых стихий в едином древнерусском литературном языке, как и соотношение их элементов в различных жанрах письменности будет рассмотрен более подробно в следующей главе.

Во взглядах на соотношение и характер взаимодействия в древнерусском языке церковнославянских и собственно русских речевых средств единства еще нет. Кроме развиваемой нами точки зрения относительно двух стилевых разновидностей литературного языка древней Руси, существуют другие взгляды.

В опубликованных за последнее время работах акад. В. В. Виноградов следующим образом характеризует образование русского литературного языка, в котором еще в древний период выделялись три основных типа. Существование и характер этих разновидностей литературного языка определялись сложностью и неоднородностью взаимодействия церковнославянских и русских речевых средств. Так, на основе древней, уходящей глубоко в дописьменную эпоху традиции развивался письменный язык делового типа (договоры с греками, Мстиславова грамота и др.).

Крещение Руси содействовало более широкому развитию письменности, главным образом церковно-религиозной, основанной на старославянском языке. Это второй тип литературного языка древней Руси.

Наряду с этим в древней Руси развивался третий тип письменно-литературного языка. Он употреблялся в жанрах художественной литературы («Слово о полку Игореве», летописные повествования, «Слово Даниила Заточника» и др.). Восходя к традициям народно-поэтической речи, он имел общенародную основу.

Таким образом, древнерусская народность обладала тремя типами письменного языка, один из которых — восточнославянский в своей основе — обслуживал деловую переписку, другой — собственно литературный церковнославянский, т. е. руссифицированный старославянский, — потребности культа и церковно-религиоз-

¹ А. М. Сел и щ е в, Старославянский язык, ч. I, Учпедгиз, 1951, стр. 82—83.

ной литературы. Третий тип, по-видимому, широко совмещавший элементы главным образом живой восточнославянской народно-поэтической речи и славянизмы, особенно при соответствующей стилистической мотивировке, применялся в таких видах литературного творчества, где доминировали элементы художественные»¹.

С течением времени эти типы языка древней Руси преобразуются (в XVI—XVII веках) в три стиля русского литературного языка, подробно описанные Ломоносовым.

Сфера применения церковнославянизмов быстро расширялась. Не говоря уже об использовании их в художественной прозе, они со временем широко употреблялись в публицистике, научной речи, деловой переписке и т. п. Исследования последних лет дают представление о проникновении их в язык фольклора, ибо, например, неполногласные сочетания (Киев *град*, Добрыня *млад* и т. п.) были весьма распространены в устном народном творчестве². Интерес и сложность проблемы церковнославянизмов в русском языке можно проиллюстрировать наблюдениями болгарского лингвиста Н. Дылевского³, исследования которого показали, что известная часть старославянских слов (древнеболгаризмов) утвердилась в болгарском литературном языке XVIII века благодаря влиянию русского литературного языка. Такие, например, староболгаризмы, как *брань*, *благодарие*, *хранилище*, *благонадежен*, *зиждатель*, *иждивение*, *завещание*, *жезл*, *чертог* и другие, принадлежавшие в древности к кирилло-мефодиевскому словарному фонду, позднее в силу ряда причин были утрачены общеполгарским языком в течение столетий. Они возвратились в него позже через посредство церковнославянского (с XVI века) и русского (с XVIII века) языков. Такой опосредствованный путь проникновения определил их место в составе лексики болгарского литературного языка. Все это свидетельствует о сложности и своеобразии исторического взаимодействия славянских литературных языков.

ЛИТЕРАТУРА

С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, изд. АН СССР, 1946. В. В. Виноградов, Русский язык, Большая Советская Энциклопедия, т. 49; Основные проблемы изучения образо-

¹ В. В. Виноградов, Вопросы образования русского национального литературного языка, «Вопросы языкознания», 1956, № 1, стр. 10. Ср. «Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР», изд. АН СССР, М., 1955.

² См.: Н. Н. Алексеев, Неполногласная лексика в былинах. Автореферат, изд. МГУ, 1951.

³ Н. Дылевский, О некоторых особенностях словарного состава современного болгарского языка (сравнительно с русским), «Сборник в чест на академик Александр Теодоров-Балан», Българска Академия на науките, София, 1955, стр. 229 и сл.

вания и развития древнерусского литературного языка, изд. АН СССР, М., 1958. П. Я. Черных, Происхождение русского литературного языка, Учпедгиз, 1950. Л. А. Якубинский, История древнерусского языка, Учпедгиз, 1953. Д. С. Лихачев, Предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы, «Вопросы истории», 1951, № 12, Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, изд. АН СССР, 1948; Древние русы, «Советская археология», вып. XVII, М., 1953. А. В. Арциховский, Археологические открытия в Новгороде, «Вестник АН СССР», 1951, № 12; Раскопки 1952 года в Новгороде, «Вопросы истории», 1953, № 1. «Новгородские грамоты на бересте» (из раскопок 1952 г.), изд. АН СССР, 1954. В. И. Боровский, Драгоценные памятники древнерусской письменности, «Вопросы языкознания», 1952, № 3. Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот, под ред. В. И. Боровского, изд. АН СССР, М., 1955. А. М. Селищев, О языке «Русской правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка, «Вопросы языкознания», 1957, № 4. Вопросы советской науки. Проблема образования и развития литературных языков, под руководством акад. В. В. Виноградова, изд. АН СССР, 1957.

ГЛАВА 3

СВЕТСКИЕ И ЦЕРКОВНО-КНИЖНЫЕ СТИЛИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ (ЭПОХА КИЕВСКОЙ РУСИ)

§ 10. Две группы стилей древнерусского литературного языка

Дошедшие до нас письменные памятники X—XIII веков дают хорошее представление о богатстве и многогранности русского литературного языка древнейшей поры. Поразительное разнообразие жанров письменности («Русская правда», летописи, договорные, купчие и жалованные грамоты, евангелия, псалтыри, литературно-художественный памятник «Слово о полку Игореве», жития, проповеди, поучения, частные письма, надписи на камнях, посуде, бересте) свидетельствует о высокоразвитой системе древнерусского литературного языка, успешно обслуживавшего все области жизни и деятельности народа.

Вместе с развитием жанров письменности шло формирование и совершенствование стилей литературного языка. Судя по своеобразию языка, которым были написаны светские и церковно-богослужебные памятники, в литературном языке древней Руси выделялись две группы стилей: светские и церковно-богослужебные.

В составе светских стилей наиболее отчетливо выделялись в отношении специфики речевых средств и особенностей словоупотребления:

Документально-юридический стиль, с наибольшей полнотой представленный в таком весьма характерном и выделяющемся из всей письменности памятнике, как «Русская правда», а также в многочисленных договорах, жалованных и других грамотах.

Стиль литературно-художественного повествования, запечатленный «Словом о полку Игореве», — этим замечательным памятником образного слова, свидетельствующим о высокоразвитой устной и книжной речевой культуре древней Руси.

Летописно-хроникальный стиль, сложившийся еще на заре развития древнерусского литературного языка и претерпевший на памяти истории интересные изменения в связи с развитием летописания.

Эпистолярные стили, о своеобразии которых дают уже некоторое представление частные письма, писавшиеся, как подтверждают новые открытия археологов, не только на пергаменте, но и на бересте.

Эти светские стили формировались и развивались в тесном единстве и взаимодействии со стилями церковно-богослужебными, в составе которых древнерусский литературный язык имел:

Литургические стили, типичные для ряда богослужебных книг (евангелия, псалтыри и т. п.).

Житийный стиль, представлявший собой оригинальное сочетание речевых средств церковно-книжного и разговорно-бытового происхождения.

Проповеднический стиль, нашедший отражение в творениях К. Туровского, Иллариона и других авторов.

Кроме этих наиболее отчетливо выделявшихся стилей, в древнерусской письменности были такие произведения, которые как в жанровом, так и в языково-стилистическом отношении были весьма сложными и многогранными (например, поучения Владимира Мономаха). Эта сложность и многогранность их стиля является наглядным показателем того, что древнерусский литературный язык представлял собой единую и целостную систему речевых средств, весьма богатую и разнообразную как по своему происхождению, так и по сферам и нормам словоупотребления.

К числу соотносительных фонетических и грамматических средств, позволяющих разграничивать эти две группы стилей и имеющих, таким образом, стилеобразующее значение, в древнерусском языке относятся следующие:

Языковые приметы, характерные для стилей светской письменности.

1. Преобладающие в светских стилях полногласные сочетания: *городѣ, золото, верема, полонѣ*.

2. Образования со звуком ж на месте *dj (*вожь, жажка*).

3. Слова с древнерусским ч на месте *tj и *(tgt) перед передними гласными (*помочь, хочу, ночь*).

4. Суффиксы причастий -уч-, -юч- (*пѣдучи, идучи*).

Соотносительные с ними средства типичные для стилей церковно-книжных.

1. Неполногласные: *градѣ, злато, врьмя, плньг*.

2. Слова с сочетанием жд: *вождѣ, жажда*.

3. Соотносительные с ними образования с аффрикатой щ (*помощь, хочу, ночь*).

4. Причастные суффиксы книжного характера -ущ-, -ющ- (*пѣдущи, идущи*).

5. Сочетания *ро, ло* в начале слова (*ростъ, лодья*).

6. Начальное *о* (*одинъ, олень*).

7. Флексии род. падежа ед. числа прилагательных женского *оу, еу* (переходящее в *е*): *темноу нощи*.

8. Русские образования от имен существительных мужского рода в род. падеже ед. числа на *-у: солоду*; в местном падеже на *-у миру*, встречающиеся в «Русской правде».

9. Русский тип в образовании отдельных падежных форм прилагательных, встречающихся в этом же памятнике (предл. падеж ед. числа: *сельскомъ, подъездномъ*, род. падеж. ед. числа: *третьего*).

10. Глаголы прошедшего времени в форме перфекта, преобладающие в грамотах и во вновь открытых в Новгороде письмах на бересте (забыль, даль).

11. Старейшие русского происхождения союзы, употребляемые, например, в «Русской правде»: *аже, оже, аче* и др.

5. Начальные *ра, ла* (*возрастъ, ладья*).

6. Начальное *е* (*единъ, елень*).

7. Соответствующие им флексии *ыя, ия* (*темныя нощи*) (*изыи, ии*).

8. Соответствующие им окончания в церковнославянских памятниках на *а* (*мира*).

9. Книжная флексия *-аго*, в род. падеже ед. числа: *ветхаго*.

10. Соотносительные с ними более книжные формы аориста и имперфекта, отсутствующие в некоторых древнейших русских памятниках: *несохъ, несахъ*.

11. Союзы церковнославянского происхождения: *аще, егда* и т. п.

По мере развития грамматического строя усиливалась и усложнялась дифференциация языковых средств в соответствии с основными стилевыми разновидностями литературного языка (о чем подробнее в главе о языке эпохи Московского государства).

§ 11. Письменно-деловой язык

Запечатленный в оригинальном и наиболее древнем из светских памятников документе «Русская правда», этот язык представлял собой литературно обработанную разговорную речь восточных славян, пополненную рядом юридических терминов, формул и выражений. Написанный в Новгороде при Ярославе Владимировиче (XI век), этот памятник характеризуется чистым русским языком. В его лексике, фразеологии, а также морфологии и синтаксисе почти полностью отсутствуют старославянские элементы. Близость документально-юридического стиля к разговорной речи подтверж-

дается употреблением многих слов, причем показательно использование только полногласных форм при почти полном отсутствии неполногласных: *воротити*, *городъ*, *горохъ*, *дерево*, *жеребя*, *золото*, *корова*, *молоко*, *порось*, *холопъ*, *хоромъ*, *Володимиръ* и др.

Русский облик языка «Русской правды» обнаруживается также в употреблении приставки *роз-*, соответствующей старославянской *раз-* (*раздѣлити*, *растеряти*, *развязати*), начального *о* вместо старославянского *е* (*одиная*), начальных *ро*, *ло*, соответствующих старославянскому *ра*, *ла* (*лодьа*), а также слов с *ж* вместо старославянских с сочетанием *жд* (*межа*, *ноужа*).

Представление о характере лексического состава и общем строе языка этого древнейшего памятника может дать следующий отрывок:

«Оже кто всьядеть на чюжь конь не прашавъ, то 3 гривны. Аче кто конь погубить, или оружие, или портъ, а заповѣсть на тѣргу, и послѣдъ познаеть въ своемъ городѣ, свое ему лицемъ взяти, а за обиду платити ему 3 гривны. Аже кто познаеть свое, что будетъ погубилъ или украдено у него что или конь, или портъ, или скотина, то не рѣци се мое, нѣ поиди на сводъ, где еси възьялъ».

К числу юридических терминов, употребляющихся в «Русской правде», относятся *потокъ*, т. е. «заточение, ссылка», *головьникъ* — «убийца», *головьничьство* — «убийство», *задъница* — «наследство», *добытъкъ* — «имущество», *послухъ* — «свидетель», *проторъ* — «судебные издержки», *вира* — «штраф за убийство свободного человека».

К сфере общественно-политической жизни относятся в этом памятнике слова: *бояринъ*, *князь*, *гость* (иноземный купец), *гридь*, (княжеский дружинник), *мужь* (приближенный князя), *огнищанинъ* (управитель вотчины), *отрокъ* (судебное должностное лицо), *мытникъ* (сборщик пошлин), *ябедникъ* (судебное должностное лицо), *смердъ* (крестьянин), *холопъ* (раб), *челядинъ* (слуга) и др.

В «Русской правде» богато представлена сельскохозяйственная лексика древней Руси: *жито* (рожь), *возъ*, *копына*, *борона*, *гумьно*, *клѣть*, *быкъ*, *баранъ*, *вепрь* (дикий кабан), *волъ*, *кобыла*, *коза*, *корова*, *лоньщина* (годовалое животное), *третьякъ* (трехлетнее животное), *овьца*, *порось*, *руно* (шерсть), *свинья*, *теля*, *кура*, *утка*, *горохъ*, *масло*, *медъ*, *молоко*, *овесъ*, *пшено*, *сѣно*, *соль*, *сыръ*, *хлѣбъ* и др.¹

Обращает также на себя внимание типично русский облик в выражении синтаксических отношений, в частности в использовании для обозначения связи между предложениями и их частями союзов, исключительно русских по происхождению. Книжные древнеболгарские языковые факты если здесь и наблюдаются, то в очень ограниченном виде и являются наслоением, позднейшим напластованием в тексте памятника; в первичном его оригинале они полностью отсутствовали.

¹ См.: В. Н. Туркин, Терминологическая лексика «Русской правды», Автореферат, изд. МГУ, 1953.

Условные конструкции в половине случаев своего употребления выражаются, с одной стороны, бессоюзным путем (*убьеть можьхъ моужа, то мьститъ брату брата...*), с другой стороны, использованием сочинительного *а* (*а иже*) и подчинительных союзов *ажь, оже* (*оже ли, а же, а оже ли*), исконно русских по своему происхождению, в половине же случаев — при помощи старославянского союза *аще* (*аще ли, аще же*).

Повторение однотипных конструкций, типичные для юридических документов причинно-следственные связи, характерный порядок слов и частей предложения — все это составляет своеобразие официально-юридического стиля древнерусского литературного языка. Наконец, это своеобразие создается теми специфическими значениями, которые появляются у общеизвестных слов благодаря употреблению их в качестве терминов. Например, слово *правда*, имевшее в древнерусском языке больше 20 значений (истина, справедливость, присяга, заповедь, договор, право, суд и т. п.¹), в этом документе употребляется в значении «свод правил», «законы» — «Правда Русьская».

Область применения письменно-делового стиля древнерусского литературного языка охватывает огромное количество грамот: договорных, купчих, жалованных и других. Характерными чертами письменно-делового стиля являются: стандартные формулы, которыми начинаются, а также заканчиваются грамоты, своеобразная пунктуальность и точность изложения, специфический словарь, соответствующий содержанию грамот и раскрывающий характер имущественных и правовых отношений между людьми, наличие сложных предложений, выражающих причинно-следственные связи.

В отношении языка и структурно-стилистического своеобразия весьма показательна, например, одна из наиболее древних (датируется 1130 г.) грамот, именно грамота великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удельного князя новгородского, жалованная Новгородскому Юрьеву монастырю:

«Се азъ Мьстиславъ Володимиръ сынъ, държа Русьску землю въ свое княжение, повелѣл есмь сыну своему Всеволоду отдати Буицѣ святому Георгиеви съ данию и съ вирами и съ продажами и вено Вотьское. Даже который князь по моему княжению почьнетъ хотѣти стати у святого Георгия, а богъ буди за тѣмъ и святая богородица, и тѣ святѣи Георгии у него то отимаѣть. И ты, игумене Исаие, и вы, братиѣ, донелѣ же ся миръ състоитъ, молитѣ бога за мя и за мою дѣти...»

В этой грамоте представлены наиболее типичные элементы лексики, фразеологии и синтаксических конструкций, характерных для письменно-делового стиля.

¹ См.: И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2, 1902, стр. 1355—1360.

Во-первых, обращают на себя внимание стереотипные начала грамот («Се азъ... А язъ даль рукою своею, повелѣль есмь»), которые удерживаются в грамотах до XVI—XVII веков.

Во-вторых, в составе типично русской лексики (*вотчина, гривна, дань* и т. п.) употребляются многие специальные термины, отражающие государственное устройство и юридические отношения в древней Руси: *русьска земля* — «Киевская Русь», *осеньнее полюдие даровное* — «дань, собиравшаяся князем во время объезда», *вено* — «плата, выкуп за невесту», *продажа* — «денежная пеня за преступление», *Вотьская* — название одной из новгородских пятин и др.

В-третьих, преобладающее положение среди форм прошедшего времени глагола занимает перфект (*повелѣль есмь, далъ*), тогда как в церковно-богослужебных текстах того времени обычно употреблялись формы аориста и имперфекта, которые в грамотах не встречаются.

Наконец, обращает на себя внимание употребление в тексте грамоты элементов церковнославянского происхождения: *святая богородица, братиѣ* (т. е. монахи), *днь пришьствия* и др.

Л. П. Якубинский подчеркивает отсутствие в этой грамоте неполногласных церковнославянских форм и наличие полногласных (*володимирь, всеволодъ* и др.), а также указывает на форму *осеньнее* (церковнославянское *всенъ*). «Личное местоимение 1-го лица единственного числа употребляется в самом тексте грамоты в древнерусской форме: *язъ, я*. В грамоте находим типичные древнерусские флексии: *ѣ* (вин. падеж мн. числа) при ст.-сл. церк.-сл. *а(я)* в названии села *Боуицѣ, братиѣ* (им. мн. в значении звательной формы); *за мѡѣ дѣти* (вин. мн.). Характерно отсутствие употребления церк.-сл. союза *аще* — «если»: в двух условных оборотах, встречающихся в грамоте, находим древнерусский союз *даже* — «если». Из живого разговорного языка идет в грамоте обозначение числительного 25: *полѣтретиядесяте*. Древнерусскому (но не церковнославянскому!) языку свойственно употребление слова *коли* в значении союза «когда» или «если»: *на обѣдѣ коли игумень обѣдаетъ*¹.

Укажем, наконец, еще на одну деталь, характерную для светских стилей, в которых отражались особенности живой разговорной речи: в этой грамоте тоже всюду употребляется перфект.

Перфект был весьма распространен в разговорном языке древнейшей поры, о чем можно судить на основании имеющихся у нас (правда, довольно немногочисленных) данных, характеризующих живую речь того времени. К этим данным относятся многочисленные приемы передачи в летописях чужой речи. Мы отдаем себе отчет в том, что эта речь обработана писцом, является в известной степени препарацией книжника. Однако показания этих приемов общи, повторяются в массе случаев, и обработка летописи коснулась лишь некоторых из них. Летописец, прекрасно владеющий всей системой форм прошед-

¹ Л. П. Якубинский, История древнерусского языка, Учпедгиз, 1953, стр. 285.

шего времени, передает предикат чужой речи преимущественно перфектом¹.

Эти данные летописей целиком совпадают с приемами передачи предиката в древнерусских грамотах, берестяных письмах², купчих, договорах, где разговорная речь выражалась, в силу специфической тематики и обстоятельств их написания, наиболее полно и точно.

§ 12. Язык „Слова о полку Игореве“

Каждый стиль языка отличается не только собственно языковыми приметами, к которым прежде всего относятся грамматические и лексические средства, но и структурно-стилистическими. Дело в том, что своеобразие стиля как разновидности языка, отличающегося в отношении состава речевых средств, а главное — характером их объединения, нормами их употребления, зависит от самого строя речи, от приемов словоупотребления, а также от излюбленных средств словесно-художественной изобразительности.

Следовательно, часто употребляемые начала и концовки, штамповавшиеся обороты речи, система перифрастических средств, образных определений, переносно-фигуральное употребление лексики и фразеологии, своеобразная структура фраз, преобладание речевых средств определенного стилистического профиля, характерный подбор средств словесно-художественной изобразительности — все это относится к факторам, без учета которых нельзя всесторонне раскрыть специфику каждого стиля и определить его отличие от других структурно-стилистических разновидностей языка.

Отличительными признаками стиля литературно-художественного повествования были наряду с его грамматическими приметами лексико-семантические и структурно-стилистические, а именно: образно-метафорическая насыщенность выражений, переносно-фигуральные значения слов, богато развитая система средств художественной изобразительности (яркие сравнения, образные эпитеты и т. п.). С наибольшей полнотой он представлен в бессмертном творении древней русской литературы — «Слове о полку Игореве».

Стилистическое своеобразие «Слова» создается оригинальным слиянием устной и книжной стихии, отразившимся на составе речевых средств и приемах их употребления. Богатые традиции устного поэтического творчества нашли не только отражение в словесной ткани повести, но и соответствующую оценку, которую в ряде мест дает автор, рассуждающий в начале «Слова» о том, в каком стиле ему вести повествование.

Прежние поэтические традиции рассматриваются в «Слове» как «старые словеса», как «замышления Бояна», песнетворца Святосла-

¹ См. мою статью: «К истории форм прошедшего времени русского глагола», «Ученые записки Пермского пединститута», вып. 2, 1937, стр. 119 и далее.

² В 83 новгородских берестяных грамотах предикат всюду выражен перфектом (аорист встречается лишь один раз).

ва. Бояна автор называет «вещим», т. е. знающим все, и красно-речивым «соловьем» старого времени, т. е. певцом древних событий. Он помнил убоицы первых времен и воспевал старого Ярослава.

Акад. С. П. Обнорский дает такую общую характеристику словесной ткани памятника: «В основной ткани языка «Слова», русск о й по своему облику, могут быть отмечены многие явления из области морфологии (преобладающая сохранность категории двойственного числа, правильное употребление в склонении звательной формы, выдержанный русский тип склоняемых и спрягаемых форм, изумляющая по своей цельности картина соотносительного употребления кратких и полных форм прилагательных применительно к старейшему строю языка и др.), из синтаксиса (абсолютно преобладающий сочинительный способ связи предложений над подчинительным, исключительное использование в конструкциях подчинительного типа союзов, русских по происхождению, употребление личных форм глагола без местоимений 1-го и 2-го л. и др.), из лексики (общий тип русской лексики, с богатым использованием в ней русских по происхождению словообразовательных элементов)»¹.

Обращает также на себя внимание соотношение в этом памятнике полногласных и неполногласных форм. Несмотря на исправления, внесенные в текст позднейшими переписчиками, в памятнике хорошо отразилась типичная для русского языка полногласная лексика. Кроме слов *Всеволодь, городеньскій*, при которых неполногласные варианты не были возможны, в нем постоянно употребляются такие полногласные формы: *дорога, король, порося, сорока, болото, изороче* и др. Что же касается книжно-славянских речевых средств, то эта стихия представлена в «Слове» такими неполногласными формами, как *время, древо, страна, крамола, власть* и др.

К числу соотносительных форм, представленных в памятнике как полногласием, так и неполногласием, относятся: *ворота—врата, воронъ—вранъ, дорогой—драгий, городъ—градъ, хоробрый—храбрый, берегъ—брегъ, голова—глава*. Употребление в «Слове» этих разнородных по происхождению языковых средств находится в прямой зависимости от стилистического своеобразия этого памятника.

Язык и слог «Слова» превосходно отражают сочетание и тесное единство в этом памятнике двух речевых потоков: устного народно-поэтического творчества и книжной речевой культуры. Поэтому наряду с множеством речевых средств народно-эпического характера в нем употребляются и старославянизмы, в частности неполногласие, встречающееся в эпитетах. Но «церковнославянские элементы в «Слове» подчинены древнерусской народной языковой стихии, поставлены на службу русскому языку. Близость, однородность церковнославянизмов былин и «Слова» показывает, что язык «Слова» нельзя считать церковнославянским или смешанным «славя-

¹ С. П. Обнорский, «Слово о полку Игореве» как памятник русского литературного языка, «Русский язык в школе», 1939, № 4, стр. 10 и далее.

но-русским» на основании того, что в нем есть некоторое количество церковнославянизмов. Практика народных певцов, носителей былин, является критерием «истинности» языка «Слова» в смысле его подлинной народности»¹.

«Слово» поражает образным словоупотреблением. Как указывает Н. К. Гудзий, обильные и богатые эпитеты и сравнения «Слова» сплошь из мира природы. Боян — соловей, Всеволод — буй-тур, «поганый» половчин — черный ворон. Боян растекается серым волком по земле, сизым орлом под облаками. С серым волком сравниваются также князья, дружина и Кончак. Князья, кроме того, сравниваются с солнцем, с месяцем, с соколами... Ярославна — с кукушкой, Игорь — с горностаем, с белым гоголем, Всеслав — с лютым зверем, половцы — с барсовым гнездом.

Большой интерес представляют такие сочетания эпитетов с относящимися к ним существительными, которые находят себе соответствия только в произведениях устной словесности и не встречаются в литературных памятниках, предшествующих или современных «Слову». Таковы: *сизый орел, синее море, зелена трава, стрелы каленые, красные девы, кровавые раны, острые мечи, студеной роса, серый волк, храбрая дружина, черный ворон, черная туча, чистое поле*. Пользуется автор «Слова» и метафорическими эпитетами: *веице персты, железные полки, злато слово, жемчужна душа*².

«Слово» занимает исключительное положение среди памятников старейшей русской письменной культуры. Оно имеет огромное значение как памятник художественного творчества, для которого трудно подыскать среди источников старой русской письменности объект для сравнения, так как по силе выраженной в памятнике художественности «Слово» может быть сравниваемо лишь с немногими образцами мирового эпоса.

Богатая лексика памятника имеет первостепенное значение в общем изучении русского литературного языка старшего периода.

В лексике, относящейся к категории имен существительных, обращает на себя внимание почти полное отсутствие слов церковно-религиозного характера. Например, упоминание бога в памятнике встречается один раз.

В составе военной лексики встречаются не только слова общего распространения вроде *рать, плѣкъ, дѣло* (ратный подвиг), *боронѣ*, или *вои, дружина, кѣмь, стрѣлокъ* и т. п., но и разнообразные специальные именованья, относящиеся к области воинского вооружения и вообще военного снаряжения, например, *копие, лукъ, мечь, сабля, стрѣла, сулица, тулъ, харалугъ, шеломя, щитъ, папорзи, стругъ, стружие, стягъ, хорюговъ, чолка, труба, сѣдло, стремя* и др.

¹ Л. П. Якубинский, О языке «Слова о полку Игореве». Доклады и сообщения института русского языка Академии наук СССР, вып. 2, 1948, стр. 79.

² Н. К. Гудзий, Драгоценный памятник старинной русской литературы. «Русский язык в школе», 1938, № 3, стр. 21—23.

Обращает на себя внимание в памятнике обильное употребление лексики, отражающей различные предметы или явления природы: *небо, земля, солнце, мѣсяць, зоря, свѣтъ, тьма, облако, роса, пороси* («пороси поля прикрываютъ»), *буря, вихрь, вѣтер, гроза, громъ, мѣтний, дождь, сморци* («идут сморци мѣглами»), *туча, море, озеро, ручьи, рѣка, потокъ, болото, гора, шеломя, яруга, трава, цвѣти, древо, дубіе, ковыліе, лозіе, тростіе* и т. д.

Очень близки автору в непосредственной его связи с природой представители живой именно природы — из мира животных: *влѣкъ, туръ, лисица, комонь, иноходець, звѣрь*, особенно же из царства птиц: *воронъ и вранъ, галица, дятелъ, зигзица, кречетъ, куръ, орелъ, соколъ, соловей и славій, сорока, чаица, гоголь, гусь, лебедь, чрѣньда, птица*.

Лексика, связанная с жизнью природы, выступает в памятнике в образном и переносном употреблении, в сравнениях и т. д. Таково образное персонифицированное употребление существительных *свѣтъ* — «один *свѣтъ свѣтлыи* ты Игорю»; *солнце* и *мѣсяць* — «два *солнца* помѣркоста... и с ним молодая *мѣсяца* Олегъ и Святъслав тьмою поволокоста», *соколъ* — «се бо два *сокола* слѣтъвста съ отня стола злата...» и т. д.

Фразеологический состав «Слова» весьма разнообразен как по своему происхождению, так и по стилистическим функциям.

Например, укажем на многие специфические выражения, относящиеся к войнам и походам: «изломити копие», т. е. вступить в бой; «испити шеломомъ Дону», «звенить слава», «ищучи себе чти, а князю славы», «стоять стязи», «падоша стязи», «въступи Игорь князь въ златъ стремянь», «ступаетъ в златъ стремянь», «Русичи великая поля чрѣленыи щиты перегородиша», «потопташа поганая плѣкы».

Книжный отпечаток носят такие метафорические выражения: «истягну умъ крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплѣнивсѣ ратнаго духа»; «спала князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго»; «храбрая мысль носить вашъ умъ на дѣло»; «вѣщія прѣсты на живая струны въскладаше»; «растѣкашется мыслию по древу... шизымъ орломъ подь облакы», или «скача славію по мыслену древу, летая умомъ подь облакы».

§ 13. Своеобразие языка летописей

Весьма своеобразный и характерный стиль, которым пользовались древнерусские летописцы, отличался как общим строем речи, известной стереотипностью и повторяемостью синтаксических конструкций, самым тоном повествования (иногда, на первый взгляд, спокойно-бесстрастным), так и специфической фразеологией и лексикой.

В качестве образца этого летописно-хроникального стиля приведем следующую запись из Новгородской первой летописи (по синодальному списку):

«Въ лѣто 6636. Преставися игумень Кюрьякъ святого Георгія. Томъ же лѣтъ преставился Іоаннъ сынъ Всеволожь внукъ Мъстиславль априля въ 16. Въ то же лѣто въдаша посадницьство, Новѣ-городѣ, Завиду Дмитровицю. Въ се же лѣто лють бѣше: осминька рѣжи по гривнѣ бѣше, и ядыху люди лист липовъ, кору березову, иніи молицъ истѣлкше, мятуще съ пелѣми и съ соломоу иніи ушѣ, мѣхъ, конину, и тако другимъ падшимъ отъ глада, трупѣ по улицамъ и по тѣргу и по тупѣмъ и всюду; наѣша наймиты возити мѣртвцы изъ города».

Записи обычно начинаются с указания года, вследствие чего они пестрят выражениями: «въ се же лѣто», «томъ же лѣтъ». Обращает на себя внимание стабилизовавшийся в таких формулах и сообщениях порядок расположения слов, характерные определения.

Состав языка летописей весьма сложный, так как наряду с множеством типично русских речевых средств (как об этом можно судить по только что приведенному отрывку из летописи) в них были употребительны и многие церковно-книжные слова и выражения, а также элементы грамматического строя старославянского языка ¹.

Например, сообщение о первом появлении на русской земле татар сопровождается в Новгородской летописи рядом цитат из священного писания:

«Томъ же лѣтъ по грѣхомъ нашимъ придоша языци незнаемі; их же добръ никто же не вѣсть, кто суть, и отколе изидоша, и что язык ихъ, и котораго племени суть и что вѣра ихъ. А зовуть я татары, а иніи глаголють таурмены, а друзии печенѣзи. Иніи же глаголють, яко се суть о них же мѣфодии патомьскыи епископъ съвѣдѣтельствуетъ, яко си суть ишли ис пустыня етриевьскыя, суще межѣ вѣстокомъ и сѣверомъ, тако бо мѣфодии глаголетъ, яко скончанию врѣмень вѣститися тѣмъ, яже загна гедеонъ и поплѣнить всю землю от вѣстокъ до ефранта и от тигръ до поньскаго моря кромѣ ефиопія».

Летописно-хроникальный стиль отличается также обильно представленными диалогами, так как летописец часто пользовался драматической формой изложения: у него не только отдельные лица, но и целые племена ведут между собой разговор.

Каким языком написаны летописи — русским или церковнославянским?

Вслед за Ломоносовым к этому вопросу обращался И. И. Срезневский и, указывая, что летописи написаны на русском языке, подчеркивал, что летописец обычно писал, заботясь «не о правильности языка церковного, а о достоинстве слога, и черпая для этого из церковного языка так же, как делаем это мы и теперь» ².

¹ См.: Ф. П. Филин, Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей), «Ученые записки Ленинградского государственного пединститута им. А. И. Герцена», т. 80, Л., 1949. См. также рецензию на эту книгу И. Панькевича (J. Pankevič) в журнале «Slavia» s. 1, Praha, 1956.

² И. И. Срезневский, Статьи о древних русских летописях (1853—1866), СПб, 1903, стр. 130.

Основными источниками, из которых летописцы черпали сведения для своих записей, были собственные наблюдения, рассказы очевидцев, устные предания и легенды, былины, песни и т. п. Все это не могло не вносить в стиль летописи многие речевые средства разговорного языка современников. Другим источником были письменные документы и церковно-богослужебная литература, также нашедшая отражение в составе языка летописи. Однако преобладание русских речевых средств было очевидным, и оно сказывалось в употреблении множества бытовых просторечных выражений, терминов, понятий и обиходных названий, типично разговорных синтаксических оборотов и т. п., не говоря уже об отражении деловой, юридической речи.

Русский облик и преобладание светского характера речевых средств летописного стиля с особой убедительностью прослеживаются в области фразеологического состава летописей.

К разнообразным языковым средствам, выполняющим стилиобразующую функцию, относится также и фразеология. Это объясняется прежде всего тем, что устойчивые сочетания слов могут весьма продолжительное время сохранять своеобразие своего «стилистического паспорта», в котором отчетливо отражается семантическая и стилистическая специфика языка, характерная для породившей их среды. Поэтому, оставляя в стороне другие языковые приметы, типичные для летописно-хроникального стиля, мы обратимся к соотношению в нем фразеологических средств различного происхождения. Как по составу фразеологии, так и приемам ее употребления соотношение это весьма показательно для выяснения основных закономерностей развития светских стилей литературного языка древней Руси.

По нашим наблюдениям, в первой Новгородской летописи наиболее полно представлена типично русская светская фразеология, обозначающая жизнь, быт, государственное устройство, военные подвиги народа, его излюбленные средства и приемы выражения.

К типично русской фразеологии в этой летописи относятся такие выражения:

*«Новъгородъци показаша путь князю Роману»*¹ (15); *«и показаша Новгородъци путь Яропълку»* (17); *«вдаша посадничество Твѣрдиславу»* (38); *«и повоева всю землю Чюдъскую»* (38); *«а тако думавъше много о собѣ, яшася по путь, поклоня дѣля»* (40); *«править товаровъ»* (41); *«и съде на своемъ столѣ»* (42); *«не положи того въ гнѣвъ»* (42); *«створи вѣче въ владычнѣи дворѣ»* (43); *«Миръ взяли»* (43); *«и не яшася по путь»* (43); *«поставленъ бысть попомъ»* (46); *«бѣаше туга и печаль»* (47); *«любо животъ, любо смерть»* (55); *«и поиде князь на путь»* (56); *«а копя подѣ другомъ яму самъ ся въ ню въвалить»* (56); *«взяша Воишину на щитъ»* (56); *«а съ Литвою миръ взяша»* (57); *«видя их проливающа кровь хрестьянскую акы воду»* (58); *«о горе,*

¹ Цитирую по Полному собранию русских летописей, изд. Археографической комиссии, т. III, IV. Новгородские летописи, СПб, 1841.

братье, толь лють бяше пожаръ» (59); и цѣловаша послы крестъ» (59); «побоище, яко не видали ни отци ни дѣди» (60); «взяши миръ на всей воли своей» (61); «би челомъ на брата своего на Дмитрея» (64); «а Новгородци князю путь показаша» (64); «ходи князь Юрьи ратью» (71); «и взя землю Заволотскую по Двинѣ вси погости на щитъ» (81); «давай дань полътнюю» (82); «позвониша въче» (83); «а Татарове давъ плещи побѣгоша» (19); «и языкъ в Новѣгородъ приведоша» (96); «вся розмиріе» (96); «боярь своих избиша, которыми перевѣтъ держали къ князю Витову» (102); «вскинуша грамоты възметныи къ Новгороду» (105).

Значительно слабее представлена в Новгородской первой летописи фразеология церковнославянская, встречающаяся преимущественно в цитатах из священного писания и в языке самого летописца (а не в речи описываемых им лиц). Например, летописец пользуется такой фразеологией церковно-книжного характера: «аки агньцы непорочни предаша душа своя богу» (36); «Бог единъ вѣсть» (39); «и тако, божіею помощю и святыя Софія» (42); «Бысть знамен е въ лунѣ» (56); «Господи милостивыи» (58); «муку вѣчную» (60); «попечемъ о грѣшѣхъ своихъ» (65); «въ недѣлю сыропустную» (65); «сѣбысться пророчество Исаія пророка, еже рече: преложю праздники ваша въ плачь и игрища ваша въ стѣваніе» (66); «всѣе трудъ ихъ безъ божія повелѣнія» (68); «небесное царствіе» (69); «иже имать къ вѣмъ любовь, таковы безъ труда спасетъ» (73); «преставися рабъ божіи» (81); «въ недѣлю мясопустную» (106); «въ недѣлю средокрестную» (106).

Сочетание в летописях разнородных по происхождению и стилистическому облику речевых средств создавало тот особый и неповторимый рисунок, которым отличался летописно-хроникальный стиль. Его яркими красками удачно пользовался Карамзин, когда писал «Историю государства Российского», из его запасов Пушкин черпал многие образные средства для своих творений.

§ 14. Язык частных писем на бересте

Частные письма, которыми пользовались, судя по открытию берестяных грамот, еще в древнем Новгороде X и XI веков, конечно, существенно отличались по языку и слогу от письменности иного содержания и назначения.

Возникает вопрос, можно ли утверждать, что в качестве разновидности древнерусского литературного языка существовал эпистолярный стиль? Единства мнений в решении этого вопроса нет¹.

Объясняется это в первую очередь тем, что частные письма (на пергаменте) древнейшего периода развития русской речевой культуры не сохранились, что письма на бересте, запечатлевшие

¹ См.: Н. А. Мещерский, Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка, «Вестник ЛГУ», 1958, № 2. Ср.: В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, изд. АН СССР, 1958, стр. 22 и след.

живую разговорную речь новгородцев, дают лишь некоторое представление о ф о р м и р о в а в ш е м с я эпистолярном стиле. Кроме того, самые признаки и приметы этого стиля, даже в его современном состоянии, до сих пор подробно не изучены. Остается лишь бесспорным, что синтез элементов разговорной речи и некоторых книжных структур, типичных для писем, является характерной чертой эпистолярного стиля.

Следовательно, мы рассматриваем берестяные письма как материал, свидетельствующий о зарождении, о начале формирования новой в ту эпоху разновидности литературного языка (хотя элементы «обработанности» и «нормированности» в письмах представлены еще в зачаточном состоянии).

На фоне четко выраженного структурно-стилистического и языкового своеобразия рассмотренных выше стилей выделяется складывавшийся эпистолярный стиль древнерусского языка. На первый взгляд кажется, что он не отличается какими-либо языковыми и стилистическими приметами. Но это не так. Показательно, например, что в берестяных грамотах глагол прошедшего времени употребляется исключительно (более 80 раз) в форме перфекта, характерного для живой разговорной речи, а имперфект, типичный для книжных стилей, не встречается совсем (аорист — один раз в книжной цитате).

Но эпистолярный стиль заметно отличается от других разновидностей письменного языка древней Руси в структурно-стилистическом отношении. Для него характерна такая организация речевых средств (как и подбор их), которая не типична для других стилей языка того времени. Строй речи, отразившийся в письмах, весьма своеобразен и лишен многих структур и примет, характерных для стиля деловых документов или художественной прозы. В письмах отразилось оригинальное соотношение разговорных речевых средств и очень немногих книжных элементов, представленных в виде стереотипных начал некоторых грамот.

Эпистолярный стиль отличался точным обозначением адресата и характерным в таких случаях построением фраз. Например, приведенное ранее письмо Гостяты (новгородская берестяная грамота № 9) начинается так: «От Гостяты к Васильви».

Самый строй предложений лишен четкости и пунктуальности, типичной для официальных документов. По тексту многих берестяных писем можно заключить, что переписка идет между знакомыми людьми и относительно знакомых им событий и лиц. Об этом свидетельствует употребление в письме Гостяты местоимения «за нимь» во фразе: «Еже ми отьць даяль и роди съдаяли, а то за нимь». Вероятно, Василию, к которому обращена просьба, известно это лицо. Следует также указать, что для эпистолярного стиля характерна (судя и по письмам позднейшего происхождения) непринужденная форма обращения, возможная между знакомыми или близкими людьми. Гостята обращается к Василию: «Доеди, добре сътворя».

Характерен также лексический состав письма, свободного от церковно-книжных элементов: в нем, кроме собственных имен (*Гостята, Василий*), употребляются такие имена существительные: *отьць, роди* (родные), *жена, руки*; глаголы: *даялѣ, вѣдасть, пустилѣ, поялѣ, доеди*; причастия: *водя, избивѣ, сътворя*; местоимения: *ми, за нимѣ, ничѣтоже, иная*; союзы: *а* (употреблено четыре раза), *еже*; наречия: *ныне, добре*; прилагательные: *новая* (жена).

Преобладающее большинство этих слов, за исключением устаревших позднее *еже, ми, мя*, сохранились в русском языке до настоящего времени.

§ 15. Стили церковно-богослужебные

Развитие этих стилей литературного языка древней Руси началось после официального крещения и связанного с этим распространения церковно-богослужебных книг. В отличие от светских, стили церковно-богослужебные характеризовались явным преобладанием старославянских элементов, что наблюдалось прежде всего в евангелиях и псалтирях, которые не создавались на Руси, а лишь переписывались со старославянских оригиналов. В силу того что переписчики стремились, как правило, точно скопировать текст оригинала, элементы русского языка попадали в богослужебные книги лишь в виде описок.

Наиболее полно старославянские элементы были представлены в литургическом стиле, характерном, например, для таких древнейших памятников русской письменности, как «Остромирово евангелие»¹.

Как известно, Остромиров список евангелия (1056—1057) написан в Новгороде дьяконом Григорием для посадника Остромира, родственника Изяслава Ярославича, великого князя киевского. Это евангелие — недельное (апракос), т. е. расположенное не по евангелистам в последовательном порядке глав, а по неделям (воскресеньям), в порядке церковной службы, начиная с пасхи. Хотя писец был русский, однако особенности болгарского текста, с которого он списывал, сохранены им в значительной чистоте.

В соответствии с жанровой спецификой памятника находится и его языково-стилистическое своеобразие. В нем широко представлены все фонетические и морфологические особенности старославянского языка, многие слова религиозно-культового характера (*аминь, учитель, богъ, пасха, церквь* и т. п.), хорошо известные в евангелиях фразеологические средства («въ оно врѣмя...», «приди и виждь» и др.), а также различные молитвенные формулы.

Как отмечает проф. Якубинский, «влияние церковнославянского языка на писателей, писавших по-древнерусски, объясняется, конечно, и тем, что церковнославянский язык продолжал оставаться языком церкви и церковной книжности. При господстве в сред-

¹ Иная точка зрения изложена в рецензии В. Д. Левина «Новые книги по истории русского и украинского языков», «Вопросы языкознания», 1959, № 3.

невековые религиозной идеологии это не могло не отразиться и на развитии литературного языка»¹.

На основе церковно-богослужебных книг старославянского происхождения в древнерусской письменности стали создаваться различные поучения и жития, в которых евангельские мотивы оригинально перемешивались и сочетались с мотивами повседневной жизни людей, их поведения и морали. Значительный интерес в этом отношении представляет «Житие Бориса и Глеба», написанное как бы «церковнорусским» языком.

Так как жития относились к своеобразному и вполне самостоятельному жанру древнерусской литературы, то это сказывалось и на языково-стилистическом облике их, в силу чего в литературном языке выработался своеобразный стиль этих памятников — стиль ж и т и й н о й л и т е р а т у р ы. Хорошее представление об этом стиле и типичном для него сочетании церковно-книжных и разговорно-светских речевых средств дает «Житие Бориса и Глеба». Вот, например, как описано в нем убийство этих братьев:

«Бе же за святѣм сѣдѣше старѣйшина поваромъ. И повелѣша тому нечестивии заклати Глѣба святаго: «Возми ножь свои; зарѣжи господина своего, да не злою смертию умреши». Оканьныи же поваръ не поревноваше оному, иже бѣ палъ на святом Борисѣ, нъ уподобися Июдѣ предателю. Изволокъ ножь свои, и ять святаго Глѣба за честную главу, хотя и заклати. Святѣи же Глѣб молчаше, акы агня незлобиво...»

С одной стороны, здесь представлены типичные церковно-богослужебные выражения и молитвенные формулы («Июда предатель», «Иисусе Христе! услыши мя» и др.), с другой — стиль житий отличался употреблением множества речевых средств светского характера: *старейшина поваромъ, злая смерть, изволокъ ножь* и т. п.

В композиционно-стилистическом отношении такое повествование в ряде случаев приближается к летописному, так как летописному стилю, как указывалось ранее, также не были чужды многие элементы церковно-книжного происхождения.

Весьма сложным по своему составу и функциям был п р о п о в е д н и ч е с к и й с т и л ь, в свою очередь имевший ряд разновидностей, свойственных, например, церковным проповедям, а также же разного рода поучениям и наставлениям.

В древней Руси, как указывалось ранее, создавались произведения, которые в языково-стилистическом отношении представляли собой сложный синтез церковно-книжных и разговорных русских речевых средств. В одном и том же произведении встречались тексты, разнородные в стилистическом отношении. Такая на первый взгляд пестрота и стилистическая неупорядоченность наблюдается в «Повучении» Владимира Мономаха. Однако внутренняя спаянность и стилистическая мотивированность употребления разнородных языковых средств в нем вполне очевидна.

¹ Л. П. Якубинский, История древнерусского языка, Учпедгиз, 1953, стр. 300.

Те места поучения, в которых автор рассказывает о своей жизни, вспоминает походы и охотничьи подвиги, отличаются в стилистическом отношении преобладанием элементов светских стилей. Когда же Мономах обращается к отвлеченным рассуждениям, его наставления насыщены архаично-книжными средствами, типичными для церковно-богослужебных стилей.

Это сложное переплетение речевых средств различного стилистического профиля свидетельствует о том, что между светскими и церковно-богослужебными стилями нельзя проводить резкой грани, что взаимодействие этих стилей имело весьма разнообразные формы. Ввиду явного преобладания языковых средств русского характера «Пouchение» Мономаха занимает особое место в древнерусской литературе и его нельзя отнести к стилям церковно-богослужебным.

Обратимся к его сочинениям, отличающимся высокой речевой культурой. Владимир Мономах (1053—1125) занимал с 1113 по 1125 год великокняжеский киевский стол, являясь выдающимся деятелем русской истории до нашествия татар. К этому времени относится составление летописи, обработка оригинальных русских житий, наставлений и поучений, в создании которых принимал непосредственное участие и сам Владимир Мономах, отец которого, заметим кстати, знал пять языков.

К важнейшим творениям Владимира Мономаха относятся: «Пouchение к своим детям» с приложением его автобиографии, в которой названы сделанные им «пути» и «ловы», а также письмо к черниговскому князю Олегу Святославичу по поводу смерти его сына Изяслава.

Стиль поучений отличается дидактикой, значительным количеством наставлений, что требовало особой структуры предложений с повелительной формой глаголов, употребляемых часто с отрицанием *не*. Типичны для него также повторы одних и тех же слов и синтаксических конструкций. В отношении словарного и фразеологического состава наблюдается явное преобладание русских элементов. Например:

«На войну вышедъ, не лѣннитеся, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣдѣню не лагодите, ни спанью; и сторожъ сами наряживайте и ночь, отъвьсюду нарядивше, около вой тоже лязъте, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себя вборзъ, не разглядывше лѣнощами; вьнезапу бо человекъ погыбаеъ. Лѣжь блюдися и пьянства... в томъ бо душа погыбаеъ и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣхъ, ни в житехъ, да не кляти васъ начьнутъ».

Синтаксический строй поучений Мономаха, как указывает акад. С. П. Обнорский, характеризуется «абсолютным преобладанием сочинительных конструкций над подчинительными. Это — общая черта старшего строя русского языка.

Замечательно при этом, что синтаксические черты языка Мономаха, большого начетчика церковно-болгарской литературы и ее

любителя, дают образцы своего, русского синтаксиса, почти не отражая (или отражая в минимальной степени) воздействие староболгарского языка. Это — основная, общая особенность языка Мономаха, служащая такой же основной чертой общего русского литературного языка этого времени, как и, старейшей поры.

Согласно со сказанным наиболее распространенным и разнообразным у Мономаха выступает состав сочинительных союзов, служащих для связи как предложений, так и отдельных членов предложения. Сюда относятся среди соединительных союзов (с разнообразными частными их функциями) наиболее распространенные союзы *а, и, да, не — ни*, кроме того, *та, или то, или тои, ти, иже*; к числу противительных союзов принадлежат *но*, редко *а*; к числу разделительных — *или, ли, любо-любо*, к числу сравнительных — *яко (же)*, редко *акы и нежели* ¹.

Типично русский характер лексики особенно заметен в тех местах поучений и автобиографии Мономаха, где он повествует о своей жизни, походах и опасностях. Например, он рассказывает:

«Тура мя два метала на розѣхъ и с конемъ, олень мя одинъ больъ, а два лоси, одинъ ногама топталъ, а другой рогома больъ, вепрь ми на бедрѣ мечь отъялъ, медвѣдь ми у колѣна подъяклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра и конь со мною поверже, и богъ неврежена мя съблюде».

О характерном взаимодействии стилистически разнородных языковых средств в поучениях Мономаха дает хорошее представление соотношение глагольных форм. Аорист, являющийся грамматическим признаком церковно-книжных стилей (однако употреблявшийся и в светской письменности), не типичный для живого разговорного языка древней Руси, оригинально употребляется у Мономаха наряду с формой перфекта. Употребление этих соотносительных форм различается в зависимости от общей стилистической специфики и содержания текста. Так, в описании охоты, где автор активизирует типично русские речевые средства, преобладает перфект: тура мя два *метала*, ногама *топталъ*, мечь *отъялъ*, медвѣдь *укусилъ* лютый звѣрь *скочилъ*, *ималъ есмъ*, руками *связалъ есмъ*, *ловилъ есмъ* всякъ звѣрь, *деалъ есмъ* и др.

Равнение на нормы разговорной речи в этих описаниях бесспорно. Что же касается рассуждений Мономаха на отвлеченные темы, то в них наблюдается перевес в пользу аористических форм.

Сложное взаимодействие русских и старославянских элементов в языке поучений Мономаха обнаруживается и в употреблении полногласных и неполногласных форм. Наряду с полногласной лексикой: *волость*, *Володимиръ*, *голодъ*, *хоронити* (скрывать), *молодыи*, *сторожь*, *соромъ*, *передънии*, *переступити* и другие, встречаются неполногласия: *врагъ*, *власть*, *владѣти*, *глава*, *привлачити* и т. п.

¹ С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, М., 1946, стр. 64.

О пестроте и сложности речевых средств проповеднического стиля древней Руси можно судить по языку «Поучения» Луки. Как указывает проф. Якубинский, значение «Поучения» Луки заключается в том, «что оно может считаться первым собственно русским (а не церковнославянским) произведением д у х о в н о й литературы. «Поучение» написано на древнерусском языке, хотя в нем имеются отдельные церковнославянские элементы; часть из них, возможно, привнесена позднейшим писцом XIV—XV вв. Но значение «Поучения» Луки состоит еще и в том — и это, пожалуй, более важно, — что оно написано необычайно простым языком; автор пишет короткими фразами, вовсе не употребляет длинных фраз и периодов, риторических фигур, метафор и сравнений; в нем нет ни грана красноречия в стиле, например, современника Луки — Илариона. «Поучение» рассчитано на широкого новгородского слушателя. Понимом обычной церковно-христианской морали, «Поучение» содержит некоторые, очень любопытные с политической точки зрения, советы нового епископа своей бурной новгородской пастве: «бога боитесь, а князя чтите. Раби първое будете божи. Та же господу (=господ, хозяев) чтите отъ всего сердца. Ерея божия чтите...» и т. п.»¹.

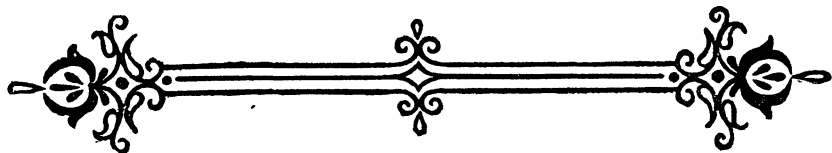
Таким образом, стиль поучений Владимира Мономаха имеет много общего со стилями светской литературы древней Руси, хотя он далеко не свободен от влияния церковно-книжных приемов повествования.

Эти связи и общность различных стилей древнерусского литературного языка свидетельствуют о том, что, несмотря на различные варианты и специфические особенности каждого из них, они все же имели общую основу в виде единого литературного языка древней Руси.

ЛИТЕРАТУРА

А. С. О р л о в, «Слово о полку Игореве», изд. АН СССР, 1946. С. П. О б н о р с к и й, «Слово о полку Игореве» как памятник русского литературного языка, «Русский язык в школе», 1939, № 4. Н. К. Г у д з и й, Драгоценный памятник старинной русской литературы, Учпедгиз, 1945. Д. С. Л и х а ч е в, Новгородские летописные своды XII в. (Автореферат), «Известия АН СССР», т. III, вып. 2—3, 1944; «Слово о полку Игореве», изд. АН СССР, 1950. И. И. С р е з н е в с к и й, Статьи о древних русских летописях, СПб, 1903. М. И. С у х о м л и н о в, О древней русской летописи как памятнике литературном, «Сборник Отд. русского языка и словесности АН», т. 85, СПб, 1908. Л. П. Я к у б и н с к и й, История древнерусского языка, Учпедгиз, 1953, со вступительной статьей акад. В. В. Виноградова «Проф. Л. П. Якубинский как лингвист и его «История древнерусского языка». Ф. П. Ф и л и н, Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей), «Ученые записки Ленинградского государственного пединститута им. А. И. Герцена», т. 80, 1949. В. Н. Т у р к и н, Терминологическая лексика «Русской правды» (Автореферат), изд. МГУ, 1953. Н. А. М е щ е р с к и й, Новгородские грамоты на бересте как памятники древнерусского литературного языка, «Вестник ЛГУ» 1958, № 2.

¹ Л. П. Я к у б и н с к и й, История древнерусского языка, Учпедгиз, 1953, стр. 283.

ГЛАВА 4

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ВЕЛИКОРУССКОЙ НАРОДНОСТИ (ЭПОХА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XIV—XVI ВЕКОВ)

§ 16. Развитие литературного языка в период образования русской народности и Московского государства

Создание централизованного государства, объединение разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, совпадавшее с образованием русской (великорусской) народности, оказывало огромное влияние на развитие русского литературного языка. Изменения в составе и функциях различных стилей литературного языка находят свое объяснение в самой истории народа и связанной с ней историей развития общенародного языка и его диалектов.

В XI веке сложилась «древнерусская народность, включавшая в себя предков русских, украинцев и белорусов, с единым языком и единой культурой, при существовавших областных различиях в культуре и языке»¹. Дальнейшие исторические события (распад Киевского государства, рост крупных центров на периферии и т. п.) приводят к распаду единого древнерусского языка на три самостоятельных восточнославянских языка — русский, украинский и белорусский.

Процесс формирования русской народности ознаменовался в XIV веке расширением функций литературного языка, ставшего языком государственным. В связи с распадом единого языка древнерусской народности намечаются различия между языком Северной Руси и языком Южной Руси.

Процесс формирования языка Москвы и государственного языка Московского царства рассматривается акад. А. А. Шахматовым как результат возникновения сплоченного этнографического ядра великорусской народности (из смешения севернорусов и восточнорусов) и в связи с образованием среднерусских говоров. Процесс

¹ Б. А. Рыбаков, Древние русы, «Советская археология», вып. XVII, М., 1953, стр. 103—104.

этот мог, по его мнению, начаться задолго до возвышения Москвы и даже задолго до татарского нашествия, но был ускорен нашествием татар: «Москва стала средоточием населения, в предшествующие эпохи чувствовавшего себя безопасным южнее, в нынешних Тульской и Калужской губерниях»¹. В результате всего этого началось формирование смешанных среднерусских говоров, к которым относится и говор Москвы. Государственное и культурное объединение народа приводит к общности языка великорусов: «Нашедши себе основание в центре, общая жизнь распространяется на далекие периферии, охватывающие почти весь состав говоров севернорусских и восточнорусских»².

Быстро возраставшие потребности молодого, мощного государства сказались в первую очередь на развитии документально-деловых стилей литературного языка (так называемого «приказного языка»), на формировании государственно-законодательного стиля, которым пользовались в уставах и уложениях.

В связи с образованием государства, нуждавшегося в упорядочении переписки, эти документально-деловые стили, значительно обогатившиеся и развившиеся, стали занимать в е д у щ е е место в системе стилей литературного языка. Следовательно, образование Московского государства, совпавшее с образованием русской народности, ознаменовалось в русском языке перегруппировкой его стилей, ослаблением роли церковно-богослужебных стилей, усилением государственно-деловых, заметно влиявших на состав речевых средств и самые функции других стилей. Кроме того, в условиях Московского государства происходит образование новых стилистических разновидностей литературного языка.

Эти качественно новые стили формируются одновременно с развитием самих жанров светской литературы. Так, можно указать на формировавшийся стиль публицистический (особенно ярко представленный в переписке Ивана Грозного с Курбским), стиль нравоучительно-бытовой литературы (см. «Домострой»), а также связанные с оживлением переводческой деятельности Московской Руси стили научно-популярной литературы, обильно переводимой с различных европейских языков и посвященной географическим описаниям, путешествиям, растениеводству и т. п. Книги переводились также по военному делу, коннозаводству и другим областям жизни, что не могло не вызвать к жизни стили профессионально-ремесленной литературы.

Таким образом, в эпоху Московского государства XIV—XVI веков отчетливо определились основные стили русского литературного языка, дальнейшее развитие которых является предметом нашего изучения. Это, следовательно, такие стили:

¹ А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, стр. 113.

² Там же, стр. 114.

1. Литературно-художественный, восходящий к «Слову о полку Игореве» и развивающийся в последующие века наиболее интенсивно, особенно в связи с появлением авторов, обладавших ярко выраженной индивидуальностью (Афанасий Никитин, автор «Домостроя» в изложении Сильвестра, протопоп Аввакум и др.). В XVII и особенно XVIII веке этот стиль литературного языка, занимая ведущее положение, дифференцируется в зависимости от состава речевых средств и экспрессивно-смыслового своеобразие литературных текстов на три основных варианта. В соответствии с этим Ломоносов различает в языке художественной литературы три основных «штиля»: высокий, посредственный и низкий.

2. Стиль документально-деловой, восходящий к древним договорам, грамотам, «Русской правде» и позднее в виде «приказного языка» развивающийся весьма интенсивно. В XVII веке и главным образом в Петровскую эпоху он подвергается существенным преобразованиям, особенно под влиянием европеизмов. Однако основные его структурно-синтаксические, лексические и фразеологические модели окажутся весьма устойчивыми в течение нескольких веков.

3. Публицистический стиль, «родословную» которого можно вести от переписки Грозного с Курбским (хотя элементы публицистической речи встречаются и в более ранних памятниках письменности). Дальнейшее развитие этого стиля идет параллельно и при взаимодействии со стилями художественно-беллетристического и научно-популярного изложения. Это хорошо прослеживается в XVIII веке, когда появляется множество газет и журналов.

4. Стиль производственно-профессиональный, представленный в эпоху Московского государства в разного рода пособиях и руководствах по растениеводству, коннозаводству и т. п.

5. Стиль научно-популярного изложения, который в XIV—XVI веках еще только начинает оформляться (географические описания, рассказы о путешествиях в заморские страны и т. п.) и который с течением времени, особенно в XVIII веке, занимает видное место в составе русского литературного языка.

6. Стиль эпистолярный, оформившийся в эпоху Московского государства в самостоятельную разновидность литературного языка.

Итак, наметившиеся еще в древней Руси важнейшие стилевые разновидности литературного языка не только сохраняются в эпоху Московского государства, но и значительно развиваются и совершенствуются.

Общая же закономерность, типичная для этой эпохи, заключается в следующем: письменность светского характера со всеми ее стилистическими разновидностями занимает ведущее место и переживает процесс бурного развития; церковно-богослужебные стили постепенно отходят на задний план и не оказывают того влияния на разви-

тие средств литературного выражения, которое наблюдалось ранее.

Литературный язык XIV века и последующего времени, таким образом, имел объединительное значение, он способствовал быстрейшему оформлению единого языка русской народности

§ 17. Документально-деловой стиль

Литературный язык Московской Руси был высокоразвитым языком, отличавшимся многообразием стилей, находивших применение как в устной, так и в письменной его разновидностях. Не все стили литературного языка находились в равном отношении к общенародному языку. Несколько особое положение занимал документально-деловой стиль, который был наиболее полно насыщен элементами разговорного общенародного языка. Этот стиль, играя ведущую роль в формировании русского литературного языка, пополнялся все новыми и новыми речевыми средствами, которые затем распространялись во всем литературном языке.

Особенности документально-делового стиля наиболее ярко представлены в языке грамот.

Язык московских грамот дифференцирован в зависимости от их жанрового своеобразия (духовные и договорные грамоты). В отличие от договорных грамот, в которых наиболее полно отражалось то новое, что появилось в литературном языке XIV—XV веков, духовные грамоты выделялись многими архаичными элементами церковно-книжного характера. Это особенно заметно в стабилизовавшихся зачинах и концовках грамот. Например, типичная для XIV века духовная грамота московского князя Ивана Даниловича Калиты (1327—1328) начинается так:

«Во имя отца и сына и святого духа. Се язъ, грѣшныи худый рабъ божии иван[ъ], пишу душевную грамоту ида въ ворду, никимъ не нужень, цѣлымъ св[я]тымъ оумомъ, въ своемъ здоровьи. Се же богъ, что разгадаетъ о моемъ животѣ. Даю рядъ сынѣмъ своимъ, и княгини своей. Приказываю сынѣмъ своимъ /от/чину свою Москву. А се есмь имъ роздѣлъ оучинилъ: се дал есмь сыну своему болшему Семену можаескъ, коломъну, со всеми коломенскими волостми, городенку, мѣзыню пѣсочну... село копотеньское, селце микульское, село малаховское, село напрудское у города...»

Как в этом можно убедиться, присмотревшись к тексту грамоты, в ее языке наблюдается интересное сочетание элементов книжного церковно-богословского стиля с элементами конкретно-бытовой речи (включая многие наименования подмосковных сел и посадов: Коломна, Можайск, село Малаховское и т. п.).

В договорных грамотах элементы архаично-книжного характера представлены значительно слабее, так как ведущую роль в них играют речевые средства документально-деловых стилей.

Своеобразие языка грамот Московской Руси и его отличие от языка грамот Новгорода хорошо прослеживаются в области лексики

и фразеологии. По наблюдениям О. В. Горшковой, изучавшей лексику и фразеологию московских грамот XIV—XV веков, подавляющее большинство слов, употребляемых в языке московских грамот, не составляет специфики делового стиля письменности: они известны и другим стилям древнерусского литературного языка, это общенародные слова. Иную картину представляет фразеология грамот. Именно она «определяет деловой стиль древнерусского языка, вскрывает жанровые различия внутри делового стиля наряду с рядом слов, употребляемых в особом значении, присущем лишь языку деловых памятников»¹.

К этой специфической фразеологии относятся целостные словесные группы, употребляемые в терминологических значениях: *грамота докончальная, грамота деловая, грамота душевная, земля черная, люди черные, холопы полные, портной мастер, подвозник меховой, суд обчий, крестное целование, путь конюший, путь старейший* и др.

Подобная терминология пополнялась за счет фразеологических единиц, в которых значение каждого слова ясно, но значение целого оборота — переносное. Например: *дети боярские, брат молодой, брат старейший, венцы новоженные, быти один человек, держати нелюбие, держати суд, вести на конь, челом бити, ходити по грамоте, земли и воды, путь чист, целование сложити, приезжати торгом, ходити в лес* и многие другие.

Часть приведенных фразеологических единиц могла быть омонимична свободным сочетаниям слов. Например, *брат молодой*. Данное сочетание имело значение как свободное — «младший брат», так и фразеологически связанное — название удельных князей, в отличие от *брат старейший* — название великих князей.

Ряд фразеологических оборотов, по мнению О. В. Горшковой, засвидетельствован для периода XIV—XV веков только (или преимущественно) в языке московских грамот. Например: *брат молодой, братия молодая, венцы новоженные, год княж, грамота деловая, грамота полная, грамота приписная, грамота складная, деньги в росте и в пашне, держати по годовом, жито заемное, жито ростовое, кабала поручная, люди деловые, люди кабальные, люди численные, место холопы, портной мастер, серебро, издельное, хлеб заемный, село пошлое* и многие другие.

Большая часть приведенных слов и выражений имеет терминологическое значение и составляет принадлежность делового стиля русского литературного языка того времени.

Кроме фразеологических оборотов специфически московских, имеются в языке московских грамот такие фразеологические единицы, которые встречаются и в языке новгородских грамот (см. *крест целовати, хрестное целование, целование сложити, держати по пош-*

¹ О. В. Горшкова, Язык московских грамот XIV—XV вв. Автореферат, изд. МГУ, 1951, стр. 2 и далее.

лине, нелюбие не держати, гостити без рубежа, путь чист с обе половины, великий князь, грамота докончальная и др.).

Деловой стиль характеризуется употреблением ряда слов (в частности, глаголов) в качественно новом значении, отличном от значений данных слов в языке памятников письменности иного характера. Так, например, глаголы *очистити* в значении «выяснить, установить принадлежность тому или другому феодалу»; *знати* — «исполнять» и «быть подведомственным» *отъехати* — «перейти от одного князя к другому», *потягнути* — «нести повинности» и «принадлежать»; *жаловать* — «благоприятствовать», «оказывать милость, расположение», «миловать», «щадить»; *канчивати* — «заключать договор»; *печаловаться* — «заботиться»; *сысылатися* — «вести переговоры» — употребляются только в языке деловых документов.

При этом глаголы в приведенных значениях встречаются только в сочетаниях с определенными словами (так, например, *очистити* в таком сочетании «*очистити* холопов и сельчан»: *отъехати* — «а кто бояр и слуг *отъехал*...»).

Для изучения лексико-фразеологического состава и грамматического своеобразия литературного языка XIV—XV веков представляют несомненный интерес не только духовные грамоты Московской Руси, сколько светские (договорные, жалованные, правые, опасные, отводные и др.).

Если в духовных грамотах наблюдалось явное преобладание трафаретно-книжных приемов выражения, восходивших в большинстве случаев к церковно-богослужебным стилям древнерусского литературного языка, то светские грамоты, являвшиеся юридическими документами и появлявшиеся в огромном количестве, захватывали все новые и новые речевые средства, пополняя, таким образом, и обогащая всю систему стилей литературного языка.

Интересны в этом отношении грамоты, являвшиеся своего рода юридическим документом, в котором сформулировано решение суда. Например, в «Правой грамоте Троицкому Сергиеву монастырю на Верхний и Долгий наволоки в Костромском уезде» (около 1490 г.) приведены не только постановление суда, но и самые речи тягавшихся сторон:

«Став на Овсяниковскихъ наволоцѣхъ, на Долгомъ да на Верхнемъ, на рѣцѣ на Костромѣ, си судѣ судилъ судья великого князя Иванъ Котена. Тягалъ Андрейко староста Залѣской, и всѣ крестьяне Залѣские, старцемъ съ Касьяномъ съ Троецкимъ. Так рекъ Андрейко: жалоба ми, господине, на того Касьяна, отнялъ, господине, у нас тѣ наволоки Овсяниковскіе земли.

...И по государя своего славу великого князя Ивана Ивановича, Иван Котена Троецкого старца Касьяна отпавилъ и наволоки Долгой да Верхней присудилъ монастырю; а старосту Андрейка и всѣмъ крестьянъ залѣскихъ обвини и грамоту на нихъ правую старцу Касьяну дал. А на судѣ были у великого князя Ивана Ивановича: Василий Федоровичъ Сабуровъ, да Василий Федоровичъ Образецъ».

В стилистическом отношении к правым грамотам весьма близко стоят грамоты о т в о д н ы е, которыми обычно закреплялись земельные и имущественные отношения. Об этом можно судить, например, по тексту «Отводной грамоты Кирилову монастырю на деревню Петроковскую» (1448), которую «писал старец Васиянь Кирилова монастыря». Существование подобного рода писцов-знатоков документально-деловой переписки, обычно проживавших в монастырях, не могло не отразиться на общей структуре грамот и употребляемых в них излюбленных начал, концовок, юридических формул и цитат из богослужебных книг.

Особое положение занимали о п а с н ы е грамоты, являвшиеся своего рода визой или пропуском на безопасный, беспрепятственный отъезд и приезд в Москву. Вот, например, типичное начало и концовка подобного рода грамот, которые мы приведем из «Опасной грамоты Феодосия Новгородскому архиепископу Ионе для приезда в Москву» (1462):

«Благословение Феодосия митрополита всеа Руси, въ домъ святѣй Софѣи, еже есть премудрость божія, во отчину господина и сына моего великого князя Ивана Васильевича всея Руси, въ Великій Новгородъ...

...и язъ, по вашему челобитью, даю сію свою грамоту опасную архиепископу Великого Новагорода и Пъскова владыцѣ Ионѣ, что ему ко мнѣ пріехати и отѣхати добровольно, по божію изволенію... А си моя тобѣ грамота и опасная.

§ 18. Развитие жанров письменности и литературного языка в XIV—XVI веках

Мощное развитие централизованного государства в XIV—XVI веках ознаменовалось расцветом русской культуры. Литературный язык, обслуживая все усложнявшиеся потребности, значительно обогащался и совершенствовался в связи с развитием общественной жизни и прежде всего в связи с развитием новых жанров письменности.

К числу этих новых жанров относится п у б л и ц и с т и к а, в связи с формированием и развитием которой в XV—XVI веках начинают складываться и оформляться элементы публицистического стиля литературного языка. Уже в произведениях публициста XVI века И. С. Пересветова эти элементы публицистического стиля обнаруживаются в гневно-обличительном тоне повествования, в употреблении слов, получивших общественно-политический смысл (*мзда, злоемство, богатѣти от нечистого собранія, богатѣти от слез и от крови роду человеческого*).

В «Сказании о Магмете-Салтане» И. С. Пересветов пишет, что царь Константин «от отца своего на царствѣ своемъ остал/ся/ младѣ трехъ лѣтъ от роду своего; ігреки для своего злоемства і нечистаго собранія богатѣи от слезі от крови роду человѣческаго, і праведный судъ

порушали, да неповинно осуждали по мздамъ. Вельможи цареvy до возрасту царева богатѣли от нечистого своего собранія; на возрастѣ царевѣ и царь почал трезвиться от юности своея и почал приходити к великой мудрости воинской».

Не менее выразительно представлены элементы зарождавшегося публицистического стиля в обличительных письмах Ивана Грозного к изменнику Курбскому (1564 г.), дающих резкую отповедь предателю, который поступил, по выражению Грозного, «собацкимъ измѣннымъ обычаемъ».

В своем послании, написанном в остро полемическом тоне, Иван Грозный пользуется обличительными формулами, называя письмо Курбского «скудоумными глаголами», в которых положен «ядъ аспидень». Обращают на себя внимание переносно-метафорическое употребление слов, вопросы, которые он задает Курбскому, и многочисленные сравнения и образы, обличительно-полемический слог писем. Например:

«Како же не усрамишия раба своего Васьки Шибанова? Еже бо онъ благочестіе свое соблюде, и предъ царемъ и предо всѣмъ народомъ, при смертныхъ вратѣхъ стоя, и ради крестнаго цѣлованія тебе не отвержеся, и похваляя и всячески за тя умрети тщашеся. Ты же убо сего благочестія не поревновалъ еси: единого ради моего слова гнѣвна, не токмо свою едину душу, но и всѣхъ прародителей души погубилъ еси.— И ты то все забылъ собацкимъ измѣннымъ обычаемъ преступилъ крестное целованіе, ко врагомъ христіанскимъ соединился еси, и къ тому, своея злобы не разсмотряя, сицевыми и скудоумными глаголы, яко на небо каменіемъ меща, нелѣпая глаголеши, и раба своего во благочестіи не стыдишися, и подобная тому сотворити своему владыцѣ отверглся еси».

В сфере публицистических средств выражения, как это можно заметить в тексте письма, вовлекались и многие элементы церковно-богословских стилей («души погубилъ», «воздаяти честь» и т. п.).

Дальнейшее развитие публицистических стилей происходит особенно интенсивно в Петровскую эпоху, когда начинает выходить первая русская газета и публицистика становится одним из вполне оформившихся жанров литературы.

В литературном языке Московского государства оформляется особый и своеобразный стиль челобитных. Являясь разновидностью документально-деловых стилей и вызванный к жизни усложнявшимися формами официальной переписки и документации, он резко выделялся и отличался в силу установившихся в то время норм речевого общения.

Самоунижение челобитчика, употребление в уменьшительной форме его имени, восхваление адресата и упоминание его полного титула, наконец, обозначение челобитчика холопом или рабом и употребление соответствующей формулы («бьет челом холоп твой»),— все это являлось характерными признаками стиля челобитных. Например, челобитная И. С. Пересветова (публициста XVI века) начинается такими словами:

«Государю благовѣрному великому царю і великому князю Івану Васильевичу всеа Русіи бьет челом холоп твой государевъ Івашка Семеновъ сынъ Пересвѣтова, чтобы еси, государь, пожаловал холопа своего, велѣл службишка посмотреть. Коли есми выѣхал на твое имя государево, і вывезъ есми образецъ твое службы къ тебѣ, к государю; і тотъ образецъ службы моей перед тобою, пред государемъ, клали...»

В синтаксисе челобитной наблюдается заметное преобладание однотипных и повторяющихся конструкций с соединительным союзом *и*, которым начинается каждое предложение. Сказуемое же (глагол) в большинстве случаев стоит на конце, что придает каждому предложению и всей челобитной единый структурный облик.

Как мы увидим далее, в Петровскую эпоху в стиль челобитных вносятся существенные изменения, однако и они не изменяют самое существо и языково-стилистическое своеобразие этих документов, писавшихся в огромном количестве и на самые разнообразные темы.

Эпистолярный стиль литературного языка эпохи Московского государства дает хорошее представление о состоянии живой разговорной речи XIV—XVI веков. В письмах этого времени находит яркое отражение образная речь, насыщенная идиоматическими выражениями, сравнениями и метафорами, не говоря уже о богато представленной конкретно-бытовой лексике и фразеологии.

Авторы писем были свободны от условно-традиционных синтаксических оборотов; в области морфологии переписка отражала живые процессы, происходившие, например, в склонениях имен или спряжениях глагола.

В отношении словарного и фразеологического состава письма также дают весьма ценные данные как о значениях общеупотребительных слов, так и о принятых тогда нормах их употребления.

В доказательство сошлемся на письма Ивана Грозного, адресованные Василию Грязному, попавшему в плен к крымским татарам. Как указывают С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов, переписка царя Ивана Васильевича Грозного с опричным думным дворянином Василием Грязным является «образцом подлинных документов, исходящих от царя и приближенных к нему лиц. Особое ее значение заключается в том, что в отличие от других произведений, связанных с именем Грозного, эта переписка дошла до нас в своей первоначальной редакции, без каких-либо последующих переделок или вставок и может, таким образом, дать наиболее точное представление о литературном стиле и языке Грозного, а также и лиц из его ближайшего окружения»¹. Письмо Грозного начинается так:

«От царя великого князя Ивана Васильевича всеа Руси Василию Григорьевичу Грязному Ильину. Что писал еси, что по грехом взяли тебя в полон — ино было, Васюшка, без путя среди крым-

¹ С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов, Хрестоматия по истории русского языка, ч. 1, Учпедгиз, 1952, стр. 251.

ских улусов не заезжати; а уж заехано — ино было не по объезному спати: ты чаял, что в объезд приехал с собаками за зайцы — ажно крымцы самого тебя в торок вяззали. Али ты чаял, что таково же в Крыму, как у меня стоячи за кушаньем шутити? Крымцы так не спят, как вы, да вас дрючон умеют ловити да так не говорят, дошедши до чюжен земли, да пора домов».

Кроме точного обозначения отправителя и адресата, здесь обращает на себя внимание традиционная форма *писал еси* (связка перфекта была потеряна уже в XI—XII веках). Но это только в начале письма. Далее употреблены типично разговорные обороты и конструкции, насыщенные фразеологией, сравнениями, эпитетами и обращениями, весьма далекими от церковно-книжных средств и норм литературного выражения: «чаял, что в объезд приехал с собаками за зайцы», «ино было, Васюшка, без путя... заезжати» и т. п.

В литературном языке XIV—XVI веков развиваются и преобразуются стили художественно-поэтического повествования. Развитие это обнаруживается в значительном расширении арсенала образно-поэтических средств, в вовлечении в художественное повествование элементов стиля публицистического, документально-делового, эпистолярного и др.

Оформившиеся еще на заре развития русской литературы средства художественно-поэтического изображения используются в XIV веке и позднее в качестве основного материала создания образов, картин и характеристик.

Эта преемственность речевых средств и дальнейшее развитие самих функций образной речи хорошо прослеживаются, например, в памятнике XV века «Задонщина», точнее называемом: «Слово о Куликовской битве Софония Рязанца», в «Задонщине» можно наблюдать оригинальное применение многих образных средств языка, взятых из «Слова о полку Игореве». Например:

«...то ти, не орли слѣтошас(я) съѣхалися всѣ князи русскыя к великому князю дмитрію иванович(у), на пособѣ аркучи так: господине князь великий уже погании татарове на поля на наши наступаютъ... бяше сторожевыя полкы, на щитѣ, рожены, под трубами поють под шеломы възлелѣваны, конецъ копія вскормлены с востога меча поены в литовьской земли...; сядемъ брате на свои борзи комони, испиемъ брате шеломомъ своимъ воды быстрого дону...»

Так, в связи с оживленной переводческой деятельностью Московской Руси и появлением особого жанра литературы — путешествий и географических описаний — формируется новая разновидность литературного языка. Она довольно выразительно представлена, например, в таком замечательном памятнике русской литературы XV века, как «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, тверского купца, посетившего в 1466—1472 годах Индию.

Свободный от традиций и условностей книжно-славянской речевой культуры, этот светский человек сумел простым, ярким и убедительным слогом описать виденное им в Индии. Язык его описаний содержит литературно обработанные речевые сред-

ства, разговорно-обиходной речи. Вот, например, как описывает он одежду и наряды индусов:

«...и тут есть индийская страна и люди ходят всѣ наги, а голова непокрыта, а груди голы, а власы в одну косу заплетены... а всѣ черны, яз куды хожу, ино за мною люди и мног(о), да дивуются бѣлому человеку. А князь ихъ фота на головѣ, а другая на гузнѣ... а слуги княжие и боярьские фота на гузне обогнута, да щит, да меч в руках, а иные с сулицами, а иные с ножи, а иные с саблями, а иные с луки и стрелам...»

Влияние хроникально-летописного стиля распространяется в XIV—XVI веках на различные повести и сказания. Последние черпают в летописях основной материал повествования. В этом отношении интересна «Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 году». Как самое извещение о приходе Батыя, так и описание битвы с ним даны в типичном для летописи стиле:

«В лѣто 6745. Въ второе на десяти лѣто по принесеніи чюдотворного образа ис корсуня прииде безбожный царь батый на русскую землю со множество вой татарскими и ста на рѣце на воронеже близ резанскіа земли. И присла на резань к великому князю юрью ингоревичю резанскому послы бездѣльны просяща десятины въ всем во князех, и во всяких людех, и во всем... И поидоша против нечестиваго царя батыя, и сretoша его близ придел резанских, и нападоша на нь, и начаша битися крепко и мужественно. И бысть съча зла и ужасна, мнози бо силніи полки падоша батыевы...»

Пожалуй, наиболее яркое отражение в литературных памятниках особенностей народной разговорно-бытовой речи XVI века наблюдается в «Домострое». Этот интереснейший памятник литературы представляет подробную картину частного домашнего быта эпохи Московской Руси.

Это наставление в языково-стилистическом отношении отличается простотой, ясностью и конкретностью изложения. Лексический состав характеризуется преобладанием бытовых слов, обозначающих семейные отношения людей, рукоделие, кушанья и т. п., что особенно заметно в тех случаях, когда, например, Сильвѣстр поучает сына относительно его обращения с женой. Само начало этого поучения выдержано в книжно-традиционных выражениях, заметно насыщенных церковнославянизмами:

«Благословеніе отъ благовѣщенскаго попа Селивестра возлюбленному моему, единородному сыну Анфиму.

Милое мое чадо, дорогое!..»

Но далее, обращаясь к конкретным целям наказа, он как бы переключается на иную систему выражения и широко пользуется речевыми средствами разговорно-бытового характера:

«Да самъ, чадо, что твориши, того жену учи: всякому страху божію, и всякому вѣжеству и промыслу и рукодѣлю, и всякому рукодѣлю и домашнему обиходу; и всякой поряднѣ. Умѣла бы сама и печи и варити, и всякую домашнюю порядню умѣла, а всякое женское рукодѣлье знала; коли сама все знаетъ и умѣетъ и дѣтей

и слугъ всему научити, и наряжати, и наказати во всемъ; и сама бы хмельново питья отнюдь не любила, а дѣти и слуги у ней того не любили же».

§ 19. Обогащение лексики литературного языка Московского государства

Памятники Московской Руси красноречиво свидетельствуют о том, что к XV—XVI векам словарный состав русского языка значительно обогатился. Это обогащение шло прежде всего за счет развития значений и усложнений смысловой структуры слов, относившихся к основному словарному фонду русского языка. На основе широко известных и общеупотребительных слов русского языка — *земля, воля, правда, голова, волость, душа* и другие, — к этому времени сформировалось много отвлеченных слов, юридических терминов, профессиональных выражений, публицистических формул, как бы распределявшихся и закреплявшихся за соответствующими стилями литературного языка.

Например, по данным «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, слово *власть* имело в памятниках XI—XIV веков следующие значения: 1) сила, могущество («дана им в власть...»); 2) свобода, право («не имѣють Русь власти зимовати въ устьи Днепра»); 3) господство («мирьскую власть имѣти»); 4) область, волость, община¹. Кроме отвлеченных и публицистических значений, это слово употреблялось и в качестве административного термина (волость). Производные от него слова — *властелин, властитель, властвовать, властолюбец, властный* — дают хорошее представление о смысловом объеме подобного рода слов.

Существовавшее наряду с неполногласным *власть* слово *волость* тоже имело множество значений: 1) власть; 2) право; 3) область, страна, земля, находящаяся под одной верховной властью; 4) округ; 5) частное владение².

У слова *воля* уже древние памятники регистрируют общественно-идеологическое значение — «свобода», «возможность» и др. Еще более широк смысловой диапазон у слова *голова*, которое употреблялось и в специальном терминологическом значении, характерном для документально-юридических стилей (*голова* — «убитый»), и в более отвлеченном (*голова* — «вождь», «совесть», «душа»), и в специфических сочетаниях терминологического характера (*головые князи, головные тати*), и в ряде производных образований: *головство* — «звание головы», *головщина* — «убийство, уголовное дело», ср. *поголовщина*.

За словом *душа* в языке памятников древнего периода были закреплены многие значения: отвлеченное (духовные свойства и

¹ См.: И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 271—274.

² Там же, стр. 293—294.

нравственные качества, совесть), религиозно-богословское (духовная сторона человека, жизнь), светско-терминологическое (обещание, присяга) и др.

Развитие стилей литературного языка привело к значительному усложнению семантики слова *земля*, которое могло употребляться в таких значениях: 1) почва; 2) низ; 3) мир; 4) страна, государство; 5) народ; 6) имение, владение; 7) поле, главный цвет ткани, фон («Отлась шолкъ зеленъ... по черной землѣ»). Ср. производные образования: *землянин*, *земьскый* (земной), *земновластец* (начальник области) и др.

В широкое употребление в XVI веке входят, по данным проф. П. Я. Черных¹, многие русские слова, известные ранее в каких-либо говорах, а также пришедшие на смену общепринятым синонимам. Например, в конце XVI века появляется слово *бросать*, сменившее употребительное ранее *метать*. Во всеобщее употребление входит слово *улыбаться* (ранее: *лыщатися*, *усмехатися*, *улыскатися*).

В деловой речи появляются слова: *приказ* — «судебно-административное учреждение, канцелярия», *сказка* — «письменное показание на следствии», *земский собор* (хотя слово «земский» в смысле «земной», «мирской», «народный» было известно и ранее), *посадский человек*, *государь* (в обращении к великому князю), *правительство*, *персона*, *секретарь* и др.

Из военной терминологии еще в XV веке известны слова *пушка*, *порох* и др. В XVI веке распространяются термины: *наряд* — «снаряжение военное», впоследствии (XVII в.) вытесненное словом *артиллерия*, *ядро* (пушечное), *битва*, *сражение*, *драться* — «сражаться», *вылазка*, *острог* — «временная городьба» и др.

По данным картотеки древнерусского словаря, хранящейся в Институте русского языка АН СССР, в XVI веке употребляются многие слова отвлеченного значения: *поздравление*, *намерение*, *задержание*, *прокормление*, *заседание* — «захват, овладение», *дружество*, *искусство*, *первенство*, *поспешество*, *старшинство*, *тайность*, *опасность* и др.²

Кроме развития и усложнения смысловой структуры общеизвестных слов и образования новых лексических единиц и терминов путем словопроизводства, обогащение словарного состава литературного языка шло за счет заимствований.

Займствования в русский литературный язык древнейшего периода из эпохи Московской Руси осуществлялись из довольно различных источников: из греческого языка, языков тюркских, из польского, немецкого и других западноевропейских языков.

Различаются заимствования устные и книжные. В одних случаях новые слова поступают в язык через книгу, как это было, на-

¹ См.: П. Я. Черных, Очерки русской исторической лексикологии, изд. МГУ, 1956.

² См.: В. П. Забродченко. Лексика русских повестей первой трети XVIII в. Рукопись диссертации, а также автореферат, изд. МГУ, 1956.

пример, с распространением в древнерусском языке благодаря церковно-богослужбным книгам таких греческих слов, как *ангел, аспид, дьявол, дьякон, евангелие, монастырь* и др. Кроме этих слов, заимствованных книжным путем, в русский язык входили многие слова, помимо книги, т. е. благодаря непосредственному живому общению русских с греками. К древним заимствованиям устного характера из греческого языка относятся: *оксамит* — «шелковая ткань», *каторга, кукла, лента, литавры, охра, свекла, фитиль* и др.

Из тюркских языков заимствование шло преимущественно устного характера, причем часть слов носила конкретно-бытовой характер и обозначала одежду, постройку и домашнюю утварь и т. п.: *башмак, зипун, колпак, каблуk, чулан, чердак, каланча, лачуга* и др. Однако часть тюркизмов распространилась и на область управления и денежного хозяйства: *караул, ярлык* — «грамота на княжение», *таможня, деньги, ям* — «плата за проезд» (ср. производное *ямыщик*).

Относительно времени заимствования тюркизмов древнерусским языком акад. В. Ф. Миллер писал: «Быть может, и многие слова, которые считаются татарскими, еще раньше татар проникли в русский язык, ибо если слово в письменных памятниках появляется в XIV—XV вв., то это еще не значит, что оно не существовало раньше. Оно просто случайно могло не быть употреблено в дошедших до нас памятниках письменности. Такое сомнение может быть высказано относительно очень многих русских слов тюркского происхождения, которых хронология для нас не ясна. Можно, например, указать ряд русских слов, которых оригинал находится в половецком словаре, но нельзя при этом утверждать, что эти слова взяты нами у половецв, а не у татар, таковы: *алтын, алмаз, аркан, казна, казначей, камыш, выюк, торба, толмач, шатер, чепрак, сундук, сычуг, базар, башмак, бурав, булат* и др.»¹.

Из западноевропейских языков (латинского, немецкого и др.) через посредство польского языка заимствовались слова, относящиеся к государственному устройству и военному делу: *вахта, капитан, карабин, капрал, майор, мушкет, панцирь, рота, ротмистр, солдат, шпага; канцелярия, герб, политика, профос* — «стражник, надзиратель» и др.; к медицине: *аптека, пластырь, селитра, скипидар, купорос*; к предметам бытового характера: *каре́та, табак, фла́га*, а также к танцам и музыке: *танец*, к торговле: *ярмарка* и др.

§ 20. Изменения в системе грамматических средств и их стилистических функций

К XIV—XVI векам в грамматическом строе русского языка произошли значительные изменения. В разговорной речи существенно изменилась система временных форм глагола, шло развитие категорий вида, аорист и имперфект стали ощущаться как устаревшие

¹ В. Миллер, Экскурсы в область русского народного эпоса, 1892, стр. 214.

формы. Происходили большие изменения в именном склонении. Все это не могло не сказаться на соотношении и взаимодействии двух стилевых потоков литературного языка.

Если светские стили опирались в своем развитии на жизненные, вновь появлявшиеся языковые средства, то в стилях церковно-книжных продолжали употребляться ставшие уже архаичными грамматические категории. Это усиление элементов нового качества в светских стилях и сохранение устаревших форм в церковно-книжной письменности не могло не ознаменоваться резким изменением удельного веса каждого из стилевых потоков в общей системе литературного языка.

В связи с этим усилилась и стилистическая дифференциация грамматических средств, так как на смену устаревшим формам и категориям приходили новые. Произошло пополнение стилеобразующих элементов, характерных как для светской, так и для церковно-книжной письменности.

Укажем на те изменения в грамматической системе языка, которые в XIV—XVI веках способствовали появлению соотносительных элементов языка, сосуществовавших позднее в силу стилистической неоднородности различных видов письменности.

1. В XIV—XV веках звательный падеж перестает восприниматься как форма живого языка и употребляется в московских грамотах этого времени лишь в случаях обращения к князю, господину и т. п. (*княже, господине, брате*). Следовательно, в это время форма звательного падежа становится уже грамматической приметой архаично-книжных стилей.

2. Употребление в XIV—XV веках перфекта со связкой (*повелѣль есмь*), характерное для официально-деловых документов, свидетельствует о том, что такая устаревшая глагольная конструкция (связка была потеряна в XI—XIII веках) является в это время стилеобразующим элементом. Таким образом, происходит стилистическая дифференциация грамматических средств, позволяющая видеть языковые различия внутри стилового потока, характерного для светской письменности.

3. В языке грамот XIV—XV веков аорист обычно не употреблялся, так как ему соответствовал в них перфект. В результате второго южнославянского влияния в XV веке возобновляется употребление аориста преимущественно в книжно-литературных стилях.

4. К XVI веку прекращается употребление в разговорном языке формы второго будущего (*буду купить* — «куплю», *буду начать* — «начну»). Она тоже попадает в состав архаичных речевых средств, с помощью которых осуществляется стилистическая дифференциация языка.

5. Если в языке Киевской Руси частица *ся* могла свободно употребляться отдельно от глагола, находясь в постпозитивном («*начати же ся, той пѣсни*») или препозитивном положении («*ся заперъ*»,

«ся родить»), то в языке эпохи Московского государства происходит закрепление ее за глаголом (*родится*). Однако употребление ее в препозитивном положении продолжалось еще до середины XVI века. В силу образования таких соотносительных конструкций наблюдалась и стилистическая дифференциация их: новообразования заметно преобладали в стилях светской письменности.

6. В приказно-канцелярском языке Москвы наблюдается в XVI веке параллельное употребление форм инфинитива (*привести* — *привесть*, *чинити* — *чинить*). В частных же письмах этого периода такие колебания не встречаются, в них употребляется только краткая форма (*отнести*, *привесть*). Таким образом, в составе глагольных форм появляется новая соотносительная пара, используемая в качестве стилеобразующего средства. Известно, что позднее полная форма инфинитива могла употребляться в качестве языковой приметы стиля высоких жанров (ср. у Радищева — *отъяти*, *подайти* и т. п.).

7. К элементам нового качества в грамматическом строе языка Московской Руси относится закрепление окончания *-ове* за личными именами существительными мужского рода, употребляемыми для этнических названий (*татарове*, *грекове*, *угрове* и т. п.). С течением времени эти окончания исчезают из литературного языка, но сохраняются в некоторых говорах. Образование языковых примет, отличающих литературный язык от диалектов, также имеет первостепенное значение для изучения истории взаимодействия этих языково-стилистических категорий.

8. Из делового и разговорного языка Москвы в XVI веке начинают исчезать энклитические формы местоимений («отдашь *ми*», «велелъ *ми*», «*тя* отпустить» и т. п.). В связи с этим уже в XVII веке они начинают ощущаться как архаизмы, употребление которых стилистически ограничено.

9. В связи с установлением в языке Москвы твердого окончания глаголов в третьем лице (*судятъ*, *дастъ*), начиная с XV века, наблюдается употребление его параллельно с мягким (*судятѣ*). Эта грамматическая примета также служит основанием для анализа стилистического своеобразия различных письменных памятников того времени.

10. Если древнерусский язык знал две параллельные формы дательно-предложного единственного личного местоимения второго лица и возвратного (*тобѣ и тебѣ*, *собѣ и себѣ*), то в XVI веке книжно-литературная традиция способствовала распространению лишь форм *тебѣ*, *себѣ*. Старая же форма с *о* (*тобѣ*) была вытеснена. Из этого следует, что развитие грамматического строя сопровождается не только появлением дублетных форм с последующей их стилистической дифференциацией, но также и унификацией, благодаря которой из языка исчезают некоторые стилеобразующие элементы.

§ 21. Значение так называемого „второго южнославянского влияния“

В конце XIV века в Москве происходит правка книг, которая осуществлялась с определенной целью: навести порядок в книгах, устранить ненужные разночтения, отклонения от первоначальных вариантов, словом, восстановить во всей чистоте церковно-книжную письменность.

Эта правка книг вылилась в своеобразную реформу орфографии, ибо были установлены определенные правила и нормы написания слов. Все это коснулось также и морфологии, стилистики и лексики литературного языка.

Произошло это в связи с тем, что в конце XIV века турки захватили Сербию и Болгарию и в 1453 году пал Константинополь, в Москве становится популярным лозунг: «Москва — третий Рим». Москва должна была быть средоточием книжности, литературы, культуры, христианской религии. Поэтому нужно было привести в надлежащий порядок и письменность.

В это время в Москву едут с юга южнославянские ученые, знатоки письменности и богословия; в числе их приезжает митрополит Киприан, который был хорошо знаком с южнославянской письменностью и который осуществил эту реформу книгописания. Киприан не только старался восстановить древние исконные нормы письменности, но по возможности сблизить русскую письменность с южнославянской, добиться единства славянской письменности. Эта правка книг условно называется **вторым южнославянским влиянием**. Первое южнославянское влияние относится к тому периоду, когда пришла впервые на Русь вместе с крещением церковнославянская письменность.

В чем выразилась эта киприановская реформа письменности? Ориентируясь на древние образцы письма, Киприан, во-первых, заменил полуустав частично уставом, частично же новым полууставом южнославянского типа; во-вторых, ввел букву юс большой (ѣ), которая уже перестала употребляться в письменности XV века; в-третьих, был устранен йот после гласных (*твоеа, моеа, всеа Руси*); в-четвертых, было введено старославянское написание глухих после плавных в таких словах, как *плѣкъ, трѣгѣ, врѣхѣ* (в старославянском языке глухой шел после плавного, а в русском — перед плавным).

В области морфологии предпочитались формы: *ея* вместо *ей*, *моєа* вместо *моей*, окончания прилагательных *-ый* (*слѣпый, злый* — вместо *слѣпой, злой*).

В лексике реставрировались очень многие слова с неполногласием, а также слова с звукосочетаниями *жд* и *щ* (*межда, свѣща*), появились сложные (преимущественно двухкорневые) слова.

В стилистике в это время пышно расцветает приподнято-украшенная манера выражения, отличающаяся своеобразным «извитием словес».

Правка книг, условно называемая «вторым южнославянским влиянием», произведенная во второй половине XIV века, имела как свои положительные, так и отрицательные стороны. Было бы неверно рассматривать «второе южнославянское влияние» как только отрицательное явление. Бесспорно, в силу этого влияния произошла намеренная архаизация письма, так как были восстановлены весьма устаревшие способы и приемы написания слов, наметился некоторый отрыв письменно-книжного языка от живого разговорного, постоянно развивающегося. Орфография, по образному выражению, является «старомодным и тесным костюмом языка»; она обычно не успевает за развитием живой речи. Но если орфография еще намеренно архаизируется, если в письме нарочито восстанавливаются более старые образцы, то это тормозит развитие языка.

В числе различных факторов, влияющих на развитие общенародного языка, письмо является одим из весьма заметных. Но переоценивать эти архаизаторские тенденции и говорить о том, что это влияние было только консервативным, веских оснований нет, потому что «второе южнославянское влияние» было, по существу, книжного характера, оно коснулось главным образом правил и норм письма: на разговорную речь все это не могло оказать и не оказало существенного влияния.

Наряду с этими отрицательными сторонами следует отметить и положительные. Укажем прежде всего на стремление наметить общиye закономерности в развитии славянских литературных языков. Это, бесспорно, явление положительного характера. Занимаясь правкой книг, Киприан и его помощники старались сблизить русское письмо с письмом сербским и других южнославянских народов и таким образом унифицировать славянскую письменность, осмыслить развитие славянских литературных языков как единый процесс. Русский литературный язык оказал на памяти истории большое организующее влияние на развитие других славянских языков. Но в свою очередь он черпал многие речевые средства из родственных ему близких славянских языков.

В результате «второго южнославянского влияния» увеличивается почти вдвое круг произведений письменности. Следовательно, вместе с этой правкой книг наблюдается подъем письменной культуры, увеличивается книжная продукция. В это время появляются исторические произведения. Например, был составлен русский «Хронограф», в котором были приведены сведения по истории греков и южных славян. Таким образом появляются произведения исторические, а наряду с ними произведения повествовательные, стихотворные, полемические и т. д.

В XIV и XV веках значительно повысился интерес к вопросам языка и орфографии. Об этом свидетельствует появление различных азбучников, в которые включались статьи по орфографии и по грамматике. За это время значительно обогатилась синтаксическая структура литературного языка.

§ 22. Книгопечатание и его значение для развития литературного языка

Изучаемый период (XIV—XVI века) ознаменовался также событием большого культурно-исторического значения. Во второй половине XVI века появляются первые печатные книги. Появление печатного станка не могло не отразиться на развитии языка. С развитием книгопечатания книга становится более доступным и более массовым явлением.

Печатание книг в разных местах требовало единой орфографии и пунктуации, единых норм книжной речи. Поэтому в конце XVI — начале XVII века делается многое в смысле грамматической нормализации литературного языка. В орфографии того времени наблюдалось много неупорядоченного. Даже при Алексее Михайловиче в указах говорилось: если челобитчик вместо *о* напишет *а* или вместо *е*—*и*, то особенно его не притеснять.

Появление печатных книг способствует усилению объединяющей роли литературного языка. Это тем более важно, что в XVI веке уже начинают постепенно закладываться элементы национального русского языка.

Наконец, книгопечатание значительно подняло самую культуру книжного дела, ибо уже первые отпечатанные в Москве книги свидетельствовали о большом искусстве мастеров печатного дела.

Как известно, Иван Федоров отпечатал свой «Апостол» в 1564 году. Но новейшие исследования в истории книгопечатного дела убеждают, что это была не первая русская печатная книга, так как еще в 1556 году, то есть за 8 лет до появления «Апостола», были уже опубликованы некоторые книги и оттиски, причем сам Иван Федоров в предисловии к «Апостолу» указывает, что Иван IV «начал помышляти, како бы изложити печатные книги», что он «начал изыскивати мастерства печатных книг», «повеле устроить дом печатному делу». Книгопечатание тогда называлось «мастерство печатных книг».

Интересно, что по сравнению с этими ранними, анонимными книгами, которые были отпечатаны до Ивана Федорова, «Апостол» печатался несколько новым способом, что свидетельствует о быстром прогрессе книгопечатания. Книги, предшествовавшие «Апостолу», печатались в один прокат, посредством одной печатной формы с нанесенными на ней одновременно двумя красками: черной и красной. Красная краска нужна была потому, что ею печаталась начальная строка абзаца. Поэтому сразу наносились две краски. Иван Федоров печатал в два проката: сначала печатал все, что в тексте должно было пойти красным, а потом печатал все черное. Такой способ давал более эффективный результат¹.

С именем Ивана Федорова также связано появление наиболее раннего руководства для начального обучения чтению и граммати-

¹ А. А. Сидоров, Предисловие к книге П. Березова «Первопечатник Иван Федоров», изд. «Московский рабочий», 1952, стр. 11.

ке церковнославянского языка. В 1955 году в «Бюллетене» библиотеки Гарвардского университета (США) были опубликованы снимки с печатного издания (во Львове) «Букваря» Ивана Федорова. Он содержит азбуку, образцы склонения и спряжения, а также церковнославянские тексты для чтения и запоминания. Основная задача этого пособия — способствовать выработке чистого и правильного языка. Подробная характеристика лингвистического своеобразия букваря дана проф. П. С. Кузнецовым¹.

Подведем некоторые итоги.

Эпоха Московской Руси — это весьма знаменательная веха в истории русского литературного языка. В это время оформился язык русской народности и на его базе развивался язык литературный. В XIV—XVI веках литературный язык обогатился рядом новых стилей и произошло преобразование ранее существовавших стилей, причем значительно увеличился за это время удельный вес стилей светского характера. Поэтому если стили церковно-богослужебного характера в древнейшем периоде были представлены весьма богато, то затем они как бы законсервировались, развитие их было приостановлено в силу специфики церковных книг, которые нельзя было изменять, обновлять, модернизировать. Стили же светского характера, особенно в условиях Московской Руси, получили мощное развитие и вышли на первое место.

В период Московской Руси XIV—XVI веков произошло заметное сближение книжной речи с разговорной. Это сближение ознаменовалось проникновением в письменность многих исконно русских слов и выражений конкретно-бытового характера, а также и различных терминов, относящихся к земледелию, жилищу, постройкам, военному делу и т. д.

В XV—XVI веках складываются единые нормы московского (среднерусского) произношения, которые затем легли в основу русской литературной орфоэпии.

Следует иметь в виду, что говор Москвы и окрестностей складывался по мере того, как пополнялось, изменялось и само население новой столицы и Московского княжества. В конце XV—начале XVI века в Москву стягиваются представители как севернорусского, о к а ю щ е г о, наречия, так и южнорусского, а к а ю щ е г о. Оформляется постепенно норма произношения Москвы, причем вокализм (система произношения гласных) в Москве утверждается в основном южнорусский: умеренное а к а н ь е и так называемое и к а н ь е.

Что же касается системы согласных (консонантизма), то она в московском произношении отличается преобладанием северных элементов. Известно, что южнорусское *г* — фрикативное, а московской нормой становится *г* взрывное. К этому следует добавить, что южнорусское окончание глаголов третьего лица мягкое, в Мо-

¹ П. С. Кузнецов, Букварь Ивана Федорова, «Вопросы языкознания», 1956, № 2.

скве же утверждается твердое окончание (вместо *идеть, поеть*, — твердое окончание *идет, поет*).

Сложившаяся в XIV—XVI веках орфография в основном окающего характера уже настолько вошла в традицию, что не могла быть поколеблена акающим произношением, принятым в столице. Московское произношение стало быстро распространяться на периферию. В орфографию же акающее произношение проникло лишь в исключительных, очень немногих случаях. Например, слово *стакан* мы пишем через *а* под влиянием акающего произношения, этимологически нужно было бы писать *стокан*. То же самое наблюдается в словах: *касатка* (*косые крылья*), *славяне* (*словене*) и др.

ЛИТЕРАТУРА

П. Я. Черных, Происхождение русского литературного языка, Учпедгиз, 1950. Б. А. Рыбаков, Древние русы, «Советская археология», вып. XVII, М., 1953. А. А. Шахматов, Русский язык. Статья в Энциклопедическом словаре Брокгауза — Ефрона. П. Лавровский, О языке северных русских летописей, СПб, 1852. С. Д. Никифоров, Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в., изд. АН СССР, М., 1952; История русского литературного языка, М., 1947. О. В. Горшкова, Язык Московских грамот XIV—XV вв. (Автореферат), изд. МГУ, 1951. П. С. Кузнецов, Букварь Ивана Федорова, «Вопросы языкознания», 1956, № 2. В. Д. Левиц, А. Д. Григорьев, Вопрос о происхождении и начальных этапах русского литературного языка в русской науке XIX века. «Ученые записки Московского городского пединститута», т. 1, вып. 5, 1956. Передовая статья «Состояние разработки и задачи дальнейшего изучения вопроса о диалектной основе русского общенародного языка», «Вопросы языкознания», 1958, № 5. В. П. Ананьева, Особенности употребления звательной формы и двойственного числа в «Казанском летописце», «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. СХХХII, вып. 8, 1958. Я. А. Спринчак, Структурные типы определительных придаточных предложений в московских грамотах XIV—XV веков, «Научные записки Днепропетровского университета», т. 64, вып. 15, 1958.

ГЛАВА 5

РАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ НАЦИИ (XVII век)

§ 23. Расширение и усложнение функций литературного языка в период формирования русской нации

Письменные памятники XVII века запечатлели процесс формирования национального русского языка, который шел в XVI—XVII веках и продолжался позднее.

При изучении развития литературного языка в эпоху формирования нации необходимо учитывать следующие закономерности. В связи с превращением языка народности в язык нации усиливается объединительная роль литературного языка как основы национального языка; изменяется соотношение общенародного языка и диалектов, ибо прекращается образование новых диалектов и благодаря созданию единого национального языка начинает исчезать диалектное дробление; создаются общие нормы, которые утверждаются прежде всего в литературном языке, базирующемся уже не на диалекте, а на всем общенародном языке.

Говоря об условиях образования нации, национального языка, В. И. Ленин указывает прежде всего на экономическую основу: он называет такой существенный фактор, как завоевание внутреннего рынка буржуазией. Кроме того, в качестве исторических условий формирования нации и национального языка В. И. Лениным отмечаются государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, а также устранение всяких препятствий развитию языка и закреплению его в литературе. «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободно-

го и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем»¹.

Своеобразие русского исторического процесса заключается прежде всего в том, что в условиях феодализма еще до оформления русской нации возникло централизованное государство. А возникновение государства русской народности, т. е. Московского государства, явилось в дальнейшем одним из факторов, способствующих процессу складывания нации.

Какие же процессы, связанные с формированием национального языка, отразились в письменности? Известно, что словарный состав языка наиболее чутко реагирует на различные изменения в общественной жизни. Поэтому памятники XVII века дают интересный материал, свидетельствующий о расширении и развитии словарного состава как за счет словопроизводства, так и за счет различных заимствований.

Памятники XVII века свидетельствуют о том, что в это время многие новые диалектные слова вовлекались в литературный язык, что для XVII века диалектизмы являлись основным резервом, за счет которого пополнялась лексика литературного языка, ибо диалекты вливались в общенародный, а затем национальный язык, который вбирал из них все жизненно необходимое.

§ 24. Расширение словарного состава языка

Рассмотрим то новое пополнение в лексике литературного языка, появление которого датируется памятниками начиная с конца XVI века. Они запечатлели много новых слов, прежде письменностью не зарегистрированных. Так, в летописях и других памятниках XVII века встречается, например, новое слово *дождливый*. Раньше было *дождовый* и *дождивый*. Появление слова в форме *дождливый* является результатом активизации суффикса *-лив-*. С середины XVI века в памятниках встречается слово *водяной*, которому соответствует более раннее *водный*. В сибирских летописях встречается *водяной путь*, *водяные суды* в смысле *водный*².

В составе общеупотребительных слов предметно-бытового характера утверждаются такие лексические единицы: *щи*, *солнечник* (зонт), *калитка*, *водка*, *рюмка*, *брага*, *каре́та*, *кумач*, *кисея*, *войлок*, *чеснок*, *подкова*, *рукомойник*, *утиральник*, *карты*, *бумага*, *квашня* и т. п.

В картотеке древнерусского словаря зарегистрировано употребление в XVII веке следующих слов: *матушка*, *батьюшка*, *про-*

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 368.

² См.: О. Г. Порохова, Лексика сибирских летописей XVII в. Автореферат диссертации, изд. АН СССР, 1952, стр. 7—8.

снутья, подрастья, знатно («сильно»), беспаятно, красивый, нахал и др., а также отвлеченной лексики: *одоление, утомление, охранение, подавление, гуляние, старание, знакомство, ласкательство, непостоянство, приятство (дружба), замужество, скрытность, довольность* и др.

В это время появляется много общественно-юридических и публицистических терминов, тоже образованных на русской почве, такие слова, как *допрос, допросить, начальник, чиновник* и соответствующие синонимы: *начальные люди, думчий, думный, служилый, служивый* — в значении «тот, кто служит».

В документально-деловой стиль входит термин *начальство*, который раньше употреблялся в значении отвлеченного качества. С XV века начинает употребляться слово *государство*, с XVII века — слово *подданство*. В период XVI—XVII веков входят слова: *оклад, договор, иноземец*.

Этим же временем, как утверждает проф. П. Я. Черных («Очерк русской исторической лексикологии»), датируется распространение следующих слов: *смута* (появление связано с восстанием Болотникова), *вор* (смутьян, бунтовщик,) *мужик* (после крестьянской войны слово получило оттенок «уничужительности», а ранее — в XVI веке — «черный человек», «крестьянин»), *бунт, пан, поляки* (вошло после польской интервенции), *сбруя* (польск.), *разруха* (разорение), *гражданин, правительство* и др.

Военные термины тоже формируются на базе многих слов, ранее бытовавших в русском языке. В XVII веке как архаизм употребляется слово *рать* в смысле «война» и слово *сеча* в смысле «битва». Но эти слова уже уходят в прошлое. Появляются такие термины: *бранное ополчение, бой, сражение, осада*; наряду со словом *осада* употребляется в том же смысле слово *отступление*. Слово *сражение* уже в памятниках XVII века употребляется как определенный военный термин. В то же время входят в язык такие слова, как *вылазка, подкоп, окоп*. В XVII веке глагол *сдаться* употребляется в военно-терминологическом значении. Укажем также на распространение таких русских слов, как *ружье* (в смысле «оружие, вооружение»), *винтовка, урядник* и др.

Лексика письменных памятников в этот период пополняется также за счет местных диалектных слов. Из различных диалектов в общенациональный язык входят слова, ранее известные в какой-либо местности. Скажем, многие сибирские названия рыб становятся общераспространенными: *нельма, муксун, омуль*. То же можно сказать об уральском и сибирском названии лося — *сохатый*.

Наряду со словами и выражениями русского происхождения (*передовой полк, сторожевой полк, большой полк, служилые люди, пищали, стрельцы, пушари, пушечный наряд* и др.), в памятниках XVII века употребляется много терминов иностранного происхождения. Например, в 1647 году переводится на русский язык с немецкого книга Вальгаузена «*Kriegskunst zu Fuss*» («Военное искусство

пехоты»). Так как в те времена слово *военный* еще не употреблялось, как не было и слов *искусство*, *пехота*, то эту книгу перевели следующим образом: «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей».

В русском переводе были употреблены многие военные термины иностранного происхождения. К ним относятся: *мушкетеры*, *мушкетеры*, *шеренга*, *амуниты*, *шанцы*, *солдат*, *капитан* и др. Вообще заимствования из иностранных языков носили в XVII веке довольно пестрый характер как в смысле источников, т. е. языков, из которых привлекались слова, так и в смысле самого состава слов.

По свидетельству проф. П. Я. Черных, в XVII веке начинают употребляться такие заимствованные термины военного характера: *лагерь* (ранее *стан*), *профос* (каптенармус, ср. переоформленное в результате ложной этимологии *прохвост*), *артиллерия* (ранее *наряд*), *бомба*, *пехота* (от латинск. *pes* — «нога»), *солдат*, *генерал*, *капитан*, *корпорал* (капрал), *командир*, *баталия* (битва), *батарея*, *фортеция* (крепость), *виктория* (победа), *флот* и др.

В это же время, по наблюдениям В. П. Забродченко и по данным картотеки древнерусского словаря, употребляются иностранные слова: *доктор*, *минута*, *фамилия*, *барон*, *пастор*, *студент*, *монах*, *литера*, *циркуль* (круг), *рецепт*, *карты* (игральные), *штаны*, *шага*, *палаш*, *штурмовать* и др.¹

Заимствования XVII века отличаются от заимствований петровской эпохи польским посредничеством. Обычно слово шло из западноевропейских языков в русский язык через польское посредничество, которое сказывалось в том, что иногда иностранные слова входили в русский язык в польской обработке. Например, немецкое слово *Küche* вошло в русский язык в польской обработке — *кухня*. Многие глаголы в польском языке имеют суффикс *-ować*. С этим суффиксом ряд иностранных слов вошел в русский язык: *демонстрировать*, *иллюминировать* и т. п.

Что же касается характера заимствованных слов, то об этом можно судить хотя бы по такому перечню привлеченных из польского языка слов, который приводит акад. Я. Грот: *бекеша*, *бричка*, *будка*, *вензель*, *вириши*, *дышло*, *сбруя*, *козлы*, *козырь*, *коляска*, *мещанин*, *оглобля*, *огулом*, *панибрат*, *погон*, *темляк*, *шлея*, *шлях*, *шомпол*, *шоры*, *штык*². Среди этих заимствований встречаются бытовые термины или же термины, относящиеся к упряжи (*сбруя*, *дышло*, *бричка*), украшениям, доспехам, одежде и т. п.

Литературный язык пополняется в это время и некоторыми театральными терминами. Во второй половине XVII века (1672) создается театр, по поводу которого царь Алексей Михайлович издает соответствующий приказ, появляются и отражающие это новое явление слова. Причем многие термины представляют собой ори-

¹ В. П. Забродченко, Лексика русских повестей первой трети XVIII в. Автореферат, изд. МГУ, 1956.

² Я. К. Грот, Филологические разыскания, СПб, 1899, стр. 467.

гинальные сочетания русских слов, в которых несколько изменилось значение, и заимствованных. Например, в этом приказе говорится, что для царской *потехи*, или *игрища*, была построена в селе Преображенском *комедийная хоромина*. Здесь мы встречаемся с сочетанием слова *комедийная* иностранного (греческого) происхождения со словом *хоромина* — исконно русским. В этой комедийной хоромине ставили комедии *жалостные* и *прохладительные* (т. е. веселые, легкие). Сама комедия делилась на *сени* (акты); между которыми вставляли *интерлюдии* и *интермедии*. Иногда в конце пьесы был *сконцеватель* (эпilog). Декорации назывались *рамы перспективного письма*, а комедианты (т. е. артисты) надевали *потешное платье* ¹.

Но при всем этом следует заметить, что в XVII веке ощущается явный недостаток искусствоведческой терминологии, необходимой для обозначения театрального дела. Например, стольник Петра Великого Толстой, отправившийся в 1697 году за границу и описавший свое заграничное путешествие, говорит, что в Италии он был в «театруме». В его описании театра заметно, что многие ныне удивившиеся слова театральной терминологии тогда не были известны. Он пишет:

«В бытность мою в Вѣнеціи были оперы в пяти мѣстахъ, тѣ *полаты*, в которыхъ тѣ оперы бывають, *великие круглые*, называютъ ихъ италианцы тѣатрумъ, в тѣхъ полатахъ подѣланы *чуланы* многіе в пять рядовъ въ верхъ, и бываетъ въ ономъ тѣатрумѣ *чулановъ* 200, а в иномъ 300 и больше; а всѣ *чуланы* подѣланы изнутри того тѣатрума предивными работами золочеными иныя оклеиваны толстоу чеканною бумагою».

Ср. также его замечание о том, что в садах Вены он видел много «подобиевъ разныхъ мужеска и женска полу из меди» (т. е. статуй).

§ 25. Словари, созданные в XVI—XVII веках

Прежде чем характеризовать созданные в это время словари, укажем, что традиции составления азбуковников, лексиконов и других справочных пособий восходят к древней Руси. Подробная характеристика развития лексикографической деятельности дана в книге С. П. Булича «Очерк истории языкознания в России» (СПб, 1904). Еще в «Изборнике Святослава» 1073 г. встречается своеобразный прототип лексиконов, ибо в нем толкуются некоторые термины, иностранные слова, отвлеченные понятия и т. п.

То же самое наблюдается в новгородской Кормчей книге (1282 г.), где поясняются многие слова греческого происхождения и других языков, а также разясняются библейские имена и термины. В 1431 г. создан второй новгородский словарь, содержащий толкование нескольких десятков слов (в позднейших списках до 200). Он

¹ См.: С. Д. Никитин, История русского литературного языка, М., 1947, стр. 39.

назывался «Тлъкование неудобъ познаваемом в писаных речемъ, понеже положены суть речи в книгах от начальных преводник ово словенскы, и оно сръбскы, и другаа българскы и гръчскы, их же неудоволишася преложити на рускый». О значении этого словаря и приемах пояснения иноязычных слов, устаревших, отвлеченных (*свене* — «кроме», *бѣхма* — «весьма», *художество* — «хитрость» и т. п.) см. в упомянутой книге С. П. Булича.

Для исторической стилистики русского языка особый интерес представляет «Сборник старца Васьяна Кошки», составленный в XVI веке Вассианом Возмацим. Кроме иностранных слов, в нем давалось пояснение образно-метафорическому словоупотреблению: *труба* — «горло», *струны* — «персты», *гусли* — «язык» и т. п.

Оживление в XVI и XVII веках лексикографической деятельности объясняется различными факторами: усложнившимися международными отношениями, ростом торговли, интересом к переводной литературе, изучением иностранных языков и др. Не случайно в виде приложения к грамматике Лаврентия Зизания (1556 г.) был присоединен первый печатный словарь: «Лексисъ сиречь речения въ кратцѣ собраны и изъ словенского языка на просты русскы дїялектъ истолкованы». По сравнению с предшествующими справочниками он отличался в количественном отношении, ибо в нем истолковано 1061 слово, расположенное по алфавиту. По наблюдениям С. П. Булича, материалом для словаря служили преимущественно богослужебные книги, а также сочинения церковных деятелей. Этот «Лексисъ» послужил образцом при составлении многих других справочников и словарей, часть которых не сохранилась до наших дней.

Словари и азбуковники XVI—XVII веков дают интересные показания относительно синонимических соответствий в структуре древнерусского литературного языка донациональной эпохи. Вот извлеченные из них синонимы соотносительные в силу того, что существовали различные стили языка: *абие* — «тотчас», *битва* — «война», *брань* — «ратное дело», *брак* — «свадьба», *вертеп* — «пещера», *вертоград* — «огород, сад», *воня* — «запахи, благоухания», *горний* — «вышний» и т. п.¹.

Большим событием было в XVII веке опубликование словаря Памвы Берынды (1653 г.) «Лексиконъ словеноросский, именъ толькованіе...» В нем довольно последовательно производится разграничение церковнославянских элементов и русских, выделяются народные украинские и белорусские слова, хотя последние иногда воспринимаются как общезыковые (*вижду* — *бачу*, *житница* — *клубня* и др.). В этом же веке Епифаний Славинецкий составил трехязычный словарь (около 7000 слов) под названием «Книга лексикон греко-славено-латинский». Ему же принадлежит спра-

¹ См.: В. В. Виноградов, Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка, изд. АН СССР, М., 1958, стр. 115.

вочник «Филологический лексикон», объясняющий некоторые слова из священного писания.

Для истории лексики литературного языка и складывавшихся в то время синонимических отношений значительный интерес представляет книга «Синонима славеноросская» XVII века, изданная П. Житецким. По свидетельству В. В. Виноградова, она «дает довольно отчетливое представление о тех словах и понятиях, которые входили в структуру украинской светско-деловой, а отчасти и церковно-литературной речи из языка латинского (как непосредственно, так и через посредство польского языка). Это, во-первых, слова официального стиля, делового и юридического языка: *апелляция*, *гонор*, *декрет*, *депозит* — «поклад», *деспект* — «укоризна, укорение, бесчестие, оклеветание, хула, хуление, глумление», *инквизиция* — «истязание вины», *канцелярия*, *квестия*, *кляуза*, *конкретную*, *корона*, *корону*, *мандат*, *мезерия* — «окаянство, бедность», *мезерный*, *оказия* — «извет, явление, кичение», *патрон*, *персона*, *под претекстом*, *полиция* — «гражданство», *посессию держу*, *секрет*, *термен* — «устав, предел»... Во-вторых, это слова с ученой окраской, из риторики или из научной и технической терминологии, переходившие в общий письменный и бытовой интеллигентский язык: *аффект* — «страсть, причастие, движение сердечное», *доктор*, *конституция* — «состояние», *митра* — «письмо», *натура*, *оратор*, *орация*, *палац* — «палата», *помпа*, *суптельный* — «восперен, тонкий, тонченный», *фегура* — «образ» и т. п. В-третьих, это слова школьные, напр.: *вакация* (из *vacatio*), *бурса* (*bursa*) и т. п.»¹.

§ 26. Грамматическая нормализация литературного языка в XVII веке

В конце XVI — начале XVII века появляются первые печатные грамматики церковнославянского языка, которые преследуют цель осмыслить грамматический строй языка и утвердить определенные и единые грамматические нормы. Как это стало известно в последнее время, Иван Федоров напечатал во Львове в 1574 году свой Букварь (единственный экземпляр хранится в Париже). Вслед за ним в 1586 году в Вильне вышла «Кграматыка славеньска языка». Вскоре там же выходит грамматика Лаврентия Зизания (1596 г.), к которой приложен словарь. В 1619 году в Евю вышла грамматика Мелетия Смотрицкого, поставившая задачей нормировать церковно-славянский язык.

Последняя грамматика, несколько переделанная и дополненная вставкой грамматических рассуждений, была издана без имени автора в 1648 году в Москве под заглавием: «Грамматики словенския правильное синтагма». В послесловии этого издания было указано назначение книги: «Яже въ счинениихъ въскорѣ изъобличить

¹ В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., Учпедгиз, М., 1934, стр. 21.

злѣ расположенное и избыточное стринеть, недостаточное же исполнить, паче же писати и читати добръ научить». «Грамматика делится на четыре части: орфографию, этимологию, синтаксис и просодию (стихосложение). Частей речи восемь: имя, местоимение, глагол, причастие, предлог, союз, наречие, различие (т. е. член *иже, яже, еже*). Имена делятся на собственные и нарицательные, а последние на существительные, собирательные и прилагательные. Падежей семь: именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, творительный и сказательный. В глаголе различаются шесть наклонений: изъявительное, повелительное, молительное, сослагательное, подчинительное и неопределенное — и шесть времен: н а с т о я щ е е; четыре п р о ш е д ш и х времен: а) прошедшее (т. е. имперфект): *бѣяхъ, являхъ*; б) мимолетное (нестяженный имперфект с значением давнопрошедшего времени): *бѣяхъ, являхъ*; в) преходящее (т. е. аорист): *бихъ, явихъ*; г) неопределенное (т. е. аорист от основы с приставкой): *убихъ, прочтохъ*; в преходящем времени (т. е. аористе) разграничены 2-е и 3-е лицо ед. числа: для 2-го лица взят перфект: *биль еси*, а для 3-го числа сохранен аорист: *би*; б у д у щ е е время: *убию*¹.

В грамматике Мелетия Смотрицкого была сделана попытка установить и видовые различия глаголов. Он выделяет следующие виды: первообразный (*чту, стою*), начинательный (*каменю, трезвею*) и учащательный (*бегаю, читаю*). Однако из-за некритического следования греческим грамматикам Смотрицкому не удалось успешно разобраться в видах и во временах славянского глагола.

По признанию Ломоносова, первые книги, прочитанные им, были грамматика Смотрицкого и арифметика Магницкого. Это свидетельство показательное в том отношении, что грамматика Смотрицкого была популярна, что она являлась руководством, которым изучая язык, пользовались, довольно долго.

Роль же грамматик Зизания и Смотрицкого в нормализации средств русского литературного языка была незначительной. Основной недостаток этих грамматик заключался в том, что они ориентировались преимущественно на устаревший язык церковной письменности и не учитывали тех больших изменений, которые произошли в морфологической системе, а также то новое, что появилось в XVII веке. В этом можно убедиться, познакомившись с разнообразием книжных и разговорно-просторечных грамматических форм и категорий, которые отражались в письменности того времени.

Отсутствие единых грамматических норм литературного языка в XVII веке обнаруживалось как в официальных документах того времени, так и в частных письмах, в которых с наибольшей полнотой отражались изменения, происходившие, например, в морфологической системе разговорного языка. В подтверждение этого укажем на

¹ С. Д. Н и к и ф о р о в, История русского литературного языка, М., 1947, стр. 37—38.

некоторые случаи употребления параллельных форм в письмах царя Алексея Михайловича и его приближенных, а также в отпечатанном в 1649 году Уложении, т. е. своде законов, язык которого исследовал проф. П. Я. Черных¹.

Пестрота и неупорядоченность грамматических норм обнаруживается, например, в употреблении местоимений *язъ* и *я*. В письмах Алексея Михайловича и его приближенных (Одоевского, Морозова и др.) встречается та и другая форма. При этом обращает на себя внимание следующая закономерность: форма личного местоимения *я* преобладает в переписке, которая в стилистическом отношении нейтральна, так как в ней речь идет о самых обычных делах и событиях: «я буду в воскресенье», «я ъду под Тушино» и т. п. Когда же он пишет Никону и прибегает к более изысканным и книжным оборотам и выражениям, то употребляет архаичную форму «подписаль *язъ* своею рукою рабъ божий царь Алексей», «а *язъ* многогрешный царь».

Стилистически мотивированным является также употребление в частной переписке местоимений *сесь*, *ся*, *се*, выходивших в XVII веке из употребления в живой разговорной речи в силу того, что начинало распространяться местоимение *этот*. Так, в письмах царя и приближенных встречаются формы: «*енто* все дѣлалось в среду», «и как *ето* дѣло минуется». Что же касается челобитных и ответов на просьбы, то в них нередко встречаются устаревшие формы («к сей челобитной князь... печать свою приложилъ»), что объясняется своеобразием стиля документально-деловой переписки.

Точно так же для этой переписки не характерно употребление постпозитивного члена, хотя в письмах Алексея Михайловича он встречается часто: «в длину *вода-та* шесть сажень», «а не *соколъ-отъ* и сѣл к ней», «а *болезнь-та* ево начала разжигать».

В частных письмах царя и приближенных перфект употребляется обычно без связи, а в официальных распоряжениях была принята более архаичная конструкция. Например, в подорожной грамоте, выданной боярину Морозову: «чтобъ *есте* давали боярина нашего Б. И. Морозова людемъ б подводъ с телеги и с проводники»; «а прочитая сю нашу грамоту *отдавали бы есте* боярина нашего... людемъ».

Разнообразие грамматических форм, отражавшееся в письменности середины XVII века, объясняется в значительной степени состоянием живой разговорной речи Москвы. Так, в частной переписке начинает употребляться инфинитив глагола *итить*, характерный для московского просторечия того времени. Эта форма часто встречается в письмах царя («*итить* прямо, *итить*, гдѣ свѣдаютъ ляховъ»), хотя она, по наблюдениям проф. П. Я. Черных, совершенно чужда Уложению 1649 года.

Стилистическая дифференциация форм, происходившая в зависимости от содержания письменности и в соответствии с жанром ее,

¹ См.: П. Я. Черных, Язык Уложения 1649 года, изд. АН СССР, 1953.

наблюдалась и в наречиях. Из синонимической группы наречий времени (*нынче, нынеча, нонче, топере, тепере, топереча*) заметно выделяются типичные для московского просторечия формы, употреблявшиеся в письмах. Например, для Уложения 1649 года, как памятника официально-деловой письменности, характерна форма *ныне*. В собственноручных же письмах царя Алексея употребляются ее просторечные синонимы: «самъ ты вѣдаешь, что Фомина *нынѣ* ча недѣля; «и *топере* все стало»; «лихорадка де знобит и *топере*».

Подобная же стилистическая обусловленность прослеживается в употреблении слов, относящихся к категории состояния. Например, книжная форма слова *нельзя* почти не встречается в частной переписке, где ей предпочитается разговорная — «Бхать *нѣльзя*», а также синонимы: «всего не *мочно* взять», «допросить *мошно* ли». В письмах употребляется также форма *надобе*, нетипичная для языка официальной письменности XVII века.

Пестрота и неупорядоченность наблюдаются и в употреблении союзных слов. Если в Уложении обычно используется союзное слово *будет*, то в письмах часто выступает форма — *буде* («*буде* он старъ и увѣченъ, и тягло пусто не будетъ, и его велѣтъ постричь»). Кроме того, в частной переписке применяется иногда союз *если* (*есть ли*), не встречающийся в Уложении.

В системе склонения имен существительных наблюдается смешение флексий. Например, окончания слов мужского рода иногда употребляются в местном падеже в таких словах: *ротехъ, хоромахъ, мѣрехъ* (ср. в письмах Петра: «при походехъ»). Кроме того, некоторые слова употребляются то в мужском, то в среднем роде (*мытъ* и *мыто*).

Все эти примеры свидетельствуют о намечавшихся в XVII веке новых тенденциях употребления грамматических средств, о дифференциации их в зависимости от стилистического своеобразия писем и официальных документов.

§ 27. Проникновение в литературный язык XVII века элементов просторечия (язык „Жития протопопа Аввакума“)

Степень насыщенности различных стилей литературного языка XVII века элементами народной разговорно-бытовой речи, не имевшими еще прав литературности и не включавшимися в письменные памятники, была в XVII веке различной. В челобитных, частных письмах и разного рода грамотах начинают все чаще и чаще употребляться слова и выражения конкретно-бытового характера, ранее неизвестные в книжной речи. Но кроме памятников документально-делового жанра, эти речевые средства проникают и в стили церковно-полемиического характера, становясь, таким образом, все более известными в литературном языке.

В этом отношении большой интерес представляет язык «Жития протопопа Аввакума» (1672—1673 гг.), написанного, по признанию автора, «просторечием», «природным русским языком», который

противопоставляется им красноречию «вириш философских», т. е. риторическим стилям церковно-богословского характера. Аввакум невысоко ценит «плетение словес», характерное для книжнориторических стилей, и отдает явное предпочтение живой разговорной речи народа. Он так говорит о своеобразии языка своего произведения:

«По благословенію отца моего, старца Епифанія, писано моею рукою грѣшною протопопа Аввакума, и аще что речено просто, и вы, господа ради, чтущіи и слышашіи, не позазрите просторѣчню нашему, понеже люблю свой русской природной языкъ, виришами философскими не обыкъ рѣчи красить, понеже не словесъ красныхъ богъ слушаетъ, но дѣль нашихъ хочетъ».

Элементы «просторечия», т. е. русской разговорно-бытовой речи, представлены в этом произведении очень полно. Особенно выразительны они в лексике, фразеологии, синтаксических конструкциях и средствах художественной изобразительности. Например, Аввакум рассказывает о том, как его везли в острог:

«Сверху дождь и снѣгъ; а на мнѣ на плеча накинута кафтанишко просто; льетъ вода по брюху и спинѣ,— нужно было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована околѣ порога тащили. *Грустно гораздо*, да душе добро: не пеняю ужъ на бога *вдругорятъ*».

Посемь привезли в Брацкой острогъ, и в тюрьму кинули, соломки дали. И сиделъ до Филипова поста в студеной башне; тамъ зима в тѣ поры живеть, да богъ грѣль и безъ платья! Что *собачка в соломке* лежу: коли накормятъ, коли нѣтъ. Мышей много было, я ихъ скуфьею билъ,— и батюшка не дадут *дурачки*! Все на брюхе лежалъ: спина гнила. *Блохъ да вишей* было много. Хотѣлъ на Пашкова кричать: «прости!» да сила божія возбранила,— велено терпѣть. Перевелъ меня в теплую избу, и я тутъ с аманатами и с собаками жилъ скованъ зиму всю. А жена з дѣтми верстъ з двадцеть была сослана от меня. Баба ея Ксенья мучила зиму ту всю,— *лаяла* да укоряла».

Образность и характерность языка Аввакума создаются весьма конкретными и выразительными сравнениями («что собачка в соломке лежу»), непринужденностью и естественностью изложения, преобладанием общеупотребительных слов.

В «Житии» использованы не только просторечные слова и выражения (*на брюхе лежал, вдругорят, грустно гораздо, дурачки, блох да вишей много* и др.), но и просторечные значения общеизвестных слов. Например, *лаять* употреблено здесь в значении ругать («лаяла да укоряла»), а такая метафоризация способствует созданию образности и эмоциональной выразительности языка.

Тургенев дал меткую и точную характеристику Аввакума и высоко отозвался о его языке: «Я вспомнил житие протопопа Аввакума, вот книга! Груб и глуп был Аввакум, порол дичь, воображал себя великим богословом, будучи невеждой, а между тем писал таким языком, что каждому писателю непременно следует изучать его. Я часто перечитываю его книгу».

Просторечие употребляется Аввакумом в оригинальных сочетаниях с церковнославянизмами, которые поясняются бытовыми выражениями: «бысть же я в третий день приалчень, сирѣчь есть захо-тѣль», «зело древо уханно, еже есть вони исполнено благои».

Церковно-книжная фразеология выступает у него в новом значении, так как, например, черт превращен в шеголя-соблазнитель: «И бѣсъ блудной в души на нее сѣдитъ, кудри... расчесываетъ, и усъ расправляеть посреди народа. Сильно хорошъ и плюнуть не на ково...»

Книжная фразеология часто сочетается с просторечными словами и выражениями: «Логинъ же разжегся ревностью божественного огня, Никона порицая, и чрезъ порогъ в алтарь в глаза Никону плеваль».

Наконец, о смелом привлечении в литературу самых разнообразных средств общенародной речи можно судить по употреблению Аввакумом некоторых диалектизмов. Он, например, широко использует характерную для севернорусских говоров эмоционально-усилительную частицу *от*, употребляемую обычно в постпозитивном положении: «какъ бѣс-отъ дрова-те сожегъ и какъ кѣлья-та обгорѣла».

Язык сочинений протопопа Аввакума является ярким свидетельством расширения в XVII веке лексико-фразеологической, диалектной и структурно-грамматической основы литературного языка.

Итак, наблюдавшееся в древнейший период развития литературного языка довольно четкое различие между стилями церковно-богослужебного характера и стилями светской письменности, а главное — сферами их использования в XVII веке последовательно не только не проводится, но и нарушается.

Письменные памятники XVII века отражают пестроту и неупорядоченность употребления элементов церковно-богослужебных стилей. Сочетание их с просторечием, включение в документально-деловую переписку и другие стилистические разновидности языка становится довольно обычным и массовым. В своем исследовании «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» К. С. Аксаков указывает на «беспорядок», наблюдавшийся в употреблении церковнославянизмов в XVII веке:

«Язык церковнославянский становится орудием произвольных замыслов... поразительно звучат в нем, резко противопоставляясь с его характером и формами, тривиальные народные и иностранные слова и выражения, на которых лежит печать современности... Этот беспорядок, это странное, будто бы разрушающее состояние указывает на новый порядок, на новую жизнь, уже ближущуюся и смутившую прежнее состояние»¹.

Примесь церковнославянизмов обнаруживается и в некоторых народных песнях, записанных в XVII веке. Например, в песнях, записанных в 1619—1620 годах Ричардом Джемсом, несмотря на свет-

¹ К. С. Аксаков, Собрание сочинений, т. II, 1875, стр. 275.

скую тематику («служилые люди, молодцы поют о том, какая служба лучше»), встречаются фразеологизмы церковно-культового происхождения («сотворил ты, боже, да и небо, землю»), причем последние употребляются наряду с типично фольклорными речевыми средствами, создавая довольно оригинальный стилистический облик этих песен.

Официально-правительственные документы являлись в своем роде рассадником некоторых излюбленных в них лексико-фразеологических и грамматических средств, которые проникали не только в частные письма XVII века, но и в известные оригинальные сочинения того времени.

В сочинении Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (с 1666 по 1667 г.) можно обнаружить соотношение и взаимодействие элементов многих стилей. Он, например, употребляет типичную для уложений и уставов формулу: «А будеть царь уведаеть...», хотя описывает царский стол и гостей как посторонний зритель. Лексика его сочинений пестрит официальной терминологией (*боярин, думный, окольныйчий, подъячий, дяк*), военной (*солдат, ротмистр, вахта, майор*), европеизмами (*танцы, музыка, герб, карета* и др.).

ЛИТЕРАТУРА

В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., Учпедгиз, 1938. Р. И. Аванесов, К вопросам образования русского национального языка, «Вопросы языкознания», 1953, № 2. Р. И. Аванесов и В. Г. Орлова, Вопросы изучения диалектов языков народов СССР, «Вопросы языкознания», 1953, № 5. П. Я. Черных, Язык Уложения 1649 года, изд. АН СССР, М., 1953; Очерк русской исторической лексикологии, изд. МГУ, 1956. Я. К. Грот, Филологические разыскания, СПб, 1899. О. Г. Прохова, Лексика сибирских летописей XVII в. (Автореферат), изд. АН СССР, 1952. А. И. Соболевский, Переводная литература Московской Руси XIV—XVI вв. СПб, 1903. В. В. Иванов, Обсуждение вопросов формирования русской народности и нации, «Вопросы языкознания», 1953, № 3. М. Ф. Тузова, Русская военная лексика 2-й половины XVII и 1-й половины XVIII в. (Автореферат), М., 1955. В. П. Забродченко, Лексика русских повестей первой трети XVIII в. (Автореферат), изд. МГУ, 1956. Н. С. Валгина, Притяжательные прилагательные в русской письменности XVI—XVII вв., «Ученые записки МГПИ имени В. И. Ленина», т. LXXXIX, вып. 6, 1956. В. К. Чичагов, Вопросы русской исторической ономастики. Об отношении русских имен к греческим в русском языке XV—XVII вв., «Вопросы языкознания», 1957, № 6. В. П. Воробьев, Дательный самостоятельный в русских оригинальных повестях XVII века, «Ученые записки Саратовского пединститута», вып. XXX, 1958. Е. Г. Лебедева, Синтаксические функции родительного падежа существительных в языке памятников XVII века, «Ученые записки Саратовского пединститута», вып. XXX, 1958. А. Н. Шиловский, Общественно-политическая лексика «Послания Даниила Заточника, «Науков записки Днепропетровского университета», т. 64, вып. 15, 1958.

ГЛАВА 6

РАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

§ 28. Государственные и общественные преобразования и их влияние на литературный язык

Петровская эпоха — это время реформ и преобразований, которые распространились на административное устройство, армию, ее структуру и методы обучения, реорганизацию самих органов управления. В это время происходит оживление промышленной деятельности, развиваются ремесла, прилагается много усилий для развития наук и искусств. Эти преобразования захватывают и школу, вопросы воспитания, образования, а также быт. В начале XVIII века наблюдается значительное преобразование всей системы литературного языка. В это время многие старые средства литературного выражения подвергаются переоценке, дается простор новым элементам как исконно русского происхождения, так и западноевропейского.

Основными направлениями, по которым развивается литературный язык в Петровскую эпоху, можно считать следующие.

Происходит своего рода универсализация лексического и фразеологического состава языка, призванного обслуживать все возрастающие потребности мощного государства, развивающейся науки, культуры, искусства, техники. Например, в связи с развитием военного дела развиваются и такие разделы науки и техники, как фортификация, артиллерийское дело. Появляются руководства по фортификации, т. е. по строительству различных укреплений; формируется терминология, относящаяся к морскому делу, судоходству; таким образом создается весьма многогранная политехническая лексика и фразеология.

Новое административное устройство вызвало к жизни новые должностные чины, табель о рангах, чиновничью субординацию. Все это потребовало соответствующего речевого оформления.

В это же время издаются различные наставления и руководства, цель которых — привить хороший вкус, дать навыки культурного

поведения и обращения, что тоже не могло не сказаться на обогащении и развитии средств литературного языка.

Значительно усложняется государственная деловая переписка. Документально-деловые стили получают в это время большое развитие: во многих коллегиях, в сенате канцеляристы старательно сочиняют различные документы. Так как состав чиновников формировался за счет светских людей, довольно плохо знакомых с церковнославянской речевой культурой, то в документы официально-канцелярского характера вносилось много элементов живой народной речи.

Все эти экономические и политические преобразования вызвали к жизни многие новые речевые средства, ранее не употреблявшиеся в литературном языке, до этого неизвестные письменности.

В Петровскую эпоху происходит интенсивное заимствование иноязычных слов. Преобладающее большинство иноязычных слов, заимствованных в то время, удержалось в языке до наших дней. Это объясняется в первую очередь тем, что заимствования были подчинены задаче обогащения словаря, созданию многогранного языка, призванного способствовать развитию науки, культуры, техники, общественности, государственности и т. д. В. Даль скептически указывал, что все эти «инородные слова, как сухая прищипа на живом теле», усохнут и отвалятся. Но он оказался неправ, так как не учел, что заимствования Петровской эпохи были жизненно необходимы, что большинство слов носило международный характер.

§ 29. Реформа графики и ее значение для вытеснения старокнижных традиций

В Петровскую эпоху резко меняется соотношение светских и церковно-богослужебных стилей литературного языка. Относительно того, как в то время оценивали стили церковно-богослужебного характера и каков был их удельный вес, можно судить по проведенной в 1710 году реформе азбуки, по которой кириллица была существенно преобразована: начертание букв округлено, удалены лишние буквы и т. п. Была создана гражданская азбука, которую тогда называли «гражданкой». Этой новой азбукой начали писать все светские книги; кириллица же стала употребляться только в книгах богослужебных.

Реформа азбуки была большим событием в истории литературного языка, далеко выходящим за пределы вопросов и проблем графики. Создание светской азбуки обозначало резкое размежевание светской литературы с церковно-богословской. Реформа азбуки дала возможность светской письменности освободиться от старых традиционно-книжных норм, которые, превращаясь иногда в оковы, препятствовали свободному развитию литературного языка.

Например, в 1703 году выходит первая русская газета, которая писала о злободневных событиях того времени и печаталась церков-

нославянским шрифтом — кириллицей. Когда новые светские книги печатались старой азбукой, то создавалось противоречие между новым содержанием и старой формой, ибо за кириллицей стояла целая система традиционных, архаично-книжных выражений.

Но коль скоро кириллице была отведена второстепенная роль, за ней были оставлены только церковные книги, то это означало, что общественностью и правительством было признано, что светская письменность должна пойти самостоятельным путем, а стиль церковно-книжного изложения превращался в профессиональный богослужебный жаргон.

Реформе азбуки Петр придавал очень большое значение. Известно, что он просмотрел все представленные ему варианты новой азбуки, зачеркнув все то, что, по его мнению, было в нашем алфавите лишним. При этом он написал резолюцию: «Сими литеры печатать исторические и мануфактурные книги, а которые подчернены, тех в летописных книгах не употреблять». Он «подчернил», т. е. зачеркнул, следующие буквы: *омегу* (ω), *пси* (ψ) и *кси* (ξ), употребляющиеся ранее только в цифровом значении. Кроме того, в новую азбуку не попали *юс большой* (ѿ) и *юс малый* (ѣ). Первое время перестали употреблять *фиту* (ϑ) и *ижицу* (Ϸ), которые позднее, уже после смерти Петра, усилиями некоторых реставраторов были восстановлены (фита и ижица окончательно были удалены при реформе азбуки 1917 г.).

Напечатанные новой гражданской азбукой книги стали сильно отличаться от церковно-богослужебных. Это размежевание произошло не только в графическом отношении: светская письменность значительно обособляется от церковной и получает большой простор в отношении средств и норм литературного выражения.

§ 30. Обогащение словарного состава языка и роль заимствований

Петровская эпоха ознаменовалась мощным развертыванием производственно-технической деятельности, в связи с чем в языке появляется много слов, относящихся к инженерному делу, горной промышленности, судостроительству, к области заводского и фабричного дела, архитектуры, не говоря уже о многочисленных ремеслах.

Политика правительства в области языка требовала разностороннего, точного и удобопонятного словарного состава. В своих наказах и письмах Петр настойчиво требовал от переводчиков ясности и точности выражений. Он указывал: «Высоких слов славенских класть не надобеть; посольского ж приказу употреби слова». Прочитав сделанный Зотовым перевод «Фортификации» и собственноручно выправив неточные, неясные места, он пишет об этом в письме к Зотову, указывая, что многие места «зело темно и неясно» переведены, и наказывает «впредь на свой язык писать, как внятно

может быть», а «особливо те места, которые учат, как фортификацию делать».

Все это приводило к тому, что производственно-техническая терминология создавалась как за счет словообразования, осуществлявшегося на основе русских слов, так и за счет заимствований из западноевропейских языков.

О появлении в начале XVIII века множества новых слов русско-го и иноязычного происхождения, а также о способах образования терминов хорошее представление дает составленный при Петре I первый словарь иностранных слов, называвшийся: «Лексикон вокабулам новым по алфавиту»¹.

В «Лексиконе» приведены иностранные слова, входившие тогда в употребление, и даны их пояснения в виде синонимов или кратких объяснений, частично исправленных Петром, который собственно-ручно внес точные и сжатые пояснения.

Русские слова, которые в качестве синонимов используются для перевода иностранной терминологии, в ряде случаев представляют собой новообразования (*домостроитель* — «архитектор», *водоважда* — «канал»), которые создавались путем нескольких приемов словопроизводства, причем наиболее активными были: суффиксальные образования (*строитель*, *промышленник* и т. п.), словосложение (*предзнание* — «прогноз», *предспение* — «прогресс»). Новые термины формировались также путем образования словосочетаний: некоторые из них удержались затем в языке в качестве фразеологических единиц, другие же не сохранились (например, *лист мореходный* или *землемерный*, т. е. карта).

Словарный состав «Лексикона» в тематическом отношении крайне разнообразен: он относится к разного рода профессиям и областям производства, а также к науке, культуре, государственному устройству.

Политехнизация лексики русского языка выражалась, таким образом, в своего рода специализации значений, в терминологизации общеупотребительных слов, сопровождавшейся заимствованием многих терминов из западноевропейских языков.

Дадим краткий обзор этой терминологии, свидетельствующей о том, что процесс политехнизации лексики захватывал самые разнообразные речевые средства и осуществлялся путем сложного взаимодействия слов и значений как русского, так и иноязычного происхождения.

Ряд терминов, употребленных в «Лексиконе» в виде синонимов к иностранным словам, относится к области *строительного дела* и образован из русских слов: *домостройная наука* — «архитектура», *домостроитель* — «архитектор», *раскат* — «больверк», *пролом* — «брешь», *застава* — «барьер», *молоток* — «киянка», *от-*

¹ «Лексикон» опубликован в «Хрестоматии по истории русского языка», сост. С. П. Обнорским и С. Г. Бархударовым, ч. II, вып. 2, Учпедгиз, 1948, стр. 47—65.

вод водяной, водоважда — «канал», *рукоделие* — «мануфактура», *крепость* — «фортеция», *основание* — «фундамент» и др.

Некоторые иностранные термины приведены в «Лексиконе» без перевода: *банка, корпус, флинт* и другие или же переведены были не всегда точно: *индустрия* — «коварство, хитрость»; *инструмент* — «орудие, снасть»; *перпендикуляр* — «вес, с верха до низа висящий свинец»; *транспорт* — «перевоз»; *фонтан* — «водоважда»; *фортификация* — «крепостей дело»; *фут* — «мера».

К области военного дела относятся следующие термины, приведенные в «Лексиконе»: *рвы* — «апроши», *бой, сражение, битва* — «баталия», *победа, одоление* — «виктория», *расположение* — «диспозиция», *защита, оборона* — «дефензия, перемирие индукция», *пехота* — «инфантерия», *сотник* — «капитан», *провозжатые люди* — «конвой», *поручик* — «лейтенант», *отступление* — «ретрет», *приступ* — «штурм», *наступление* — «атака», *засада, запасные люди* — «резерв» и др.

Следует также указать на ряд военных терминов, оставшихся в «Лексиконе» без перевода: *казармы, кадет, рапорт, солдат, сержант, фузея, цейхгаус, штык, юнкер, маршал, фельдмаршал*.

К числу неудачно (с современной точки зрения) переведенных терминов относятся: *армия* — «воинство походное...», *батальон* — «несколько сот солдат», *генерал* — «первый офицер армии», *гвардия* — «караул или стража», *командир* — «управитель, повелитель», *комиссар* — «человек, которому приказана раздача денежная и хлебная в полках», *офицер* — «начальный человек», *фронт* — «лицо, чело». Все эти иноязычные слова позднее прочно вошли в лексику русского языка.

Но, с другой стороны, следует указать, что русские термины в ряде случаев оказались более употребительными, вследствие чего в языке не сохранились многие заимствования XVII и начала XVIII века: *баталия, виктория, инфантерия, индукция* — «перемирие», *фортеция* и др. Более того, русский язык находил возможности для перевода иностранного термина двумя-тремя синонимами: *бой, сражение, битва* — «баталия». У слова *линия* устанавливается «много знаменований»: 1) «ров с болварком»; 2) «учреждение к бою»; 3) «установление кораблей к бою морскому»; 4) «линия на глобусе».

Терминологизация русских слов происходила также в тех случаях, когда создавалась лексика административного характера. Этот процесс специализации значений сопровождался суффиксацией или префиксацией слов, причем наиболее продуктивными суффиксами являлись *-ние, -ство, -ник, -тель*.

Синонимические параллели, в которых выступали эти новые термины административного характера, в «Лексиконе» представлены следующим образом:

а) слова с суффиксом *-тель*: *правитель* (администратор), *исследователь* (экзекутор), *надзиратель* (инспектор), *хранитель* (комендант), *владелец* (президент), *основатель* (фундатор), *слышатель* (аудитор);

б) слова с суффиксом *-ние*: *соединение* (альянция), *собрание* (ассамблея), *выслушивание* (аудиенция), *посещение* (визит), *повеление* (декрет), *поселение* (колония), *изобретение* (инвенция), *получение*, *окончание* (консекция), *посылание* грамоты, *соответствование* (корреспонденция), *доношение* (реляция), *учреждение*, *установление* (конституция);

в) укажем также на образование терминов с помощью других суффиксов: *союзник* (конфедерат), *юзник* (арестант), *наместник* (викарий), *посланник* (легат), *советник* (сенат), *надзирательство* (инспекторство), *лазутчик* (шпик).

Кроме словопроизводства, административные термины формировались за счет расширения значений слов и появления у последних новых, терминологического характера смысловых оттенков. В подтверждение можно сослаться на такие слова и их иноязычные эквиваленты, приведенные в «Лексиконе»: *приказ* (канцелярия), *товарищ* (коллега), *совет*, *дума* (консилиум), *указы*, *письма* (патенты), *суд* (юдициум), *правда* (юстиция), *договор* (дискреция), *ответ* (респонс).

Ряд иностранных слов, переведенных в «Лексиконе» неточно, употреблялся в документах Петровской эпохи без синонимов русского происхождения. Это такие термины: *администратор* — «правитель», *амнистия* — «беспамятство, забытие погрешения», *арест* — «стража, караул», *губерния* — «владение», *экспедиция* — «дело, ополчение», *инструкция* — «устройство», *комиссия* — «указанное дело», *кредит*, *пакет*, *трактат* (эти слова оставлены без перевода), *манифест* — «объявление, письмо королевское и княжеское» *медаль* — «деньги печатные ради памяти», *мундир* — «платье, украшение», *параграф* — «речь от пункта до пункта», *провинциал* — «владелец в провинции», *профос* («который солдат в железы сажает...»; ср. позднейшее *прохвост*), *секретарь* — «тайных дел писарь» *табеля* — «дщица», *форма* — «образ, вид», *фальшивый* — «лживый» и др.

В «Лексиконе» представлены также многие научные термины как русского, так и иностранного происхождения: *природа*, *естество* (натура), *природный* (натуральный), *врачевство*, *лекарство* (медицина), *вещество* (материя), *повесть* (история), *повествователь* (историк), *учение*, *наука* (дисциплина), *лист мореходный* или *землемерный* (карта), *врач* (медик).

Некоторые же термины оставлены без перевода (*параллель*, *параллельно*, *специальный*) или же объяснены описательно: *оптика* — «наука, которая научает различные зрительные стекла делать».

Круг специальных терминов, представленных в «Лексиконе», весьма значителен. Многие русские и иностранные слова относятся к ремеслам: *краска* — «вап», *брадобритель* — «барбир», а также к различным областям общественной жизни: *комедия* — «действие, игра веселая», *оратор* — «вития, ритор», *панегирик* — «речь хвальныйная», *партия* — «несколько человек, часть», *музыка* — «согласная игра пения», *публика* — «явность, народство», *проблема* —

«вопрос мудрый, предложение», *универсальный* — «повсюдный», *фантазия* — «мечта», *фейерверк* — «потеха огненная с фигуры», *юбилей* — «свободное лето», *мода* — «обычай», *магазин* — «житный двор и погреб питейный» и т. п.

Таким образом, слова, представленные в одном лишь «Лексиконе вокабулам новым по алфавиту», уже дают некоторое представление о тех источниках и способах терминологизации, с помощью которых происходило в начале XVIII века обогащение словарного состава русского литературного языка.

Как можно было убедиться на основании рассмотренных слов, создание специальных терминов осуществлялось на основе лексического материала как русского происхождения, так и иноязычного.

Иноязычные слова вместе с обозначаемыми ими идеями, предметами и понятиями входили в язык и национальную культуру. Эти слова удерживались в языке и входили во всеобщее употребление обычно в тех случаях, когда для них не было синонимов и эквивалентных понятий (например, *маршал*, *рапорт* и другие, оставленные в упомянутом выше «Лексиконе» без перевода).

Попытки же подобрать удачный перевод не всегда увенчивались успехом, тем более тогда, когда в обиход вступают совсем новые идеи и предметы. Так, перевод слова *фейверк* — «потеха огненная с фигуры», *капитан* — «сотник», как показала дальнейшая история этих слов, оказался неприемлемым.

В. Г. Белинский очень метко определил одну из причин, способствующих распространению в языке заимствованных слов: предпочтение некоторых иностранных слов калькам (*хронология* — «летосчисление» и др.) — это преимущество оригинала перед копией. По его мнению, идея как-то просторнее в том слове, в котором она сказалась в первый раз, она как бы срастается с ним, и слово делается непереводаемым: «Переведите «катехизис» — «оглашением», «монополию» — «единоторжием», «фигуру» — «извитием», «период» — «кругом», «акцию» — «действием» — и выйдет нелепость»¹.

Наконец, жизненность заимствованных в русский язык иностранных слов объясняется тем, что это были преимущественно термины международные, широко известные во многих языках. Это подтверждается составом, например, искусствоведческой терминологии (*театр*, *комедия*, *сцена*, *ложка*, *декорации*), военной (*генерал*, *офицер* и др.), научной (*физика*, *геометрия* и т. п.), морской (*флот*, *навигация*, *гавань*).

В Петровскую эпоху слова заимствовались главным образом из западноевропейских языков: немецкого, французского, голландского, итальянского, английского и др. Причем характерной чертой заимствований этого времени является отсутствие польского посредничества, так характерного для XVI и XVII веков. Подобно тому как одежда солдата петровских времен не являлась копией формы, принятой в армии какой-нибудь одной страны, а имела ха-

¹ В. Г. Белинский, Сочинения, т. II, 1896, стр. 243.

ракетер общеевропейской, заимствования слов в это время тоже отличались общеевропейским характером.

Например, по военному и морскому делу термины брались из ряда языков:

а) из французского: *абордаж, брешь, батальон, бастион, гарнизон, пароль, редут, манеж, марш, лафет, десант* и др.;

б) из немецкого: *ефрейтор, цейхгауз, гауптвахта, лагерь, штурм*;

в) из голландского: *гавань, рейд, фарватер, киль, шкипер, руль, рея, шлюпка, док, каюта*;

г) из английского: *бот, шхуна, фут, бриг, мичман* и т. п.

Административные термины заимствовались преимущественно из латинского и немецкого языков. В связи с реформами, осуществляемыми в Петровскую эпоху, наплыв новых слов был очень большим:

«Появляются теперь *администратор, актуариус, аудитор, бухгалтер, герольдмейстер, губернатор, инспектор, камергер, канцлер, ландгевдинг, маклер, министр, полицмейстер, президент, перфект, ратман* и другие более или менее важные особы, во главе которых стоит сам император. Все эти персоны в своих ампте, архиве, гефгерихте, губернии, канцелярии, коллегии, комиссии, конторе, ратуше, сенате, синоде и в других административных учреждениях, которые заменили недавние думы и приказы, *адресуют, аккредитируют, апробируют, арестуют, баллотируют, конфискуют, корреспондуют, претендуют, секондируют, трактуют, экзавторуют, штрафуют* и т. д.; *инкогнито, в конвертах, пакетах* разные акты, *акциденции, амнистии, апелляции, аренды, векселя, облигации, ордеры, проекты, рапорты, тарифы* и т. п.»¹.

По данным картотеки древнерусского словаря, в Петровскую эпоху употреблялись слова: *момент, министр, паж, кавалер, матрос, лакей, камердинер, каналья, корпус, пароль, конверт, адрес, вензель, медикамент, модель, ассамблея, компания, политика, мода, ария, миноветь (менуэт), арфа, опера, квартира, фундамент, галстук, ливрея, вексель, контора* и др.

Наплыв большого количества новых слов, в числе которых было много иностранных, привел к некоторому увлечению иноязычиями, которое наблюдалось в Петровскую эпоху. Появилась даже мода на иностранные слова, причем ими часто злоупотребляли те, кто даже не знал ни одного иностранного языка. Все это не могло не привести к употреблению иностранных слов без надобности, а также к неправильному их применению. Находя в этом вредные последствия, Петр I вынужден был бороться с увлечением иностранными словами, издавать распоряжения, чтобы книги писались и переводились «как внятнее может быть». Относительно неудачного применения иностранных слов Татищев писал следующим образом:

«От европейцев латинского, немецкого, французского набрано

¹ Н. А. Смирнов, Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху, СПб, 1910, стр. 4—5.

слов множество — да оные не всегда в настоящем разуме берутся, и не право пишут... в немецком языке *извощик* именуется в единственном *фурман*, во множественном *фурлейте*, а телега *ваген*, но у нас именуют телегу *фурманом*, которое весьма смешно, ибо *фурман*, точно перевести, *везущий человек*, а *извощика* именуют *фурлейт*, которое значит *возящие люди*, вместо *гезел* с немецкого к *товарищ* пишут *езель*, что значит *осел...*»

Таким образом, проблема упорядочения лексического состава языка и выработки единых и общепризнанных норм употребления иностранных слов, а также приемов их руссификации в соответствии со своеобразием родного языка весьма остро встала уже в первой трети XVIII века. Однако правильное решение ее было найдено значительно позднее, что объяснялось развитием жаргонного словоупотребления во второй половине XVIII века, значительно затормозившего процесс обрусения многих жизненно необходимых западноевропейизмов, заимствованных в начале XVIII века.

§ 31. Старина и новизна в языке

Разрыв с традиционной церковно-книжной речевой культурой, закрепленный реформой азбуки, снижение роли стилей богослужебной литературы до степени профессионально-богословского жаргона, резкое усиление в литературном языке элементов светского характера, развитие приказно-канцелярской письменности, широкое привлечение в литературу элементов разговорно-бытовой речи, насыщение книжной и разговорной речи вновь образованными терминами научного и профессионально-технического характера, а также заимствованиями — все это значительно видоизменило характер и соотношение стилей литературного языка Петровской эпохи. Элементы нового качества интенсивно накапливались в языке, сменяя и вытесняя устаревшее, причудливо сочетаясь с архаичным, уходящим в прошлое.

Старина и новизна в языке, оригинально перемешиваясь и взаимодействуя, накладывали своеобразную печать на вновь формировавшиеся стили литературного языка и их разновидности, не говоря уже о претерпевавших изменения и преобразования стилих старых, установившихся в языке.

В первую очередь это отразилось в стилих правительственных распоряжений и других документах официально-делового характера. О такой пестроте речевых средств, характерных для документов начала XVIII века, можно судить, например, по языку «Жалованной грамоты», выданной в 1700 году Петром Ивану Тесингу:

«Божією споспѣшествующею милостію, мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ, наше царское величество, пожаловали высокомоучныхъ господъ статъ голанскихъ генералъ славныхъ одновладѣтельныхъ, соединенныхъ Нидерландовъ, подданного ихъ, города Амстердама жителя, Ивана Андре-

ева сына Тесинга, повелѣли ему, по *челобитью его*, дать сію нашу великаго государя, нашего царскаго величества, *жалованную грамоту*, для того, въ прошломъ 1698 году, в прибытіи въ вышеупомянутый градъ Амстердамъ къ высококомочнымъ господамъ статомъ нашихъ великаго государя, нашего царскаго величества, великихъ и полномочныхъ пословъ, *генерала и адмирала* и намѣстника Новгородскаго Франца Яковлевича Лафорта, *генерала и воинскаго комиссарія* и *намѣстника* Сибирскаго Федора Алексѣевича Головина, *думнаго дьяка* и намѣстника Болховскаго Прокофья Богдановича Возницына, билъ челомъ намъ, *великому государю*, нашему *царскому величеству*, онъ, Иванъ Тесенгъ».

К н о в ы м элементам лексики и фразеологии «приказного языка» в данном случае относятся: *царское величество, самодержец, полномочные послы, адмирал, генерал, воинский комиссар, соединенные Нидерланды, высококомочные господа*.

С т а р о е представлено такими словами и выражениями: *жалованная грамота, челобитье, бил челом, великий князь, повелели дать сію грамоту* и т. п.

Самый титул царя и начальная формула грамот тоже характеризуется сочетанием архаичных и новых наименований: *божиею милостию, великий князь, великий государь, всеа России* (но не Руси), *державнейший, пресветлый, всеа великия, малыя и белыя России самодержец*.

Неупорядоченность употребления неологизмов и архаизмов еще более отчетливо была заметна в стилях проповеднической литературы. Смешение церковно-библейской лексики и фразеологии с недавно заимствованными западноевропейскими терминами светско-административного характера — это, пожалуй, одна из наиболее типичных и характерных черт, отличавших нормы словоупотребления в Петровскую эпоху. Сторонники и сподвижники Петра — Стефан Яворский, Прокопович и другие, одобряя деятельность правительства, пропагандировали в своих «словах» военные и другие успехи Русского государства.

В одних случаях им удавалось написать проповедь, выдержав ее в старинном церковно-поучительном стиле. Например, «Слово о победе под Полтавою» Стефана Яворского отличается намеренно архаизированным языком, употреблением аориста, звательной формы, устаревшей лексики, цитатами из евангелия: «Вся елика аще молящися просити, вѣруйте, яко приѣмлете, и будетъ вамъ (Марк. XI, 24).

«Радуйтеся и веселитесь, христоименитые людїе! Ликуй и торжествуй церковь Христова и православная великороссійская держава! Се нынѣ время благополучно и благопрїятно: уже бо лютая зима преїде, скорбное преста безведріе, буря свирѣпыхъ вѣтровъ непрїятельскихъ утолися, облакъ темный и громогласный разгнася, стужа жестокая, печали и вздыханія мимо идоша; цвѣты же радостей и веселія явишася въ земли нашей великороссійской. Нива державы Россійскія угобзися, класы побѣдные благополучно собраны;

плевелы же нечестивых шведов лютьѣ пожаты, и инїи въ снопы связаны, а инїи сожжены...»

Однако в языке такой проповеди не находила должного отражения новая, весьма сложная и многообразная действительность с ее новыми речевыми средствами. Поэтому и в церковно-проповеднической литературе начинают появляться многие специальные термины. Например, панегирик, написанный тоже на тему о победе под Полтавой в 1709 году, пестрит заимствованными из западноевропейских языков словами, контрастно выступающими на фоне архаичных:

«Сказание радостнаго и торжественнаго *триумфа*, еже сотворися вхождением его пресветлейшаго величества, великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича, всея великия, малыя и белыя России самодержца, преславнаго суща победителя шведов и внутренних своих врагов (многоглавой гидры). Како той великий монарх, сего 1709 года, декабря 21, ...с пленными шведскими *генералы*, вышними и с нижними *офицерами* и с прочими шведскаго короля служителями, со знамены, *артиллериею*, *мунициею канцеляриею* и с прочими различными добычами в своих вышеполученных под Полтавою, Лесным, Переволочною *викториях*, со славою и *помпою* велиую, в Москву благоволил есть внити».

Доминирующее положение светских, преимущественно документально-деловых стилей («приказного языка»), выражалось в давлении принятых в них норм словоупотребления на все без исключения стили литературного языка начала XVIII века, включая многие разновидности эпистолярного стиля.

В этом отношении показательны письма самого Петра, который наряду с просторечием часто употреблял в них административные или военные термины, иногда используя иностранные слова в обращениях: *Min Herz, Mein Bruder* (в письмах к Меншикову); «Я не получил на оное *антвертен*» и т. п. Ср. его письмо к князю А. И. Репину (1705 г.):

«Herr!

Сегодня получил я ведомость о Вашем толь худом поступке, за что *можешь шею заплатить*, ибо я чрез господина губернатора *под смертью* не велел ничего в Ригу пропускать. Но ты пишешь, что Огилвий тебе велел. Но я так пишу: хотя бы и ангел, не точию сей дерзновенник и досадитель велел бы, но тебе не довдело бы сего чинить. Впретъ же аще единая щепа продеть, *ей богом кленусь, без головы будешь*. С Москвы, маяя в 19 д. 1705».

К числу качественно новых явлений в развитии литературного языка следует отнести формирование вежливо-сентиментальных форм изъяснения. В Петровскую эпоху появляется много любовных стихов, посланий, повестей, а также справочников и руководств, разъясняющих, как писать комплименты, и таким образом популяризирующих галантно-изысканные формы обращения. Изданное в 1712 году руководство «Приклады како пишутся комплименты разные» содержит любопытные образцы вежливой речи.

Формирование канцеляризов, т. е. стабилизовавшихся и ставших затем шаблонными и устойчивыми элементами документально-канцелярских стилей, и их распространение во многих стилях литературного языка — тоже одна из характерных закономерностей развития языка в Петровскую эпоху.

Закрепившиеся еще в XVI—XVII веках и пополненные затем в канцеляриях петровского времени книжно-документальные речевые средства (различные формулы, начала и концовки грамот, указов, сложные предложения с подчинительными союзами *а буде, понеже, поелику, того ради, дабы* и пр.) употреблялись далеко за пределами канцелярских бумаг.

Канцеляризмы — это понятие не столько лексико-фразеологическое, сколько синтаксико-стилистическое. С канцеляризмами связано представление об архаичной и устойчивой структуре предложения, стабилизовавшемся порядке слов, громоздкой фразе, характерных союзах и союзных словах, что вместе взятое накладывает на весь канцелярский стиль своеобразный отпечаток.

В стилистическом отношении канцеляризмы отличаются преобладанием лексики и фразеологии терминологического характера, а главное — отсутствием эмоционально-экспрессивного словоупотребления, отсутствием образно-метафорических выражений, характерных, например, для стилей художественно-беллетристических.

Надо заметить, что в самих документально-канцелярских стилях в Петровскую эпоху произошли заметные изменения. Многие старые приказные формулы и обороты были заменены новыми. Если раньше челобитчики называли себя *сиротой* («я, сирота твой», «мне, сироте твоему» и т. п.), то теперь он подписывался: *покорнейший раб твой*. В ранних письмах молодой Петр, обращаясь к матери, называл себя «синишкой Петрушкой». Его же сын Алексей подписывался уже так: «Всепокорнейший сын и слуга твой Алексей». Еще больше эти новые черты документно-деловых стилей обнаруживаются в титулах, которыми наделяется царь, а также в различных указах и правительственной переписке.

Распространение канцеляризов за пределы официально-документальных стилей было в Петровскую эпоху довольно обычным явлением. Например, сочинения И. Т. Посошкова, видного публициста того времени, посвященные самой разнообразной тематике (о школах, о ратном поведении, о скудости и богатстве, о правосудии, купечестве и т. п.), весьма обильно насыщены языковыми средствами канцелярского стиля. Так, относительно деятельности судей он пишет слогом, которым обычно писались уставы и уложения:

«И ради самые твердости в судах, и во всяком правлении что бы от правосудия ни много ни мало судьи не колебались, надлежит учинить особливая канцелярия, в которой бы правитель был самой ближней и верной царю, еже бы он был око царево, верное око, и еще бы над всеми судьями и правителями был вышний, и за всякими бы правителями смотрел властительно...»

В синтаксическом смысле канцеляризмы отличались сложной и громоздкой структурой предложения с множеством условных придаточных, соединяемых соответствующими союзами, в результате чего фраза разрасталась до огромных размеров.

§ 32. Первые русские „Ведомости“ и их значение для формирования газетно-журнальных стилей

Развитие стилей литературного языка обычно идет параллельно с развитием самих жанров письменности. Выход в начале XVIII в. первой русской газеты знаменует собой начало целой эпохи в развитии одного из весьма характерных стилей литературного языка — общественно-публицистического. Уже первые выпуски газеты показали, что в системе средств русского литературного языка обнаруживались неистощимые возможности образования новых терминов, фразеологии, синтаксико-стилистических элементов, отличающих стиль газеты, рассчитанной на массового читателя. Его формирование свидетельствовало о качественно новых процессах, происходивших в литературном языке того времени.

Начиная с 1703 года в Москве печатается первая русская газета, называвшаяся «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Москве и во иных окрестных странах». По поводу выхода газеты Петр издал 16 декабря 1702 года указ «О печатании газет для извещения оными о заграничных и внутренних происшествиях». «Ведомости» издавались при Посольском приказе (позднее — Коллегии иностранных дел), в их подготовке непосредственное участие принимал сам Петр. До введения (1710 г.) гражданского шрифта «Ведомости» печатались церковнославянским («библейным») шрифтом, затем некоторое время происходила борьба между тем и другим шрифтом. С 1715 года новый шрифт окончательно вытеснил старую кириллицу. Газета печаталась в Москве на Печатном дворе, позднее (с 1711 г.) она стала также печататься в только что основанной Петербургской типографии.

Самые первые сообщения, напечатанные в 1703 году еще кириллицей (с силами и титлами), своей краткостью, лаконичностью уже напоминают сложившиеся в XIX веке газетные телеграммы, отличающиеся характерным для них «телеграфным стилем». Например, в «Ведомостях» помещены следующие сообщения, датированные 2 января 1703 года:

«Повелением его величества московские школы умножаются, и 45 человек слушают философию, и уже диалектику окончили. В математической штурманской школе больше 300 человек учатся, и добре науку приемлют.

На Москве ноября с 24 числа по 24 декабря родилось мужеска и женска полу 386 человек.

Из Персиды пишут. Индейский царь послал в дарах великому государю нашему слона, и иных вещей не мало. Из града Шемахи отпущен он в Астрахань сухим путем».

Формирование газетного стиля сказалось прежде всего на специализации значений ряда слов, которые стали употребляться как публицистические термины. Так, для наименования газеты было взято слово *ведомость*, которое было известно в русском языке еще с конца XIV века в значении «извещение», «утверждение»¹. Употребляемое в качестве эквивалента к иностранному слову *газета* слово *ведомость* стало публицистическим термином, обозначающим периодические издания. Ср. названия газет, выходявших в XIX веке: «Московские ведомости», «СПБ ведомости».

Аналогичная терминологизация наблюдается и у слов *внутренние происшествия*; относительно извещения о них и было упомянуто в указе Петра по поводу издания газеты. Это слово стало антонимом по отношению к слову-понятию *внешние*, и под *внутренними происшествиями* стали пониматься события, происходившие не за границей, а в своем государстве. Ср. позднейшие фразеологические контексты этого термина: «внутренняя и внешняя политика правительства».

Уже в первых номерах «Ведомостей» обнаруживается тенденция к созданию своеобразных, присущих газетному стилю фразеологических единиц, характерных словарных клише: «Из Казани пишут», «Из Сибири пишут», «Из Олонца пишут», «Из Персиды пишут» и т. п., причем слово *пишут* выступает в таких контекстах в значении «сообщают». В некоторых сообщениях слово *пишут* опускается, и они начинаются в стиле, типичном для телеграмм, публикуемых в газетах: «Из Амстердама ноября в 10 день», «Из Санктпетербурга генваря в 25 день».

Светский характер и многогранность лексики статей, которые печатались в газете, определялись тем, что «Ведомости» сообщали народу самые разнообразные сведения: события за границей и в стране, военные действия, правительственные распоряжения, реестры и т. п.

Таким образом, с выходом первой русской газеты начинается формирование элементов газетно-журнальных стилей, которые в последующие эпохи будут занимать одно из ведущих положений в системе стилей литературного языка.

§ 33. Словари и грамматики Петровской эпохи

Введение в литературный язык множества новых речевых средств, требующих упорядочения, систематизации и изучения, вызвало к жизни соответствующие пособия и справочники. Появляются различные словари и грамматики, свидетельствующие об ожив-

¹ См. И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. I.

лении интереса к языку и стремлении упорядочить его лексические и грамматические нормы.

Следует заметить, что лексикографическая деятельность в области русского языка начинается еще задолго до Петровской эпохи. Еще в древней Руси закладывались основы лексикологического изучения языка. Уже тогда для толкования книжных или уже ставших непонятными слов и выражений составлялись небольшие глоссарии (ср. Словарник при Новгородской кормчей 1282 г., «Толкование неудобь познаваемом в писаных речем» при книге «Иоанн Лествичник» в Новгородском списке 1431 г.).

С течением времени на основе древнерусских азбуковников и толковых словарников-справочников начинают оформляться различные глоссарии. Их создание объяснялось притоком иностранных слов. Например, в XVII веке был создан ряд славяно-латинских, греко-славяно-латинских и славяно-латино-польских словарей, в которых устанавливаются семантические соответствия между русскими и латинскими, греческими и польскими словами.

В Петровскую эпоху лексикографическая работа заметно расширяется и активизируется. Значительно развиваются и самые типы лексиконов.

Появляются словари иностранных слов. Первым таким словарем был упоминавшийся ранее «Лексикон вокабулам новым по алфавиту». Кроме двуязычных, создаются трехязычные, как об этом свидетельствует появление в 1704 году опубликованного Ф. Поликарповым «Лексикона трехязычного, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских, сокровище из различных древних и новых книг, собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное». Значение этого словаря определяется тем, что в нем представлены все наиболее употребительные в литературном языке того времени церковнославянизмы, параллельно с которыми приведены слова живого русского языка: *битый*, зри *биеный*; *болото*, зри *блато*; *весь* зри *село*; *возглавие*, *подушка*; *захапляю*, зри *похищаю*; *сулю*, зри *обещаю*; *тропа*, зри *стезя* и др.

Укажем также на весьма большой и полный Вейсманов словарь, называвшийся «Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при императорской Академии наук печатию издан». Он был издан в Петербурге в 1731 г.

Кроме иностранных словарей, создаются русско-иностранные лексиконы. Например, в 1717 году издается «Книга лексикон или собрание речей по алфавиту, с российского на голландский язык».

В это же время создаются грамматики. Вслед за грамматикой Ф. Поликарпова, изданной в 1721 году и равнявшейся преимущественно на высокий славянский язык, в 1723 году выходит грамматика Федора Максимова, называвшаяся: «Грамматика славенская в кратце собранная в грекославенской школе, яже в великом Нове Граде при доме архирейском». В отличие от грамматики Поликарпова

в ней приводятся некоторые элементы просторечной, разговорно-обиходной речи.

Однако эти грамматики не дали систематического описания грамматического строя русского языка и не сопоставили его с особенностями строя старославянского языка, как это позднее сделал М. В. Ломоносов.

В составе помещаемых в лексиконы слов, а также структуре этих справочников и способах толкования значений можно судить по данным первого словаря иностранных слов — «Лексикону вокабулам новым по алфавиту». В нем было помещено 503 иностранных слова. Порядок их расположения — алфавитный. Способы толкования различны: а) с помощью синонимов (*баталія* — бой, сражение, битва); б) путем описательного объяснения и различных комментариев составителей (*армія* — войско главное или великая часть).

О специфике этого справочника можно судить по началу «Лексикона» с собственноручными поправками, сделанными Петром: Авангáрдія *от главного войска часть передовая*¹

прохождение вóйска

передний полк

Авантáж *польза или корысть*

Адмирáл *первый о́фицер флота*

Администрáтор *правитель*

Адмирáлство *собрании правителей и учредителей флота
совѣтъ пѣрвой о́фицеров флотскихъ
и чинъ флoцкогo хoдa*

Акóрт *договор*

Акклямáція *гóлос, вопль, возглашеніе*

Аліанція *соединение*

Амбасадор *пóсол*

Амбиціо *гордость, пыха, желание чести*

Амнистія *беспамятство. Забытіе погрешеніи.*

В заключение следует сказать, что работа над составлением параллельных русско-иноязычных словарей имела большое значение для развития литературного языка, так как подбор русских синонимов к иностранным словам приводил к необходимости раскрывать значения и смысловые оттенки русских слов, не говоря уже об осмыслении и правильном освоении слов иностранного происхождения, входивших во всеобщее употребление.

§ 34. Своеобразие произносительных норм в языке Москвы начала XVIII века

Разговорная речь Москвы конца XVII — начала XVIII века по своей фонетической системе, ударению и морфологическим особенностям представляла собой весьма сложное и своеобразное сочета-

¹ Поправки, сделанные рукой Петра Великого, печатаются курсивом; слова, зачеркнутые Петром, даются разрядкой.

ние северновеликорусских и южновеликорусских черт. При этом южновеликорусское начало играло в ее составе значительную роль¹, что было особенно ощутимо в Петровскую эпоху.

Московское произношение имеет свою большую историю. Как указывает акад. А. А. Шахматов, «ни в XIV, ни в XV вв. Москва не могла выработать своего языка... в Москве одни говорили по-севернорусски, другие по-восточнорусски, одни окали, другие акали»². Процесс становления русской разговорной речи и ее произносительных норм происходит в течение всего XVII века, и к середине XVIII века складываются основные нормы в области вокализма и консонантизма.

Существо этого процесса, по наблюдениям К. В. Горшковой³, выражалось в том, что южновеликорусские элементы не только вытесняли соотносительные им северновеликорусские, но и в течение длительного времени существовали и взаимодействовали с ними. Как убеждают исследованные ею письма и бумаги Петра I, а к а н ь е было широко распространенной и типичной чертой московского вокализма. Что же касается и к а н ь я, то в этих материалах указаний на него почти нет.

К северным чертам московской фонетической системы начала XVIII века относятся: 1) произношение согласного *г* как взрывного звука, 2) сохранение мягкости согласных перед суффиксом *-ьск*, губно-зубной характер звука *в*, переход его при оглушении в звук *ф*.

Южными чертами московского произношения того времени являются следующие: 1) а к а н ь е в широком смысле этого слова (редукция всех гласных неверхнего подъема в безударных слогах); 2) произношение в соответствии с *г* на конце слова *х*; возможное произношение *г* фрикативного в положении перед гласными; 3) изменение групп *кт*, *кк*, *кп* в *хт*, *кх*, *хп* (*кто* — *хто* и т. п.), а также произношение фрикативного *г* в группах *гд*, *гг*, *гб* (*где*, *некоүда* и т. п.); 4) замена звука *ф* звуком *х* или сочетанием *хв*.

Московский говор в своей основе был в конце XVII века северным. Однако наряду с северными формами (сравнительная степень прилагательных на *-яе*, *-яй* и др.) в нем богато представлены были и формы южные: наличие *х* на конце слова в соответствии с *г* взрывным, более широкое распространение форм род. пад. числа слов мужского рода на *-у*, формы на *-у* в местном падеже от тех же имен существительных, форма им. пад. множ. числа с окончанием на *-ы* от слов среднего рода, глагольные формы *хочем*, *хочете*, инфинитив *весть* и др.

¹ Р. И. Аванесов, К вопросам образования русского национального языка, «Вопросы языкознания», 1953, № 2.

² А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, изд. 4, М., 1941, стр. 65.

³ К. В. Горшкова, Из истории московского говора в конце XVII — начале XVIII века. Автореферат, «Вестник Московского университета», 1947, № 10.

ЛИТЕРАТУРА

В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., Учпедгиз, 1938. Л. А. Булаховский, Исторический комментарий к русскому литературному языку, изд. «Радянська школа», Киев, 1950. Н. А. Смирнов, Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху, СПб., 1910. В. А. Богородицкий, Московское наречие двести лет назад, Казань, 1902; Общий курс русской грамматики, изд. 5, 1935. Р. Ф. Брандт, Петровская реформа азбуки, М., 1910. К. В. Горшкова, Из истории Московского говора в конце XVII—начале XVIII в. (Автореферат), «Вестник Московского университета», 1947, № 10. З. Н. Кривоусова, Ударение в русском литературном языке начала XVIII в. (Автореферат), изд. Куйбышевского пединститута, 1954. Б. А. Маргарян, Словарный состав повестей петровского времени (Автореферат), М., 1956. Т. Д. Якубович, «Лексикон трехязычный» 1704 г. Ф. П. Поликарпова — важное звено в истории русской лексикографии, изд. Ленинградского пединститута, Л., 1958.

ГЛАВА 7

РОЛЬ ЛОМОНОСОВА В ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

§ 35. Культурно-историческая роль церковнославянизмов в оценке Ломоносова

К числу важнейших качеств, отличающих русский язык, Ломоносов относит его великолепие, живость, крепость, нежность, богатство и сильную в изображениях краткость. Говоря обо всем этом, он сопоставляет в «Российской грамматике» родной язык с важнейшими европейскими языками и ссылается на собственные «в российском слове упражнения», которые также дают ему основание сделать такой вывод.

«Карл пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелями, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка. Обстоятельное всего сего доказательство требует другого места и случая. Меня долговременное в российском слове упражнение о том совершенно уверяет».

При оценке достоинств родного языка Ломоносов учитывал не только его художественно-эстетические качества, но также и возможность пользоваться этим языком в сложных научно-философских работах. Русский язык, по его мнению, таит в себе неистощимые потенциальные возможности и может с успехом обслуживать национальную литературу, науку, искусство — словом, все сферы национальной культуры.

Отдавая дань восхищения и уважения «природному российскому языку», Ломоносов весьма трезво и с учетом сложного исторического пути его развития определял те факторы, которые способствовали развитию и обогащению русского литературного языка. В этом от-

ношении весьма показательно его решительное и научно аргументированное выступление в защиту церковнославянизмов, вошедших в русскую речевую культуру. Намечавшаяся в Петровскую эпоху тенденция — исключать из средств литературного выражения многие церковнославянизмы — встретила у Ломоносова решительное возражение.

Со всей настойчивостью он развивает мысль о необходимости сохранить в литературном языке веками созданные в нем ценности. Полемизируя с противниками церковнославянизмов, отрицавшими их пользу и целесообразность употребления, он пишет свое рассуждение «О пользе книг церковных в российском языке», в котором утверждает, что польза их велика и не подлежит никакому сомнению.

При этом он отдает дань глубокого уважения древнерусской письменности, подчеркивая огромное значение ее для обогащения и развития русского языка. Так как церковнославянизмы играли в письменности древней Руси выдающуюся роль, то пользу их Ломоносов видит в том, что они умножали «довольство российского слова» и приобщали русский язык к высокоразвитой в те времена культуре древнегреческого языка, следовательно, поднимали русский литературный язык на новую и более высокую ступень развития.

«В древние времена, — говорит он, — когда славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены, для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных, тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем. Сие богатство больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на славенский для славословия божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила еллинского слова, коль высоко почитается; о том довольно свидетельствуют словесных наук любители... Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славенском языке... Оттуду умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком и к приятию греческих красот посредством славенского сродно».

Чтобы сделать эту мысль наиболее ясной и осязаемой, а также подчеркнуть, что церковнославянские речевые средства вошли в сокровищницу литературного языка потому, что они были родственными и близкими к языку русского народа, Ломоносов проводит следующую убедительную аналогию: он сравнивает развитие русского литературного языка с развитием литературных языков у поляков и немцев, которые пользовались в средних веках в качестве письменного языка латынью:

«Немецкой язык по то время был убог, прост и бессилен, пока в служении употреблялся язык латинской. Но как немецкой народ стал священныя книги читать и службу слушать на своем языке, тогда богатство его умножилось, и произошли искусные писатели». Свое знаменитое рассуждение Ломоносов заканчивает гимном вели-

ким древностям, которые запечатлены в письменности, память о которых сохранил «бессмертный стихотворцев глас».

Взгляды Ломоносова на пути развития русского литературного языка особенно четко сформулированы в его знаменитой теории трех стилей.

§ 36. Теория трех стилей

В понятие «стиля» Ломоносов вкладывал более широкое содержание, чем это принято в современной стилистике. Стиль, в его толковании, состоял из соответственным образом организованной системы речевых средств, «речений» (по терминологии Ломоносова), за которой был закреплен строго очерченный круг жанров художественной литературы. Таким образом, жанр находился в таком отношении к стилю, в каком в биологии вид относится к роду. Например, к высокому стилю были отнесены героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях. Причем эта группировка жанров по трем стилям осуществлялась с учетом не только идейно-тематического своеобразия их, но и языково-стилистического, ибо, например, все жанры высокосторжественного характера, в силу важности изображаемых фактов, отличались и соответственно подобранными речевыми средствами.

Таким образом, жанры литературы имели для Ломоносова производное от стиля значение, были прикреплены к одному из стилей. В силу этого все основные жанры уложились у него в три стиля словесности: **высокий, посредственный и низкий**.

Стиль, в понимании Ломоносова, представлял собой единство умело подобранных «речений», сочетающихся с группой тематически и стилистически родственных жанров. Однако цементирующей основой стилей являлись средства языка. Именно существование в русском литературном языке «трех родов речений» дало Ломоносову основание говорить о трех разных «степенях русского языка», т. е. о трех стилях.

В свою очередь выделение в языке «трех родов речений», т. е. трех стилистически и генетически разнородных речевых пластов, основывается у Ломоносова на соотношении церковно-славянских и исконно русских элементов языка.

В рассуждении «О пользе книг церковных в российском языке» Ломоносов так объясняет существование этих «речений» и производных от них трех стилей: «Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности; так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокой, посредственной и низкой. Сие происходит от трех родов речений русского языка».

Далее он раскрывает состав и происхождение каждого из «трех родов речений», относя к первому общеупотребительные и хорошо известные восточным и южным славянам слова (большинство кото-

рых мы теперь отнесли бы к общеславянскому словарному фонду): «К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, например: *бог, слава, рука, ныне, почитаю*».

Второй речевой пласт выделяется по принципу книжного характера, слов, которые в разговорной речи малоупотребительны, но широко известны книжникам, знатокам старинной письменности. В этот разряд речений попадают преимущественно церковнославянизмы и архаизмы. Следовательно, употребительность в церковных книгах — вот основание для выделения этой категории речевых средств русского литературного языка.

Указав, что «ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах; однако всем грамотным людям вразумительны, например: *отверзаю, господень, насажденный, взываю*», Ломоносов здесь же обособляет в подгруппу архаичные слова, вышедшие из употребления: «Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как: *обаваю, рясны, овогда, свѣтъ* и сим подобные».

Таким образом, Ломоносов не был склонен включать в литературный язык все без исключения слова, употреблявшиеся в церковных книгах. Он старался выделить ядро жизненных речевых средств, освободив язык от всего обветшавшего и уходящего. Одобренные им слова *взывать, отверзать, насажденный* и другие были затем весьма употребительны в стилях поэзии XVIII и XIX веков.

Иной состав лексики отнесен им к речениям третьего рода: здесь уже нет церковнославянизмов, а представлены исконно русские слова: «К третьему роду относятся те, которых нет в остатках словенского языка, то есть в церковных книгах, например: *говорю, ручей, которой, пока, лишь*».

Но и в этой группе он выделяет в особую подгруппу «презренные» слова, которые в виде исключения можно употреблять лишь в «подлых комедиях». По всей вероятности, к ним относились просторечные слова, не имевшие прав литературности и не употреблявшиеся до Ломоносова в письменности: «Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употребить не пристойно, как только в подлых комедиях».

Умело и в разных дозах подобранные и употребленные, эти речевые пласты дают основу трех стилей: «От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штиля: высокой, посредственной и низкой».

Итак, соотношение церковнославянских и собственно русских «речений», преобладание в одном случае первых, а в другом — вторых; умело определенные пропорции, позволяющие избегать стилистической пестроты и резких контрастов в языке художественного произведения; умелое и творческое использование всех богатейших ресурсов, накопленных в течение многих веков русским литературным языком, — вот основная идея, развиваемая Ломоносовым в его теории трех стилей.

Для каждого из трех стилей Ломоносов четко определил состав речевых средств, способы их сочетания, а также соответствующие им жанры литературы.

Высокому стилю он придавал особое значение, включая в него овеянные ореолом древности и величия слова и выражения, которые употреблялись в старинной письменности и способствовали созданию «великолепия» и возвышенности. Явный перевес в пользу церковнославянизмов здесь очевиден. Но за исключением «весьма обветшалых», Ломоносов стремится дать в литературном языке подобающее место всем элементам старинно-книжной речевой культуры. Поэтому наряду с церковнославянизмами в высокий стиль включались и устаревшие русские слова, употреблявшиеся в письменности древней Руси.

Относительно состава речений и жанров, а также эстетических качеств высокого стиля, названного Ломоносовым «первым», в рассуждении сказано:

«Первой составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских россиянам разумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных».

Низкий стиль свободен от церковнославянизмов, так как соотношение и дозы названных выше «речений» в нем уже иные. В соответствии с закрепленными за этим стилем жанрами литературы (песни, письма, комедии и т. п.) Ломоносов не только освобождает его от всего книжно-архаического, но — что очень важно — разрешает употребление простонародных слов, даже «низких», предупреждая лишь о необходимости следить за «чистотой российского штиля».

Открывая широкий доступ в язык литературы элементам живой разговорно-бытовой речи, не имевшим еще права литературности, Ломоносов значительно раздвигал рамки литературного языка и обогащал его стилистическую систему. При этом он указывал, что в низком стиле вполне закономерно употребление и «речений средних», подчеркивая таким образом необходимость синтеза просторечия с общеупотребительными речевыми средствами, а не изолированного, искусственно разделенного словоупотребления:

«Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в словенском диалекте, смешивая со средними, а от славенских обще неупотребительных вовсе удаляться, по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни; в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению. Но всего сего подробное показание надлежит до нарочного наставления о чистоте российского штиля».

Что же касается среднего стиля, то в нем, по замыслу Ломоносова, могли сочетаться самые разнородные речевые средства, начиная от высокосторжественной архаичной лексики и кончая «низкими» словами. Жизненность среднего стиля определялась прежде всего свободой и широтой привлечения различных по происхождению и стилистической значимости слов, а также перевесом «речений больше в российском языке употребительных». Из церковнославянских речений в него допускались лишь некоторые:

«Средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость».

Полагаясь на самих писателей в смысле чутья языка, умелого выбора и сочетания слов, Ломоносов не дал четких и определенных рецептов и указаний относительно лексического состава среднего стиля. Он лишь предупредил о необходимости избегать употребления церковнославянизмов рядом с простонародными словами и призвал соблюдать в этом стиле «всевозможную равность». Как по разнообразному составу речевых средств, так и по характеру жанров, закрепляемых за средним стилем, последний был весьма универсальным.

«И, словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных».

§ 37. Три стиля литературного языка или же языка художественной литературы?

Распространялись ли выделенные Ломоносовым три стиля на весь русский литературный язык того времени или же только на язык художественной литературы — единства в решении этого вопроса пока нет. Существующее до сих пор традиционное понимание ломоносовской теории стилей заключается в следующем: три стиля распространялись на весь литературный язык и соответственно с ними дифференциация речевых средств и приемов выражения наблюдалась как в языке художественной литературы, так и в публицистике и т. д.

Такой взгляд нам представляется спорным, требующим пересмотра. Система трех стилей устанавливалась Ломоносовым только

в сфере языка художественной литературы и не распространялась на другие разновидности литературного языка. Публицистический, научный, документально-деловой, производственно-профессиональный и другие стили, сложившиеся в литературном языке задолго до Ломоносова, продолжали развиваться своим путем. Это были четко определившиеся разновидности литературного языка, отличавшиеся как категории структурно-синтаксические, т. е. обладавшие характерным для них строем речи, так и лексико-семантические. Например, в стиле научного изложения в то время выработался богатый арсенал специальных терминов и формул, которые нельзя было считать принадлежностью высокого или низкого стиля, так как эти языковые средства не были соотносительными с теми «речениями», о которых говорил Ломоносов.

Чтобы точнее разобраться в этой сложной проблеме, дадим более полную характеристику взглядов Ломоносова на стили языка, а также рассмотрим, можно ли речевые средства научных, деловых или публицистических текстов того времени рассматривать с точки зрения теории трех стилей.

У Ломоносова были несомненные колебания в определении состава стилей. Сохранившиеся черновые материалы к «Российской грамматике», «Риторике» и другим его трудам свидетельствуют, что он менял свою точку зрения на состав и соотношение стилей. Работая над «Российской грамматикой», он различал не три, а только два стиля: *высокий* и *простой*. Первый из этих терминов варьируется у него следующим образом: «высокий стиль» (стр. 461)¹, «важный и высокий стиль» (стр. 467), «высокий род стихов» (стр. 496), «высокие стихи» (стр. 567).

«Простой» стиль называется им иногда «простыми разговорами» (стр. 496), рассматривается как «простой российский язык», для которого характерно употребление слов *глядь*, *бряк*, *хватъ* и др. (стр. 539), «простой штиль или просторечие» (стр. 547).

Таковы стилевые пометы, которыми пользовался Ломоносов в своей грамматике. Все это свидетельствует о том, что он различал две противостоящие группы речевых средств: 1) «простой российский» («просторечие», «простые разговоры»), 2) ему противопоставлялся «высокий штиль» или просто «штиль», как об этом можно судить по следующему замечанию в § 436 «Российской грамматики», где речь идет об употреблении синонимичных форм местоимения: «*Ее* в просторечии, *ея* в *шт и л е* употреблять пристойнее» (стр. 543).

Из этого следует, что под «штилем» он понимал «высокий род стихов», «высокие стихи», словом, образцовые художественные произведения. Им противопоставлены «простые разговоры», «просторечие».

В связи с этим становится понятной черновая запись (сделанная во время работы над грамматикой), в которой Ломоносов предпо-

¹ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 7, изд. АН СССР, 1952. (Далее в скобках страницы этого же тома.)

лагает разделить «штиль», т. е. язык образцовой художественной литературы, на ряд разновидностей. При этом он говорит именно о ш т и л е, а не о многих или нескольких стилях: «Штиль разделить на риторический, на пиитический, гисторический, дидакалический, простой» (стр. 609).

Употребляя и в данном случае термин «штиль» как синоним к выражениям «высокие стихи», как понятие, относящееся к художественной литературе, Ломоносов предполагает разделить эту категорию на ряд стилевых разновидностей: стиль ораторский (или величавый)¹, поэтический, исторический, поучительный и простой.

Попутно укажем, что, работая в 1756 году над рассуждением «О нынешнем состоянии словесных наук в России», он зачеркнул первый вариант названия: «О чистоте российского штиля. О новых сочинениях российских» (стр. 581). Следовательно, и здесь слово «штиль» употребляется в том же значении, что и раньше.

Позднее, приблизительно в 1758 году, Ломоносов изменил свой план деления «штиля» на пять разновидностей (риторический, пиитический и др.). Вместо этого он воспользовался традиционной и широко известной на Западе трехчленной схемой стилей (высокий, посредственный и низкий), известной еще со времен античных риторик. Определяя контуры каждого из этих трех стилей, Ломоносов говорит исключительно о жанрах художественной литературы (оды, театральные сочинения, сатиры, эклоги, элегии, проза, комедии, эпиграммы и т. п.), уточняя, таким образом, сферу бытования этих разновидностей образной речи.

Чтобы убедиться, что система трех стилей не распространялась на язык документально-деловой переписки, научной литературы, газетных сообщений и на другие стилевые разновидности литературного языка середины XVIII века, обратимся к непосредственным источникам и фактам.

Дело в том, что выделение трех стилей в языке художественной литературы основывалось на соотношении церковнославянских и русских речевых средств, на своеобразных синонимических параллелях (*глава — голова, дочь — дщерь, сегодня — днесь* и т. п.), в силу чего высокий стиль противопоставлялся низкому. Что же касается, например, стиля научного изложения, то характерная для него лексика и фразеология (термины, формулы и т. п.), а также грамматические средства не дифференцировались в стилистическом отношении на высокие или низкие «речения». Термины не были соотносительны с поэтической лексикой, например, церковнославянского происхождения. Поэтому научные труды самого Ломоносова написаны тем языком, каким писались тогда разного рода трактаты и рассуждения. Вот типичный образец стиля научного изложения того времени, который представлен, например, в его «Риторике»:

¹ Подобного рода разновидности выделялись еще в античных риториках. См. «Античные теории языка и стиля», ОГИЗ, М.—Л., 1936, стр. 276.

«Вымыслом называется идея, противная натуре или обыкновению человеческим, заключающая в себе идею обыкновенную и натуральную и оную собою великолепнее, сильнее или приятнее представляющая. От витиеватой речи тем разнится, что сия больше состоит в мыслях и тонких рассуждениях...» (стр. 220.)

Можно ли такого рода научное изложение отнести к какому-либо из трех стилей: высокому, посредственному или низкому? Безусловно, нельзя, так как синонимических, эквивалентных слов к терминам «идея», «натура» и другим, с помощью которых можно было бы перенести повествование в иной стилистический план, нет. Например, нельзя по-другому изложить те мысли, которые Ломоносов формулирует с помощью лингвистических терминов в своей грамматике. Так, в § 121 он пишет:

«Ю вместо я в третьем лице множественного числа настоящего и будущего времени второго спряжения неправильно употребляется: *строят* вместо *строят...*» (стр. 433.)

В данном случае мы также имеем дело со стилем научного изложения, как с одной из основных разновидностей русского литературного языка середины XVIII века. Полагать, что такая научная речь имеет какое-то отношение к среднему или высокому стилю художественной литературы, нет оснований. Это различные и несоотносительные категории, что со всей очевидностью прослеживается в специальных философских сочинениях Ломоносова, в которых употребляются многие научные термины: *материя*, *тело*, *движение*, *всеобщий закон* и т. п.

Что же касается других важнейших стилей литературного языка (стиль публицистический, научный, деловой и др.), то типичные для них речевые средства не дифференцировались в соответствии с трехчленной системой стилей. Развитие этих стилей отражало иные тенденции и имело свои закономерности. Не случайно поэтому крушение системы трех стилей, происшедшее в связи с появлением на литературной арене Пушкина, не отразилось на развитии стилей научной или публицистической литературы, а также деловой переписки, тогда как в языке художественно-беллетристическом произошли глобальные изменения.

Из всего сказанного не следует, однако, делать вывода, будто бы ломоносовская теория трех стилей имела отношение исключительно только к языку художественно-беллетристическому. Как высказывания Ломоносова, так и его речевое творчество оказали сильное влияние на развитие, упорядочение и нормализацию всех средств литературной речи.

Ломоносовская теория трех стилей блестяще решала проблему церковнославянизмов, а также исконно русских речевых средств в русском литературном языке. Высоко оценивая речевые средства старославянского происхождения, хорошо известные русским грамотным людям, Ломоносов доказал, что отказаться от этого ценного культурного наследия нельзя.

Считая церковнославянские «речения» родными, прочно вошедшими в речевую культуру русского народа, Ломоносов полагал, что употребление их в тесном единстве с коренными русскими словами будет способствовать обогащению языка, развитию его силы и красоты. В связи с этим он указывал на необходимость борьбы с неоправданными жизнью и неуместными заимствованиями, в результате которых в язык входят «дикие и странные слова нелепости».

§ 38. Фонетические и грамматические нормы каждого стиля

Кроме лексических норм, Ломоносов также установил для каждого стиля нормы фонетические и грамматические, о которых он постоянно упоминает в своей «Российской грамматике» и в «Риторике». Об этих нормах хорошее представление дают и самые произведения Ломоносова, написанные высоким, а также посредственным и низким стилями. Следовательно, теория трех стилей проходила красной нитью не только через все его филологические труды, но и блестяще реализовывалась в художественных произведениях.

Резко отличные фонетические нормы устанавливались Ломоносовым для высокого и низкого стилей. Если, например, произношение в высоком стиле ориентировалось на архаично-книжные образцы, включая различие *ѣ* и *е*, оканье, сохранение *е* под ударением перед твердым согласным, фрикативное *г* и т. п., то в низком такое произношение не рекомендовалось.

То же самое следует сказать относительно лексических и грамматических норм этих двух четко противопоставленных стилей. Приведем примеры важнейших фонетических, грамматических и лексико-фразеологических примет высокого стиля.

1. Сохранение *е* под ударением: О наши дни благословенны! Дерзайте ныне ободренны...

Ср. рифмы: *побед — живет*.

2. Произношение в высоком стиле звука *г* фрикативного, хотя в «Грамматике» Ломоносова, ориентировавшейся на севернорусское произношение, употребление фрикативного *г* ограничивается словами *господь, глас, благо* и производными от них.

3. Простой стиль отличался от высокого и в отношении ударения. Например, в первом более употребительно произношение *дары́, высоко́, жесто́к, знаменѣ́ет, уде́ржан, фило́соф*; для высокого же слога более свойственны: *да́ры, вы́соко, же́сток, зна́менует, уде́ржа́н, филосо́ф*.

4. Слова с неполногласными сочетаниями: *класы* на полях желтеют, *гласить* велики имена, *бреги, вран* и др.

5. Слова с сочетаниями *жд* и *щ*, соответствующие русским *ж* и *ч*: *Се хо́щет* лира восхищенна *гласить* велики имена.

6. Слова с начальным *е*, соответствующие русским *о*: На пастве скачущих *еленей*...

7. Приставки книжно-славянского происхождения: *возвеличить, восстенать, возлюбленная тишина, превысоки*.

8. Употребление многих церковнославянизмов при наличии для них русских эквивалентов: петрова *дщерь, уста, обლობызать, клик, лик, восстенать, паки* возвратиться, *секирный* стук и т. п.

9. Фразеология книжного происхождения: *кроткий глас, нести крест, ума плоды, о наши дни благословенны* и др.

10. Мифологизмы:

В полях кровавых *Марс* страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом *Нептун* чудился,
Взирая на российский флаг.

11. Грамматическая дифференциация стилей основывалась на соотносительности ряда форм. Например, в высоком стиле преобладает окончание род. падежа имен существительных мужского рода *а*, а в низком ему соответствует окончание *у*. При этом учитываются происхождение, значение и фразеологические связи слов:

ангельского *гласа* — птичья *голосу*,
святого *духа* — розового *духу*,
человеческого *долга* — прошлогоднего *долгу*.

12. В высоком стиле сохраняются некоторые архантные формы имен числительных: *четыредесятый* (а не *сороковой*), *девятыдесятый* (девяностый); Карл *вторыйнадесять* (а не *двенадцатый*), Людвиг *пятьнадесять* (а не *пятнадцатый*).

13. Прилагательные превосходной степени на *-айший, -ейший*: «О коль согласно так бряцает Приятных струн *сладчайший* глас!»

14. Характерной особенностью высокого стиля являются формы причастий, образованных преимущественно от книжных слов: *венчающий, питающий, пишуций, возносящийся* и т. п.

15. Деепричастные формы на *-ючи* (*толкаячи, играючи, глядячи* и др.) служили грамматической приметой низкого стиля. В высоком же стиле употребительны образования на *-я*: *дерзая, отверзая*.

16. Глаголы междометного характера (*хватъ, бряк, глядь*) были отнесены к элементам низкого стиля.

17. В высоком стиле Ломоносов рекомендовал «с рассуждением» употреблять синтаксический оборот «дательный самостоятельный», находя, что с ним сочетаются краткость и красота языка.

18. Инфинитив с окончанием *-ти* (*глаголати*) и окончания 2-го лица настоящего времени *-иши, -ишися* (*трудишиися, подвизаеишися*) также служили грамматической приметой высокого стиля.

19. В высоком и среднем стиле предпочтение отдавалось сравнительной степени прилагательных на *-ее* (*светлее, блеклее*), а для низкого допускались формы на *-яе* (*блекляе, светляе*), позднее рассматриваемые в грамматиках как просторечные.

20. В структурно-стилистическом отношении оды и другие произведения, написанные высоким стилем, отличались употреблением множества восклицательных предложений (с характерными и очень популярными затем в литературе XVIII века обращениями):

О вы, которых ожидает
Отечество из недр своих!

Нормы низкого стиля довольно отчетливо представлены в «Гимне бороде», а также в «Посвящении Зубницкому». Здесь мы встречаемся не только с отсутствием или ироническим употреблением церковно-книжных речевых средств, но и с соответствующим образом подобранной системой лексики типично русского характера, часто просторечного.

Например, в «Посвящении Зубницкому», написанном в остро сатирическом духе, употреблены такие слова, как *дурак*, *враль*, *ханжа*. Ср.:

Но плюем мы на страм твоих *поганных врак*,
Уже за тридцать лет ты *записной дурак*.

Ломоносовский «Гимн бороде» тоже написан низким стилем. В этом стихотворении много раз употребляется слово *борода*, но ни разу не встречается его неполногласный вариант; то же можно сказать и о других словах:

О прикраса *золотая*,
О прикраса *дорогая*,
Мать дородства и умов,
Мать достатков и чинов.

В лексическом отношении «Гимн бороде» отличается обилием просторечных, иногда несколько грубоватых, бранных слов:

Дураки, враль, пролазы
Были бы без ней безглазы,
Им в *глаза плевал* бы всяк;
Ею цел и *здрав* их зрак.

Если же в нем употребляются незначительные элементы, характерные для высокого стиля, то они используются в явно ироническом плане («Борода *предорогая*»). Обращает на себя внимание также синтаксическая структура, близкая не только к разговорной речи, но и к строю произведений устного народно-поэтического творчества.

Что же касается произведений, относящихся к среднему стилю, то они представляют собой очень сложный речевой рисунок, ибо в словесной ткани этих произведений оригинально переплетаются как элементы высокого, так и низкого стиля.

Ломоносов, как уже говорилось, предупреждал, что в среднем стиле можно употреблять «речения» церковно-книжные, но только опасаться, чтобы слог не казался надутым; можно употреблять и низкие слова, но остерегаться, чтобы «не впасть в подлость». Для среднего стиля характерно, например, такое стихотворное произведение Ломоносова:

Златой *младых* людей и *беспечальный* век,
Кто хочет *огорчить*, тот сам не человек.

Уже в первых его двух строках заметно оригинальное сочетание разнородных речевых средств: с одной стороны, *златой, младых*— эти неполногласия типичные для высокого стиля; но рядом употребляется разговорно-бытовое выражение «тот сам не человек».

В этом же произведении встречается типично русское слово *своак*, употребленное для обозначения не родственника, а соперника. Следовательно, в произведение вовлекается характерная для разговорной речи метафоризация общеизвестных слов:

Мы помним, как ты сам хоть ведал перед
браком,
Что будешь подлинно на первую ночь *своак*ом,
Что будешь вотчим слыть, на девушке женись,
Или отец княжне, сам будучи не князь.

Говоря о дальнейших судьбах стилей, следует иметь в виду, что при всей ограниченности высокого и низкого стилей среднему стилю предстояло богатое будущее. Он представлял простор для творчества, свободу выбора речевых средств и их употребления.

Державин, продолжая традиции Ломоносова, во многом руководствуется нормами словоупотребления, которые были сформулированы для среднего стиля. Архаично-книжные речевые средства он смело сочетает с разговорно-быдовыми выражениями. Например, в «Фелице» встречаются такие выражения, как: «То ею в *голове ищуща*». С точки зрения норм высокого стиля это не выдерживало критики. Ср. включение им такого стиха:

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.

Строгое закрепление речевых средств за каждым жанром литературного произведения, отсутствие единых норм для литературного языка вскоре показало ограниченность «теории трех штилей» и вызвало в недалеком будущем бурные споры (Шишков и Карамзин) по вопросу о путях развития русского литературного языка.

§ 39. «Российская грамматика» Ломоносова и ее значение для нормализации литературного языка

Значение грамматики блестяще определено Ломоносовым в его знаменитом изречении, которое получило афористическую известность:

«Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики».

Эта прочная связь всех видов словесного искусства и любой научной деятельности с грамматикой объяснялась Ломоносовым тем, что все эти искусства и науки имеют дело прежде всего с языком, а грамматика, «хотя из общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению». Следова-

тельно, Ломоносов вполне правильно указывал, что нормы языка складываются и существуют ранее, чем появляются грамматики, которые узаконивают их и предписывают их соблюдение. Но установленные и осмысленные, эти нормы оказывают на дальнейшее развитие языка плодотворное влияние. Задача грамматистов — правильно определить и раскрыть их, указать на хорошие, образцовые а также «худые употребления», таким образом активно воздействуя на развитие языка.

К работе над своей «Российской грамматикой», начатой по собственному желанию (так как никто не заказывал ему написать грамматику русского языка), Ломоносов приступает в 1751 году, располагая значительными материалами и сведениями не только по русскому языку, но и в области исторического и сравнительного языкознания¹. В этом году, как он указывает в отчете, «собранные прежде материи к сочинению грамматики начал приводить в порядок». В 1753 году «для Российской грамматики привел глаголы в порядок», а в 1755 году Ломоносов писал, что «сочинив большую часть грамматики, привел к концу, которая в нынешнем году печатую к концу приходит».

План, структура и объем грамматики определились у Ломоносова его взглядами на задачи и содержание грамматического пособия. По его замыслам, «Российская грамматика» должна была дать свод правил русского литературного языка того времени, учитывая многообразие его стилей. Поэтому грамматика должна быть нормативно-стилистической. «Российская грамматика», по определению ее автора, есть «знание, как говорить и писать чисто российским языком по лучшему, рассудительному его употреблению» (§ 86).

Жизненными и достойными одобрения нормами языка Ломоносов считал те, которые существовали в его время. Во всех затруднительных случаях он предлагал опираться на общепринятое употребление. Например, названия жителей городов (*Москва — москвич, Вологда — вологжанин, Холмогоры — холмогорец*) Ломоносов рекомендовал выбирать в соответствии с общераспространенными наименованиями.

По Ломоносову, основная задача грамматики — учить, как говорить и писать, различать лучшее, рассудительное употребление родного языка от плохих образцов. Поэтому Ломоносов в ряде случаев указывает на то, что является нормой и что отклонением от нее. Например, в § 119 грамматики он пишет: «Ныне сверх того пишут неправильно во множественном числе существительных среднего рода *и* вместо *я*: *учреждения* вместо *учреждения*. Но тому следовать не должно: худые примеры не закон».

Стилистический характер многих правил обнаруживается в ряде комментариев. Так, в соответствии с разными стилями языка он да-

¹ См.: П. С. Кузнецов, О трудах М. В. Ломоносова в области исторического и сравнительного языкознания, «Ученые записки МГУ», вып. 150, 1952, стр. 4—44.

ет обоснование вариантам форм родительного падежа на -а и на -у, различая их по древности и важности слов: «...говорим: *человеческого долга, ангельского гласа*», но «*прошлогодняго долгу, птичьяго голосу*» (§ 173).

Точно так же для высокого стиля он допускал употребление форм превосходной степени прилагательных на -ейший: *светлейший, пресветлейший, высочайший*; от слов же «низких» (*блеклый, приткий*) превосходной степени не одобрял.

Грамматика Ломоносова — грамматика нормативно-стилистическая. Она связывает употребление многих грамматических форм или различных вариантов формы со стилями языка. Наиболее четко даны грамматические и стилистические нормы высокого и низкого стилей.

Структура «Российской грамматики» такова: в ней шесть разделов, называемых «наставлениями».

Первое наставление, которым начинается грамматика, называется «О человеческом слове вообще». Оно посвящено разъяснению значения человеческой речи, значения слова: «Польза его толь велика, коль далече ныне простираются происшедшие от него в обществе человеческом знания, которые весьма бы тесно ограничены были, если бы каждый человек воображенные себе способом чувств понятия только в собственном своем уме содержал сокровенны».

Последующие наставления, написанные как научный трактат и состоящие из точно и четко сформулированных правил, посвящены таким разделам:

Наставление второе — «О чтении и правописании российском» — обнаруживает хорошие познания Ломоносова в фонетике и орфографии русского языка. Хорошо разбираясь в звуковом составе языка и в значении букв русской азбуки, он, например, указывал, что буква *щ* передает сложный звук *шч*, что буквы *е, ю, я* в начале слов являются доегласными, составленными из *й* и гласных, а после согласных — чистыми гласными. Кроме того, Ломоносов подчеркивал, что *е* под ударением произносится как *ѣ*, однако отмечал случаи, когда это правило не соблюдается.

Третье наставление названо «О имени». В нем изложены сведения о родах и склонениях имен, о именах увеличительных и уменьшительных и т. п.

В теоретическом отношении особого внимания заслуживает, например, указание Ломоносова на некоторые имена «общего рода» (*плакса*), происходящие преимущественно от глаголов (§ 139). Дальнейшее исследование подобного рода слов (*болтушка, пьяница, хохотушка* и т. п.) подтвердило прозорливость Ломоносова, отметившего существование и развитие в языке целой категории слов общего рода.

Глаголу посвящено в «Грамматике» все четвертое наставление, в котором описано спряжение простых глаголов и приведены неправильные (*хотеть*) и неполные (*глядь, бряк*) глаголы.

Пятое наставление охватывает «служебные» части слова: местоимения, причастия, наречия, предлоги, союзы и междометия. Интересно, например, указать на такую подробность: деепричастия *на-ючи* он рекомендует употреблять от чисто русских глаголов и не допускать их от славянских: «лучше сказать *толкаячи*, нежели *толкая*, но ... лучше употребить *дерзая*, нежели *дерзаючи*» (§ 356). Наоборот, причастия типа *чавкающий*, образованные от русских слов, он не одобряет.

В последнем наставлении — «О сочинении частей слова» — даны правила синтаксического употребления частей речи.

Значение «Российской грамматики» в нормализации русского литературного языка, а также в научной разработке важнейших проблем языкознания трудно переоценить. «Независимо от общего авторитета имени Ломоносова, его «Российская грамматика» по внутренним своим достоинствам пользовалась непререкаемым авторитетом на протяжении многих десятилетий. Можно было бы, например, указать на то, что выпущенное в 1802 г. Академией наук издание русской грамматики мало чем по существу отличалось от «Грамматики» Ломоносова. «Российская грамматика» Ломоносова и позднее сохраняла свое значение, сохраняет его и до настоящего времени. Важно при этом подчеркнуть, что не в одном историческом отношении заключается современное значение «Российской грамматики» Ломоносова, но ее значение велико и для изучения современного русского литературного языка. Ломоносова остро интересовали не одни задачи грамматического изучения «Российского языка». Его устремления простирались на научное изучение широкой проблематики в отношении русского языка — на исследование грамматического его строя, на лексикологическую его разработку, на изучение диалектов русского языка и т. д. Общий подъем в петровскую эпоху русского самосознания, рост науки, культуры, рост самого языка с особой остротой требовали в первую очередь грамматического и лексикологического изучения русского языка»¹.

§ 40. Роль Ломоносова в развитии стилей научного изложения и создании научной терминологии

Наряду с вопросами развития стилей художественно-беллетристических произведений, Ломоносов уделял большое внимание созданию отечественной научной терминологии и формированию самих стилей научного изложения.

Научные труды Ломоносова («Слово о пользе химии», «Слово о происхождении света» и др.) дают ясное представление о том, как формировались стили научных, а также научно-популярных работ, как они испытывали сильное влияние стилей художественно-беллет-

¹ С. П. Обнорский, Итоги научного изучения русского языка, «Ученые записки МГУ», вып. 106, т. III, кн. I, 1946, стр. 4—5.

ристических, в какой степени ощущался еще недостаток точных и кратких терминов, в силу чего приходилось прибегать к образным сопоставлениям, аналогиям и пространным пояснениям слов.

Источники, которыми пользовался Ломоносов, создавая научную терминологию, как и самые способы и приемы терминологизации общепотребительных русских слов, весьма разнообразны. Стремясь избегать иноязычных заимствований, он всемерно содействовал развитию русской науки, образуя новые русские термины, употребляя в новых значениях уже существующие слова.

Создавая доступную и удобопонятную научную терминологию, Ломоносов в качестве основного материала использовал общепотребительную русскую лексику. Так, уже в переводе «Волфианской экспериментальной физики», сделанном Ломоносовым в 1745 году, выступают в роли научных терминов такие русские слова и выражения (роль фразеологии в создании научной терминологии огромна): *двигающая сила, жидкие тела, воздушный насос, безвоздушное место, свойства воздуха, упругость, тягость, густость, теплота, огонь, зажигательное стекло или зеркало, зажигательная точка вогнутого зеркала, отращенный луч, впадающий луч, изломленный луч, волшебный фонарь, земная зрительная труба, ось зеркала, управляющая сила, звон и множество других*¹.

По сравнению с русскими словами в составе естественнонаучной терминологии, употребляемой Ломоносовым, иностранные слова, преимущественно латинские и греческие, занимают незначительное место. Это такие, например, термины: *экспериментальная физика, пропорциональная тягость, нерегулярное ядро, периодическое обращение* и т. д.

Что же касается словообразовательных средств, которыми пользовался Ломоносов при создании терминов, то обращает на себя внимание как их неоднородность, так и неустойчивость самих приемов словопроизводства. Интересны, например, варианты: *сгущение — огущение — огушение*; *изломленный луч — переломленный луч — преломленный луч* и др. Значительное количество терминов образовывалось путем словосложения (*время равноденственных новолуний и полнолуний, шаровидный эфир, медные полуглобусы, разноименные полюсы* и т. п.), а также с помощью суффиксации. Многочисленны, например, образования с суффиксом *-ость*: *твердость, жидкость, мягкость, гибкость, ломкость, кислотность, поверхность, упругость, плотность, тонкость, звонкость, вязкость, тягость, светлость, грубость* (минеральная), *разность, жирность, равенность, обширность, прозрачность, рыхлость, белизность* и др.

Формирование отечественной терминологии, способствовавшей развитию науки и популяризации ее достижений, было большим событием в культурной жизни страны. Благодаря огромной и плодот-

¹ С. М. Б у р д и н, Роль М. В. Ломоносова в создании естественно-научной терминологии в русском литературном языке. Автореферат, изд. МГУ, 1952, стр. 5.

творной деятельности Ломоносова наука стала развиваться на русском языке. Русский литературный язык значительно обогатился, и границы его расширились за счет быстро развивавшихся стилей научного изложения.

§ 41. Тредьяковский и Сумароков о путях развития русского литературного языка

Деятельность Ломоносова, осуществлявшаяся в двух основных направлениях (развитие литературного языка и его нормализация), оказалась весьма плодотворной. Она знаменовала собой начало нового этапа в развитии литературного языка.

После Петровской эпохи русский литературный язык нуждался в авторитетном руководстве. Уже в 30-х годах XVIII века наблюдаются противоречия во взглядах на пути развития литературного языка, на источники и способы его пополнения.

Литературные противники Ломоносова — Тредьяковский и Сумароков — не разделяли многих его взглядов. Например, свое отношение к церковнославянскому языку Тредьяковский изложил в написанном им «Предисловии к читателю», предпосланном книге «Езда в остров любви» (перевод с французского, 1730 г.), где он говорит: «На меня, прошу вас покорно, не извольте погневаться (будет вы еще глубокословныя держитесь славенщизны), что я оную не славенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим. Сие я учинил следующих ради причин. Первая: язык славенский у нас есть язык церковный, а сия книга мирская. Другая: язык славенский в нынешнем веке у нас очень темен, и многие его наши читая не разумеют, а сия книга есть сладкия любви, того ради всем должна быть вразумительна. Третья: которая вам покажется, может быть, самая легкая, но которая у меня идет за самую важную, то есть, что язык славенский ныне жесток ушам моим слышится, хотя прежде сего не только я им писывал, но и разговаривал со всеми; но за то у всех я прошу прощения, при которых я с глупословием моим славенским особым речеточцем хотел себя показывать»¹.

В своей речи «О чистоте российского языка», произнесенной в 1735 году в Академии наук, Тредьяковский призывал равняться на речь придворно-аристократической верхушки: «Украсит его у нас двор ея величества в слове учтивейший и великолепнейший богатством и сиянием. Научат нас искусно им говорить и писать благоразумнейшие ея министры, и премудрые священно-начальники, из которых многие, вам и мне известные, у нас таковы, что нам за господствующее правило можно б их взять было в грамматику, и за краснейший пример в риторику. Научит нас и знатнейшее и искуснейшее благородных сословие».

¹ Следует, однако, указать, что Тредьяковский, выступавший против церковнославянизмов в первый период своей творческой деятельности, впоследствии пришел к полному их признанию.

Что же касается Сумарокова и его последователей, то они тоже в качестве твердой национальной нормы выдвигали язык столичной образованной среды, московское дворянское словоупотребление. Поэтому Сумароков объявляет себя противником «Российской грамматики» Ломоносова. По его мнению, «Грамматика Ломоносова никаким ученым собранием не утверждена, и по причине, что «московское наречие в колмогорское превратил, вошло в нее множество порчи языка».

Высокий стиль Ломоносова характеризуется им как «многоречие», «многоглаголанье тяжких речений», «пухлое и высокопарное».

Ломоносов же прекрасно доказал, что отказ от славянизмов был бы отказом от нескольких столетий русской речевой культуры. Конечно, он не смог разрешить всех сложных проблем и противоречий, которые возникали в развитии русского литературного языка. «Структура среднего стиля осталась не ясно очерченной. Стихия живой народной речи была стилистически не упорядочена. Нормы употребления областных диалектизмов не определены и не ограничены. Теоретически считая социальной базой литературной речи язык Москвы, сам Ломоносов допускал в своей грамматике и в своих произведениях много севернорусских диалектизмов, отклоняющихся от московской нормы. Проблема европеизмов как необходимого элемента русской национальной языковой культуры за пределами научного языка также не получила всестороннего освещения в литературной деятельности Ломоносова. Вопрос об единой общенациональной норме русского языка, очевидно, еще не мог быть решен»¹.

В языке произведений самого Ломоносова не были еще устранены некоторые элементы латино-немецких синтаксических конструкций, на что потом справедливо указывал Белинский, подчеркивая при этом, что в отличие от современников Ломоносов писал хорошим языком, что «язык его чист и благороден, слог точен и силен, стих исполнен блеска и парения» (т. XI, стр. 196).

Таким образом, заслуга Ломоносова как преобразователя русского литературного языка заключалась в правильном решении основных проблем его развития. Именно Ломоносов определил тот путь развития литературного языка, который затем в основных и важнейших чертах был одобрен Пушкиным.

ЛИТЕРАТУРА

С. П. Обнорский, Ломоносов и русский литературный язык, «Известия Отд. литературы и языка АН СССР», т. I, 1940. П. С. Кузнецов, О трудах М. В. Ломоносова в области исторического и сравнительного языкознания, «Ученые записки МГУ», вып. 150; Русский язык, 1952. В. И. Чернышев, М. В. Ломоносов и его «Российская грамматика», «Русский язык в школе», 1940, № 2. В. В. Виноградов, Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М. В. Ломоносова по грамматике и риторике, «Русский язык в школе», 1950, № 2. А. И. Со-

¹ В. В. Виноградов, Основные этапы развития русского литературного языка, «Русский язык в школе», 1940, № 4, стр. 7.

болевский, Ломоносов в истории языка, журн. Мин. нар. просв., 1912, № 1. Е. Ф. Карский, Значение М. В. Ломоносова в развитии русского литературного языка, «Русский филологический вестник», т. 67, 1912. Е. Ф. Будде, несколько заметок по истории русского языка, журн. Мин. нар. просв., март 1898 и май 1899. К. С. Аксаков, Ломоносов в истории русской литературы и языка, Собрание сочинений, т. 2, 1889. А. С. Будлович, О языке Ломоносова, «Русский филологический вестник», 1869. С. М. Бурдин, Роль М. В. Ломоносова в создании русской естественнонаучной терминологии, «Ученые записки Ташкентского пединститута», вып. 2, 1954.

ГЛАВА 8

РАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII века

§ 42. Борьба за установление норм литературного языка на основе живой разговорной речи

Середина и вторая половина XVIII века интересны тем, что в это время углубляются национальные основы и расширяются источники, из которых пополнялся литературный язык. Происходит заметное расширение границ литературного языка, в который начинают поступать речевые средства из самых разнообразных источников.

В произведениях Сумарокова, Фонвизина, Новикова и других авторов воспроизводятся многочисленные социально-речевые стили, которые были жизненными и широко употребительными разнообразными разговорно-бытовой речи XVIII века.

Например, Фонвизин блестяще воспроизводит в «Недоросле» речь помещицы Простаковой и ее сына Митрофанушки, речь Правдина и Милона, свидетельствующую о качестве городской речевой культуры, своеобразную речь Еремеевны и других персонажей. Элементы этих весьма многообразных социально-речевых стилей начинают привлекаться в художественную литературу, пополняя литературный язык новыми и характерными средствами и приемами выражения.

Обладавший хорошим чутьем языка и зарекомендовавший себя как блестящий сатирик и неистощимый изобретатель в области комического, Фонвизин продемонстрировал в своих произведениях многообразные по своему характеру и происхождению речевые стили. В этом отношении очень интересны стилизуемые им письма от дедиловского помещика Дурыкина к Стародуму, к которому он обращается с просьбой прислать студента в качестве воспитателя его детей. Письмо начинается следующим образом:

«Имея честь быть вашим соседом, прошу не прогневаться, что я, без всяких моих заслуг, утруждаю вас сим письмом. Я знаю, что вы в Москве много знакомцев имеете и любите ученых, а мои обстоятельства вот каковы:

Я имею шестерых детей: трех мужеского и столько же женского пола. Для девочек переманили мы от соседа мадаму, которая за ними смотрит и за которою мы смотрим; она называется мадам Лудо, неизвестно какой нации».

В этом небольшом письме Фонвизин мастерски воспроизвел конкретно-бытовой характер выражений: «Большой мой сын, Фединька, по семнадцатому году, читать и писать умеет...»; «Митюшка—матушкин сынок; с ним надобно обходиться нежно, ибо он слабого здоровья» и т. д. Они позволяют составить некоторое представление о речевой культуре этого дедиловского помещика.

Эпистолярные стили второй половины XVIII века с наибольшей полнотой отражали весьма характерные особенности провинциально-дворянского просторечия, в массе своей заметно сливавшегося с общенародной разговорно-бытовой речью, однако отличавшегося некоторым налетом книжности, изысканных форм обращения и отчасти жаргонного словоупотребления.

Жанр частных писем представлял большой простор для воспроизведения всех наиболее типичных для разговорно-бытовой речи лексико-фразеологических и грамматико-стилистических средств.

Знаменитые «Письма к Фалалею», напечатанные в «Живописце», дают не только отчетливое представление о провинциально-дворянском просторечии, но также изобличают в авторе (относительно имени которого идут споры) опытного художника слова, мастера речевых средств юмора и сатиры. В языке этих писем, написанных уездным дворянином к своему сыну в Петербург, а также матерью и дядей, книжно-интеллигентная стихия представлена незначительно. Традиционно-книжные средства выражения обнаруживаются в стереотипных началах и концовках писем. Например, дядя начинает свое письмо так:

«Любезному племяннику моему Фалалею Трифоновичу от дяди твоего Ермолая Терентьевича низкий поклон и великое челобитье... Было бы тебе известно, что мы по отпуск сего письма все, слава богу, живы и здоровы; також и отец твой Трифон Панкратьевич здравствует же: только Сидоровна, хозяйка его, а твоя мать, больно трудна, что подымешь, то и есть, а сама ни на волос не поворохнется»¹.

Концовка в письме отца Фалалея выглядит следующим образом: «За сим писавый кланяюсь, отец твой Трифон, благословение тебе посылаю».

Для просторечия провинциальных дворян были характерны также некоторые фразеологические и лексические элементы церковно-книжного происхождения, а также документально-канцелярского. Например, в письме отца употреблены выражения, характерные для помещика-крепостника: «Да знаешь ли ты ето, что я тебе за непочтение к родителям, в силу указов велю висечь кнутом;

¹ Цитирую по книге А. Н. Афанасьева «Русские сатирические журналы 1769—1774 годов», т. 1, изд. 2, изд. «Молодые силы», Казань, 1871, стр. 119—124.

меня бог и государь тем пожаловали: я волен и над животом твоим; видно, что ты его позабыл! Кажется, я тебе много раз толковал, что ежели отец или мать сына своего и до смерти убьют, так и за это положено только церковное покаяние. Эй, сынок, спохватись! не сыграй над собою шутки... Петербург не за горами, я и сам могу к тебе приехать».

Кроме этого, дворянское просторечие отличалось от народной речи некоторым количеством выражений военно-терминологического характера: «Сыну моему Фалалею. Так-то ты считаешь отца твоего, заслуженного и почтенного драгунского ротмистра? тому ли я тебя проклятого учил и того ли от тебя надеялся, чтоб ты на старости отдал меня на посмешище целому городу? Я писал к тебе оканному в наставление, а ты это письмо отдай напечатать».

Ср. также совет отца относительно ордена Георгия:

«Пусть у тебя не будет Егорья, да будешь ты за то поздоровее всех егорьевских кавалеров. С Егорьем-то и молодые люди частенько поохивают; а которые постарее, так те чуть дышут».

Основная масса речевых средств, бытовавших в провинциально-дворянском просторечии, — это общенародные слова и выражения, а также типичные для разговорной речи синтаксические конструкции.

В области синтаксиса и морфологической структуры для писем к Фалалею как типичной иллюстрации провинциально-дворянского просторечия характерно:

1. Множество вопросительных и восклицательных предложений: «Погубил ты, супостат, мою головушку! пришло с ума сойти. Слыханное ли это дело, чтобы дети над отцами своими так ругались?»

2. Обращения и краткие, характерные для диалога конструкции. Например, в письме отца:

«Ну, сын, я теперь тебя в последний раз прощаю по просьбе твоей матери; а ежели бы не она, так уж бы я дал себя знать».

Или: «Поди в отставку да приезжай домой: ешь досыта, спи сколько хочешь, а дела за тобой никакого не будет. Чего тебе лучше этого? За честью, свет, не угоняешься; честь! честь! худая честь, коли нечего будет есть».

3. Глаголы многократного вида: «Учись, сынок, как жить с женою; мы хоть и *дирались* с нею, да все-таки живем вместе; и мне ее теперь, право жаль».

4. Приставочные глаголы, частицы и наречия просторечного характера:

«А я тебе уже и *приискал* было невесту. Девушка не убогая, грамоте и писать горазда, а *нуще* всего великая экономка: у нее ни синей порох даром не пропадет; такую-то, сынок, я тебе невесту *сыскал*».

5. Уменьшительно-ласкательные формы личных имен:

«Не испугайся, *Фалалеюшка*, у нас нездорово, мать твоя Акулина Сидоровна лежит при смерти».

В области лексики особо выделяются просторечные образно-метафорические значения общеупотребительных слов. Ср. о собаке:

«Налетку твою кто-то съездил поленом...», «лихие люди, говорят» и т. п.

Ср. из письма матери: «Ничего, Фалалеюшко, *норовок-ат* у него, прости господи, *чертовский*; уж я ли ему не угоджаю, да и тут никогда *не пропаду* в лад. Как *закуралесит*, так и святых вон понеси. А ты, *батька* мой, что ето сделал, отдал письмо его напечатать».

Фразеология писем носит также преимущественно разговорно-просторечный характер. Например: «*Чужое-то робя всегда худо; наши лучше всех*; а кабы оглянулись на своих деток, так бы и не то еще увидели. Побереги ты, мой батько, сам себя, не рассерди отца: *с ним и чёрт тогда уже не совладеет*». Ср. из письма отца: «Неровно как пошлют в армию, так *пропадеешь ни за копейку*. Есть пословица: *богу молись, а сам не плошись*; уберись-ка в сторонку, так ето здоровее будет».

Укажем и на такие обороты: «Так уж не *жди никакой пощадь...* у меня не один месяц *проохаешь*, лишь бы только мне до тебя *дограться*». «Худо, друг мой, и ворожей не помогают твоей матери; много их приводили, да *пути нет*, лишь только деньги пропали». «*Своей своему поневоле друг*» и др.

Образность и конкретность языка создается до некоторой степени и сравнениями, с помощью которых в письмах изображаются грубо-примитивные взгляды провинциальных помещиков. Например, в письме дяди: «Ну, Фалалеюшко! вить матушка твоя скончалась: поминай, как звали. Я только теперь получил об етом известие: отец, сказывают, *воет, как корова*. У нас такое поверье: которая корова умерла, так та и к удою была добра. Как Сидоровна была жива, так отец твой *бивал ее, как свинью*, а как умерла, так и *плачет, как будто по любимой лошади*».

Все это говорит о том, что эпистолярные стили литературного языка, получившие во второй половине XVIII века большое развитие (подобного рода частные письма стали культивироваться в сатирических журналах как особый жанр литературы), служили тем каналом, через который дворянское просторечие проникало в литературу. Многие жизненные речевые средства этого просторечия, генетически восходившие к общенародной живой и образной речи, становились постепенно достоянием литературного языка, в первую очередь — его художественно-беллетристических стилей.

Если мы обратимся к произведениям Фонвизина, то они представляют для историка русского литературного языка большую ценность, во-первых, потому, что в них точно воспроизведена разговорная речь различных слоев общества второй половины XVIII века; во-вторых, эта речь воспроизведена сатирически заостренно и подчеркнуто, в силу чего автор использовал наиболее типическое и характерное.

Точное и правдивое воспроизведение Фонвизиним живой разговорной речи того времени было отмечено еще современниками писателя, которые восторженно отзывались о созданных им типах.

Многое из того, что представлено в языке Бригадирши или Простаковой, Фонвизин, так сказать, списывал с натуры и творчески дорабатывал.

«В «Чистосердечном признании» он рассказывает, например, о прототипе Бригадирши — матери знакомой ему девушки. Эту женщину, вспоминает он, «ближние и дальние, словом, целая Москва признала и огласила набитою дурую». Затем он указывает, что эта мамаша, «признаю грех мой, послужила мне подлинником к сочинению Бригадиршиной роли»¹.

В развитии речевых средств юмора и сатиры Фонвизин сыграл выдающуюся роль. Склонность к острому сатирическому изображению обнаружилась у него очень рано. В «Чистосердечном признании» Фонвизин рассказывает о первых опытах сатирического изображения и обличения: «Природа дала мне ум острый, но не дала мне здравого рассудка. Весьма рано появилась во мне склонность к сатире. Острые слова мои носились по Москве; а как они были для многих язвительны, то обиженные оглашали меня злым и опасным мальчишкою... Меня стали скоро бояться, потом ненавидеть; и я вместо того, чтоб привлечь к себе людей, отгонял их от себя и словами, и пером. Сочинения мои были острые ругательства: много было в них сатирической соли, но рассудка, так сказать, ни капли»².

Фонвизин вошел в историю русского литературного языка не только как блестящий сатирик, выдающийся мастер образного слова. В качестве одного из участников составления «Словаря Академии российской», а также автора «Опыта российского сословника» Фонвизин поднял много важных лингвистических вопросов и высказал интересные мысли о плане словаря русского языка, способах толкования слов, о синонимических средствах, о нормировании языка и т. п.

В 1783—1784 годах Фонвизин работал в комиссии Российской академии по выработке руководящих правил для составления словаря русского языка. Его перу принадлежит «План или начертание словаря русского языка», представленный комиссией в академию. Наряду с этим, он составил для словаря таблицу слов, начинающихся с букв *к* и *л*, выбирал слова из древнерусских летописей, записывал термины охотников, собирал производные и сложные слова от глагола *дать*.

Настаивая на помещении в словаре ряда собственных имен, Фонвизин требовал, чтобы к ним были даны социально-исторические пояснения. По поводу таких имен, как *Нерон*, *Зоил*, *Тит* и другие, он писал: «Я желал бы, например, чтобы в словаре нашем было истолковано, что имя *Нерон* заключает в себе идею лютого тирана, *Тит* — государя милосердного, *Сарданпал* — тирана сладострастного; *Зоилом* именуется злобный и презрительный критик; что имя *Катилина* сделалось титулом высокомерного врага отечеству.

¹ Д. И. Ф о н в и з и н, Избранные сочинения и письма, ГИХЛ, 1947, стр. 196—197.

² Там же, стр. 197, 198.

Сим образом потомство судит деяния своих предков. Таковой суд есть достойное возмездие порока, достойная награда добродетели»¹.

Фонвизинский «Опыт российского сословника» является первой в России попыткой раскрытия существа синонимов, описания синонимических групп. Например, в начале каждой статьи он приводит ряд синонимов (*старый, давний, старинный, ветхий, древний, заматерелый*), а затем кратко определяет, чем одно слово по смыслу отличается от другого. Приведем образец его толкований слов: «*Сумасброд, шаль, невежда, глупец, дурак*».

Сумасброд никогда не следует рассудку, с которого сбред, а руководствуется во всех своих делах одним воображением. *Шаль* притворяется обычно глупее, нежели он есть, для того, что без сего притворства не стало бы природного ума его возбудить на себя внимания. *Невежда* называется человек без просвещения. *Глупец* тот, которого ум весьма ограничен. *Дурак*, который ума вовсе не имеет.

Сумасброд весьма опасен, когда в силе. *Шаль* часто дурачеством досаждают. *Невежда* обыкновенно в своих мнениях упрям. *Глупцы* смешны в знати. *Дураку* закон не писан»².

Язык произведений Фонвизина получил восторженную оценку Пушкина, Вяземского и других русских писателей, подчеркивающих национальную самобытность, образность и типичность речи изображаемых им действующих лиц.

Пушкин высоко оценил художественные достоинства языка действующих лиц «Недоросля», противопоставив яркую и сочную речь фонвизинских персонажей замкнутому и кастово ограниченному жаргонному словоупотреблению. Он писал: «Если бы «Недоросль», сей единственный памятник народной сатиры, «Недоросль», которым некогда восхищались Екатерина и весь ее блестящий двор, если б «Недоросль» явился в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Фонвизина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку *канальей* и *собачьей дочерью*, а себя сравнивает с *сукою*(!!). «Что скажут дамы! — воскликнул бы критик, — ведь эта комедия может попасться дамам!» — В самом деле страшно! Что за нежный и разборчивый язык должны употреблять господа сии с дамами! Где бы, как бы их послушать! А дамы наши (бог им судья!) их и не слушают и не читают» («Опровержение на критики», 1830).

Превосходные качества языка действующих лиц комедии «Бригадир», появление которой ознаменовало создание подлинной национально-русской художественной драматургии, Вяземский оценил следующим образом: «В «Бригадире» в первый раз услышали на сцене нашей язык, натуральный, остроумный»³. В этих двух опре-

¹ Д. И. Фонвизин, Избранные сочинения и письма, стр. 291.

² Там же, стр. 121.

³ Цитирую по книге: Д. Д. Благой, История русской литературы XVIII века, изд. 2, Учпедгиз, 1951, стр. 352.

делениях — *натуральный* и *остроумный* — Вяземскому удалось довольно точно назвать основные качества языка фонвизинских произведений и подчеркнуть его типичность и сатирическую целеустремленность.

§ 43. Роль Радищева в формировании публицистического языка

Различные формы отражения классовых интересов и противоречий в стилях литературного языка второй половины XVIII века находят объяснение в самой сложности социально-экономической структуры России. В это время феодальный строй осложняется зарождающимися капиталистическими отношениями.

Нарастание классовых противоречий, повышение удельного веса купечества, усиление эксплуатации и крепостничества, а также революционные выступления — все это находит отражение в художественной литературе, в лексике и фразеологии литературного языка. Поэтому в стилях литературного языка происходит социально-идеологическая дифференциация речевых средств.

В это время формируется стиль революционной публицистики, для развития которого очень многое сделал Радищев. Кроме того, во второй половине XVIII века появляется много документов, которые противостоят правительственным документам и значительно отличаются от них по стилю. Художественная литература широко отражала язык современности с его уходящими и живыми традициями, отражала самые процессы, протекавшие в общенародном языке и во всех его ответвлениях — многочисленных социально-речевых разновидностях.

Радищев, создавший революционный публицистический стиль, широко пользовался речевыми средствами славяно-русского характера, изменяя и развивая их смысловую систему и идейную направленность. Вместе с тем Радищев многое черпал из сокровищницы живой разговорной речи и народной поэзии, свободно смешивая народные элементы с славяно-русскими и западноевропейскими и не придерживаясь традиционной рецептуры учения о трех стилях. Он стремился содействовать развитию в России просвещения «на языке народном, на языке общественном, на языке российском».

Слог «Путешествия из Петербурга в Москву» представлял для своего времени очень много новаторского: старые речевые средства как бы приспособлялись к новым задачам и получали новые функции.

Широкое привлечение Радищевым архаической стихии не создает, однако, несоответствия между его содержанием и формой. «Церковнославянский язык в частях «Путешествия», насыщенных гражданским пафосом, был для Радищева тем испытанием, отложившимся средством отборочного слога, слога высокого, которым еще не располагал русский язык как таковой. Радищев как человек XVIII века и как трибун ощущал бы снижение глубины и важности

развиваемых им идей, если бы они облеклись в формы повседневной или близкой к повседневности речи, речи, которою он очень хорошо владеет, когда изображает бытовое, не возбуждающее ни пафоса, ни негодования»¹.

Радищев одним из первых показал, что архаический фонд речевых средств церковно-книжного происхождения может быть умело использован для выражения революционной патетики, а также в целях обличительно-сатирических. Освобожденные от религиозной мистики, заряженные новым идейным содержанием, церковнославянизмы выступали у Радищева как стилистически и идеологически мотивированные и оправданные речевые средства. В тех случаях, когда Радищев нуждался в резких и выразительных средствах обличения, он прибегал к архаике. Например, по адресу помещиков он гневно восклицает: «Страшись, помещик *жестокосердый*, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение!»

Обращаясь к рабам и призывая их к мщению, к восстанию, Радищев говорит: «О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, ярясь в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашу обгарили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулися бы великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены» («Городня»).

Таким образом, с церковнославянскими словами у Радищева связана идея высокого и торжественного, необходимого для выражения глубины и важности развиваемых им идей. Он не считал возможным облечь свои мысли в форму повседневной и будничной речи.

«Путешествие из Петербурга в Москву» представляет собой яркий образец того литературного стиля, который объединяет в себе особенности языка революционной публицистики с особенностями языка художественной литературы. Сложный и глубокий синтез этих двух стилистических планов составляет яркую и оригинальную особенность радищевского языка. Кроме архаики, Радищев использовал все элементы книжно-поэтических и книжно-прозаических стилей своего времени. Стиль публицистический органически переплетается у Радищева со стилем художественно-литературным. В языке «Путешествия» также много простонародных речевых средств, считавшихся нелитературными. Поэтому «Путешествие из Петербурга в Москву» по своему языку очень оригинально, словесная ткань этого произведения многогранна.

Элементы публицистического стиля не столько осваивались Радищевым, сколько создавались им заново, так как речевые средства революционно-обличительной публицистики еще не были выработаны в середине XVIII века. Поэтому Радищев является нова-

¹ Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, т. II, изд. 4, 1953, стр. 63.

тором и основоположником значительной части общественно-политической терминологии прогрессивного направления.

Новая общественно-политическая терминология, употребляемая Радищевым, группируется вокруг таких понятий, как *человек* и его общественное положение: *гражданин, общество, равенство, братство, закон, отечество*. Это были основные проблемы, которых касался Радищев и вокруг которых и сосредоточивалась сама публицистическая терминология.

В целях разоблачения крепостничества и самодержавия Радищев создает много обличительных формул и терминов. Так, по его определению, самодержавная власть — *власть мучителя*; это — *«столовое чудовище, иссасающее пищу общественную, уготованную на прокормление граждан»*.

Придворные или царский двор характеризуются Радищевым такими обличительными формулами: это — *придворные истуканы, любимцы, ласкатели, льстецы, прислужники, вероломные друзья, тесные умы, малые и тесные души, незаконные сыны отечества, нарушители общественной доверенности, поборники неволи, рабы, предатели, преступники, злодеи, убийцы*¹.

Самодержавный строй, царь и его окружение являются источниками многочисленных общественных пороков и социальных зол. Поэтому обязательными атрибутами самодержавного строя, приближенных к царю вельмож являются: *алчность, бесчеловечие, вероломство, властолюбие, высокомерие, гордость, жестокость, зависть, зверство, клевета, коварство, козни, корысть, ласкательство, лесть, лицепрятие, ложь, лобомщение, любочестие, мздоимство, надменность, насилие, ненависть, ненасытность, неправда, подлость, подбострастие, раболепие, раболепство, распутство, самолюбие, самонедоверение, сребролюбие, рабский трепет, тщеславие, ухищрение, хищность*.

Тема социального неравенства развивается Радищевым с помощью таких речевых средств, как *рабство, иго, неволя, оковы, порабощение, угнетение, удручение, неправда, злодеяние, мучительство, насилие, пагуба, зверство, свирепствование, убийство*.

Идея вольности, свободы, равенства людей также вызывает к жизни много соответствующих общественно-политических терминов. Для понятия свободы мысли, слова и печати Радищев употребляет целый круг синонимических средств: *вольное книгопечатание, вольность книгопечатания*; на эту же тему синонимично — *вольность мыслей, вольность печатания, свобода в писании, свобода в помышлениях, свобода мыслей, свобода печатания, свобода писаний, свобода писать, свободное книгопечатание*.

Некоторое представление о том, как формировалась и создава-

¹ См.: Н. Ю. Шведова, Общественно-публицистическая лексика и фразеология в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. II, М., 1951, стр. 21 и далее.

лась общественно-политическая лексика и фразеология, дают многие новообразования Радищева. Например, от слова *гражданин* (в отличие от слова *обыватель* слово *гражданин* было более высоким в стилистическом отношении) Радищев производит очень много таких формул, как *гражданское звание*, *гражданское положение*, *гражданское сожитие*, и говорит, что *гражданское звание* есть высокое звание *гражданина*: «Тот, кто восхощет его лишить пользы *гражданского звания*, есть его враг». Радищев подчеркивал права гражданина, права человека, обрушиваясь на крепостничество. Он старался показать человека в его высоком звании гражданина, а не раба, не крепостного.

Кроме богатой и разнообразной общественно-публицистической терминологии, Радищев употреблял много архаических речевых средств ¹. В области морфологии, синтаксиса и лексики у Радищева встречаются такие архаические формы, как звательная (*отче*), архаические формы склонения существительных (*на крылех* и др.), родительный падеж единственного числа имен прилагательных женского рода («человек *робкия души*», «тяжесть *удручительныя неволи*»), глаголы типа *отверзать*, *узреть* и др., причастия типа *вещайи*, *носяи* (в смысле «носящий»), *соболезнуий*, *приспевый* (в смысле «приспевший») и т. д. Придаточные предложения соединяются союзами, архаичными уже для второй половины XVIII века: *иже*, *его же*, *аки*, *бо*, *дондеже*, *убо*, *яко*, *токмо*.

Но наряду с книжной речевой стихией, насчитывающей много веков существования и употребления, Радищев привлек в свое «Путешествие» очень много живых, бытующих в разговорной речи слов и выражений, часть которых ранее не употреблялась в литературном языке. Описывая крестьянский быт, народ, разговор с ним, Радищев употребляет такие слова, как *бабы*, *девки*, *изба*, *нива*, *соха*, *сошник*, *пахарь*, *борозда*, *посконная рубаха*, *онучки*, *лапти*, *квашня*, *подойник*. В диалогах широко представлена лексика просторечная и простонародная: *хаживать*, *посиделки*, *ровня*, *посулить*, *не стращай*, *парень*, *николи* и т. д.

На стиль революционной публицистики, как в этом убеждают произведения Радищева, широко повлияли и народные пословицы и поговорки. В «Путешествии из Петербурга в Москву» употребляется много народных изречений: «На всякого мудреца довольно простоты»; «Тихе едешь, дальше будешь»; «Царь жалует, а псарь не жалует»; «Не тот один вор, кто крал, но и тот, кто принимал», «Всяк пляшет, да не как скоморох», «Голод не свой брат» и др.

Перу Радищева принадлежат и многие афоризмы, содержание которых хорошо гармонирует со всей целеустремленностью его произведения. Например: «Порабощение есть преступление», «Крестьянин в законе мертв»; «Нет ничего вреднее, как всегдашние на предме-

¹ См.: Е. А. Василевская. Язык и стиль А. Н. Радищева, «Русский язык в школе», 1949, № 4, стр. 7 и далее.

ты рабства воззрения»; «Блаженство неволе несродно»; «Душа моя страданиями человечества уязвлена стала».

Время Радищева — это время мрачного и беспросветного крепостничества и дикого произвола. Поэтому так очевидна сила и острота этих афоризмов, как и других обличительных формул.

Значение Радищева в истории языка определяется, следовательно, тем новым, что он создал в области стилей революционной публицистики, что он показал, как старые средства языка можно употреблять в новых функциях, как можно даже архаичные славянизмы зарядить революционным пафосом, освободив их от религиозной мистики.

Создавая новые публицистические термины и выражения, Радищев показал, как надо осуществлять новаторство в языке, как находить методы и способы образования новых речевых средств. Радищев писал свои гневные, обличительные произведения, не имея еще выработанной системы речевых средств, которыми в XIX веке пользовалась прогрессивная революционно-демократическая литература. Поэтому ему приходилось быть новатором и открывать самые способы и возможности создания стиля революционной публицистики, творчески используя богатое языково-стилистическое наследие прошлых эпох.

§ 44. Борьба с иноязычными заимствованиями в речи высших дворянских кругов

Во второй половине XVIII века происходило формирование салонно-дворянского жаргона, который в известной мере влиял на средства или нормы литературного выражения. Русские аристократы и дворяне времен Екатерины и позднее, получившие образование у учителей-иностранцев, проводившие значительное время за границей, культивировали антинациональное, пренебрежительное отношение ко всему русскому. Создалась манера пересыпать коверканную и небрежную русскую речь французскими словами и выражениями, тоже недостаточно грамотными; в моду вошло «нижегородско-французское словоупотребление».

Тургенев указывал, что старые аристократы XVIII века, желая показать себя русскими, иногда позволяли себе говорить «эфтот», «энтот»: мы-де настоящие русаки. Но это был лишь только фарс; по существу же они культивировали чуждую народу космополитическую речевую культуру. Стараясь противопоставить себя народу в отношении речевой культуры, они прибегали к французскому языку, на котором удобнее было говорить при слугах и при дворовых, не понимавших, о чем идет речь. И вообще признаком хорошего тона считалось тогда умение изъясняться по-французски.

Вспоминая о молодых годах, Фонвизин рассказывает в своем «Чистосердечном признании» о том, как он убедился в необходимости изучать французский язык: «Стоя в партерах, свел я знакомство с сыном одного знатного господина, которому физиономия моя

понравилась; но как скоро спросил он меня, знаю ли я по-французски, и услышал от меня, что не знаю, то он вдруг переменялся, ко мне похолодел: он счел меня невеждою и худо воспитанным, начал надо мною шпынять; а я, приметя из оборота речей его, что он, кроме французского, коим говорил также плохо, не смыслит более ничего, стал отъедаться и моими эпиграммами загонял его так, что он унялся от насмешки и стал звать меня в гости; я отвечал учтиво, и мы разошлись приятельски. Но тут узнал я, сколько нужен молодому человеку французский язык, и для того твердо предпринял и начал учиться оному, а между тем продолжал латинский, на коем слушал логику у профессора Шадена, бывшего тогда ректором».

В распространении нижегородско-французского словоупотребления сыграли некоторую роль и невежественные иностранцы-воспитатели, учителя, которых в те времена принято было приглашать в дворянские семьи и которые не только не знали как следует русского языка, но и не старались им овладеть.

Словоупотребление фонвизинского Вральмана в значительной степени шаржированное, все же наглядно свидетельствует о том, насколько эти «воспитатели» были полнейшими невеждами в области русского языка, в законах произношения, грамматики и синтаксиса. Несколько реплик из «Недоросля» убедительно показывают это. Так, Вральман говорит вместо «вижу» — «фижу», вместо «ребенок» — «репенок», вместо «боже» — «поже»; в лексическом отношении очень характерна реплика: «Матушка... сшался нат сфайей утрой», «калоушка караздо слапе прюха» (т. е. «головушка гораздо слабее брюха»).

В связи с формированием и развитием салонного жаргона формировались и самые литературно-эстетические вкусы аристократического общества, в некоторой степени оказывавшие влияние на средства и нормы литературного выражения.

Когда, например, Карамзин выступал против употребления многих устаревших или просторечных слов, то он равнялся на речь светских женщин. Все, что могло шокировать слух благородных дам ревнители утонченного языка старались не допускать в литературу. В «Живописце», «Трутне» и других сатирических журналах XVIII века появлялись произведения, написанные языком, который был сильно насыщен жаргонными элементами.

Жаргон отличался специфическими значениями, появляющимися у общеупотребительных слов и выражений. Эти специфические значения создавались, например, путем метафоризации, в силу чего общеизвестное слово приобретало салонно-жаргонное значение. *Болванчик* — это ласкательное название, которое давали друг другу любовники: «Ах, как ты славен, бесподобный *болванчик*! Ну, если бы сказала я тебе: люблю, так вить бы я пропала с тобою. По чести, ты бы до смерти меня залюбил, не правда ли? Перестань, радость, шутить, это ни чуть не славно»¹.

¹ «Живописец», ч. I, изд. 2, стр. 163—173.

Термин *маханье* в салонном жаргоне означал «волокичество»; отсюда *махаться* — «волочиться». Например, в «Живописце» так изображается жаргон светских щеголих:

«Ха, ха, ха! ах, монкёр, ты уморил меня! Он живет три года с женою и по сю пору ее любит! Перестань, мужчина, это никак не может быть; три года иметь в голове своей вздор!.. С чужою женою и *помахаться* не смеет, еще и за грех ставит! Прекрасно! Перестань шутить; по чести, у меня от этого делается теснота в голове. Ах, как это славно!.. Они до смерти друг друга залюбят. Ах, мужчина, ты уморил меня!»

Слова *бесподобно* и *беспримерно* употреблялись в таком специфическом значении: «*Бесподобные* люди! — Она дурачится по-дедовски и тем неподобно его терзает; а он так темен в свете, что по сю пору не приметит, что это ничуть не славно и совсем не ловко; он так развязан в уме, что никак не может ретироваться в свет»¹.

Ср. еще образец модного жаргона светских щеголей и щеголих XVIII века и характерного для него употребления лексики и фразеологии: «Монкёр Живописец! Ты, *радость* беспримерный автор. — По чести говорю, *ужесть* как ты славен! Читая твои листы, я *бесподобно* утешаюсь; как все у тебя славно: слог *расстеган*, мысли прыгающи. ... твои листы *вечно* меня *прельщают*; *клянусь*, что я всегда *фельгетирую* их без всякой *дистракции*... В первой его комедии («О время!») я и сама *до смерти* захохоталась: *ужесть* как славно *шпетил* он наших бабушек: а эта комедия такую *сделала дистракцию*—и такую *грусть*, что я поклялась *никак на именины не ездить*. Правда, ты и сам *зацепился*, но это шуткою... точь в точь выказал ты дражайшего моего *папахина*. — Какой это несносный человек! *Ужесть*, *радость*, как он *неловко выделан*. По счастью, скоро выдали меня замуж: я приехала в Петербург: *подвинулась в свет*, *разняла глаза* и *выкинула весь тот из головы вздор*, который *посадили* мне мои родители: *поправила опрокинутое* мое понятие... Но я *никак* не ушла от беды: муж мой... *влюблен в меня до дурачества*, а к тому ж еще ревнив. Фуй! как это неловко: муж растрепан от жены; это, монкёр, гадко!.. Сказать ли, чем я *отвязываюсь* от этого несносного человека? Одними обмороками... Как привяжется он ко мне со своими *декларасьонами* и клятвами... то я сперва говорю ему: *отцепись!* но он никак не отстает; после этого резонирую, что стыдно и глупо быть мужу *влюблену* в свою жену, но он никак не верит. Итак остается мне одно средство — *взять обморок*»².

Салонный жаргон претендовал на изысканность, светскость, легкость обращения, на свободу от «грубых» слов и выражений. Поэтому все то, что по воззрениям аристократов не уживалось с этим легким и изысканным словоупотреблением, устранялось. Вследст-

¹ Ср. приводимый в журнале перевод: «Редкие люди! Она любит его постоянно, а он совсем незнающ в щегольском обхождении и не понимает того, что постоянная любовь в щегольском свете почитается тяжкими оковами. Он так глуп, что и сам любит ее равномерно».

² «Живописец», ч. 1, изд. 2, стр. 60—65.

вие этого жаргон не мог не быть кастово замкнутым, ограниченным в своих средствах, преследующим только цель легкого порхания и мнимого изящества.

Вот образец модных во второй половине XVIII века названий дней недели, которые были как бы зашифрованы и известны только в узко-замкнутом кругу носителей жаргона: «Мы располагаем дни так, чтобы всегда быть вместе: в *серинькой* ездим в английскую комедию, в *пестринькой* бываем во французской, в *колетца* — мас-караде, в *медный таз* в концерте, в *сайку* смотрим русский спектакль, в *умойся* — дома, а в *красное* ездим прогуливаться за город. Таким образом, держу ее *болванчиком* до того времени, как встретится другая»¹.

Салонному жаргону, помимо указанных свойств, характерно также употребление некоторого количества иностранных слов. «Живописец» и другие журналы XVIII века публиковали в сатирической редакции образцы нижегородско-французского словоупотребления, а также словарики модных слов щеголей и щеголих. Вот пример из журнала «Сатирический вестник», который в 1790 году публиковал в иронической редакции ежедневные записки, оставшиеся после смерти известной красавицы. Эти записки прекрасно обнаруживают, с одной стороны, безудержную галломанию, стремление почти каждую фразу пересыпать французскими словами и выражениями, а с другой стороны, обнаруживают явно безграмотное русское словоупотребление: «Впанедельник павечеру была *pour faire visite* («сделать визит») госпоже Д. Все каторыя ни находились у ней *etrangement stupides* («странно тупы»). М-г Ч. тама не был. *Perdu* («потеряла») 50 рублиоф. Приехала дамой *de fort mauvaise humeur* («в очень плохом настроении»). Приметила, што М. *est amoureux de la petite* («влюблен в маленькую») Б. которая хаша и странна, толка *son chapeau lui allait bien* («ее шляпка к ней очень шла»). Князь Д. также *amoureux* («влюблен») в Ж. Ане такая люди, што князь *porte la tete haute* («носит высоко голову»), а та стучит ходя опол. Уграфа М. кафтан счит сновыми *boutons d'acier* («стальными пуговицами»), и оченна харашо, только сам собою он гадак»².

Подобного рода словоупотребление В. И. Ленин называл худшими традициями, оставшимися от худших представителей русского помещичьего класса, который «... по-французски учился, но во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык»³. С этими худшими традициями прогрессивные писатели и деятели вели непримиримую борьбу. Фонвизин и Новиков много делали для того, чтобы высмеивать эти жаргоны, показать их ничтожность, ограниченность, бичевать тех, кто культивировал и насаждал антинациональное, пренебрежительное отношение к родному языку. Новиков

¹ «Живописец», ч. 1, изд. 2, стр. 26—29.

² Цитирую по книге: В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков, 1934, стр. 163.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 30, стр. 274.

называл в своих журналах русских аристократов, пренебрежительно относящихся к родному, «молодыми российскими поросятами, которые ездили за границу для совершенствования ума своего и возвращались оттуда совершеннейшими свиньями».

Позднее Грибоедов резко осуждает галломанию и дает прекрасные образцы разговорной, книжной и поэтической русской речи. Пушкин пишет письмо Татьяны по-русски, стараясь противопоставить салонной речевой культуре речевую культуру русского народа.

ЛИТЕРАТУРА

К. Петров, Словарь к сочинениям и переводам Фонвизина, изд. при содействии Академии наук, П., 1906. В. И. Чернышев, Рецензия на «Словарь», составленный Петровым, «Известия Отд. русского языка и словесности Академии наук», кн. I, 1906. В. В. Виноградов, Язык Радищева. См. «Очерки по истории русского литературного языка», гл. 3, 1938. Е. А. Василевская, Язык и стиль «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Русский язык в школе», 1949, № 4. Н. Ю. Шведова, Общественно-публицистическая лексика и фразеология в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», изд. АН СССР, т. II, 1951. Баранская, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и устное народное творчество XVIII в., «Известия АН СССР», т. XI, вып. 5, 1952. К. В. Ковалева, Элементы народного языка в баснях А. П. Сумарокова (Автореферат), Минск, 1955. Ю. Д. Соболева, Общественно-политическая лексика сатирических журналов Н. И. Новикова (Автореферат), Ленинград, 1958. И. А. Валентинова, Лексика художественной прозы М. Д. Чулкова (Автореферат), Чита, 1959.

ГЛАВА 9

ЗАВЕРШЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

§ 45. Спорные вопросы развития русского литературного языка в конце XVIII — начале XIX века

[Конец XVIII и начало XIX века ознаменовались борьбой двух резко определившихся направлений за пути и нормы развития русского литературного языка. Одно из направлений возглавлял Карамзин, имевший много сторонников. Против карамзинской программы выступил А. С. Шишков с его «Беседой любителей русского слова», заняв иную позицию, противопоставив точке зрения карамзинистов свои взгляды на развитие русского литературного языка.]

Борьба разгоралась преимущественно вокруг следующих проблем. Карамзин стоял за отрыв от славянщины, так как считал, что ломоносовский период развития литературного языка уже окончен, что следует во многом пересмотреть роль церковнославянизмов в русском языке. Шишков занял совершенно противоположную позицию.)

[Предметом острой дискуссии стал вопрос и о заимствованиях, необходимость которых Карамзин и его сторонники подчеркивали, а шишковцы категорически отрицали. Столь же остро стоял вопрос о калькировании, ибо школа Карамзина очень много сделала в области калькирования, осуществлявшегося с целью обогащения литературной лексики новыми словами. Шишков и его сторонники не признавали калькирования правомерным способом пополнения средств литературной речи.]

Наконец, Карамзин и его сторонники выдвигали принцип фразеологического новаторства, создав при этом много новых фразеологических единиц. Шишков осуждал и высмеивал это новаторство карамзинистов.

[Точек расхождения между карамзинистами и шишковцами обнаружилось очень много, тем более что Карамзин, как и другие «арзамасцы», придерживался более западноевропейской ориентации, принадлежал к «западникам». Что же касается Шишкова, то он за-

нимал явно славянофильскую позицию и ориентировался главным образом на активизацию речевых средств славяно-русского характера, которые были апробированы древней письменностью и уже давно вошли в русскую словесность.]

[Чтобы разобраться во всей этой сложной сумме вопросов, которые решались в предпушкинскую эпоху и которые не могли не оказать плодотворного влияния на филологические воззрения и всю творческую деятельность Пушкина как основоположника русского литературного языка нового периода, необходимо в первую очередь познакомиться со взглядами и речетворческой практикой Карамзина и его последователей, ибо Шишков выступал в роли критика и оппонента.]

§ 46. Принципы карамзинских преобразований

[В своем «Пантеоне российских авторов» (1801) Карамзин заявил, что ломоносовская эпоха в развитии русского литературного языка закончена и что начался уже новый период: «Разделяя слог наш на эпохи, первую должно начать с Кантемира, вторую с Ломоносова, третью с переводов славяно-русских господина Елагина, а четвертую — с нашего времени, в которое образуется приятность слога, называемого французами «элеганс».]

[Познакомившись с этим заявлением, Шишков (консерватор, напуганный событиями французской революции, адмирал, позднее — министр просвещения, президент академии, выступавший против всего иноязычного и в первую очередь против слова *революция*, а также его кальки — *переворот* и т. д.) увидел в нем многообразную ересь: 1) неуважение к славяно-русскому языку; 2) мысль, что слог наш стал приобретать приятность независимо от церковнославянского; 3) обозначение этого нового свойства французским словом «элеганс»; 4) отнесение Ломоносова к законченному уже периоду развития литературного языка.]

Целиком одобряя ломоносовскую теорию и практику в области развития литературного языка, Шишков не мог простить Карамзину, что тот не заметил у Ломоносова «красноречивого смещения славянского величавого слога с простым российским» и умения «высокий словенский слог с просторечивым российским так искусно смешивать, чтоб высокопарность одного из них приятно обнималась с простотою другого».

[Не будучи специалистом-языковедом, Шишков в течение ряда лет выбирал из сочинений Карамзина и его сторонников всякие стилистические погрешности, задавшись целью скомпрометировать этот новый слог («элеганс»). Он говорил: «Ежели французское слово *élégance* перевести по-русски *чепуха*, то можно сказать, что мы действительно и в краткое время слог свой довели до того, что погрузили в него всю полную силу и знаменование сего слова!» В результате этих наблюдений вышло его знаменитое «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803).

По поводу карамзинского «элеганса» Шишков писал: «Я долго размышлял, вподлинну ли сочинитель сих строк говорит сие от чистого сердца, или издевается и шутит: как? нелепицу нынешнего слога называет он приятностью! совершенное безобразие и порчу оного образованием!»

В «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» Шишков излагает свою точку зрения и осуществляет критику всей карамзинской концепции.

Чтобы проследить развитие этой борьбы, мы изложим основные положения языково-стилистической концепции Карамзина, который стремился создать легкий, простой, удобопонятный язык, освобожденный от всего тяжеловесного, архаичного, устаревшего. Идеалом Карамзина было писать так, как говорят. Он старался выравнять средства и нормы книжных выражений по образцам живой разговорной речи.

Белинский неоднократно подчеркивал заслуги Карамзина в истории литературного языка. Он указывал, что Карамзин совлек русский язык с ходуль латино-немецких конструкций, что Карамзин показал, как надо писать простым, удобопонятным языком, как надо пользоваться простой структурой предложений. Необходимость равняться на нормы живой разговорной речи и соответствующим образом организовывать синтаксическую структуру диктовалась состоянием литературного языка того времени.

В конце XVIII века не только в художественной литературе, но и в научно-публицистической были весьма распространены сложные и тяжеловесные архаично-книжные синтаксические конструкции, отличавшиеся множеством придаточных предложений, архаичными союзами *ибо, понеже, дабы, поелику* и т. д. Карамзин заявил: «*Вследствие чего, дабы и проч.* — это слишком по приказному, и очень противно в устах такой женщины, которая по описанию Ариосту была прекраснее Венеры». Он выписал фразу: «*Колико для тебя чувствительно и проч.*» и подметил: «Девушка, имеющая вкус, не может ни сказать, ни написать в письме *колико*». Замечания эти верны, так как элементы приказно-канцелярского слога, конечно, были неуместны в художественной литературе.

Стараясь писать так, как говорят, Карамзин равнялся на устную речь. Причем образцами для него служила речь светского общества. Это сказалось и на выборе самих речевых средств. Например, в письме к Дмитриеву, не советуя употреблять слово *парень*, он развивает также мысль о том, что нужно считаться со смысловым и стилистическим обликом слова, с возможностью его употребления: «*Птичка* почти всегда напоминает клетку, следовательно, неволю. *Пернатая* есть нечто весьма неопределенное. Слыша это слово, ты еще не знаешь, о чем говорится: о страусе или колибри, слово *пичужечка* сообщает «две любезные идеи: о свободе и сельской простоте».

Постоянно ориентируясь на разговорную речь светского круга людей, Карамзин невольно должен был учитывать салонно-жар-

гонные нормы словоупотребления, а также рекомендовать учиться образцам литературного выражения у представителей светского общества.]

[Давление светского салонного жаргона на нормы литературного выражения были ощутимы. Ср., например, отзыв Пушкина о роли светского разговора: «Кто отклонил французскую поэзию от образцов классической древности? Кто напудрил и нарумянил Мельпомену Расина и даже строгую музу старого Корнеля? Придворные Людовика XIV. Что навело холодный лоск вежливости и остроумия на все произведения писателей XVIII столетия? Общество очень милых и образованных женщин».]

[Следовательно, некоторое влияние салона на средства и нормы разговорной речи конца XVIII века нельзя не учитывать. Без этого нельзя понять воззрений Карамзина, ограниченность его взглядов и деятельности, что особенно ярко обнаружилось после выхода на литературную арену Пушкина.

Совлекая русский язык с ходуль латино-немецких конструкций. Карамзин придал ему черты излишней цветистости, вычурности и своеобразной чопорности.]

§ 47. Карамзинские приемы языкового новаторства

Не являясь безудержным сторонником европеизации и во многом осуждая галломанию, Карамзин выступил против увлечения французским языком, провозгласив принцип фразеологического новаторства, находя в этом одно из средств развития и обогащения национального литературного языка. «В статье «Отчего в России мало авторских талантов» он писал: «Русский кандидат авторства, недовольный книгами, должен закрыть их и слушать вокруг себя разговор, чтобы совершеннее узнать язык. Тут новая беда: в лучших домах говорят у нас более по-французски! Милые женщины, которых надлежало бы только подслушивать, чтобы украсить роман или комедию любезными счастливыми выражениями, пленяют нас нерусскими фразами. Что же остается делать автору? — выдумывать, сочинять выражения; угадывать лучший выбор слов; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть от них необыкновенность выражения!»

В выдвижении принципа фразеологического творчества Карамзин не был одинок. Белинский не случайно назвал его эпоху «веком фразеологии». Современники и последователи Карамзина тоже разделяли мысль о целесообразности новаторства в области словоупотребления. Например, П. И. Макаров говорил о необходимости искать новые средства для изъяснения. Он заявлял: «Мы хотим сочинять фразы и производить слова по своим понятиям нынешними, умствуя как... все просвещенные народы»¹. Эту точку зрения разде-

¹ П. И. Макаров, Критика на книгу Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», «Московский Меркурий», декабрь, 1803 г.

лял и К. Н. Батюшков, обладавший искусством оживлять словарь, призывавший «похищать древние слова и давать им место в нашем языке»¹.

Фразеологический состав прозы Карамзина испытывал на себе сильное влияние стилей поэзии. Державин, напутствуя Карамзина, выразил пожелание, чтобы был в прозе «глас слышан соловья». Карамзинская проза отразила большое влияние поэтических стилей. Многие фразеологические новообразования Карамзина казались искусственными, отзывались риторикой, так как были более уместны в стилях поэтических, нежели прозаических.

В данном случае он испытывал влияние тенденций, характерных для развития литературных языков ряда европейских стран. Как справедливо указывает венгерский филолог Л. Гальди, влияние стихотворной стилистики на язык прозы — явление общеевропейское. Оно наблюдается не только в русской, но и во французской, итальянской литературах. Проза пишется цветистым «поэтическим» стилем. Предпочтение стиля более трезвого, точного и простого начинается во французской литературе с Вольтера, который сразу же находит себе блестящего сторонника в немецкой литературе в лице Лессинга².

В составе карамзинской фразеологии и его новообразований выделяется поэтическая, или стихотворческая, фразеология, которая была распространена и характерна для высокого стиля. Например: «Летать на быстрых крыльях воображения»³; «Паду ниц пред златыми кумирами человеческих заблуждений»; «Грозная царица хлада воссела на ледяной престол свой и дохнула выюгами на русское царство, то есть зима наступила, и Наталья по своему обыкновению пошла однажды к обеду»; «Уже давно оплакал он (боярин. — А. Е.) мать ея, которая заснула вечным сном в его объятиях; но кипарисы супружеской любви покрылись цветами любви родительской: — в юной Наталье увидел он новый образ умершей, и вместо горьких слез печали воссияли в глазах его сладкие слезы нежности»; «взор блеснул огнем вдохновения»; «надгробный камень, разломленный рукою времени», и т. п.

В составе подобного рода фразеологии значительное место занимали кальки, т. е. слова и выражения, созданные по образцу главным образом французских выражений. Например, со словом *цвет* (*Pleur*) Карамзиным употреблялись такие словосочетания: «во цвете юности», «цветы любви»; со словом *дух* (*esprit*) — «дух закона», «дух порядка» и т. д. В таких новообразованиях калькирование играло активную роль. У Ломоносова еще не встречалась фразеология, одобренная Карамзиным: «во цвете пылких юных лет»; «от цвета жи-

¹ К. Н. Батюшков, Сочинения, т. III, 1886, стр. 409.

² L. Gál di, Trois études de A. I. Efimov sur la langue littéraire russe, «Acta linguistica», t. V, fasc. 1—2, Budapest, 1955, стр. 249. (Примечание 63.)

³ Подробнее смотри в моей статье «Фразеологический состав повести Карамзина «Наталья, боярская дочь». Сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», изд. АН СССР, т. I, 1949, стр. 46 и далее.

зни до седины»; «цвет счастья», «венец творения и цвет»; «надежды цвет»; «хотел бы роскоши цветами свой путь... усыпать»; «цветы приятностей»; «цвет блаженства».

Такое калькирование вело к метафоризации значения многих слов, к расширению их смыслового объема, ибо, например, в ряде карамзинских выражений, как «театр ужасов», «театр мира», слово *театр* выступает в более широком значении. По свидетельству «Словаря Академии российской», словом *театр* обозначалось здание, в котором представляются увеселительные и печальные зрелища. Ср. его значения у Карамзина: «Екатерина.., занимая величием своим театр мира, с веселием занималась театром любезного детства» (т. е. посещала Дом воспитания и забавлялась там с детьми); «Сия страна (Ирландия) есть ныне самая несчастная на земном шаре, будучи театром ужаса, казней, остервенения заговорщиков и ... печальных мер строгого воинского правления».

Наряду с фразеологическими кальками типа «дух времени», «дух законов», «дух порядка», «во цвете юности», Карамзин и его сторонники очень часто прибегали к калькам лексическим: *трогать* — *трогательный* («трогательная сцена», «трогательный взгляд»), *предмет* («предмет мыслей», «предмет чувств»), *развитый* («развитый ум»), *утонченный* («утонченный вкус»).

Удачное калькирование ведет к развитию и обогащению смыслового объема слов, потому что у слов появляются новые, дополнительные значения и смысловые оттенки. Следовательно, калькирование не может не отражаться плодотворно на семантической структуре слов и выражений.

Например, слово *трогать* употреблялось Карамзиным и его сторонниками в значении «волновать». Не признавая этого значения, Шишков рассуждал так: слово *трогать* имеет следующие значения: 1) двигаться (*толпа тронулась*); 2) сойти с ума (*он тронулся*); 3) испортиться (*мясо тронулось*). Иных значений в семантической системе этого слова он не признавал. Когда же оно было использовано для перевода французского слова *toucher*, в котором наряду с другими значениями есть значение «волновать», то в результате калькирования появляется четвертое значение — «волновать». В этом значении слово *трогать* начинает употребляться в стилях поэзии и прозы. Ср. у Пушкина: «Начнете плакать — ваши слезы не *тронут* сердца моего»; «Хвала тебе, седой Кавказ! Онегин живо *тронут* в первый раз»; «Но получив посланье Тани, Онегин живо *тронут* был» и т. п.

История многих калек убеждает, что Шишков был неправ, когда возражал против калькирования, которое обогащало синонимические средства и выразительные возможности русского языка.

§ 48. Развитие средств речевой образности

В составе речевых средств Карамзина большое место занимают употребленные в переносно-фигуральном значении общеизвестные русские слова. Здесь сказался принцип новаторства в области слово-

употребления, в области расширения семантических границ слова. Например, слово *море* у Карамзина встречается в таком сочетании: «*море* неопisanного блаженства», «*море*» страшных огорчений». «*океан* неизвестности» и т. д.

Слово *магазин* выступает в ряде контекстов: «*магазин пиитических уподоблений* красоты»; «Академия наук... сделалась несравненно полезнее для отечества, во-первых, ежемесячными сочинениями, которыя, будучи *магазином исторических и других любопытных сведений*, распространяли их в государстве»; «загромоздить *магазин человеческой памяти*».

Фразеологические связи слова *весна* таковы: «Так жила боярская дочь, и семнадцатая *весна жизни* ее наступила». Слово *весна* употребляется для обозначения лучшей, цветущей поры человеческой жизни. Ср. еще: «Первые цветы *весны душевной*», «*весна замужества*». Или: «так увядает *роза юности*»; «*под розами здоровья* кроется *змея сердечных горестей*». Ср. у Пушкина: «*змея воспоминаний*» («Евгений Онегин»).

Слово *рыцарь* начинает входить во множество фразеологических контекстов: «*рыцарь чувств*», «*рыцарь печального образа*», «*рыцарь нашего времени*», «*рыцарь зеленого поля*» (картежник) и др.

В новых сочетаниях выступает и слово *горизонт*: «*На горизонте большого света* явился новый феномен — молодой князь Н.» Эти сочетания входят в систему фразеологических средств и являются позднее, в XIX веке, средством создания даже сатирических выражений. Например, у Щедрина: «*На журнальном горизонте* взошел новый пятиалтынный: Суворин купил «Новое время».

Трудно перечислить круг слов, которые включались в новые фразеологические связи и выступили в несколько расширенном значении. Можно указать на такие, как «*луч*» надежды», «*луч* утешения», «*мрак скорби*», «*огонь жизни*», «*плоды просвещения*», «*крылья вдохновения*», «*талисман мужества*», «*венец счастья*», «*летописи злословия*» и т. д.

Слова отвлеченного содержания при таком употреблении, вступая в новые фразеологические связи, становились более конкретными, их семантический диапазон как бы суживался: «*ангел красоты*» (сказано по адресу человека); «*московские летописи злословия*» (здесь слово *летописи* употреблено в более узком значении: «записи», «спiski» и т. п.).

[В составе речевых средств, излюбленных у Карамзина, следует выделить много фразеологических иноязычий. Он часто цитирует латинские, французские, английские пословицы, афоризмы, крылатые изречения, оставляя их иногда без перевода. Например, в «Письмах русского путешественника»: «Я был поражен сею скорою переменю и готов был воскликнуть: *так проходит слава мира сего!*» Здесь нетрудно заметить дословный перевод латинского изречения: «*Sic transit gloria mundi*», на которое, однако, никакой ссылки не сделано. В других случаях Карамзин употребляет латинские выражения и рядом дает перевод: «Многие кстати и не кстати воскли-

дают: О tempora! о mores! О времена! о нравы! многие жалуются на разврат...»

Наряду с фразеологией поэтического, стихотворного характера, а также вновь образованной и калькированной, в языке прозы Карамзина встречаются церковнославянские выражения. Они дают основание заключить, что Карамзин не отказывался от всех без исключения церковнославянских элементов в русском языке. В его произведении «Наталья, боярская дочь» и в других встречаются такие церковнославянские выражения, как *пасть ниц*, *палить огнем неугасимым*, *разрешение земных оков*, *горе неимущим веры! прииди и виждь*, *снять бремя грехов*, *восстаньте из гроба*, *здесь покоится прах, грядите с миром* и т. д.

Наконец, Карамзин широко практикует цитирование различных афоризмов и сам создает афористические изречения. Например: «Я не хочу умереть без того, чтобы всякий крестьянин в государстве моем не ел курицы по воскресеньям! (Генрих IV)». «Сократ говорил, что *красота телесная бывает всегда изображением душевной*. Нам должно верить Сократу». «Вольтер сказал справедливо, что в шесть лет можно выучиться всем главным языкам, но что всю жизнь надобно учиться своему природному». «Боги не дают, а продают нам удовольствия, сказал греческий трагик: и слишком дорого, — можно примолвить, так что мы с покупкою остаемся в глупцах». «Бюффон странным образом изъясняет свойство великого таланта или гения, говоря, что он есть терпение в превосходной степени». Великий Шекспир говорит, что причина любви бывает без причины: хорошо сказано для поэта!»

Укажем также на разнообразные по тематике и структуре афоризмы Карамзина. Например: «богатство языка есть богатство мыслей»; «кто не знает своего природного языка, тот, конечно, дурно воспитан»; «без хороших отцов нет хорошего воспитания»; «воспоминание есть самое лъстливое зеркало: оно украшает предметы»; «в общих бедствиях хорошо забывать себя»; «искренность действует сильнее самых красноречивых уверений в дружбе»; «истинные ученые презирают и хвалу и брань невежд»; «слабые живут иногда дольше от того, что берегутся»; «как плод дерева, так и жизнь бывает всего сладостнее перед началом увядания» и т. п.

Так как произведения Карамзина в стилистическом плане не однородны и, например, «Бедная Лиза» заметно выделяется как произведение, написанное в духе сентиментализма, то в этом произведении преобладают и соответственно подобранные речевые средства: такие слова, как *слезы*, *печаль*, *плакать*; множество восклицаний: «Ах, бедная Лиза!», «О, Эраст!» и т. д.

Другие его произведения отличаются активизацией уже иных речевых средств. В таких произведениях, как «Наталья, боярская дочь», «Марфа-Посадница» и другие, богато представлена разговорно-бытовая фразеология, а также фольклорно-эпического происхождения, к которой можно отнести многие выражения, типичные для устно-поэтического творчества. Например, повесть «Прекрасная

паревна и счастливый карла» начинается фразеологизм: «В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, добрый человек». Наряду с этим в ней употреблены фразеологические единицы, в которые входят устойчивые эпитеты: *скатерть браная, люди ратные, брат названный, взглянул нечистым глазом, ключевой водой умываться, ранняя птичка, ведь только в сказках мужчины бывают страшны для красных девишек* и др.

Иногда Карамзин употребляет также поговорки и пословичные выражения, правда, в очень ограниченном количестве: «себя казать и других смотреть»; «незнакомец поклонился на все четыре стороны»; «не верил глазам своим»; «я не вольна сама в себе».

В его прозе незначительное место занимает также летописно-архаическая фразеология: «с нами бог: никто же на ны»; «ляжем zde костью: мертвые бо срама не имут»; «веси и грады опустели»; «Великий Новгород был всегда десницею князей великих» и т. д. Но в «Истории государства Российского» Карамзин зарекомендовал себя как мастер использования архаических речевых средств для выражения патетики, приподнятой торжественности. «Историю» он сумел написать таким языком, который воскрешал многое из огромных богатств речевой культуры древней Руси.

В смысле языка и слога «История государства Российского» еще совсем не исследована. Между тем она представляет большой интерес, так как знаменует некоторый поворот во взглядах Карамзина на народность языка, пути и нормы его развития. Карамзин был сторонником своего рода исторической народности: он обращался к древностям и находил очень много таких ценностей, которые заслуживали всеобщего признания.

[Значение Карамзина в совершенствовании средств литературного выражения Белинский характеризовал следующим образом: «Карамзин отметил своим именем целую эпоху в нашей словесности, и его влияние на современников было велико и сильно». Но в то же время Белинский прекрасно видел ограниченность карамзинской реформы литературного языка. Отказавшись от многовековой культуры церковно-книжных речевых средств, не поставив основной задачей развития литературного языка использование богатств общенародного русского языка, Карамзин, таким образом, не нашел правильного решения сложной задачи развития речевой культуры. Равнение на салон, на иноязычные нормы выражения — все это в совокупности суживало возможности развития языка, вело к тому, что стиль изящной литературы в конце концов стал бы кастово-ограниченным, замкнутым, бедным в средствах. Равняясь по нему, литературный язык не мог бы обслуживать нужды просвещения, развития науки, культуры, обслуживать многообразные и все развивавшиеся жанры литературы и т. д.

Понять своеобразие и ограниченность позиции Карамзина можно лишь при учете самой эпохи, когда, по выражению Гоголя, «русская поэзия по выходе из церкви оказалась на балу». Ломоносовские, державинские традиции уже не могли удовлетворять требова-

ниям времени. Вяземский называл литературный язык «потомком благородных, но бедных родителей», которые не оставили ему в наследство изящных форм обращения. Раздавались голоса, что язык наш — великан: плохо ложится в рифмы, «в калитку не пройдет» (см. В я з е м с к и й, «Александрийский стих»).

Шишков решительно не соглашался с заявлением Карамзина о том, что ломоносовский период развития словесности закончился. Что наступила уже совершенно новая эпоха развития изящного, светского стиля.

§ 49. Шишков о соотношении церковнославянского и русского языка

Свои взгляды на язык Шишков изложил в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка». Чтобы правильно оценить его позицию, необходимо уточнить, что понимал Шишков под термином «слог», поскольку он пишет о старом и новом «слоге» языка.

Термин «слог» впервые получил научное объяснение у Белинского. Что же касается Шихова и Карамзина, то они четко не отличали слог от языка писателя. Во всех своих рассуждениях Шишков говорит о слоге вообще, т. е. разумея и слог писателя и язык вообще.

В статье «Карамзин и история русского литературного языка» акад. Грот дает такое определение слога: «Слог, в тесном смысле, — это характер изложения, это в отношении к речи то же, что походка в движении тела, почерк в письме, физиономия в чертах и выражении лица». По мнению Грота, «язык писателя — это общее орудие мысли в распоряжении отдельного лица, орудие, употребляемое каждым с большим или меньшим знанием или умением». Интересно также следующее замечание Грота относительно слога. Он указывает: «Слог не подлежит ни точному определению правилам, ни заимствованию; ему можно более или менее удачно подражать, можно под него подделываться; но он все-таки остается индивидуальной принадлежностью каждого писателя»¹.

Шишков противопоставлял старый слог, связанный у него с именем Ломоносова, новому слогу Карамзина и его последователей, имея в виду всю систему речевых средств. Поэтому он часто употреблял термин «слог» в значении «язык» или же какое-нибудь «наречие языка». Например, он пишет: «Впрочем, хорошие писатели, конечно, не смешивают славянского языка с русским, но под сими словами разумеется различие высокого слога с простонародным».

В доказательство он приводит примеры: «Например, можно сказать: *«препоаши чресла твоя и возьми жезл в руке твои»*, и можно также сказать: *«подпоашься и возьми дубину в руки»*; то и другое, в своем роде и в своем месте, может прилично быть, но, начав сло-

¹ Я. К. Г р о т, Филологические разыскания, т. II, 1899, стр. 75.

вами: «препоюша чресла твоя», кончить: «и возьми дубину в руки», было бы смешно и странно».

В своей статье «Язык словенский и российский» Шишков спрашивает: «Отколе родилась неосновательная мысль сия, что славенский и русский язык *различны между собою*? Ежели мы слово «язык» возьмем в смысле *наречия* или *слога*, то, конечно, можем утверждать сию разность». Следовательно, Шишков часто именуется такие понятия, как *язык*, *наречие* или *стилевые разновидности* термином *слог*.

Обратимся к тому, как Шишков рассматривал соотношение церковнославянского и русского языков. Основные и исходные положения Шишкова таковы: двух языков — церковнославянского и русского — не существует, так как славянский язык есть «корень и основание языка русского». Он говорит, что «Слово о полку Игореве, Библия, Четьи-минеи, Нестерова летопись, Феофановы проповеди, Кантемировы сатиры, оды Ломоносова, Сочинения Петрова, Богдановича и проч. суть книги, писанные разными слогами и наречиями, но *язык в них — один и тот же славянский или русский*. Собственно под именем *языка* разумеются *корни слов и ветви, от них происшедшие*».

Так что, говоря о славянском и русском языках, Шишков имеет в виду две стилевые разновидности одного и того же языка, и различие между этими языками он усматривает только стилистическое. Он указывает, что по-славянски можно сказать «Герой! вселенная тебе дивится», а по-русски: «Ваше превосходительство, вселенная вам удивляется». Или: «К хладному сердцу выю клонит» — «к холодному сердцу шею гнет».

Шишков предупреждает относительно неосторожного сочетания разнородных речевых средств. Он говорит, что если выражаться: «Несомый быстрыми конями рыцарь внезапно низвергся с колесницы», то это один слог; а если закончить эту фразу словами: «и расквасил себе рожу», то это будет уже совершенно другой. Против такого смешения Шишков категорически возражал, как это делал и Ломоносов. В этом он был, бесспорно, прав.

Противопоставляя славянские речевые средства и русские, Шишков называл их наречиями. Поскольку корни слов едины, рассуждал он, и существует при этом единый язык, то наречия отличаются только «словами», или синонимами. По-русски — *глаз, лоб, щеки*, а по-славянски — *око, чело, ланиты*.

Иногда Шишков упоминает и термин «народный язык», имея в виду русскую общенародную речь. Но он заявляет, что «мы, конечно, не найдем в народном языке ни *благовония*, ни *воздаяния*, ни *добледиущия*, ни *древоделия*; а, напротив того, в Библии не найдем ни *любчика*, ни *голубчика*, ни *удалого доброго молодца*»; в народном языке он видит такие слова: *калякать, кобениться, треснуть в рожу* и т. д.

Итак, по поводу особо понимаемого им «народного» языка Шишков отзывался неодобрительно, подбирая в доказательство просторечные или грубые слова и выражения.

§ 50. Борьба Шишкова против нового слога

В полемике с Карамзиным Шишков уделял много внимания вопросам заимствования. В этом отношении он нашел у противника более слабое и уязвимое место, ибо последователи Карамзина увлекались заимствованиями, в том числе жаргонного характера, которые затем в языке не удержались.

В вопросе о заимствованиях Шишков занял реакционную позицию. Он решительно выступил против заимствований вообще и особенно из французского языка, поскольку вместе со словами из Франции шли прогрессивные идеи, которые были чужды Шишкову и его единомышленникам. Поэтому весь огонь критики Шишков сосредоточил не только на заимствованиях таких иностранных слов, как *объект*, *сцена*, *гильотина* и другие, но и на кальках. Он решительно выступил против таких новообразований, как *трогательно*, *рассеянно*. По аналогии с прилагательным *трогательный*, наречием *трогательно* и существительным *трогательность* Шишков образует: «Птица есть тварь *летательная* и *клевательная*», «устал от mnogой *ходительности*», «он говорил со мною *кусательно*», то есть колко, насказал мне много обидных слов. Умствуя таким образом, подлинно составится прекрасный и богатый язык российский».

По образцу сравнительной степени прилагательных (трогательнее) Шишков создает *лошаднее*, *коровнее* и т. п. В последних примерах тоже нельзя не заметить, что Шишков совершенно не считается с основными законами русского словообразования. Сравнительная степень образуется от качественных прилагательных; прилагательные же *лошадный*, *коровий* — относительные, от них нельзя образовывать сравнительной степени.

Желая скомпрометировать кальки и словопроизводство, которое базировалось на калькированных значениях слов типа *трогать* — *трогательно*, *занимать* — *занимательно*, Шишков отвергал эти новообразования и предлагал замены. Вместо: «Я видел трогательную сцену» — «Я видел жалкое или плачевное зрелище». Время показало, что Шишков не нашел убедительных эквивалентов, ибо «трогательная сцена» или «волнующая сцена» не обязательно должны быть жалким или плачевным зрелищем.

Шишков решительно выступал против заимствований таких слов, как *республика*, *революция* и другие, и вместе с тем активно возражал против таких калек, как *переворот*: «По мнению нынешних писателей великое было бы невежество, нашед в сочиняемых ими книгах слово *переворот*, не догадаться, что оное значит *revolution*?» «...Не уж ли нам и для *гиллиотин* их выдумывать русские имена?» В данном случае ярко выражено мировоззрение Шишкова, которое объясняет своеобразие его филологических взглядов.

Наряду с кальками Шишков не одобрял и лексических новообразований Карамзина и его сторонников. Известно, что слова *будущность*, *настоящность*, *умерчение* (смеркаться), *промышлен-*

ность пущены в обращение Карамзиным. Шишков иронизирует по адресу этих неологизмов, подчеркивая, что карамзинисты даже из русских слов стараются делать нерусские, вместо *будущее время* говорят *будущность, настоящее время — настоящность*.

Чтобы противопоставить иноязычным словам, выражениям и многим новообразованиям Карамзина иные средства выражения, Шишков вынужден был отстаивать и воскрешать архаизмы. Он даже рекомендовал употреблять такие обветшалые церковнославянизмы, от которых Ломоносов воздерживался: *рясны, наитство-вать* и др.

Передовые писатели и общественные деятели конца XVIII и начала XIX века не могли одобрить программы Шишкова, которая была ориентирована на воскрешение архаичных в значительной части речевых средств. Как рекомендации, так и новообразования самого Шишкова осмеивались и отвергались, ибо попытки заменить, например, *биллиард — шарокатом*, а *калоши — мокроступами* никого не удовлетворяли. Поэтому из лагеря арзамасцев исходили всякого рода пародии на шишковские приемы словоупотребления: вместо фразы с рядом иностранных слов — «Франт идет из цирка в театр по бульвару в калошах» — давался такой ее «перевод» в стиле Шишкова: «Хорошилице грядет по гульбищу из ристалища на позорище в мокроступах».

Но при всем этом в отношении критики многих фразеологических новообразований карамзинистов Шишков иногда был прав. В книге «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» он приводит выписки из сочинений сторонников Карамзина и убедительно показывает, что многие новообразования отличаются искусственностью, претензиями на изящество, однако в логическом и стилистическом отношениях они явно неудачны:

«Вот нынешний наш слог! Мы почитаем себя великими изобразителями природы, когда изъясняемся таким образом, что сами себя не понимаем, как например: *в туманном небосклоне рисуется печальная свита галок, кои, каркая при водах мутных, сообщают траур периодический*. Или: *в чреду свою возвышенный промысл предпослал на сцену дальнего существа новое двенадцатомесячие*. Или: *я нежусь в ароматических испарениях всевожденных близнецов*. *Дышу сызбодно благами Эдема, лобызаю утехи дальнего рая, благоговая чудесами Содетеля, шагаю удовольствованно. Каждое воззрение превесьма авантажно*»¹.

Выписывая такого рода перифразы и другие метафорические обороты, Шишков старался дать им переводы именно в компрометирующих целях. Характерно, что при переводах он пользовался преимущественно средствами общенародного русского языка, а не высокими славянскими словами и выражениями, за которые он ратовал. Например: «бледная геката отражает тусклые отсветки»—

¹ А. С. Шишков, Рассуждение о старом и новом слоге российского языка, 1803, стр. 57.

луна светит; «свирепая старица разрисовала стекла» — окна заиндевели; «коль наставительно взирать на тебя в раскрывающейся весне твоей!» — как приятно смотреть на твою молодость!; «пестрые толпы сельских ореад сретаются с смуглыми ватагами пресмыкающихся фараонит» — деревенским девкам навстречу идут цыганки; «трогательный предмет сострадания, которого уныло-задумчивая физиогномия означала гипохондрию» — жалкая старушка, у которой на лице написаны были уныние и горесть.

В конце своей книги, чтобы еще больше усилить иронию, с которой постоянно Шишков говорил о новом российском слоге, он помещает сочиненное им стихотворение «Элегия», снабдив его предупреждением: «Сочинение сие писано нынешним просвещенным слогом, в котором сохранен весь французский элганс; а, напротив того, вся варварская славянщица и весь старинный предков наших слог ногами попан». В этой пародии все внимание сосредоточено им на кальках: *предмет, вкус, трогательный, влияние, утонченный, развитый* и т. д. Например:

Потребностей моих единственный *предмет!*
Красот твоей души *моральной*, милый свет.
Всю *физику* мою приводит в содроганье:
Какое на меня ты делаешь *влиянье!*
Утонченный твой *вкус* с любезностью смесясь,
Меж мною и тобой *улучшивает* связь.

Нападки Шишкова на новый слог, как указывает Грот, имели плодотворное влияние: ни одно из предложенных им старинных или им самим скованных слов и речений не было принято, никто не стал выражаться так, как он советовал; но его обвинения заставили Карамзина и других тогдашних писателей обращать более внимания на свой письменный язык, быть осмотрительнее в употреблении иностранных слов и оборотов. Мало того: Карамзин, трудясь над своей «Историей», стал глубже всматриваться в язык летописей и из него черпать архаизмы, конечно, не похожие на те, которые предлагал Шишков, но более сообразные с духом современного языка.

В ряде высказываний Шишкова были здравые и дельные мысли. Он справедливо призывал осмотрительнее подходить к заимствованию иностранных слов, высказывал серьезные замечания относительно необходимости осуществлять воспитание детей на родном языке, так как чужой язык, изучаемый с детства вместо родного, приобщает людей к иной речевой культуре, к чуждым, космополитическим воззрениям. Писателям Шишков предлагал равняться на Ломоносова, т. е. сочинять, читая «природные» книги, а не переводить, сочиняя.

Борьба карамзинистов и шишковистов за пути развития литературного языка оказалась в итоге мало плодотворной, поскольку и те и другие не видели основного источника, за счет которого должен был развиваться литературный язык. И те и другие ни одним словом не обмолвились о необходимости всестороннего, глубокого

освоения и творческого развития богатств общенародной речи, а поэтому не нашли и не наметили правильных путей и приемов обогащения языка.

Одна из важнейших проблем развития русского литературного языка — вопрос о славянизмах, их составе, роли и функциях — осталась нерешенной, ибо карамзинисты не нашли принципов использования этого наследия, а Шишков ратовал за культ славянизмов, что также не могло удовлетворять современников. В вопросе о заимствованиях и Шишковым, и карамзинистами также не было найдено удовлетворительного решения. Проблема архаизмов, как и всех богатейших сокровищ старинной речевой культуры, осталась невыясненной. То же можно сказать относительно отдельных речевых средств, характерных для многообразных жанров литературы: романа, комедии, басни, сатиры, фельетона, очерка, научного сочинения, так как борьба шла преимущественно вокруг вопросов, связанных с развитием стилей художественно-беллетристических. Но и в этом отношении осталось много неясного, в частности вопрос о развитии средств словесно-художественной изобразительности, о приемах и способах создания различных перифраз, метафор, сравнений, эпитетов и т. д.

Таким образом, взоры Шишкова и Карамзина, а также их сторонников во многом были обращены в прошлое, а не в будущее.

В решении всей суммы этих сложных и важнейших проблем развития литературного языка выдающаяся роль принадлежит Пушкину.

ЛИТЕРАТУРА

Ф. И. Буслеев, О преподавании отечественного языка (перечень выражений «Истории государства Российского», которые Карамзин заимствовал из древних памятников), изд. 2, 1867. Я. К. Грот, Карамзин в истории русского литературного языка. См. «Филологические разыскания», т. II. В. В. Виноградов, Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева. Сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. I, изд. АН СССР, 1949. А. И. Ефимов, Фразеологический состав повести Карамзина «Наталья, боярская дочь», Сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. I, изд. АН СССР, 1949. Т. А. Иванова, Употребление причастий в ранних произведениях Н. М. Карамзина. Сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. I, изд. АН СССР, 1949. Н. Ю. Шведова, Соотношение именных и членных форм прилагательных при предикативном их употреблении в художественной прозе Карамзина. Сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. I, изд. АН СССР, 1949. С. И. Ожегов, Материалы для исследования русского литературного произношения XVIII — начала XIX в. Сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», изд. АН СССР, т. I, 1949.

ГЛАВА 10

ПУШКИН — ОСНОВОПОЛОЖНИК НОРМ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

§ 51. Пушкинская эпоха в развитии русской речевой культуры

«При имени Пушкина, — говорит Гоголь, — тотчас осеняет мысль о великом русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более называться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключалось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла»¹.

Вся деятельность Пушкина в области русской языковой культуры вдохновлялась страстным патриотизмом, горячей любовью к русскому народу и его языку. Поэт писал: «Только революционная голова... может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке»².

«Великий национальный поэт, историк, публицист, критик-журналист, политик, общественный деятель, — он внес огромный вклад в историю нашей отечественной культуры и прежде всего в историю русского литературного языка.

Пушкин любил русский язык с силой и страстностью патриота. Он называл его «богатым и прекрасным», «гибким и мощным в своих

¹ Н. В. Гоголь, Собрание сочинений, под ред. Тихонравова, т. IX, 1900, стр. 227.

² А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XII, изд. АН СССР стр. 178.

оборотах и средствах. Для Пушкина — народного поэта, родоначальника русской литературы, высоко державшего знамя национальной чести русского народа, русской культуры, — великий русский язык был как бы воплощением гения русской нации»¹.

Историческая роль Пушкина в развитии русского языка получила высокую оценку всего советского народа, Коммунистической партии, В. И. Ленина, а также выдающихся писателей-классиков. В. И. Ленин, указывая на необходимость составить словарь «с о в р е м е н н о г о (от Пушкина до Горького) русского языка»², подчеркнул, таким образом, что с Пушкина начинается новая эпоха в развитии языка.

Пушкин разработал и закрепил в литературе общенациональные нормы русского языка. Деятельность поэта в области русской речевой культуры уже при его жизни получила высокую оценку, не говоря о том, что почти все наши лучшие писатели-классики восторженно отзывались о языке Пушкина и высоко оценивали его историческую роль в развитии русского литературного языка.

Гоголь подчеркивал, что Пушкин «при самом начале совсем уже был национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами»³.

Ту же самую мысль развивал в своем отзыве Тургенев:

«Именно: русский! Сама сущность, все свойство его поэзии совпадают со свойствами, сущностью нашего народа. Не говоря уже о мужественной прелести, силе и ясности его языка — эта прямодушная правда, отсутствие лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность ощущений — все эти хорошие черты хороших русских людей поражают в творениях Пушкина не одних нас, его соотечественников, но и тех из иностранцев, которым он стал доступен»⁴.

Великая заслуга Пушкина в том, что он, творчески обрабатывая общенародный русский язык, показал, как надо создавать высокохудожественные языковые ценности. Не случайно многие писатели-классики поражались и восторженно отзывались о гениальном мастерстве Пушкина. Например, по словам Л. Н. Толстого, «тем удивителен Пушкин, что в нем нельзя ни одного слова заменить. *И не только нельзя слова отнять, но и прибавить нельзя*»⁵. Некрасов говорил, что после Пушкина и Лермонтова написать

¹ В. В. В и н о г р а д о в, Пушкин — основоположник русского литературного языка, «Известия Отд. литературы и языка АН СССР», вып. 3, 1949, стр. 215.

² В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 35, стр. 416.

³ Н. В. Г о г о л ь, Собрание сочинений под ред. Тихонравова, т. IX, 1900, стр. 227 и далее.

⁴ «Современник», 1854, № 4.

⁵ Н. Н. Г у с е в, Толстой о Пушкине, «Октябрь», 1937, № 1, стр. 241.

хорошее стихотворение уже нетрудно, что Пушкин настолько «усвоил нашему языку стихотворную форму», что эта задача была уже решена.

Обращаясь к молодым писателям, Тургенев призывал: «Еще один последний совет молодым литераторам и одна последняя просьба.

А просьба моя состоит в следующем: берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками, в числе которых блистает опять-таки Пушкин! Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием, в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса»¹.

Поразительное знание Пушкиным русского языка и столь же поразительное его умение творчески, высокохудожественно развивать и создавать новые языково-стилистические ценности обязывает ближе познакомиться с тем, как относился поэт к общенародному языку, как он изучал родной язык, что помогало ему так блестяще осваивать все сокровища родной речи и с их помощью создавать свои бессмертные произведения.

§ 52. Борьба Пушкина за народность литературного языка

Об отношении Пушкина к языку русского народа красноречиво говорят как отзывы самого поэта о русском языке, так и вся его творческая деятельность. Поэт с благоговением относился к родному языку, призывал любить и изучать его.

Русский язык, утверждал Пушкин, «имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива»². По его мнению, это — «звучный и выразительный язык»³, «гибкий и мощный в своих оборотах и средствах, переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам»⁴.

Ему свойственны «гибкость и правильность», «величаявая плавность, яркость, простота и гармоническая точность»⁵. В нем превосходно отразились все лучшие качества его творца и носителя — русского народа. Пушкин находил, что «отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражения»⁶. Благодаря привлечению народных речевых средств, по его мнению, создается «блеск, чистота и бриллиантовая твердость слога»⁷ литературных произведений.

Величие и красоту русского языка Пушкин объяснял огромной жизненной и духовной силой русского народа. Народную речь поэт

¹ И. С. Тургенев, По поводу «Отцов и детей», «Современник», 1854, № 4.

² А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. V, ГИХЛ, 1947, стр. 15.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 246.

⁵ Там же, стр. 15.

⁶ Там же, стр. 61.

⁷ Там же, стр. 20.

называл «живым и кипящим источником»; достойным глубочайших исследований. Он с восхищением говорил о «драгоценной свежести, простоте, чистосердечности выражений» народа. В них он видел точное отображение предмета, прямое и верное, а поэтому сильное выражение человеческих мыслей и чувств. Великий поэт-реалист высоко ценил конкретность и смысловую емкость народного языка.

В языке народа, в его песнях, пословицах и сказках Пушкин обнаруживал множество речевых самородков. Он чутко прислушивался к народным песням, находя в них «истинную поэзию»:

Пой, ямщик, я молча, жадно
Буду слушать голос твой.

К словам и выражениям простонародного характера поэт относился с вниманием и уважением. Он постоянно проявлял к ним живой интерес, восторгался их меткостью и образностью. Хорошо знавший поэта Владимир Даль рассказывает: «А как Пушкин ценил народную речь нашу, с каким жаром и усладою он к ней прислушивался, как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрения и острых замечаний и сравнений. Этому я не раз был свидетелем»¹.

По свидетельству современников, Пушкин «незадолго до смерти услышал от Даля, что шкурка, которую ежегодно сбрасывают с себя змеи, называется по-русски *выползина*. Ему очень понравилось это слово, и наш великий поэт среди шуток с грустью сказал Далю: «Да, вот мы пишем, зовемся также писателями, а половину русских слов не знаем. На другой день Пушкин приходит к Далю в новом сюртуке. «Какова выползина?» — сказал он, смеясь своим веселым, звонким, искренним смехом. «Ну, из этой выползины я не скоро выползу. В этой выползине я такое напишу...» — Через несколько дней Пушкина не стало. Случилось же так, что Пушкин был ранен в этом самом сюртуке. И когда в предсмертной борьбе отдал он Далю свой талисман (т. е. перстень. — А. Е.), дрожащим, прерывающимся голосом промолвил: «Выползину тоже возьми себе».

Этот сюртук с дырою от пули в правой поле долго хранился у Даля»².

Вместе с Далем поэт путешествовал по пугачевским местам и разговаривал со многими очевидцами пугачевского восстания. Он писал жене, как разговаривал с одной старухой, «которая помнит Пугачева так же, как мы с тобою 1830-й год».

Противопоставляя богатую и образную речь народа замкнутому, бедному и ограниченному жаргону «высшего света», Пушкин уже в свое время не прочь был дать «слогу простонародному» права

¹ В. Даль, Полное собрание сочинений, т. I, 1897, стр. XIII.

² П. И. Мельников-Печерский, Критико-биографический очерк «Владимир Иванович Даль». См. В. И. Даль, Полное собрание сочинений, т. I, 1897, стр. XXXVIII.

литературности, ввести его в светские гостиные. В черновиках «Евгения Онегина» мы читаем, что в гостиной замужней Татьяны

Был принят слог простонародный
И не пугал ничьих ушей
Живою страстностью своей.

И лишь считаясь с состоянием литературного языка того времени, а также с мещанской щекотливостью ревнителей дворянского светского жаргона, поэт изменил эту строфу в окончательной редакции.

Отечественная война 1812 года, обнаружившая перед всем миром могучие силы и одаренность русского народа, впервые поставила со всей остротой перед передовыми образованными людьми России вопрос о необходимости преодолеть ту пропасть, которая отделяла их от народа. Передовые деятели дворянской культуры тогда вошли в тесное и непосредственное соприкосновение с народом, прониклись восхищением к его замечательным качествам и сочувствием к угнетенному положению крепостного крестьянства. Поэтому проблема б о р ь б ы з а н а р о д н о с т ь и национальную с а м о б ы т н о с т ь встала в те годы со всей остротой.

В начале XIX века проблема народности понималась в первую очередь как воспроизведение в литературе о б р а з а м ы с л е й н а р о д а. Борьба Пушкина за доступные народу национально-русские средства и приемы выражения отражала борьбу прогрессивного мировоззрения с реакционным. В основе споров о языке лежали классово-идеологические разногласия. Выступая против привлечения в литературу речевых средств общенародного языка, реакционеры боролись таким образом за особый, привилегированный и классово-ограниченный жаргон дворянства. Пренебрежительно относясь к употреблению поэтом народных речевых средств, они весьма неприязненно встретили употребление в «Руслане и Людмиле» таких, например, слов и выражений: «Молчи, пустая голова!»; «Я еду, еду, не свищу, а как наеду, не спущу»; «Всех удавлю вас бороδοю» и др. Журнал «Вестник Европы» (1820) сравнивал привлечение в литературу простонародных слов с непрошеным приходом мужа в дворянское собрание. Он писал: «Если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость, с бороδοю, в армяке, в лаптях, и закричал бы зычным голосом: «Здорово, ребята!» — неужели бы стали таким проказником любоваться?»¹.

По свидетельству самого Пушкина, употребленные в его «Полтаве» слова *визжать*, *вставай*, *ого*, *пора* показались критикам низкими, бурлацкими выражениями². Поэт остроумно сравнивал таких щепетильных критиков с «деревенской просвирной, дьячихой, запросто пришедшей в гости к петербургской барыне» и поминутно

¹ Цитирую по книге: В. В. В и н о г р а д о в, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков, изд. 2, Учпедгиз, 1938, стр. 256.

² См.: А. С. П у ш к и н, Полное собрание сочинений, т. V, ГИХЛ, 1947, стр. 95.

находившей в разговоре одно выражение бурлацким, другое — мужицким, третье — неприятным для дамских ушей.

Такие критики, по его мнению, гнушаясь просторечием, обычно заменяют его простомыслием.

Классово ограниченному салонному жаргону, в который отбирались лишь слова и выражения, не оскорблявшие слуха благородной дамы, Пушкин противопоставляет мощную и богатую речь простого народа. Рекомендую прислушиваться к речи простолюдинов, просвирен и других носителей языка, он заявлял: «Разговорный язык простого народа... достоин также глубочайших исследований... Не худо нам иногда прислушиваться к московским просвириям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком»¹.

Молодым писателям Пушкин советовал читать простонародные сказки, чтобы «видеть свойства русского языка». Он также рекомендовал: «Вслушивайтесь в простонародные наречия, молодые писатели, — вы в них можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах»².

Призывая к изучению и творческому освоению народного языка, сам Пушкин делал в этом отношении очень многое. Жизнь поэта сложилась так, что уже с раннего детства, несмотря на полуфранцузское окружение, он постоянно приобщался к родному языку, к русскому народному творчеству. Его няня, Арина Родионовна, прекрасно знавшая русские сказки, умело вводила одаренного мальчика в мир родных звуков и народной фантазии.

Известно, что позднее, будучи уже зрелым поэтом, Пушкин с увлечением слушал рассказы своей няни. Из Михайловского он писал своему брату в 1824 г.: «Знаешь ли ты мои занятия? До обеда пишу записки, обедаю поздно. После обеда езжу верхом. Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!»³

Постоянно изучавший народную жизнь, охотно беседовавший с крестьянами, гусярами, нищими, поэт не упускал случая записывать сказки, легенды, былины, пословицы и поговорки. Сохранились, например, интересные воспоминания пушкинского кучера, который рассказывает, как поэт знакомился с народной речью и поэзией во время ярмарки у Святогорского монастыря: «Народу много собирается; и он, бывало, туда хаживал, как есть, бывало, как дома: рубаха красная, не брит, не стрижен, чудно так, палка железная в руках, придет в народ, тут гулянье, а он сядет наземь, соберет к себе нищих слепцов, они ему песни поют, стихи сказывают»⁴.

Дружба Пушкина со знатоком и любителем русского языка Владимиром Далем, совместная с ним поездка по пугачевским местам — в Казань, Симбирск, Оренбургскую губернию, беседы со

¹ Сб. «Пушкин и Горький в народном творчестве», Учпедгиз, 1938, стр. 21.

² Там же.

³ А. С. Пушкин, Письма, под ред. Б. А. Модзалевского, т. 1, 1926, стр. 97.

⁴ «Русская старина», т. V, 1899, стр. 272.

стариками, очевидцами и участниками восстания Пугачева — все это также дало поэту большой материал для изображения картин русской жизни подлинно народным, реалистическим языком.

С родным языком Пушкин знакомился также и по различным письменным источникам. В библиотеке поэта, например, были со следами различных пометок сборники былин, песен, пословиц русского народа. О том, как сам Пушкин блестяще постиг «свойства русского языка», овладел стилем народной поэзии, можно судить по тому, что написанные им самим песни фольклористы не могли отличить от народных. В Псковской губернии поэт написал целую тетрадь (около 50) народных песен, позднее переданных им знатоку народного творчества П. В. Киреевскому. Последний так рассказывал об этом Ф. И. Буслаеву: «Вот эту пачку дал мне сам Пушкин и при этом сказал: «Когда-нибудь, от нечего делать, разберите-ка, которые поет народ и которые смастерил я сам...» И сколько я ни старался разгадать эту загадку, — никак не могу сладить. Когда мое собрание будет напечатано, песни Пушкина пойдут за народные»¹.

Показательны также и самые выписки, сделанные Пушкиным из сборника пословиц. Они интересны в смысле отбора фразеологического материала, а также методов его толкования. Например, он останавливал свое внимание на таких старинных пословицах и поговорках, оригинальных своей образностью и юмором, которые подчеркивались в примечаниях поэта:

«Не суйся середя прежде четверга». Смысл иронический; относится к тем, которые хотят оспорить явные законы преимущества; вероятно, выдуманно во время местничества.

Горе лыком подпоясано — разительное изображение нищеты; *Нужда научит калачи есть*, т. е. нужда — мать изобретения и роскоши»².

Взгляды на существо литературного языка сформулированы Пушкиным в его статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова». Здесь изложены воззрения Пушкина на пути развития русского литературного языка. Поэт говорит, что в определенный исторический период «простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизилсь, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей».

§ 53. Принципы литературной обработки общенародного языка у Пушкина

Производя сложную перегруппировку литературно-языковых элементов и устраняя разрыв между господствующими теориями языка и литературно-художественной практикой, Пушкин создает оригинальный и смелый синтез наиболее жизненных речевых средств.

¹ И. Б у с л а е в, Мои воспоминания, «Вестник Европы», 1891.

² Сб. «Пушкин и Горький о народном творчестве», Учпедгиз, 1938.

В этом синтезе цементирующей основой, фундаментом является прежде всего общенародный русский язык во всем его многообразии.

Чтобы понять то новое, что внес Пушкин в литературный язык по сравнению с его современниками, надо иметь в виду, что поэт дает смелый творческий синтез иногда далеко не однородных в стилистическом отношении речевых средств, разрушая при этом многие старые стилистические нормы. Он не признает стилистического однообразия текста художественного произведения и выступает против строгой и абсолютной закреплённости речевых средств за определенным стилем языка. Как потом указывал Белинский, даже самое простое слово, например *тын*, Пушкин мог опоэтизировать, показать, что права литературности могут приобретать весьма разнородные речевые средства.

В этом сложном пушкинском «сплаве» нашли применение многочисленные синонимические средства языка, характерные для различных его стилей. Например, существовали синонимические параллели, которые в XVIII веке дифференцировались в зависимости от стиля: *вотще, напрасно, попусту, зря*. Пушкин, лишенный ограниченности западников и славянофилов, не относился предубежденно к этим словам и находил для них блестящее применение. Такой синонимический ряд, как *стезя, тропа, путь, дорога*, тоже получил у Пушкина широкое применение.

Далеко не все современники правильно поняли и оценили пушкинское преобразование стилистической системы литературного языка, новаторство поэта, выражавшееся в смешении и объединении крайне разнородных речевых средств. Некоторые литературные критики неоднократно упрекали Пушкина в «неразборчивости», в отсутствии вкуса и такта. Например, в журнале «Атеней» некий критик писал (1828): «Едва ли кто писал стихами на русском языке с такой легкостью, какую замечаем во всех стихотворениях Пушкина... Но этой же легкости мы должны приписать заметную во многих местах небрежность, употребление слов языка книжного с простонародным без всякого внимания к их значению; ненужное часто обилие в выражениях и, наконец, недосмотр в составе стиха. Приведем несколько доказательств: «В избушке, распевая, дева прядет...» Как кому угодно, а дева в избушке то же, что и дева на скале... «и зимних друг ночей трещит лучина перед ней». *Лучина, друг* ночей зимних, *трещит* перед *девою*, *прядущей в избушке*... Скажи это кто-нибудь иной, а не Пушкин, досталось бы ему от наших должностных Аристархов... «Какая радость: будет бал, девчонки прыгают заране». Как эти *девчонки*, готовящиеся на бал, забавны перед *девою*, *прядущей в избе*».

В «Евгении Онегине» Пушкин употребляет церковно-книжное слово *покров* в значении «защита», сочетая его со словами иных стилистических систем (псы, мальчишки и т. п.):

Мальчишки разогнали псов,
Взяв барышню под свой *покров*.

То же самое следует сказать об употреблении им слова *торжествуя*:

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях... обновляет путь.

Критик заметил в журнале «Атеней» по поводу этих строк: «В первый раз, я думаю, *дровни* в завидном соседстве с *торжеством*».

Монолог Бориса Годунова, насыщенный церковно-книжными, архаичными речевыми средствами (*огнь, домы, едина* разве совесть, *здравая, восторжествует* и т. п.), заканчивается, однако, словами и выражениями разговорно-бытового характера:

Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... Ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста!

Народность пушкинского языка имеет характер исторический: Пушкин отбирал из общенародного языка в литературный такие речевые средства, которые были исторически апробированы, т. е. были широкоупотребительны в летописях, песнях, сказаниях, былинах и поэтому известны всему народу.

Поэт не привлекал местные диалектные слова, отдавая явное предпочтение общенародной лексике. Когда критика упрекала его за употребление таких выражений, как *людская молвь* и *конский топ*, за «произвольное» сокращение слов, то Пушкин указывал, что это не его новообразования, а слова, взятые целиком из старинной песни, которая широко известна в русском народе, а поэтому он имел право употребить их в своем романе.

Критик так иронизировал по поводу этих строк Пушкина («Атеней», 1828 г.): «Порадуемся счастливой гибкости нашего языка: *хлопанье* и *топот* не уместятся в стих — можно последние слоги оставить. Будем надеяться, что эта удачная выдумка обрежет слоги многим упрямым русским словам, которые не гнутся в стих. Как приятно будет читать: *роп* вместо *ропот*, *топ* вместо *топот*, *грох* вместо *грохот*, *сляк* вместо *слякоть*. Нельзя не полюбоваться также и *людской молвью*».

На эти замечания Пушкин отвечал: «Более всего раздражил его (критика.— А. Е.) стих: *людскую молвь* и *конский топ*. «Так ли изъясняемся мы, учившиеся по старым грамматикам, можно ли так коверкать русский язык?» Над этим стихом жестоко потом посмеялись и в «Вестнике Европы». *Молвь* (речь) — слово коренное русское. *Топ* вместо *топот* столь же употребительно, как и *шип* вместо *шипение* (следственно, и *хлоп* вместо *хлопанье* вовсе не противно духу русского языка). На ту беду и стих-то весь не мой, а взят целиком из русской сказки: «И вышел он за врата градские и услышал *конский топ* и *людскую молвь*» («Бова-королевич»). Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания

свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презируют («Опровержение на критики»).

При таком широком и смелом подходе к формированию речевых средств литературного языка Пушкин не останавливался перед употреблением в одном и том же контексте крайне разнородных речевых средств: общенародных, разговорно-бытовых, церковнославянизмов, архаизмов, иноязычных слов, просторечия и т. п. При этом он как бы стирал грань между речевыми средствами поэтического характера и прозаического, между слогом высоким и слогом низким, что особенно заметно в «Евгении Онегине» и других произведениях 20-х и 30-х годов.

Созданный им синтез разнородных по происхождению и стилистическому профилю речевых средств представлял собой творческий «сплав», качественно новый, яркий и высокохудожественный.

Уже в ранних своих произведениях Пушкин зарекомендовал себя как большой мастер художественного слова, которого заметил, оценил и, «в гроб сходя, благословил» Державин. Если внимательно рассмотреть первое его лицейское стихотворение «Воспоминания в Царском Селе», то в каждой строке виден оригинальный художник. Начало этого стихотворения дает уже представление о силе и образной насыщенности языка поэта, о ярких и высокохудожественных выражениях, эпитетах, сравнениях:

Навис покров *угрюмой* ночи
На своде *дремлющих* небес;
В *безмолвной* тишине почил дол и рощи,
В *седом* тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень дубравы,
Чуть дышит ветерок, *уснувший на листьях*,
И тихая луна, как *лебедь величавый*,
Плывет в *сребристых* облаках.

Каждое выражение может служить образцом метафоризации, с помощью которой создаются запечатляющие образы: *Чуть дышит ветерок, уснувший на листьях...* и др. Образность языка сочетается у Пушкина с силой и целеустремленностью идейного содержания.

Принципы литературной обработки средств общенародного русского языка, которые практиковал Пушкин, весьма оригинальны и многообразны. Вся предшествующая русская речевая культура достигла в его языке высшего расцвета.

Цель и сущность работы Пушкина над усовершенствованием и качественным преобразованием русского литературного языка акад. В. В. Виноградов характеризует следующим образом: «Стихи и проза Пушкина осуществляли задачу закрепления национально-языковой литературной нормы, общепонятной и стилистически многообразной. «Свежие вымыслы народные» и «странное просторечие» как источники литературного творчества, «нагая простота», освобожденная от «обветшалых украшений», точность, краткость и смысловая насыщенность как основные признаки прозы, новые, но национально оправданные, т. е. соответствующие духу общена-

родного языка, «обороты для понятий самых обыкновенных», образование национальных стилей «учености, политики и философии», очищение фразеологии авторского повествования от европейского жеманства и французской утонченности, «счастливое соединение» книжного начала с народно-разговорным, с «простонародным», освобождение стиля от «ига чужих форм» — вот что составляет цель и сущность работы Пушкина над упорядочением и усовершенствованием русского литературного языка»¹.

Привлекая в литературный язык богатейшие речевые средства общенародного русского языка, Пушкин уделял значительное внимание освоению различных элементов социально-речевых стилей.

В «Евгении Онегине» использована во всем ее разнообразии речь передовой дворянской интеллигенции, а также эпистолярный стиль (письма Татьяны и Онегина); устная речь няни; разговоры провинциалов-помещиков; элементы жаргона великосветских гостиных (сцена у старой княжны по приезду Татьяны в Москву). Очень выразительна типично простонародная по своему складу речь няни Филиппьевны:

*Сердечный друг, уж я стара,
Стара, тупеет разум, Таня;
А то, бывало, я востра...*

Всесторонне используя многие социально-речевые стили, Пушкин, естественно, привлекал и такие речевые средства этих стилей, которые в «Словаре Академии Российской» определялись как «простонародные», «просторечные». Сопоставление слов, употребляемых Пушкиным, со «Словарем Академии Российской» убеждает, что поэт далеко выходил за рамки литературной лексики, используя большой круг просторечных слов.

Например, в первом варианте письма Татьяны было: «Ты чуть вошел, я в миг узнала... *душа затрепетала*». Но затем Пушкин убирает sentimentально-книжное выражение *душа затрепетала* и вводит просторечное слово *обомлела*:

*...Я в миг узнала,
Вся обомлела, запылала...*

В языке авторского повествования («Евгений Онегин») встречаются такие просторечные слова, как *сулить*, *трунить*, *морочить* и др.:

*Бывало, он трунил забавно,
Умел морочить дурака...
Хоть иногда и сам впросак
Он попадался, как простак.*

Выражение *как зюзя пьяный* Пушкин употреблял в целях усиления сатирической остроты, изображая в образе Зарецкого одного из клеветников, распространявших о нем ложные слухи:

¹ В. В. Виноградов, Язык Гоголя и его значение в истории русского языка. Сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», изд. АН СССР, т. III, 1953, стр. 7—8.

Он отличился, смело в грязь
С коня калмыцкого сваясь,
Как зюзя пьяный, и французам
Достался в плен...

Руководствуясь принципом целесообразности, Пушкин использовал в «Евгении Онегине» многие просторечные слова и выражения:

Когда же юности мятежной
Пришла Онегину пора,
Пора надежд и грусти нежной,
Monsieur прогнали со двора...

Все чувства в Ленском помутились,
И молча он повесил нос.

К подобного рода просторечным словам относятся: *тужить* («и потужить и позлословить»), *сплетни*, *старожил* («деревенский старожил»), *беспутный*, *чехарда*, *блажь*, *тереться*, *опрометью*, *горелки* и т. д.

§ 54. Семантическое преобразование церковнославянизмов и их стилистические функции

Проблема церковнославянизмов, вызвавшая такие оживленные споры карамзинистов с шишковистами, оставалась все-таки нерешенной. Поэтому отношение Пушкина к речевым средствам церковно-книжного происхождения представляет большой интерес как для понимания самих закономерностей развития русского литературного языка, так и для творческой практики поэта.

Пушкин не разделял взглядов Шишкова. Неодобрительное отношение к позиции славянофилов им было выражено еще в 1820 году, когда он в письме к брату иронически писал по поводу Шишкова: «Не запретил ли он *«Бахчисарайский фонтан»* из уважения к святыне Академического словаря и неблажно составленному слову *водо-мет?*»¹ Еще более неприязненно отзывался он в 30-х годах о Шишкове: «Убедились ли мы, что славянский язык не есть язык русский и что мы не можем смешивать их своенравно, что если многие слова, многие обороты счастливо могли быть заимствованы из церковных книг в нашу литературу, то из сего еще не следует, что мы могли писать: «да лобжет мя лобзанием» вместо «целуй меня».

Не разделяя взглядов Шишкова на русский литературный язык как язык славяно-российский, Пушкин подчеркивал весьма существенное различие речевых средств церковнославянского и русского происхождения. Проблему славянизмов он решает не так, как это делали карамзинисты, старавшиеся исключить их из литературного употребления, что не могло не обеднить русскую речевую культуру.

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, стр. 98.

Пушкин понимал, что за церковнославянизмами стоит многовековая культура слова и что пренебречь этим богатейшим наследием нельзя. Поэтому все жизненные элементы церковнокнижного происхождения, которые были традиционно закреплены за стилями поэзии и часть которых проникла в прозу, поэт охотно употреблял. Следует заметить, что в поэзии задержалось значительно больше славянизмов, чем в прозе.

Пушкинская оценка славянизмов исторически менялась и развивалась. Если ранний Пушкин употребляет славянизмы довольно часто, преимущественно под влиянием поэзии Державина, а также ломоносовских традиций, то позднее он заметно отходит от многих славянизмов, значительно сокращая количество употребляемых книжных речевых средств. Это он делает, руководствуясь, разумеется, не предвзятыми взглядами на славянизмы (что наблюдалось у некоторых карамзинистов), а выработанным им принципом соразмерности и сообразности, соответственно с содержанием и идеей произведения. Все это находит отражение в эволюции пушкинского стиля.

Его ранние произведения (например, «Воспоминания в Царском Селе» и др.) обильно насыщены славянизмами: «Навис покров угрюмой *нощи*»; «Не здесь его сразил *воитель* поседелый, о бородинские кровавые поля!» и т. п.

Но в стихотворениях этого же периода, написанных на менее возвышенные, в частности бытовые, темы, славянизмы отсутствуют или представлены в незначительном количестве. Например, в стихотворении «Под вечер осенью ненастной» есть строки, свободные от церковнославянизмов:

Все было тихо — лес и горы,
Все спало в сумраке ночном;
Она внимательные взоры
Водила с ужасом кругом.

Над романом «Евгений Онегин» Пушкин работал в течение ряда лет. Первые его главы насыщены славянизмами значительно сильнее, чем последующие. В тех же случаях, когда поэт изображает широкие полотна русской жизни, он прибегает к типично русским речевым средствам. Это особенно заметно в описании быта Лариных и других помещиков.

В первых же главах славянизмов больше потому, что там помещены лирические отступления, для выражения которых они оказались вполне уместными. Скучая в ссылке и вспоминая столицу, где неслись его «младые дни», Пушкин восклицает:

Мои богини! что вы? где вы?
Внемлите мой печальный глас:
Все те же ль вы? другие ль *девы*,
Сменив, не заменили вас?..
Узрю ли русской терпсихоры
Душой исполненный полет?

За речевыми средствами церковнославянского происхождения Пушкин закрепил весьма разнообразные стилистические функции.

1. Одна из основных — это функция приподнятого торжественного повествования. В тех случаях, когда поэт говорит о высоких и важных материях, церковнославянизмы, овеянные ореолом давности, торжественности, величия, напоминающие о седой старине, оказывались незаменимым изобразительным материалом. Например, поэт пишет о судьбах России, о творениях Петра и т. п.:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

В той же функции торжественно-приподнятого повествования славянизмы выступают у Пушкина в его послании Пушину, а также в «Памятнике», которым он подводит итог своей творческой деятельности и предсказывает бессмертие своим творениям. Как средство гражданской патетики, церковнославянизмы широко используются в вольнолюбивой лирике Пушкина.

2. Другая функция церковнославянизмов — это историческая стилизация.

Пушкин зарекомендовал себя как безупречный мастер исторической стилизации, под которой разумеется воспроизведение наиболее характерных и излюбленных средств и приемов выражения, употреблявшихся в минувшие времена. Историческая стилизация предполагает поэтому перенесение повествовательного плана в прошлую эпоху и своего рода имитацию под стиль, характерный для изображаемой эпохи.

«Борис Годунов» является хорошим образцом такой исторической стилизации, особенно ярко представленной в речи Пимена, Бориса и других действующих лиц. С помощью церковнославянизмов поэт воспроизвел характерные черты языка того времени¹.

3. Церковнославянизмы выполняют также у Пушкина функцию пародирования, что особенно заметно в «Гавриилиаде» и в эпиграммах. Например, в эпиграмме на Фотия церковно-книжные выражения использованы в явном пародийно-ироническом плане:

Пошли нам, господи, греховным
Поменьше пастырей таких,—
Полублагих, полусвятых.

Здесь пародийно-иронически звучит молитвенное обращение: «пошли нам, господи», а также эпитет «полублагих». Слово *благый* имеет два значения: одно — церковнославянское (от «благо»), дру-

¹ Об исторической стилизации см.: В. В. Виноградов, О языке художественной литературы, Гослитиздат, М., 1959, стр. 508 и след.

гое — просторечное (*благой* — «блажной»). В этой эпиграмме Пушкин использовал оба эти значения, сделав, однако, ударение на русском, которое выступает у него как антоним к слову «святой» («поменьше пастырей таких: полублагих, полусвятых»).

4. Следующая стилистическая функция, закрепленная Пушкиным за славянизмами, — это употребление их в качестве синонимических эквивалентов к русским речевым средствам. Поскольку, например, полногласная и неполногласная формы очень многих слов в смысловом отношении значительно дифференцировались, то в языке образовались параллели и синонимы, отличающиеся своими специфическими смысловыми оттенками. Эти параллельные значения обогащают изобразительные возможности языка, чем постоянно пользуется Пушкин, употребляя в соответствии с содержанием произведения такие слова, как «глава» и «голова», «влачиться» и «волочиться», «берег» и «брег» и т. п. В ряде случаев значения слов (например, *влачиться* — *волочиться*) так разошлись, что они уже не могли выступать в качестве синонимов.

Судя по тексту «Пророка», слово *влачиться* означало медленное передвижение, тогда как слово *волочиться* приобрело во время Пушкина иной смысл. Онегин, например, в «красавиц... не влюблялся, а *волочил*ся как-нибудь...» Здесь *волочил*ся выступает в светском, разговорно-бытовом значении. Ср. более расширенное значение этого слова: «И молодежь минувших дней за нею буйно *волочилась*».

Употребляя славянизмы наряду с русскими речевыми средствами, Пушкин старался освобождать их от религиозной мистики, от закрепления славянизмов только лишь за высоким стилем речи. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры, когда он дворовую *девушку* называет *девой* и, наоборот, *барышень* — *девчонками* и т. д.

§ 55. Пушкин и проблема заимствований в русский язык

В эпоху Пушкина, как свидетельствует сам поэт, «дамская любовь не изъяснялась по-русски», светская беседа тоже велась преимущественно на французском языке. Даже провинциалка Татьяна, жившая далеко от столицы, и та «по-русски плохо знала» и «изъяснялася с трудом на языке своем родном». Ср. его ироническое замечание о разговорной речи того времени:

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.
...Неправильный, небрежный лепет,
Неточный выговор речей
По-прежнему сердечный трепет
Произведут в груди моей;
Раскаяться во мне нет силы.
Мне галлицизмы будут милы,
Как прошлой юности грехи,
Как Богдановича стихи.

Разделяя взгляды декабристов и решительно выступая против космополитизма и низкопоклонства перед всем иностранным, Пушкин старался не только предельно ограничить употребление жизненно неоправданных заимствований жаргонного характера, но даже сократить использование иностранных слов, которые входили во всеобщее употребление. Судя по тексту романа «Евгений Онегин», поэт отказывается описывать некоторые детали костюма Онегина, мотивируя это тем, что его слог не должен пестреть иноязычными словами:

В последнем вкусе туалетом
Заяв ваш любопытный взгляд,
Я мог бы пред ученым светом
Здесь описать его наряд;
Конечно б, это было смело,
Описывать мое же дело:
Но *панталоны, фрак, жилет*,
Всех этих *слов* на русском нет;
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо меньше б мог
Иноязычными словами,
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический словарь.

По свидетельству Вяземского, Пушкин неоднократно принимался за письмо Татьяны, которое представляло для него много трудностей. Написанное образцовым русским языком, без единого иностранного слова, это письмо красноречиво говорит о позиции Пушкина в отношении иноязычных речевых средств.

Точно так же иноязычная струя незаметна и в стихах Ленского, побывавшего за границей. У него значительно богаче представлены славянизмы.

Есть много свидетельств, подтверждающих отрицательное отношение Пушкина к галломанствующим современникам. Поэт явно неодобрительно отзывался о тех из них, которые старались говорить не по-русски, а по-французски. Брата Льва Пушкин сравнил с «московской кузиной» за то, что тот написал ему письмо по-французски.

Проблему заимствований русским языком иностранных слов Пушкин решает следующим образом: он одобряет только те заимствования, которые не стесняют свободу развития родного языка. Но поэт был лишен ограниченности шишковистов: он не выступал против тех заимствований, которые обогащают язык, вносят в него новые и жизненно необходимые речевые средства.

Это можно подтвердить тем, что некоторые модные в начале XIX века иностранные слова, только что входившие в русский язык, Пушкин охотно употреблял. Например, в «Евгении Онегине» поэт указывает, что слово *vulgar*, которое он не может перевести, «новое, модное» и что оно годилось бы для эпиграмм. В Татьяне, вышедшей замуж, не было

Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется vulgar. (Не могу...
Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести;
Оно у нас покамест ново,
И вряд ли быть ему в чести.
Оно б годилось в эпиграмме...)

В этом же романе встречается указание на «модное слово» *идеал*.

Склонясь усталой головою,
На модном слове *идеал*
Тихонько Ленский задремал.

Если проследить судьбу этого модного слова у Пушкина, то оказывается, что поэт употреблял его неоднократно:

Прости ж и ты, мой спутник странный,
И ты, мой верный *идеал*,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый труд.

Или:

А та, с которой образован
Татьяны милый *идеал*...
О много, много рок отъял!

Ср. в черновиках романа:

Мой *идеал* теперь — хозяйка...
Да щей горшок, да сам большой.

§ 56. Значение Пушкина для грамматической и стилистической нормализации русского литературного языка

Грамматический строй, отличаясь устойчивостью, в процессе исторического развития языка улучшается и совершенствуется. Писатели, бесспорно, играют видную роль в грамматической нормализации языка, в отборе и утверждении самих средств и норм литературного выражения.

Грамматическая норма наряду с другими нормами (лексической, орфоэпической и др.) опирается на лучшие образцы языка, представленные в произведениях выдающихся писателей. Эти произведения являются критерием для определения образцовой литературной нормы. Поэтому значение писателя для грамматической нормализации языка определяется тем, насколько правильно он понял состояние грамматического строя в его эпоху, а главное, насколько верно определил жизненные тенденции его развития.

Основное, чем характеризуется подход Пушкина к грамматическим нормам языка и определяется отбор соответствующих морфологических и синтаксических средств, — это отказ от архаики, от всего устаревшего, относящегося уже к элементам старого качества в языке.

К числу таких устаревших элементов в начале XIX века относились многие произносительные нормы, морфологические и синтаксические явления. Например, в области фонетико-орфоэпических норм до Пушкина, особенно в стилях поэзии, удерживалось ударное *е*, произносимое как *е*: *идет, живет*. Но Пушкин не культивировал такого произношения; в его произведениях *е*, не переходящее под ударением в *о*, встречается лишь в стилистически мотивированных контекстах, тесно связанных с общим стилистическим строем произведений. Например, послание Пушкину им написано в торжественно-приподнятом стиле, обильном славянизмами. В нем поэтому вполне уместно архаичное произношение:

Мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Таким образом, в отношении грамматической нормализации взоры поэта были устремлены вперед, а не назад. Известно, что во времена Пушкина были еще довольно употребительны усеченные прилагательные в функции определения. В этой же функции их иногда употребляет и Пушкин (*стары годы, тайну прелесть* и т. д.). Но в его языке такие контексты все же не часты, так как поэт не поощрял употребления усеченных прилагательных. То же самое можно сказать относительно выходявших из употребления деепричастий типа *глядючи, играючи* и т. п. В прошлом это были вполне употребительные формы, происшедшие от кратких причастий. Но вслед за Ломоносовым Пушкин не одобряет их употребления в литературном языке.

В области синтаксиса Пушкин занимал вполне определенную позицию, отличающую его от карамзинистов, шишковистов и вообще от предшествующих традиций. Он объявил борьбу засилью категории качества и эмоциональной оценки, что было типично для поэзии и прозы карамзинистов. Это засилье приводило к тому, что обычно предложения загромождались огромным количеством определений. «Реформа синтаксиса, основанная на признании преимуществ глагола и имени существительного и связанная с изменением форм времени, следовательно, приемов сочетания предложений, привела к полному обновлению повествовательных стилей в стихах и в прозе»¹.

Благодаря этой реформе основную конструктивную роль в предложении начинает играть глагол. Проза Пушкина насыщена глагольными словами, которые становятся центром фразы, и от них зависят многие другие члены предложения. По подсчетам исследователей, в «Пиковой даме» насчитывается 40% глаголов при 44% существительных и 16% прилагательных и т. д. «Мертвые души» Гоголя значительно уступают в этом отношении: в них 31% глаго-

¹ В. В. Виноградов, К изучению языка и стиля пушкинской прозы, «Русский язык в школе», 1949, № 3.

лов. Обилие глаголов делает повествование динамичным. Например, в «Капитанской дочке»:

«Я *выглянул* из кибитки: все было мрак и вихорь. Ветер *выл* с такой свирепой выразительностью, что *казался* одушевленным; снег *засыпал* меня и Савельича; лошади *шли* шагом — и скоро *стали*...»

Пушкин одобряет и культивирует типичный для русского языка порядок слов в предложении, ориентируясь на такую схему: определение, затем подлежащее, после которого идет сказуемое, а далее следует дополнение или обстоятельство. Эта схема обычно нарушается в тех случаях, когда поясняется чужая речь: *сказал он, ответила она* (глагол на первом месте), а также в фольклорных произведениях, в которых глагол-сказуемое может употребляться перед подлежащим.

Значение Пушкина для установления порядка слов в предложении велико и потому, что в XVIII веке было внесено в расположение слов много иноязычного, не типичного для русского языка. Например, по образцу латино-немецких конструкций глагол ставился в конце фразы, а определение — после определяемого слова¹.

Подобного рода нетипичные для русского языка конструкции Пушкин пародийно воспроизводит в «Истории села Горюхина», где стилизуется Белкин и язык старинных повествований. В данном случае он вводит многие устаревшие конструкции, в том числе причастия после определяемого слова: «Горюхино платило малую дань и управлялось старшинами, избираемыми народом на вече, мирскую сходкою *называемом*»; «Обедневшие внуки богатого деда не могли отвыкнуть от роскошных своих привычек — и требовали прежнего полного дохода от имения, в десять крат уже *уменьшившегося*»; «В последний год властвования Трифона, последнего старосты, народом *избранного*, в самый день храмового праздника, когда весь народ шумно окружал увеселительное здание (кабаком в просторечии *именуемое*)...».

Анализ синтаксиса Пушкина убеждает, что поэт активизировал конструкции устно-разговорного характера, ориентировался на непринужденный, естественный порядок расположения слов, характерный прежде всего для живой разговорной речи. В силу этого поэт использует структуру многих предложений, которые характерны для диалогической речи. Например, у него весьма употребительны вопросительные предложения. Наряду с ними («Ах, ножки, ножки, где вы ныне? Где мнете вешние цветы?» «Мои богини, что вы? где вы?» и др.) Пушкин употребляет много восклицательных предложений: «Причудницы большого света! Всех прежде вас оставил он»; «Татьяна, милая Татьяна! С тобой теперь я слезы лью».

¹ Ср. из оды Ломоносова «На взятие Хотина»:

Восторг *внезапный* ум *пленил*,
Ведет на верх горы *высокой*,
Где ветер в лесах *шуметь забыл*,
В долине тишины *глубокой*.

Ср. также следующий пример искусного использования синтаксических конструкций, типичных для разговорной речи:

Вы тоже, маменьки, поостроже
За дочерьми смотрите вслед:
Держите прямо свой лорнет!
Не то... не то, избави боже!
Я это потому пишу,
Что уж давно я не грешу.

Таким образом, значение Пушкина в развитии и совершенствовании синтаксической системы литературного языка трудно переоценить. «Самой сильной стороной прозы Карамзина был, несомненно, синтаксис — область, где он добился больших успехов. Стоит, однако, сопоставить ее с пушкинской фразой, чтобы увидеть всю недостаточность и односторонность реформы Карамзина и в области синтаксиса. Краткость и точность, благородная простота и разнообразие интонаций живой речи пушкинской прозы противопоставлены манерной, чопорной однообразности и однотонности, цветистости стиля Карамзина»¹.

Известно, что каждый выдающийся писатель вносит свой вклад в культуру образного слова, в искусство стилистического совершенствования языка. Роль Пушкина в развитии средств словесно-художественной изобразительности трудно переоценить. Все способы, средства и приемы образного употребления слов поэт значительно развил, показав, какие неистощимые возможности поэтического выражения таятся в языке. Пушкинские средства художественной изобразительности поражают своим богатством, художественностью, многогранностью.

Например, Пушкиным употреблено более 800 различных сравнений, которые представляют большой интерес в смысле их структуры и образно-метафорического использования языка. Эти сравнения поражают также верностью и зоркостью взгляда большого художника. Укажем, что образ Татьяны раскрывается им при помощи такого сравнения:

Как лань лесная, боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой...

Ольга изображена так:

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда как утро весела,
Как жизнь поэта простодушна,
Как поцелуй любви мила,
Глаза как небо голубые...

Мария Кочубей:

Как тополь киевских высот,
Она стройна.

¹ В. Д. Левин, Краткий очерк истории русского литературного языка, Учпедгиз, 1958, стр. 151.

Поражают также художественной силой и верностью пушкинские эпитеты, многообразие, точность и образность которых изучительны. По наблюдениям Б. В. Томашевского, в эпитетах Пушкина преобладает глагольная стихия; у многих прилагательных суффикс *-лив-*: *кропотливый, горделивый*, обильно количество эпитетов с суффиксом *-тельн-*: *решительный, пленительный* и другие, или с причастной формой страдательного залога: *забыт, необозрим* и т. д. Таким образом, стремление сделать глагол центром фразы отражается и на создании средств словесно-художественной изобразительности.

Выгодно отличаются также пушкинские перифразы, эти иносказательные выражения, отличающиеся образностью и эмоциональной окрашенностью, употребляющиеся обычно в качестве художественного эквивалента к более «будничным» выражениям. Например, для обозначения осени поэт создает такой перифраз:

Унылая пора, очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса.

Сельских кузнецов, которые чинят помещичьи повозки, он изображает следующим образом:

Меж тем как сельские циклопы
Перед медлительным огнем
Российским лечат молотком
Изделье легкое Европы...

Пушкинские афоризмы вошли в золотой фонд фразеологии русского языка. Способность выражаться лаконично, содержательно, в короткой фразе обобщая характерные и типичные жизненные явления, особенно хорошо прослеживается в фразеологическом новаторстве поэта.

Тургенев, Щедрин, Чехов, Горький и многие другие писатели охотно цитировали пушкинские изречения: «а счастье было так возможно, так близко»; «жалок тот, в ком совесть не чиста»; «тяжела ты, шапка Мономаха»; «быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей»; «чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей»; «что день грядущий мне готовит» и др. Далеко не все афоризмы поэта сразу приобрели широкую популярность. По мере развития речевой культуры, освоения и изучения богатейшего пушкинского наследия все больше и больше его изречений, отличающихся глубиной мысли, становятся крылатыми и широко известными всему народу.

Для создания комического и сатирического Пушкин использовал смысловой строй своих образов и метафор и практиковал присоединение фраз, относящихся к разным смысловым сферам. Такое неожиданное сближение далеких понятий придает повествованию комический оттенок. Например:

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил

Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и мух давил.

Укажем еще на такой пример присоединительного сочетания из «Капитанской дочки»:

«В то время воспитывались мы не по-нонешнему: с пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза, мосье Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла».

Таким образом, творчество Пушкина привело к реорганизации старой стилистической системы литературного языка, сдерживавшей языковое творчество в пределах трех резко ограниченных друг от друга стилей, каждый из которых имел дело с заранее заданными нормами языкового выражения и в силу этого требовал стилистической однородности текста художественного произведения.

Творческая деятельность Пушкина определила основные пути и нормы дальнейшего развития русского литературного языка, а также средства и способы совершенствования и обогащения его стилистической системы.

ЛИТЕРАТУРА

В. В. Виноградов, Язык Пушкина, изд. Academia, М., 1935; Стиль Пушкина, Гослитиздат, М., 1941; К изучению языка и стиля пушкинской прозы, «Русский язык в школе», 1949, № 3; А. С. Пушкин — основоположник русского литературного языка, «Известия АН СССР», т. IX, вып. 3, 1947. А. С. Орлов, Пушкин — создатель русского литературного языка, «Временник Пушкинской комиссии», 1937, № 3. Е. Ф. Буद्धе, Опыт грамматики языка А. С. Пушкина, СПб., 1904; О поэтическом языке Пушкина. См. Сочинения А. С. Пушкина, т. V, изд. Брокгауз-Эфрон. Г. О. Винокур, Язык «Бориса Годунова». См. «Борис Годунов» А. С. Пушкина. Сб. статей, Л., 1936. Е. А. Васильевская, Лексика сказок Пушкина, «Ученые записки кафедры русского языка МГПИ», вып. 2, 1939. А. М. Лукьяненко, Архаизмы, их роль в языке А. С. Пушкина, «Ученые записки Саратовского пединститута», вып. 2, 1937. Н. П. Некрасов, К вопросу о значении А. С. Пушкина в истории русского литературного языка, журн. «Жизнь» за 1899 год, кн. 5; О языке Пушкина, журн. Мин. нар. просв., кн. IX, 1883. Н. С. Поспелов, О пунктуации в текстах стихотворений Пушкина. Сб. «Стиль и язык Пушкина», под ред. Алавердова, 1937; Из наблюдений над языком пушкинской прозы (по материалам работы Пушкина над историей Петра I), «Литературная учеба», 1936, № 10; Из наблюдений над синтаксисом Пушкина (бессоюзные сочетания предложений в пушкинской прозе). Сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. III, изд. АН СССР, 1935. А. Прокова, К анализу стиля пушкинской прозы. Сб. «Стиль и язык Пушкина», 1937. В. И. Чернышев, Заметки о языке Пушкина, вып. 6. Серия «Пушкин и его современники», 1908. М. Шагинян, О языке Пушкина, «Красная новь», 1937, № 2. Б. В. Томашевский, Ритм прозы (по «Пиковой даме»). В кн. «О стихе», изд. «Прибой», Л., 1939. П. Терновский, Пушкин и народный язык (взгляды на народность. Наблюдения над лексикой и фразеологией), «Ученые записки Молотовского пединститута», вып. 6, 1940; И. Казанцев, Язык и стиль пушкинских эпиграмм, «Ученые записки Молотовского пединститута», вып. 6, 1940. И. Г. Воробьев, Пословицы и поговорки в художественном творчестве и письмах А. С. Пушкина, «Русский язык в школе», 1949, № 4.

В. М. Березин, Работа над языком повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», «Русский язык в школе», 1949, № 5. С. Д. Никифоров, Язык романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин», «Русский язык в школе», 1949, № 3. П. Я. Черных, Из наблюдений над языком стихотворения А. С. Пушкина «Памятник», «Русский язык в школе», 1949, № 3. О некоторых вопросах изучения языка А. С. Пушкина, «Ученые записки Московского областного пединститута», т. XXXII, вып. 2, 1955. Д. Н. Введенский, А. С. Пушкин о русском языке, «Русский язык в школе», 1947, № 1. И. С. Ильинская, Из наблюдений над языком А. С. Пушкина, «Известия АН СССР», т. XI, вып. 3. «Проект словаря языка Пушкина», изд. Института русского языка АН СССР, М.—Л., 1949. А. Д. Григорьева, Заметки о лексической синонимии. Сб. «Вопросы культуры речи», вып. 2, изд. АН СССР, М., 1959. «Словарь языка Пушкина», т. I, М., 1956, т. 2, М., 1957. Н. С. Поспелов, Синтаксический строй стихотворных произведений Пушкина, изд. АН СССР, М., 1960.

ГЛАВА II

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В 30—40-х ГОДАХ XIX ВЕКА

§ 57. Белинский об основных вопросах развития литературного языка

Белинский высоко ценил деятельность лучших писателей и указывал, что появление каждого нового выдающегося автора является событием в истории национальной речевой культуры. В статье «Грамматические разыскания» А. Васильева он писал: «Каждый вновь появившийся великий писатель открывает в своем родном языке новые средства для выражения новой сферы созерцания...» В связи с этим русский литературный язык «не перестанет продвигаться вперед до тех пор, пока не перестанут на Руси являться великие писатели». Развитие литературного языка Белинский тесно связывал с развитием художественной литературы, с ее благотворным влиянием на все стили литературного языка. Показательно, что увлечение в XVIII веке французским языком Белинский, в числе других факторов, объяснял и тем, что в это время была плохо развита отечественная литература.

Красной нитью через все высказывания Белинского о литературном языке проходит мысль, что историю языка нельзя рассматривать в отрыве от развития общественной мысли. Поэтому всякую реформаторскую деятельность в языке Белинский непосредственно связывал с общественной жизнью.

Заявляя, что необходимо объяснять «движение языка» развитием мысли, он подробно раскрывает это положение во второй статье о Пушкине, когда касается роли Карамзина в истории русской литературы: «Преобразование языка отнюдь не составляет исключительного характера этой эпохи, как думают многие. Как бы ни была велика реформа, произведенная кем-нибудь или сама собою происшедшая... — она никогда не может быть фактом особенной важности. Язык, взятый сам по себе, есть только посредствующий материал, и его движение может быть только формальное. Но всегда важно движение языка вследствие движения мысли: и вот где важность реформы, произведенной Карамзиным, и вот почему Карамзину принадлежит честь основания новой эпохи русской лите-

ратуры. Карамзин ввел русскую литературу в сферу новых идей,— и преобразование языка было уже необходимым следствием этого дела» (XI, 216).

Другое положение, которое развивал Белинский, характеризует состояние литературного языка в начале XIX века,— необходимость освобождения литературного языка от условностей, которые сковывают его развитие и не дают писателю свободы творчества. Этим объясняется его критическое отношение к ломоносовской теории трех стилей, а также неодобрительная оценка шишковской программы развития языка, так как в ней он видел подход к речевым средствам с заранее сложившимся и предвзятым мнением, с наперед заданным критерием каждого стиля.

Выступая против условностей и сковывающих развитие литературного языка приличий, Белинский писал: «Было время, когда язык литературный был скован условными приличиями, чуждался всякого простого выразительного слова, всякого живописного и энергического выражения народной речи; когда наивной народной поэзии все чуждалось, как грубого мужицества. Романтическая реакция освободила нас от этой узкости литературных воззрений; благодаря ей однообразная искусственность языка и изобретения поэтического уступила место естественности, простоте и разнообразию, мир творчества расширился, и человек, без всяких отношений к его званию, получил в нем права гражданства».

Белинский вел непримиримую борьбу с архаизаторами языка. Отличаясь научной прозорливостью, умением предвидеть будущее, он неоднократно обрушивался на тех, кто старался реставрировать старое и учить молодых писателей по устаревшим образцам.

Борясь с дворянским космополитизмом и чрезмерным увлечением иноязычиями, Белинский, однако, указывал, что изолировать один язык от других языков нельзя, что некоторое количество иноязычных слов, бесспорно, должно входить и входит в язык вместе с теми идеями, которые этими словами обозначаются.

Белинский верно подметил, что иностранное слово, вошедшее во всеобщее употребление, обживаетея и теряет свой иноязычный облик, и поэтому интересоваться и раскапывать, чье это слово и откуда оно, в ряде случаев нет особой необходимости (если не иметь в виду специалистов-языковедов). Он рассуждал так: «Что за дело, какое и чье слово, лишь бы оно верно передавало заключенное в нем понятие: из двух сходных слов, иностранного и родного, лучшее есть то, которое вернее выражает понятие. Языки голландский и английский всегда были, есть и будут богатейшими для выражения понятий, относящихся к мореплаванию и флоту вообще; так же, как итальянский — для терминов по части искусства, в особенности музыки и живописи; французский — как язык общества; немецкий — как язык ученый и, в особенности, философский. Все народы меняются словами и занимают их друг у друга. В Западной Европе, по ее географическому положению, нет предмета, который дал бы понятие о степи, следовательно, нет и слова *степь*,

и оттого во французский язык вошло русское слово *stere*. Хорошо, когда иностранное понятие само собою переводится русским словом, и это слово, так сказать, само собою принимается: тогда нелепо было бы вводить иностранное слово».

Значительное место в высказываниях Белинского о языке отведено проблеме «враждебного для поэзии элемента — риторике» (II, 630)¹, т. е. искусственно-книжной манере выражения, отличающейся высокопарностью, фразистостью, претензией на изысканность и т. п. Квалифицируя ее как искажение и фальшивое идеализирование действительности, критик утверждал, что «громкие, великопленные фразы — это еще не поэзия» (I, 161).

Его неприязненное отношение к фразерству и риторике объясняется тем, что эти пережитки псевдоклассицизма и романтизма мешали развитию подлинно реалистических стилей, накладывая на литературу «печать пагубной витиеватости». В третьей статье о Пушкине он писал, что «теперь от поэзии требуется прежде всего верность действительности и естественности» (III, 419). Всякая же «декламация» и «риторическая шумиха» — это прошлый этап. Громкие фразы вроде «О ты, священна добродетель!» (IV, 4), «оды с любимым словечком *о ты*» (I, 197) и т. п., по мнению критика, были терпимы в XVIII веке, когда русский язык не был еще выработан и «дух книжничества и риторики царил в литературе» (IV, 442). Но они недопустимы и вредны для новой литературы. Между тем пиитика и риторика прошлого века часто сбивала с толку многих писателей романтического и реалистического направлений (III, 521).

Белинский понимал, что между языком художественной литературы и живой разговорной речью народа не должно быть пропасти, что основной порок ложноклассических стилей XVIII века заключался в том, что они были оторваны от языка, каким говорил народ. Этот разрыв оказывал пагубное влияние на литературный язык, так как его стили, насыщаясь элементами искусственной книжности, риторики, все более отдалялись от общенационального разговорного языка. Назрела необходимость крутого перелома, т. е. резкого разрыва с традиционными нормами стилей «тяжелого и высокопарного книжного направления» и решительного сближения книжной речи с разговорной.

Талантливим использованием живого разговорного языка народа Белинский объясняет оригинальность, силу и жизненность крыловских басен. Он писал: «Басни Крылова — сокровищница русского практического смысла, русского остроумия и юмора, русского разговорного языка: они отличаются и простодушием и народностью» (III, 307); «они будут читаться до тех пор, пока русское слово не перестанет быть живой речью живого народа» (III, 317).

¹ Цитирую В. Г. Белинского по изд. 1896 г.

В свете такого понимания роли разговорного языка приобретают значение многочисленные отзывы Белинского о церковнославянизмах, архаичных словах и других традиционно-книжных средствах литературного выражения. Утверждая, что «стихотворный язык точно так же, как и прозаический, должен быть правилен грамматически, верен своему духу, свободен, развязен, чужд вычурных книжных оборотов» (I, 300), что «драматический слог есть по преимуществу разговорный» (I, 299), он выступает против употребления в них архаичных слов. Такие слова, как *сей, оный, ибо, таковой* и другие, по его мнению, не слышатся в ежедневной разговорной речи, а поэтому и в драматических произведениях они «всеми единодушно признаны негодными к употреблению» (там же).

Такая оценка существа и роли речевых средств архаично-книжных стилей объясняет и его отрицательное отношение к попыткам славянофила Шишкова положить в основу всей системы русского литературного языка церковно-книжную речевую стихию. Решительно возражая против этой программы «рыцаря старопечатных книг», Белинский писал, что «славянский и вообще старые книги могут быть предметом изучения, но отнюдь не наслаждения» (II, 244).

Поэтому критик не одобрял, например, пристрастия Пушкина к некоторым устаревшим книжным словам: «В «Цыганах» есть даже погрешность в слоге. Так, например, в стихе: «Тогда старик, приблизясь, *рек*» — слово *рек* отзывается тяжелой книжностью, равно как и эпитет «под *издранными* шатрами», вместо *изодранными*» (III, 547).

В связи с пересмотром роли псевдоклассических и романтических стилей литературного языка, а также повышением значения живой народной речи в 20-х годах XIX века приобретает особое значение проблема народности литературного языка. Лозунг народности языка становится знаменем времени.

У Белинского, возглавлявшего передовую общественную мысль и находившегося в центре литературных полемик 30—40-х годов, все эти вопросы нашли живой отклик и прогрессивно-демократическое разрешение. Не вдаваясь здесь в подробности весьма сложной проблемы народности литературы, мы укажем лишь на основные положения Белинского, касающиеся главным образом вопросов языка и слога художественного произведения.

Белинский постоянно сталкивался с привлечением в литературу таких простонародных слов и выражений, которые засоряли и портили язык, так как от них веяло «ямщицким ухарством» доведенной до последней крайности «мило-забубенной» поэзией. Вот образец ее, извлекаемый критиком из альманаха «Эхо» (1830):

Бог поэтов, Аполлон,
С Марсиаса содрал кожу!
Берегись его детей:
Эпиграммой хлопнут в рожу,

Рифмой бешеной своей
В поэтические плети
Приударят дураков...

«Нельзя не согласиться,— замечает Белинский,— что это немножко пошло, немножко грязно, даже отчасти глуповато» (IV, 231).

Также весьма неодобрительно отзываясь он о простонародных выражениях у Майкова: «Полно, барин, *беса тешить*», *затылок чешет*» и др. (III, 151); у Державина, к числу «дурных стихов» которого он относит, например: «Боги молча удивлялись на красу *разиня рот*» (II, 287, из оды «Рождение красоты») и т. д. Между тем в песни Кольцова «смело вошли и *лапти*, и *рваные кафтаны*, и *всклощенные бороды*, и *старые онучи* — и вся эта грязь превратилась у него в чистое золото поэзии» (IV, 429). Из этого следует, что народность языка находится в зависимости не столько даже от характера привлекаемых народных слов и выражений, сколько от самих принципов и норм их применения, от своеобразия стиля писателей, определяемого социально-идеологической направленностью их творчества.

Основное условие, без которого писатель и его язык не могут быть народными,— это прогрессивно-демократическое мировоззрение, это «живое и кровное сочувствие» народу (III, 150), причем под народом Белинский разумел «массу народонаселения, самый низкий и основной слой государства» (III, 483). Вот почему писатели, будучи аристократами по убеждению или вообще не разделяя интересов и мировоззрения угнетенных народных масс, делали множество ошибок, когда старались во что бы то ни стало быть народными. По образному выражению Белинского, они лишь старались «закрыть свой фрак зипуном» и щеголяли в своих стихах «грубостью и чувств и выражений» (о Языкове, IV, 29). В этой искусственной подделке под народность — причина бесконечных злоупотреблений простонародными словами и выражениями.

Разоблачая искусственность и пошлость такой фальшивой «народности», Белинский остроумно высмеивал и энергично протестовал против попыток «объясняться языком гостинодворских сидельцев» (II, 815)¹, «воспевать восторженными стихами русскую *сивуху*» (III, 186), «передразнивать русскую речь» (II, 306). Всякое «удачное подражание слогу площадей и харчевен» (II, 307), увлечение *поневами*, *зипунами* (I, 207), *охабнями* и *горлатными шапками* — все это «чисто внешняя народность» (II, 976).

¹ Например, Белинский восторженно отзывался о приводимом Марлинским образце речи купца, который просит на станции у офицера воды из самовара: «Так-с, виноват-с, дело дорожное-с! Я ведь, впрочем, не для ради чего иного, про-чего, а так, из компанства, хотел только, утрудив, побеспокоя вас, просить со-бла-го-воления, чтобы нашему чайнику возыметь соединяемое купно сообщение с этим самоваром-с. Попросту, как сказать-с, малую толику водицы-с» (т. II, стр. 893).

Выступая против пошлого понимания народности и засорения языка грубыми, иногда циничными выражениями (I, 170), «побранками и плоскими словами» (I, 114), Белинский неоднократно разъяснял, как надо правильно и подлинно демократически понимать ее существо и идейную значимость.

Народность, писал он, «состоит в образе мыслей и чувствований, свойственных тому или другому народу», в «верности изображения картин русской жизни» (I, 80); это — «отражение индивидуальности, характерности народа, выражение духа внутренней и внешней его жизни, со всеми ее типическими оттенками, красками и родимыми пятнами» (I, 206). Признаками народности писателя и его языка является также «живое сочувствие к нему русского народа и его непереводаемость ни на какой язык в мире» (I, 207, о Крылове).

Следовательно, важнейшим условием, без которого писатель не может быть народным, является его прогрессивно-демократическое мировоззрение, его понимание и сочувствие «образу мыслей» народа. Признак же национальной замкнутости и исключительности не является в таком случае решающим. По мнению Белинского, Шекспир так же народен, как Пушкин, Гоголь и другие. «Бедна та народность, — заявлял он, — которая трепещет за свою самостоятельность при соприкосновении с другой народностью» (III, 577). В соответствии с этим Белинский относил к народным те произведения, идейное содержание, язык и стиль которых был проникнут гуманизмом, сочувствием поработенному народу, в которых чувствовалась любовь к родине, свободная от всяких примесей «квасного патриотизма» (II, 93), «лжепатриотизма» (III, 167) и т. п. Именно поэтому он называет Лермонтова «народным поэтом в высшем и благороднейшем значении этого слова» (II, 123), высоко ценит «благородную народность» Кольцова (I, 170); «Евгения Онегина», — утверждает он, — можно назвать энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением» (III, 638).

Остается бесспорным, что наследие Белинского достойно серьезнейшего изучения и творческого освоения. То же самое следует сказать и о языке Белинского, так как «его работа над отвлеченно-философскими, общественно-политическими и литературно-эстетическими терминами и понятиями, образование ясной и выразительной фразеологии, выпукло передающей абстрактную мысль, отбор синтаксических форм, пригодных для стиля рассуждения, — вся эта реформаторская деятельность Белинского в области критикопублицистического стиля имела громадное значение для последующей истории русского литературного языка»¹.

¹ В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., Учпедгиз, М., 1938, стр. 339.

§ 58. Творчество Лермонтова — новый этап в развитии средств литературного языка

Свободный от устаревших языково-стилистических традиций, Лермонтов создал произведения, выделяющиеся новизной речевых средств и приемов повествования, лаконизмом и афористичностью слов, доведенными до степени совершенства речевыми периодами и другими элементами ораторской речи. Язык его поэзии и прозы получил восторженную оценку у лучших русских писателей.

«Благодаря Лермонтову русский язык,— писал Белинский,— далеко продвинулся вперед после Пушкина, и таким образом он не перестанет продвигаться вперед до тех пор, пока не перестанут на Руси являться великие писатели»¹.

Значение Лермонтова в истории русского литературного языка определяется именно тем новым и своеобразным, что внес он в культуру образного слова, в средства и приемы литературного выражения. Роль Лермонтова в развитии русской речевой культуры Белинский определял следующим образом: «Каждый вновь появляющийся великий писатель открывает в своем родном языке новые средства выражения новой сферы созерцания»². Это новое он видел не столько в грамматических и лексических элементах языка, сколько в самих принципах использования речевых средств и способах выражения мыслей.

Лермонтов решительно порывал с устаревшими языково-стилистическими нормами и традициями, которые были характерны для поэзии и прозы конца XVII—начала XIX века и которые в известной степени находили отражение в языке Пушкина.

Этот отход от всего архаичного наметился у Лермонтова уже в ранний период его творчества, когда он еще испытывал заметное влияние искусственно-романтической манеры повествования. Об этом свидетельствуют сохранившиеся первоначальные наброски и варианты ряда произведений, которые подвергались авторской правке. Во всех этих правках прослеживается весьма последовательное устранение архаичных грамматических форм, а также лексических и фразеологических средств. Рассмотрим вначале правки его ранних произведений.

В автографе «Исповеди» (1829) у Лермонтова было употреблено слово *пришлец*, замененное в окончательной редакции следующим образом:

Пришлец из дальней стороны,
Прижавшись голубь молодой
Сидит, испуганный грозой!
(т. III, стр. 565)³

Дитя неведомой страны,
Прижавшись голубь молодой
Сидит, испуганный грозой!!
(т. III., стр. 105)

¹ В. Г. Белинский, Сочинения, т. IV, 1896, стр. 753.

² Там же, т. II, стр. 915—916.

³ М. Ю. Лермонтов, Полное собрание сочинений, изд. Academia, 1935. (Черновые варианты приведены там же).

В вариантах романтической драмы «Странный человек» (1831), не вошедших в окончательную редакцию, Лермонтов заменил многие устаревшие слова и грамматические формы. Приведем некоторые образцы этих правок: вместо *сих* — *этих* (т. IV, стр. 495), «я третьего дни» — «недавно я» (стр. 496), *хлебы* — *хлеба* (стр. 501).

Такого же характера исправления наблюдаются и в работе Лермонтова над языком романа «Вадим» (1832 г.). Он, например, отказался от ряда искусственно-риторических выражений, употребленных первоначально, а также исключил архаичные формы. В результате правки в романе не оказалось ни устаревших форм типа «из *холопей* кого-нибудь пришли», ни целого ряда выражений, близких к напыщенно-книжной фразеологии.

В связи с ростом реалистических тенденций в творчестве Лермонтова и эволюцией его слога усиливаются и реалистические средства языка и более последовательно устраняются искусственно-книжные, преимущественно архаичные. Эта закономерность хорошо прослеживается при анализе авторской правки языка его произведений, написанных в расцвете творческих сил: романа «Герой нашего времени», poem «Мцыри» и «Демон» и др.

В области морфологических и словообразовательных средств язык этих произведений освобождается Лермонтовым (судя по его авторским правкам) от устаревших элементов, не употребительных в живой разговорной речи его времени. Укажем на такого рода исправление в тексте «Тамани» (1839):

Признаюсь, я имею сильное пред-
убеждение *противу* всех слепых,
кривых, глухих...

(т. V., стр. 456)

Признаюсь, я имею сильное
предубеждение *против* всех слепых...

(т. V, стр. 230)

Встречающаяся в автографе «Княжны Мери» (1839) форма «*претиho* умирал» не сохранена в окончательном тексте (т. V, стр. 473 и стр. 277). Ср. не включенные в текст «Демона» архаизмы, встречающиеся в вариантах: неполногласия (*краткий час*; т. III, стр. 655), приставки церковно-книжного характера (*соделался*) и др.

В области же лексико-фразеологических средств этот отказ от всякой архаики замечен еще отчетливее. Например, из стихотворения «Смерть поэта» он вычеркнул шаблонно-олическое выражение «И плачет *сирая* Россия» (т. II, стр. 172).

В процессе работы над языком «Мцыри» Лермонтов убрал устаревшее название монахов («Один старик из *братьи* той» (т. III, стр. 220), заменил слово *обитель* словом *монастырь* (стр. 621), сделал примечание, что *схимницы* прежде назывались *грешницами* (стр. 637), вычеркнул риторические выражения такого характера:

Тогда решился он *сорвать*
Молчанья гордого печать. (т. III, стр. 621)

роения, в средства стиховой организации, в арсенал риторических приемов, в общенациональную культуру художественного слова более современную конкретно-бытовую содержательность, усилить идейную насыщенность и эмоциональное разнообразие. Для достижения этой цели Лермонтов с начала 30-х годов работает над созданием внушительного и действенного ораторского стиля, свободного от литературных архаизмов¹

Образцом такого стиля является стихотворение «Смерть поэта», в котором страстная речь возмущенного поэта перемежается целым каскадом гневных восклицаний, вопросов, обращений, обличающих виновников гибели Пушкина.

Одним из наиболее действенных и эффективных приемов ораторской речи является повторение однотипных выражений и синтаксических конструкций. Это повторение усиливает смысловую и интонационную выразительность речи, делает ее напряженной, гневной и целеустремленной. Говоря о трагической гибели Пушкина, Лермонтов прибегает к этому приему, используя его наряду с включением в текст острых обличительных определений и характеристик:

*Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет, завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..*

Итак, роль Лермонтова в развитии стилей поэзии определяется в первую очередь созданными им художественно-поэтическими ценностями, а главное, теми новыми принципами отбора и употребления речевых средств, которые он разработал и осуществил в своей творческой практике. Восторженно отзываясь о его успехах в развитии поэтической речи, Чернышевский утверждал, что «решительно ни один из наших поэтов до 1841 года включительно... не писал стихов таким безукоризненным языком, как Лермонтов»².

В прозе Лермонтова довольно отчетливо обнаружилось стремление автора создать новые формы сжатого и образного выражения мыслей. При этом как в стихотворных произведениях, так и в прозаических прослеживается единство принципов отбора и использования речевых средств.

Успех Лермонтова в развитии речевых средств прозы был настолько значительным, язык его произведений так выразителен и обаятелен, что уже Гоголь дал в 1846 году восторженную оценку его произведениям, указав на важнейшие их достоинства: «Никто

¹ В. В. Виноградов, *Язык Лермонтова*. «Русский язык в школе» 1938, № 3, стр. 43.

² Н. Г. Чернышевский, *Полное собрание сочинений*, т. III, Гослитиздат, 1939—1953, стр. 108.

еще не писал у нас такой правильной, прекрасной и благоуханной прозой»¹.

Тургенев, говоря о благотворном влиянии языка Пушкина на прозу Лермонтова, указывал, что пушкинское предисловие к «Египетским ночам» представляет «лучший образец русской речи», который он когда-либо читал, и приходил к заключению, что в прозе Лермонтова получили творческое развитие лучшие пушкинские традиции: «Из Пушкина целиком выработался Лермонтов — та же сжатость, точность и простота». При этом Тургенев, отмечая как недостаток Лермонтова некоторый «отголосок французской манеры», заметный в «Княжне Мери», восклицал: «Зато какая прелесть «Тамань!» Но и там он иногда красуется»².

«Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова, — говорил Чехов. — Я бы так сделал: взял его рассказы и разбирал бы, как разбирают в школах, — по предложениям, по частям предложения... Так бы и учился писать»³.

В этих отзывах выдающихся мастеров образного слова, кроме общей оценки высоких художественных достоинств прозы Лермонтова, названы важнейшие признаки и качества языка и слога его прозы: сжатость, правильность, точность, простота и художественность.

Своеобразие языка и слога прозы Лермонтова определяется в значительной степени стремлением автора освободиться от традиционно-книжной манеры повествования и равняться на образцовую в отношении правильности, точности и выразительности разговорную речь. В связи с этим у Лермонтова вполне закономерно стремление вести повествование от имени какого-нибудь лица или рассказчика. Например, Максим Максимыч простыми и искренними словами рассказывает о трагической истории Бэлы.

Форма журнала Печорина, записывавшего как бы для себя и не стесненного условными традициями книжного выражения, позволила ему нарисовать яркие сцены и характеры с помощью простых и весьма сильных и выразительных средств языка. Все это накладывало особую печать и придавало особый колорит повествованию, так как Печорин (не в пример Гриневу или Белкину, от имени которых иногда ведется повествование у Пушкина) — этот «герой нашего времени» — принадлежал к числу ярких и сильных личностей, был человеком вполне современным, культурным и в совершенстве владевшим литературным языком.

Афористичность речи — также характерный признак лермонтовской прозы, отличающейся лаконизмом и смысловой емкостью выражений. Вот типичные для него по своей синтаксической струк-

¹ Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. VII, изд. АН СССР 1947—1952, стр. 402.

² См. сб. «Русские писатели о языке», изд. «Советский писатель», Л., 1954, стр. 317—318.

³ С. Н. Ш у к и н, Из воспоминаний об А. П. Чехове, «Русская мысль», 1911, № 10, стр. 46.

туре, смысловому и стилистическому своеобразие из «Героя нашего времени»:

«Печальное нам смешно, смешное грустно, а вообще, по правде, мы ко всему довольно равнодушны, кроме самих себя».

«Довольно людей кормили сладостями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины».

«Мало ли людей, начиная жизнь, думают кончить ее как Александр Великий или лорд Байрон, а между тем целый век остаются титулярными советниками».

«Мы всегда извиняем то, что понимаем».

Новаторство Лермонтова в развитии речевых средств прозы заключалось в том, что он выработал и противопоставил искусственно-романтической системе повествования систему реалистическую.

В отношении грамматических форм, синтаксических конструкций и словарного состава язык зрелой поры Лермонтова свободен от архаизмов и тяжеловесных оборотов речи. Структура лермонтовских словосочетаний и предложений весьма прозрачна¹. В авторских правках текстов прозаических произведений прослеживается тот же последовательный отход от всего устаревшего, что и в произведениях стихотворных. Указывая на единство творческого метода Лермонтова, на развитие им после Пушкина речевых средств поэзии и прозы, Белинский подчеркивал: «Лермонтов и в прозе является равным себе, как и в стихах»².

В отличие от повествовательной системы Пушкина и его ориентации на такую структуру предложения, в которой весьма активную роль играет глагол, Лермонтов часто отдает предпочтение определениям, выраженным именами прилагательными и наречиями. В связи с этим глаголы и другие элементы повествовательно-динамического характера в его прозе своеобразно сочетаются и удачно сменяются средствами описательно-характеристическими, среди которых ведущую роль играют эпитеты. Например:

«Я возвращался домой пустыми переулками станицы: месяц, полный и красный, как зарево пожара, начал показываться из-за зубчатого горизонта домов; звезды спокойно сияли на темно-голубом своде, и мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права».

Значение Лермонтова в развитии стилей прозы определяется тем, что он осуществил тот «национальный синтез повествовательного и «метафорического», отвлеченно-книжного языка, к которому стремился Пушкин. Лермонтов углубляет семантическую систему

¹ О словосочетаниях у Лермонтова см.: В. П. Сухотин, Синтаксис прозы Лермонтова (словосочетания). Автореферат, изд. АН СССР, 1950.

² В. Г. Белинский, Сочинения, т. II, стр. 8.

литературного языка, создав новые формы сжатого и образного выражения мысли и сложных чувств»¹.

Осуществляя этот синтез повествовательной и отвлеченно-книжной речи, Лермонтов постоянно включал в словесную ткань своих произведений лексику абстрактно-отвлеченного характера, в которой так нуждался литературный язык того времени. «Как еще беден русский язык,— восклицал Белинский (в 1845 г. А. Е.),— для выражения предметов науки, общественности,— словом, всего отвлеченного, всего цивилизованного, глубоко и тонко развитого, даже ежедневных житейских отношений»². И если сам Белинский много делал для развития абстрактно-философской и литературно-эстетической терминологии, то Лермонтов заметно активизировал отвлеченную лексику, обозначавшую внутреннее состояние и переживания его героев, а также сложных и тонко развитых «житейских отношений».

Укажем на употребление им в журнале Печорина абстрактной лексики, относящейся к сфере психического состояния людей. Например, он так характеризует чувства, которые Печорин испытывал во время дуэли с Грушницким:

«Я до сих пор стараюсь объяснить себе, какого рода чувство кипело тогда в груди моей: то было и *досада* оскорбленного *самолюбия*, и *презрение*, и *злоба*, рождавшаяся при мысли, что этот человек, теперь с такой *уверенностью*, с такой спокойной *дерзостью* на меня глядящий, две минуты тому назад, не подвергая себя никакой опасности, хотел меня убить как собаку...

Ср. еще: «Но борьба *совести* с *самолюбием* была непродолжительна». «Я не думаю, чтобы *равнодушие* женщины к вашим блестящим *достоинствам* заслуживало такое ужасное *мищение*» (т. V, стр. 293); «... на тебя полетят со всех сторон такие страхи, что боже упаси: *долг*, *гордость*, *приличие*, общее *мнение*, *насмешка*, *презрение*» (слова Вернера, т. V, стр. 284).

В употреблении подобного рода отвлеченной лексики у Лермонтова прослеживается характерная закономерность: он часто прибегает к ярким определениям, выразительным эпитетам, с помощью которых уточняет и подчеркивает значение абстрактных слов. Например, во взгляде оскорбленной княжны Мери «блистало *самое восхитительное бешенство*». Ср.: «*Неизъяснимое бешенство* закипело в груди моей»; «... *холодная злость* овладела мною при мысли, что... я мог бы сделаться посмешищем этих дураков»; «Я чувствовал, что *ядовитая злость* мало-помалу наполняла мою душу».

Укажем также на словосочетания: *безумное отчаяние*, *неистовая храбрость*, *глубокое презрение*, *притворная холодность*, *мелкие слабости*, *сладкие заблуждения*, *холодное*, *бессильное отчаяние* и т. п.

¹ В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., Учпедгиз, 1938, стр. 299.

² В. Г. Белинский, Сочинения, т. IV, стр. 753.

В отношении словообразовательных средств употребляемая Лермонтовым абстрактная лексика отражает общие закономерности развития словарного состава русского языка в первой половине XIX века. Это преимущественно суффиксальные образования, причем в качестве наиболее продуктивного выступает суффикс *-ние* (*-ение*), *внимание*, *волнение*, *воображение*, *воспоминание*, *впечатление*, *заблуждение*, *намерение*, *наслаждение* и др.

Значительная часть слов с отвлеченным значением употребляется с суффиксом *-ость* (*любезность*, *храбрость*, *справедливость*, *опрятность*, *наклонность*, *недоверчивость* и др.); *-ство* (*любопытство*, *лукавство*, *торжество*); *-ие* (*простодушие*, *безумие*, *хладнокровие*); *-ствие* (*удовольствие*, *сумасшествие*, *самодовольствие*).

К этой лексике примыкают также субстантивированные слова: *смешное*, *печальное*, *прошедшее* и др., употребляемые главным образом в журнале Печорина.

§ 59. Роль Гоголя в развитии языка прозы

Определяя значение Гоголя в истории литературного языка, Белинский подчеркнул его заслуги в развитии прозы: «Можно сказать без преувеличения, что Гоголь сделал в русской романтической прозе такой же переворот, как Пушкин в поэзии». Следовательно, значение Гоголя определяется в первую очередь тем огромным вкладом, который он внес в развитие прозаических стилей русского литературного языка. Известно, что после Гоголя, когда появляется блестящая плеяда писателей-прозаиков (Гончаров, Тургенев, Толстой, Щедрин и др.), проза сделала огромные успехи.

Говоря о роли Гоголя в развитии языка и литературы, Белинский указывал и на другое качество гоголевских произведений — на их стилистическое совершенство. О мастерстве Гоголя — этого неистощимого изобретателя средств образного выражения — Белинский писал: «... у Гоголя есть нечто такое, что заставляет не замечать небрежности его языка, — есть *слог*. Гоголь не пишет, а рисует; его изображения дышат живыми красками действительности. Видишь и слышишь их. Каждое слово, каждая фраза резко, определенно, рельефно выражает у него мысль, и тщетно бы хотели вы придумать другое слово, или другую фразу для выражения этой мысли. Это значит иметь *слог*, который имеют только великие писатели...» «Гоголь вполне владеет *слогом*... Сам Пушкин в своих повестях далеко уступает Гоголю, имея свой слог и будучи, сверх того, превосходным стилистом, т. е. владея в совершенстве языком».

Гоголь назвал Пушкина великим национальным поэтом, подчеркнув, что его значение определяется именно тем, что он более всех и далее всех раздвинул границы русского литературного языка. В своей творческой практике Гоголь преследовал те же задачи и цели. В смысле раздвижения границ и привлечения новых источников, обогащающих литературный язык, он в ряде случаев пошел далее Пушкина.

Каковы же эти источники? Гоголь указывал прежде всего на две речевые стихии: «Наконец, сам необыкновенный язык наш есть еще тайна. В нем все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких; он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая, с одной стороны, высокие слова из языка церковно-библейского, а с другой стороны, выбирая на выбор меткие названия из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по нашим провинциям, имея возможность таким образом, в одной и той же речи восходить до высоты, недоступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, ощутительной осязанию непонятливейшего человека»¹.

Однако, назвав эти два источника, Гоголь, как в этом убеждает состав используемых им речевых средств, конечно, не из церковно-книжных ресурсов черпал новые средства выражения, а в «бесчисленных» наречиях русского языка. Под этими «наречиями», рассыпанными по провинциям, Гоголь разумел не столько местные диалекты, сколько различные социально-речевые стили, характерные для запорожцев («Тарас Бульба»), крестьян, духовных лиц («Вечера...», «Вий» и др.), для чиновничества, старосветских помещиков, для городского просторечия и т. д.

Исследуя особенности языка Гоголя, акад. В.В. Виноградов так характеризует его значение в истории русского литературного языка: «Своеобразие и широта захвата словесных образов, ритмов, фразеологических оборотов и синтаксических приемов украинской народной поэзии в повестях и романах из быта и истории Украины, яркий колорит украинского народного просторечия в сказе Рудого Панька и его приятелей, особенно дьяка Фомы Григорьевича; расширение сферы украинского словесного народного творчества в стиле «Тараса Бульбы», глубоко вобравшем в себя элементы украинских дум, украинских исторических песен; свобода и смелость в отношении художественного применения самых разнообразных по экспрессии, по стилевому качеству и профессиональной окраске форм русской народно-разговорной речи, все возрастающие и достигшие предельной степени в языке «Мертвых душ»; вольное и широкое использование стилей книжной и письменно-деловой речи; новаторское отношение к жанровым разновидностям языка предшествующей художественной литературы; тенденция к смешению границ между ними; неудержимое стремление совместить, синтетизировать стилистически далекие формы и типы литературно-художественной речи композиции (например, в «Старосветских помещиках», в «Невском проспекте», «Портрете», в исторической эпопее «Тарас Бульба»); быстрые переходы от одного литературного жанра к другому (ср. «Записки сумасшедшего», «Портрет», «Нос» и «Коляску») — все это исходило из пушкинской работы по обновлению и демократизации русской национально-художественной стилистики, но сильно расширило задачи и объем пушкин-

¹ Н. В. Гоголь, Собрание сочинений, т. VII, стр. 20.

ской стилистической реформы и вело к созданию новых стилистических основ критического реализма»¹.

Гоголь высоко ценил поговорки, выделяющиеся «умом окончательных выводов», а также остроумием и иносказательностью: «...пословица не есть какое-нибудь вперед поданное мнение или предположение о деле, но уже подведенный итог делу, отсед, отстой уже перебродивших и кончившихся событий, окончательное изучение силы дела из всех сторон его, а не из одной. Это выражается и в поговорке: «одна речь не пословица». Вследствие этого заднего ума, или ума окончательных выводов, которыми преимущественно наделен перед другими русский человек, наши пословицы значительно превосходят всех других народов. Сверх полноты мыслей, уже в самом образе выражения в них отразилось много народных свойств наших; в них все есть: издевка, насмешка, попрек, словом, все шевелящее и задирающее за живое: как стоглазый Аргус, глядит из них каждая на человека. Все великие люди, от Пушкина до Суворова и Петра, благоговели перед нашими пословицами. Уважение к ним выразилось многими поговорками: «Пословица не даром молвится».

Мастерское использование элементов различных социально-речевых стилей хорошо обнаруживается, например, в «Мертвых душах», где каждый из персонажей в отношении своеобразия речи существенно отличается от других. Манилов, Чичиков, Собакевич, Ноздрев и другие действующие лица пользуются одним провинциально-дворянским просторечием. Но при всем этом Гоголь сумел создать весьма типичные речевые костюмы, которые сразу же характеризуют, например, Манилова с его несколько «пересахаренной» речью, претендующей на утонченность, изысканность и вежливость. Разговаривая с Чичиковым, он прибегает даже к некоторой тавтологии: «Позвольте вам этого не *позволить*». Из рассказов Манилова следует, что он некогда был в армии. Но Гоголь не привел в его речи ни одной черты, которая обнаружила бы в Манилове военного, зато обильно насытил ее прилагательными превосходной степени: *превосходнейший, любезнейший, предобрейший* и т. д.

В числе речевых средств, к которым многократно прибегал Гоголь, значительное место занимает просторечие. Гоголь широко захватывал различные слои просторечной лексики и фразеологии. Об этом можно судить по составу употребляемых автором пословиц, литературные права которых в ряде случаев сомнительны. Например, в повести о капитане Копейкине: «родился не в мать, не в отца, а в проезжего молодца»; ср. также: «как с быком ни биться, а все молока от него не добиться».

В борьбе с антинациональным отношением к языку, во имя подлинно реалистического языка Гоголь смело расширял рамки литературного словаря, употребляя многие слова и выражения,

¹ В. В. Виноградов, Язык Гоголя и его значение в истории русского языка. Сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. III, изд. АН СССР, М., 1953, стр. 14—15.

рассматриваемые в его время как «просторечные» и «простонародные». Это относится, например, к таким словам, не имевшим права литературности (из «Мертвых душ»): «Герой наш *трухнул*, однако ж, порядком»; «пришла... *блажь* вдруг заржать»; «выставить свою физиономию под публичную *оплеуху*»; «Да,— подумал Чичиков, — у этого *губа не дура*» и т. п.

Новизна гоголевского слога заключалась в широком использовании всех наиболее ярких изобразительных средств общенародного языка. Известно, что последний обладает богатейшими синонимическими возможностями и что многие из его синонимов отличаются образностью и выразительностью. Им и отдает предпочтение Гоголь, когда вместо нейтрально-литературного слова (*танцевали мазурку*) употребляет образный просторечный синоним (*откалывали мазурку*); вместо *испугался*, *хтрусил* — *трухнул*, *напьется* — *нарежется*, *били* — *тузили*, *сказал* — *брякнул* и т. п.

Использование таких образных слов и выражений, а также синонимических средств общенародного языка придавало слогу Гоголя особый колорит. Например, в «Мертвых душах»: «Иван Антонович, казалось, имел уже далеко за сорок лет; волос на нем был черный и густой; вся середина лица выступала у него вперед и пошла в нос, словом, это было то лицо, которое называют в общезжитии *кувшинным рылом*».

«Чичиков понял *заковыку*, которую *завернул* Иван Антонович...»

«И что всего страннее... он (Ноздрев.—А. Е.) через несколько времени уже встречался опять с теми приятелями, которые его *тузили*, и встречался как ни в чем не бывало, *и он, как говорится, ничего, и они ничего*».

«... или *нарежется* в буфете таким образом, что только смеется»; «обманул всех и протопопшу *надул* более чем на сто рублей»; «не *спятил* ли гость какой-нибудь *с ума*»; «от лошадей пошел такой пар, как будто бы они *отхватили* не переводя дух станцию».

Значение Гоголя в истории литературного языка определяется и той неисощимой творческой изобретательностью, которую он обнаруживал при использовании лексики русского языка, а также общеупотребительной фразеологии. Многие эти слова и выражения, как известно, имеют не только прямые, но и переносные, образно-фигурные значения. Гоголь мастерски пользовался этой смысловой и стилистической многогранностью слов. Например, такие слова, как *медведь*, *гусак*, *дубина* и другие, употребляются в общенародном языке как в прямом, так и в переносно-метафорическом значении. Пользуясь этими образными значениями, Гоголь не только создает оригинальные эпитеты (Чичиков назвал Коробочку *дубинноголовой*), но и целые образы (когда сравнивает Собакевича со средней величины медведем и заставляет Чичикова характеризовать его этим словом: «*медведь! совершенный медведь!*»). Не менее оригинально использовано им переносное значение общеизвестного слова *гусак*. Названный «гусаком», Иван Иванович поссорился с Иваном Ники-

форовичем, потому что усмотрел в этом обиду и оскорбление или, как он сам выразился в прошении, «подлое и предосудительное присовокупление к фамилии моей название Гусака».

Неистощимая изобретательность Гоголя в создании речевых образных средств обнаруживается также в использовании им общепотребительной народной фразеологии. Он использовал ее как средство образной характеристики персонажей. Например, зять Ноздрева говорил «таким ленивым и вялым голосом, как будто бы, по русскому выражению, *натаскивал клещами на лошадь хомут*». Манилов относился к роду людей, «известных под именем: *люди так себе, ни то ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан*, как говорится в пословице».

С помощью этой фразеологии Гоголь как бы обобщает и подводит итог, например, сцене, в которой чиновники расспрашивают Ноздрева о Чичикове: «Попробовали было заикнуться о Наполеоне, но и сами были не рады, что попробовали, потому что Ноздрев понес такую околесину, которая не только не имела никакого подобия правды, но даже просто, ни на что не имела подобия... И все согласились на том, что *как с быком ни биться, а все молока от него не добиться*».

Не ограничиваясь фразеологическими значениями устойчивых словосочетаний, Гоголь оригинально использует на их фоне конкретные значения каждого отдельного слова. Так, на основе выражения *водить за нос* построены у него все рассуждения о том, как ловко женщины водят за нос мужчин, ухватившись за него, словно за ручку чайника («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»).

Отбирая из различных социально-речевых стилей разговорной речи многие средства выражения, Гоголь в то же время весьма неодобрительно относился к социальным жаргонам. В своих произведениях он не только высказывал ряд острых иронических замечаний по поводу жаргонного словоупотребления, но и изобразил в речи некоторых персонажей типичное «нижегородско-французское словоупотребление, а также церковно-богословское.

Неодобрительное отношение к салонно-дворянскому жаргону тесно связано у Гоголя с общей его оценкой роли высшего общества и развития национальной речевой культуры. Он заявлял, что от представителей высшего общества не услышишь ни одного порядочного русского слова, зато иностранными наделят в огромном количестве: «Виноват! Кажется, из уст нашего героя излетело словцо, подмеченное на улице. Что ж делать? Таково на Руси положение писателя! Впрочем, если слово из улицы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не слышишь ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наделят в таком количестве, что и не захочешь, и наделят даже с сохранением всех возможных произношений: по-французски в нос и картавя, по-английски произносят, как следует

птице, и даже физиономию сделают птичьей, и даже посмеются над тем, кто не сумеет сделать птичьей физиономии: а вот только русским ничем не наделят, разве из патриотизма выстроят для себя на даче избу в русском вкусе. Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними и все причитающие себя к высшему сословию!»

В соответствии с такой оценкой Гоголь изобразил дам города, которые не говорили: «я высморкалась, я вспотела, я плюнула», а заменяли эти слова более изысканными оборотами: «я облегчила себе нос, я обошлась посредством платка»; вместо «этот стакан... воняет» — «этот стакан нехорошо себя ведет». Воспроизводя различные элементы этих жаргонов, Гоголь обличал их носителей как людей, оторвавшихся от народа и ненавидящих народ и его язык. «Чтоб еще более облагородить русский язык,—заключает автор,—почти половина слов была выброшена вовсе из разговора, и поэтому весьма часто было нужно прибегать к французскому языку, зато уж там, по-французски, другое дело: там позволялись такие слова, которые были гораздо пожестче упомянутых».

К чему вело это антинациональное отношение к родному языку и что представляло самое смешение языков «французского с нижегородским», Гоголь мастерски показал, приведя разговор дам. Диалоги эти интересны и показательны как для изучения жаргонного словоупотребления, так и для характеристики отношения к нему писателя¹. Указав на использование в разговоре дам многих иностранных слов, автор дает такое весьма многозначительное и полное иронии замечание:

«Но как ни исполнен автор благоговения к тем спасительным пользам, которые приносит французский язык России, как ни исполнен благоговения к похвальному обычаю нашего высшего общества, изысканного на нем во все часы дня, конечно, из глубокого чувства любви к отчизне; но при всем том никак не решается внести фразу какого бы то ни было чуждого языка в свою русскую свою поэму».

Существовавший некогда чиновничий жаргон, отличавшийся, как и другие жаргоны, набором специфических слов и выражений («сунуть барашка в бумажке», «подмаслить», «написать объясненьице с приплетеньицем» и др.), также нашел оценку и соответствующее отражение в произведениях Гоголя. Остроумно пародируя чиновничью речь и упоминая о всех тех *переборках, распеканьях, взбуктовываниях* и всяких должностных похлебках, которыми угощает начальник своих подчиненных («Мертвые души»), Гоголь мог весьма ярко и красочно изображать быт невежественного и тунеядствующего русского чиновничества.

В языке Гоголя нашли отражение канцеляризмы, рассматриваемые как атрибуты письменных документально-канцелярских сти-

¹ «...душенька, Анна Григорьевна, позвольте рассказать! Ведь это история, понимаете ли: история, сконапель истояр», — говорила гостя; «скандальозу наделал ужасного... всё кричит, никто никого не понимает, — ну, просто, оррёр, оррёр!... оррёр!...»

лей. Прекрасно изучивший быт чиновничества Гоголь использовал много речевых средств чиновничье-канцелярского характера.

Элементы чиновничье-канцелярского стиля выполняли у Гоголя различные функции: служили материалом для создания речи персонажей и употреблялись пародийно-иронически, выступая как речевые средства сатиры. В этом отношении весьма показательно прошение Ивана Никифоровича в миргородский суд. Оно обнаруживает в Гоголе большого знатока этого канцелярского крючкотворства, а главное — умение талантливо пародировать канцеляризмы. Канцеляризмы отличаются особой структурой предложений, которая культивировалась в документально-канцелярских стилях, множеством придаточных с устаревшими архаическими союзами и союзными словами, с отглагольными существительными типа «уташение бумаги», а также пунктуальностью и точностью, принятой в официальных документах.

Наряду с пародированием канцелизмов Гоголь использовал многие атрибуты разговорно-бытовой речи чиновничества для речевой характеристики персонажей, что особенно ярко представлено в «Ревизоре» и в «Мертвых душах». Так, им создана весьма характерная речь городничего, который, начиная официальную беседу с подчиненными ему чиновниками, употребляет ряд выражений документально-делового характера: *«Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие»; «а я вас, господа, предупредил»; «вы, господа, приготовляйтесь по своей части»; «входящие и исходящие»; «течение дел»* и т. д.

Не менее характерно и показательно для Гоголя его отношение к церковно-богословскому жаргону, который культивировался в среде священнослужителей в семинариях и бурсах и который тоже отличался набором некоторых специфических слов и выражений архаично-книжного характера. Всего лишь несколько характерных жаргонных выражений понадобилось Гоголю, чтобы создать яркий и запоминающийся образ поповича («Сорочинская ярмарка»). Пробираясь на свидание и свалившись с плетня в бурьян, Афанасий Иванович так отвечает на вопрос Солохи:

«Тс! ничего, ничего, любезнейшая Хавронья Никифоровна!» — болезненно и шепотом произнес попович, поднимаясь на ноги: *«выключая только уязвления со стороны крапивы, сего змиеподобного злака, по выражению покойного отца протопопа»*.

Интересны также функции жаргонно-бурсацкой лексики в повести «Вий», где она тоже служит целям создания типичных и характерных образов («попробовать *крупного гороху*», «человек, *вразумленный святому писанию*», и т. п.).

Наконец, многие элементы купеческо-торгашеского жаргона нашли в творчестве Гоголя соответствующую оценку и преломление. Изображая купцов и живо откликаясь на развитие буржуазно-капиталистических отношений, он неоднократно воспроизводил и комментировал в своих произведениях купеческо-торгашескую жаргонную лексику.

Из типичного для торгашеского жаргона набора слов и выражений (*барыши, магарыч, вылететь в трубу, не обманешь — не продашь* и т. п.) Гоголь отбирает наиболее характерные, при этом употребляя их не только в речи персонажей, но и в языке авторского повествования. Интересны и самые приемы употребления им жаргонной лексики. Например: «Вы можете во время вашей поездки... произвести взаимный благотельный размен, как расторопный купец: забравши сведения об одном городе, *продать их с барышом* в другом, всех обогатить и в то же время разбогатеть самому больше всех» (т. IV, стр. 103).

Отрицательное отношение Гоголя к жаргонам различных слоев имущих классов, а также созданные им способы и приемы использования жаргонной лексики и фразеологии оказали заметное влияние на Щедрина, Островского, Чехова и других писателей.

Одним из источников, из которых Гоголь привлекал речевые средства, расширяя границы литературного языка, были украинизмы. В отличие от предшественников и многих современников Гоголь обильно привлекал в свои произведения лексику, фразеологию и различные экспрессивные средства украинского языка, ибо русский и украинский языки, на протяжении многих столетий развивавшиеся во взаимосвязи и единении, отражают извечную дружбу и братскую связь русского и украинского народов.

Многие украинизмы, вполне доступные для русского читателя, органически входили в словесную ткань гоголевских произведений. Особенно обильно они представлены в тех произведениях, где Гоголь описывает жизнь и быт Украины, в частности в «Вечерах на хуторе близ Диканьки».

В числе украинизмов, употребляемых Гоголем, выделяются¹: *каву* — «арбуз», *покут* — «красный угол», *тендитный* — «нежный»; *вечерницы* — «посиделки», *смутный* — «печальный», *туркень* — «турчанка», *Туретчина* — «Турция»; *громада* — «собрание, общество»; *гетман, казак, курень, казачество, палица, рада, наймыт, наймычка, пан, паня, панич, пасичник, чумак, москаль* и др.

Укажем также на украинизмы, которые обозначают различные кушанья, блюда, напитки: *буханцы, варенуха, вертычки, галушки, гречаники, горилка* и т. п.

Гоголем привлекаются также слова, обозначающие отношения родства и возраст: *маты, батько, жинка, дитина, дядько, дитвова, хлопцы, хлопьята, сынку*. Наконец, в его произведениях использованы различные названия людей и прозвища украинского происхождения: *Бульба* («пузырь»), *Горобець* («воробей»), *Голопузенко, Голопупенко, Перерепенко* («потрескавшийся»), *Паливода* («сорвиголова») и др.

Таким образом, значение Гоголя в истории русского литературного языка определяется тем огромным вкладом, который он внес

¹ Д. Ми ро ш н и к, Роль украинской лексики в повестях Н. В. Гоголя, «Русский язык в школе», 1953, № 1.

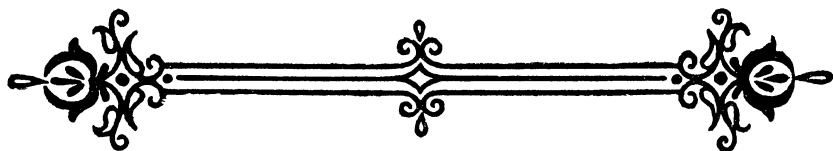
в самые принципы, методы и способы литературного освоения богатств общенародного языка. Гоголь не только раздвинул границы литературного языка, обогатив его многими словами, выражениями и оборотами народной речи, но и очень многому научил русских писателей, обнаружив неистощимую изобретательность в создании словесно-художественных средств. Дальнейшее развитие стилей русской прозы шло не столько за счет привлечения новых, еще неизвестных в литературе элементов общенародной речи, сколько за счет творческого развития и стилистического совершенствования различных речевых средств.

ЛИТЕРАТУРА

Н. В. Т р у н е в, Белинский как историк русского языка, «Русский язык в школе», 1948, № 5. А. И. Е ф и м о в, Белинский о языке и стиле художественных произведений, «Русский язык в школе», 1948, № 3; И. В. У с т и н о в, В. Г. Белинский как теоретик и историк русского языка, «Ученые записки МГПИ имени Ленина», т. VII, вып. 3, 1949. А. Ф. Е ф р е м о в, Процесс развития русского литературного языка в понимании Белинского, «Ученые записки Саратовского пединститута», т. 31, вып. филологический, Саратов, 1952. Е. А. В а с и л е в с к а я, Язык и стиль письма Белинского к Гоголю, «Русский язык в школе», 1947, № 4. Ю. С. С о р о к и н, Белинский и русский литературный язык, «Известия Отд. литературы и языка АН СССР», т. VII, вып. 5, 1948. Е. Т. Ч е р к а с о в а, Борьба Белинского за народность русского литературного языка. Сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. III, изд. АН СССР, 1953. Ю. А. Б е л ь ч и к о в, Общественно-политическая лексика в сочинениях В. Г. Белинского 40-х годов (Автореферат), изд. МГУ, 1954. Д. А. П а н о в, Лингвистические взгляды В. Г. Белинского, Саратовское книжное издательство, 1959.

В. В. В и н о г р а д о в, Язык Лермонтова. В кн. «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.», изд. 2, Учпедгиз, 1938, а также в журн. «Русский язык в школе», 1938, № 3. В. П. С у х о т и н, Синтаксис прозы Лермонтова (словосочетания) (Автореферат), изд. АН СССР, 1950. Непредикативные сочетания с именами прилагательными в прозе Лермонтова. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. II, изд. АН СССР, 1951. Глагольные словосочетания с винительным падежом в прозе Лермонтова. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. III, изд. АН СССР, 1953. Л. Б. П е р л ь м у т т е р, О языке «Героя нашего времени» Лермонтова, «Русский язык в школе», 1939, № 4.

Е. Ф. Б у д д е, Значение Гоголя в истории русского литературного языка, журн. Мин. нар. просв., 1904, № 7. Е. Ф. К а р с к и й, Значение Гоголя в истории русского литературного языка. Статья в «Русском филологическом вестнике», 1902, № 2. В. В. В и н о г р а д о в, Язык Гоголя и его значение в истории русского языка, Сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. III, изд. АН СССР, 1953. О языке ранней прозы Гоголя. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. II, изд. АН СССР, 1951; Язык Гоголя. Сб. АН СССР; Этюды о стиле Гоголя, Л., 1926. А. И. Е ф и м о в, Значение Н. В. Гоголя в истории литературного языка, «Русский язык в школе», 1952, № 1. Е. М. Г а л к и н а-Ф е д о р у к, О языке ранних произведений Н. В. Гоголя, «Вестник МГУ», 1952, № 4. Н. П. Г р и н к о в а, Из наблюдений над языком комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», «Русский язык в школе», 1952, № 2. Д. М и р о ш н и к, Роль украинской лексики в повестях Н. В. Гоголя, «Русский язык в школе», 1953, № 1. А. И. Г е р м а н о в и ч, Заметки о языке и стиле Н. В. Гоголя, «Известия Крымского пединститута», т. XIX, 1954. А. В. К а с ь я н о в, Особенности лексики и фразеологии комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», «Русский язык в школе», 1959, № 3. В. Н. Х о х л а ч е в а, Наблюдения над языком и стилем некоторых произведений Н. В. Гоголя, «Русский язык в школе», № 2, 1959.

ГЛАВА 12

РАЗВИТИЕ ПУБЛИЦИСТИКИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

§ 60. Важнейшие тенденции в развитии литературного языка в связи с демократизацией интеллигенции и ростом революционно-освободительного движения

Существенные изменения, которые произошли в литературном языке к середине XIX века, теснейшим образом связаны с развитием общественной мысли. Выдвижение на первый план публицистических стилей, развитие стилей научно-философского характера, стилей литературно-критических работ — все это свидетельствует о том, что история языка тесно связана в своем развитии с историей народа, с историей общества.

Усилившийся уже в 40—60-х годах подъем революционно-освободительного движения, начавшаяся острая идеологическая борьба различных направлений, борьба материалистической философии с философией реакционно-идеалистической нашли отражение в развитии средств и норм литературного языка. В связи с этим в середине XIX века и позднее значительно расширяются возможности литературного языка, ибо публицистические стили вносят в систему литературного выражения большое количество новых речевых средств.

Наряду с этим стили научно-философского характера тоже обогащают систему литературного языка значительным количеством отвлеченных терминов.

Это же можно сказать и о стилях литературно-критических работ, ибо в результате деятельности Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева и других выдающихся критиков в XIX веке сформировалась литературно-критическая терминология, сохранившаяся в основных своих чертах до нашего времени.

В связи с развитием и взаимодействием ведущих стилей литературного языка происходят существенные изменения в лексико-фразеологических и грамматических средствах. Наряду с обогащением и развитием словаря и грамматических структур существенно

усложняются и обновляются самые принципы взаимодействия речевых средств, типичных для разных стилей.

Наблюдается заметное расширение сферы применения специальной терминологии. Публицистическая и научная лексика все более и более привлекается в тексты художественно-беллетристических произведений. Это приводит к тому, что существовавшие в прошлом четкие границы между беллетристикой и публицистикой как бы стираются, хотя, конечно, специфика каждого из этих жанров очевидна. Так, роман Чернышевского «Что делать?» не только насыщен лексикой общественно-политического характера, но в него включены целые отдельные фрагменты (сон Веры Павловны), написанные в философско-публицистическом плане. Многие сатирические очерки Щедрина («Сатиры в прозе» и др.) представляют собой оригинальные произведения публицистико-беллетристического характера.

Эти резкие сдвиги в системе стилей литературного языка приводят к тому, что внутри художественно-беллетристического стиля намечаются серьезные качественные изменения. Испытывая заметное влияние прежде всего публицистических средств и приемов выражения, художественная литература в то же время оказывала сильное влияние на развитие стилей научного изложения, публицистики, профессиональной литературы и т. п.

Благодаря этому в 30—40-х годах намечаются многие новые формы взаимодействия книжно-беллетристической лексики со словами публицистического, официально-канцелярского, научно-терминологического характера.

§ 61. Ведущая роль публицистических стилей

Развитие газетных, журнальных и других публицистических стилей было связано с тем, что журналы уже начиная с 40-х годов являлись ареной острой идеологической борьбы. Из истории русской общественной мысли известно, что университетские кафедры, как и многие печатные органы, не предоставлялись в распоряжение революционных демократов. В связи с этим разворачивалась кипучая журнальная деятельность. Наряду с литературно-критическими отделами в передовых журналах появляются отделы научно-популярные, где освещаются вопросы философии (например, «Письма об изучении природы» Герцена), психологии и других наук.

В силу этого заметно повышается роль журналов, на возросшее значение которых еще в 40-х годах указывал Белинский. Подчеркивая значение газетно-журнальной литературы, он говорил в 1845 году: «В современной русской литературе журнал совершенно убил книгу»¹. По его мнению, период настоящей журнальной деятельности, полезной и для общества и для языка, начинается с появлением «Московского телеграфа», причем несомненным достоинством журнальной литературы критик считает «стремление объяс-

¹ В. Г. Б е л и н с к и й, Сочинения, т. IV, 1896, стр. 61.

няться с публикой не парадным языком книги, а живым языком общества»¹.

Работы Белинского дают много интересных сведений относительно оформлявшейся в 40-х годах лексики и фразеологии публицистических стилей. Например, Белинский свидетельствует о появлении и распространении слова *пресса*, подробно объясняет значение и нормы применения таких слов, как *журнал*, *газета* (т. III, указ. изд., стр. 129—130), *полемика* (IV, 237), *разночинцы* (III, 68), *благонамеренный* (II, 955), *прогресс* (V, 561) и др.².

Позднее Щедрин («Письма к тетеньке») иронически заявляет: «Я признаю, что в современной русской литературе на первом плане должна стоять *газета* и что в этой газете должна господствовать публицистика подсиживания, сыска и клеветы». Он указывает также в «Признаках времени», что «общество до того развилось и умудрилось, что уже не оно руководится литературой, но, наоборот, литература находится у него под надзором».

Во второй половине XIX века появляется множество журналов и газет. Через газеты и журналы читающая публика знакомилась с новой фразеологией, новой лексикой и терминологией. Например, в «Скрежете зубовном» (1860) Щедрин рассказывает: «Русский вестник» поразил наш слух словами: *кредит* (под этим словом мы разумели исключительно опекунский совет, в котором закладывали свои имения), *спекуляция* (с этим словом в уме нашем соединялось смутное понятие о чем-то вроде мазурика), *поземельная рента* (под этим выражением мы ровно ничего не разумели) и многими другими, при произнесении которых мы благодарно раскрывали рты».

Ср. еще свидетельство: в рассказе «Деревенская тишь» Щедрина помещик Кондратий Трифонович из того же «Русского вестника» узнает, что натянутость отношений с крепостными называется *сословным антагонизмом*. «И с тех пор слово *антагонизм* до такой степени врезалось в его память, что он не только переложил его на музыку, но даже употребляет для выражения всякого рода чувств и мыслей».

Наряду с распространением публицистической лексики в стилях художественной прозы и в общеобиходном разговорном языке ведущая роль стилей публицистики выражалась также в том, что газеты начинали выступать в качестве законодателей образцов литературного выражения. Например, А. Ф. Кони свидетельствует, что многие судебные ораторы равнялись в своих выступлениях на нормы и образцы газетно-журнального выражения. В «Помпадурах и помпадуршах» Щедрин рассказывает, как чиновники, готовясь к прощальному обеду у получившего отставку помпадур и распределив темы тостов, «тотчас же отправились домой и занялись чтением «Московских ведомостей», дабы ближе ознакомиться

¹ В. Г. Белинский, Рецензия на «Грамматические изыскания» В. А. Васильева, СПб, 1845, стр. 757.

² Ср. свидетельство Добролюбова: «Публицист» — модное словечко, не совсем удачно примененное к русским нравам», т. 11, 1911, стр. 558.

с политическим положением России и усвоить себе некоторые необходимые в красноречии обороты».

О распространении элементов газетно-публицистических стилей можно привести свидетельства И. В. Киреевского¹, К. М. Станюковича, А. Ф. Кони, тоже писавших о распространении принятых в публицистике норм и приемов выражения, указывавших на всеобщую известность газетных формул и оборотов. Показательно, например, что Добролюбов, ссылаясь на сообщения газет, опускает в своей статье «Русские на Амуре» («Современник», 1858 г.) многие довольно важные подробности: «Наши читатели, без сомнения, знают уже из газет все подробности, объясняющие мирное завоевание нами этого богатого края»².

Развитие публицистических стилей вело к тому, что в некотором смысле пересматривалось и самое понятие литературности и художественности, а также нормы литературно-художественного стиля. Как уже говорилось ранее, во многих художественных произведениях середины и второй половины XIX века начинают все чаще появляться в виде отдельных этюдов и небольших фрагментов отрывки, написанные публицистическим стилем (например, у Чернышевского в «Что делать?» и у других писателей). Многие произведения Щедрина представляли собой в отношении стиля контаминацию элементов беллетристико-публицистического характера, потому что очерки «За рубежом», «Господа ташкентцы» и другие нельзя назвать целиком ни беллетристическими, ни публицистическими в полном смысле этого слова. Бесспорно, элементы художественно-беллетристического стиля в них представлены очень богато.

Таким образом, публицистические стили испытывали большое влияние стилей художественно-беллетристических, которые имели уже многолетние традиции. Но в свою очередь, будучи во многом новыми, стили публицистики оказывали известное влияние на состав речевых средств и нормы употребления в стилях художественно-беллетристических.

§ 62. Условия формирования речевых средств прогрессивной публицистики

Стили публицистики неоднородны, что объясняется неоднородностью самого состава публицистов середины XIX века и теми воззрениями, которые были характерны для публицистов революционно-демократического лагеря и публицистов дворянского или буржуазно-либерального направления.

В развитии стилей русской публицистики активную, ведущую роль играла революционно-демократическая публицистика. Именно

¹ Ср., например, вывод И. В. Киреевского в его «Обозрении современного состояния литературы» (60-е годы): «Изящную словесность заменила словесность журнальная» (Собрание сочинений, т. I, 1910, стр. 121).

² Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. II, 1911, стр. 545.

она, прокладывавшая новые пути, пропагандировавшая новые идеи, отличавшаяся боевым, наступательным характером, смелостью, новизной, оригинальностью, оказывала огромное влияние на развитие всех стилей публицистики. Именно революционно-демократическая публицистика характеризовалась той «мускулатурой» стиля, о которой говорил Карл Маркс и под которой он разумел возвышающую дерзость, остроумные парадоксы, уничтожающую критику, едкую иронию, искреннее чувство возмущения мерзостью существующего и революционную убежденность.

Условия, в которых формировались речевые средства революционно-демократической публицистики, были далеко не равноценны тем, в которых развивалась публицистика реакционная или либерально-буржуазная. Еще М. А. Антонович в полемике со славянофильской газетой К. С. Аксакова «День» подчеркнул это принципиальное различие условий, в которых действовали публицисты различных направлений. По поводу мнимой «свободы слова», о которой толкует «День», он писал («Современник», 1865), что «эта жалкая свобода оставлять пустые пробелы на месте запрещенных статей была прерогативой и привилегией одного только «Дня», потому что другие журналы не имели права печатать даже несколько точек взамен запрещенных цензурою мест»¹.

Если рассмотреть цензурные изъятия, которые делались в статьях Добролюбова или Щедрина, то они могут дать представление о том, как устранялись из статей революционно-демократических публицистов многие слова и выражения, весьма актуальные в идеологическом отношении, слова-лозунги: *свобода, конституция, убеждение, право, освобождение человеческой личности*. Например, у Добролюбова было убрано выражение: *снимаются оковы* (о крепостном праве); совершенно изъяты выражения *свобода слова, гласное выражение идей*.

Оригинальны замены самого Добролюбова: вместо *тупоумие* администраторов он должен был написать: *замечательная скудость сообразительности*; вместо *донос* — то, что *рифмуется с носом*; вместо *грамотные негодяи* — *господа* и т. д.

Наступательный характер революционно-демократической публицистики и ее стилей со всей очевидностью обнаруживался в той полемике, которая развернулась в 60-х годах. В обличительно-poleмических целях мобилизовались все наиболее действенные средства языка. В ходе острой полемики не только выявлялись наиболее популярные и широко известные публицистические термины, но и вскрывалось их существо, велась борьба за разоблачение враждебной терминологии.

Например, в начале 60-х годов XIX века слово *почва* приобретает значение общественно-публицистического термина и становится знаменем журнала Достоевских «Время». Новое публицистическое значение его, по толкованию почвенников, — это *народ*,

¹ М. А. Антонович, Избранные статьи, Л., 1938, стр. 413.

основная масса населения, противопоставляемая образованному обществу, *верхнему слою*. В этом значении слово *почва* встречается в объявлении журнала «Время» о подписке на 1862 год, составленном Ф. Достоевским. В нем говорится, что при движении вперед «мы унеслись на воздух и отказались чуть ли не от самой *почвы*... Без *почвы* ничего не вырастает и никакого плода не будет... Без крепкой *почвы* под ногами и движение вперед невозможно». М. А. Антонович в статье «О почве» (не в агрономическом смысле, а в духе «Времени»)¹, разоблачая реакционную сущность «почвенников», говорит: «... в самое недавнее время «почву» стали переводить словом «народ», и все фразы о почве применять к народу. Конечно, перевод этот довольно вольный, и переводчики не объясняют, в каком смысле народ может быть назван почвою и какое у него сходство с нею»². Ср. ироническое замечание Щедрина: «Одно только слово *почва*, словно типун, засело у него на языке, и им-то старается он прикрыть свой бессмысленный винегрет» (статья «Журнальный ад», т. VI, 1864, стр. 476). В оценке идейно-политического содержания термина «почва» Щедрин и Антонович единодушны. Антонович так иронизировал по поводу этого публицистического термина в своей полемической статье «Стрижам» (1864):

«Да, нужна, бывало, критическая статья... сядешь себе преспокойно и без всяких ломаний головы и придумываний просто проводишь почву по всем падежам, и — статья готова. В таком роде: именительный — *почва* нам не известна, загадка... и т. д. — итого две страницы; родительный — *почвы* мы не знаем, не понимаем, не любим, оторвались от *почвы* и т. д., — итого три страницы; дательный — *почве* мы обязаны всем, — бытием, духом, жизнью, а поэтому нужны симпатии, сочувствие, пристрастие к *почве* и т. д. — итого четыре страницы; винительный — *почву* мы должны не удобрять, а переделывать... и т. д. — итого пять страниц; звательный — *о почва*, кто тебя проникнет и разгадает? — только Пушкин, да мы... и т. д., — итого шесть страниц; творительный — *почвою* никогда не должно пренебрегать...; предложный — *о почве* можно писать без конца»³.

Таким же предметом острой пародии и сатирического разоблачения было слово *нигилист*, употреблявшееся еще в русском языке первой половины XIX века, но получившее широкую известность вскоре после опубликования в 1862 году «Отцов и детей» Тургенева. Щедрин упрекал Тургенева за ту «услугу», которую он оказал этим словом, точнее, новым его значением. Он писал: «Слово *нигилист*, пущенное в ход И. С. Тургеневым... не обозначает, собственно, ничего, прикрывает собой всякую обвинительную чепуху, какая взбредет в голову благонамеренному» (XVIII, 436). Сатирик так объясняет успех этого термина: «Слово *нигилист* вывело их

¹ Напечатана в «Современнике» за 1861 год, № 12.

² М. А. Антонович, Избранные статьи, Л., 1938, стр. 359.

³ М. А. Антонович, Избранные статьи, Л., 1938, стр. 383—384.

(благонамеренных.— А. Е.) из величайшего затруднения. Были понятия, были явления, которые они до тех пор затруднялись как назвать, теперь этих затруднений не существует: все это нигилизм» (VII, 83). В целях компрометации этого термина он далее говорит, что некогда Скалозуб пользовался кличкой *вольтерьянец*, Коробочка — *фармазоном*, Кирсанов же прибегает к термину *нигилист*.

Примеры такого полемического раскрытия ряда терминов для второй половины XIX века весьма характерны. Так, сотрудник Каткова реакционер Маркевич употребил по адресу лучших прогрессивных деятелей литературы того времени клички: *мошенники пера* и *разбойники печати*. Щедрин резко выступил против этих выражений, считая их клеветническими. В «Письмах к тетеньке» он писал: «Но ведь мы, тетенька, *разбойники печати*... Ах, голубушка! произношу я эту несносную кличку и всякий раз думаю: сколько нужно было накопить в душе гною, каким нужно было сознать себя негодяем, чтобы таким прозвищем стошнило». Эти клички, указывает Щедрин, надо сохранить для потомства как свидетельство тернистого пути передовой русской литературы.

Предметом острой иронии и пародирования являлись также типичные для журнально-газетной фразеологии клише. Щедрин остроумно высмеивал, например, стереотипные начала и концовки газетных статей: «Сажусь, однако, беру первую попавшуюся под руку газету и приступаю к чтению передовой статьи. Начала нет; вместо него: *мы не раз говорили*. Конца нет; вместо него: *об этом поговорим в другой раз*. Середина есть. Она написана пространно, просмакована, даже не лишена гражданской меланхолии, но, хоть убей, я ничего не понимаю. Сколько лет уж я читаю это: *поговорим в другой раз!* Да ну же, говори! — так и хочется крикнуть...» (II, 211).

То же самое следует сказать о типичных газетно-журнальных формулах *мы предупреждали, мы предсказывали, мы предвидели*, которые создавали публицисту своего рода репутацию дальновидности и солидности. Относительно формулы *некоторые полагают*, с помощью которой некомпетентный журналист мог рассуждать на всевозможные темы, Щедрин неоднократно и остроумно иронизировал. Он, например, изобразил пенкоснимателя-редактора, который легко пишет статьи: об оспопрививании, о совмещении промысла огородничества с промыслом разведения козлов, о нравах и обычаях летучих мышей, о том, есть ли геморрой русская болезнь, и т. д. Статью об оспопрививании он начинает так: «Некоторые полагают, что оспопрививание было известно задолго до рождения Христова... и что в Китае оспопрививание и порох были известны гораздо ранее, нежели в Европе, но только они прививали оспу совсем не туда, куда следует». Затем этот корреспондент поясняет секреты своей стилистической техники:

«Одно опасно: наврешь. Но и тут есть фортель. Не знаешь — ну обойди, помолчи, проглоти, скажи скороговоркой. «*Некоторые полагают, другие утверждают, существует мнение, едва ли, впрочем, правильное*, — или *по-видимому, довольно правильное* — да

мало ли еще какие обороты речи можно изыскать! Кому охота справляться, точно ли *существует мнение*, что оспопрививание было известно задолго до рождения Христова? Ну, было известно — и Христос с ним!» (VII, 339).

§ 63. Распространение в литературном языке публицистической терминологии

Развитие публицистических стилей приводило к тому, что лексика литературного языка пополнялась за счет многих новых слов, которые или создавались на базе национальных речевых ресурсов, или заимствовались из европейских языков. Словарь Академии наук издания 1847 года еще не регистрирует очень многих слов, которые уже употреблялись в публицистике 40—60-х годов и которые, следовательно, были новыми для литературного языка. Например, в словаре отсутствуют такие публицистические термины, как *антагонизм, бюрократ, западники, инсинуация, народность, нигилист, оппозиция, пресса, попустительство, прогресс, прожект, пропагандист, ретроград, реакция, социальный, тенденция, устность, фельетон, хроникер, эмансипация* и др.

У слова *благонамеренность* словарь 1847 года не регистрирует еще общественно-политического значения; в официально-правительственных распоряжениях слово *благонамеренный* не употреблялось, а существовал синоним: *благонадежный, благонадежность*.

Этот словарь не отметил также нового значения у слова *реакция*. Слово *партия* он определяет как «соединение нескольких человек противу других, движимых иными мнениями и выгодами». Щедрин в 50-х годах писал: «Слово *партия* не ново в провинции, но значение его на наших уже глазах совершенно изменилось. В прежние времена у нас обыкновенно свирепствовали две партии: старого предводителя дворянства и нового предводителя дворянства. Обе партии исключительно занимались тем, что объедали и опивали своих патронов... Тут борьба не имела никакого политического оттенка, тут дело шло единственно о том, кто кого перекормит» (III, 177).

Развитие публицистических стилей сопровождалось и активизацией многих средств словообразования. Публицистические стили пополнялись новой терминологией, которая создавалась путем ряда уже установившихся способов образования слов.

Основным источником, за счет которого формировалась публицистическая лексика, были общепотребительные русские слова. Используемые в публицистике, они расширяли свой смысловой объем, в них происходила перегруппировка значений, и на первое место выходили значения общественно-политические. Например, еще в 1847 году Белинский указывал: «Теперь многих увлекает волшебное словцо: *направление*. Думают, что все дело в нем, и не понимают, что в сфере искусства, во-первых, никакого направления гроша не стоит без таланта, а во-вторых, самое направление должно

быть не в голове только, а прежде всего в сердце, в крови пишущего...»¹.

Фразеологические контексты слова *направление* со всей очевидностью обнаруживают его новое значение. Так, Белинский отмечает *журнал с мнением, направлением*²; у Добролюбова — *человек с так называемым либеральным направлением*³; у Ап. Григорьева — *направление, которое ясно обнаружилось в его (Л. Н. Толстого.—А. Е.) деятельности*⁴; у М. А. Антоновича — *нужно бывало, кому-нибудь показать свое направление, мы суем ему под нос почву*⁵.

Общеупотребительное в русском языке слово *направление*, по данным словаря 1847 года, имело такие значения: 1. То же, что *направка*; 2. Сторона, в которую движущееся тело направляет свой путь; также линия, по которой действует сила; 3. Течение («река приняла другое *направление*»); 4. Стремление к определенной цели; назначение («училищу дано коммерческое *направление*»); 5. Руководствование к чему-либо («воспитанию юношества необходимо хорошее *направление*»).

В семантической системе этого слова, в результате приобщения его к публицистической терминологии, произошли сдвиги, и ведущим стало новое значение, которое в словаре Академии наук лишь намечалось (под пятым номером, т. е. в смысле руководства к чему-либо).

Подобного же рода расширение смыслового объема прослеживается и у слова *вопрос*, которое в середине XIX века начинает употребляться в таких контекстах: *социальный вопрос, крестьянский вопрос, вопросы внешней и внутренней политики, женский вопрос, польский вопрос, восточный вопрос* и т. д. В нем тоже происходит перегруппировка значений, и слово начинает употребляться в значении: *проблема, тема, область идей* и т. п.

См. у И. А. Гончарова в романе «Обрыв» диалог между гостем-провинциалом и Райским, который упомянул в беседе о «восточном вопросе»:

«— Вот, позвольте к слову спросить,— живо возразил гость,— вы изволили сказать *восточный вопрос*, и в газетах поминутно пишут *восточный вопрос*, какой это — в о с т о ч н ы й в о п р о с ?

— Да вот тот самый, что вы мне сделали сейчас— о турках. Так...— задумчиво сказал он.— Да вопроса никакого нет!

— Теперь все *вопросы* пошли! — сиплым голосом вмешался полнокровный полковник —... теперь всех занимает *вопрос о перемене формы в армии...*»

Основанием для такого развития значения являлась некоторая смысловая общность, которая наблюдается в этом слове, упот-

¹ В. Г. Белинский, Сочинения, т. IV, стр. 598.

² В. Г. Белинский, Сочинения, т. II, стр. 162.

³ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. II, 1911, стр. 314.

⁴ Ап. Григорьев, Собрание сочинений, вып. 12, 1916, стр. 6.

⁵ М. А. Антонович, Избранные статьи, стр. 383.

ребляемом и в своем исконном значении («спрашивание») и в новом, публицистическом («проблема»). На присутствие в публицистическом термине этого элемента «спрашивания», возбуждения интереса и проч. указывают такие контексты: *вопрос, поднятый литературою; вопрос, поставленный, стоявший перед...; обсуждать вопросы* и пр.

В публицистику вовлекается с новым значением слово *животрепеущий*, употребляемое в смысле «актуальный». Этот в прошлом профессиональный термин рыбопромышленников распространяется в стилях публицистики начиная с 40-х годов XIX века. У Белинского встречаются контексты, свидетельствующие о том, что у этого причастия еще не атрофировалась способность управлять (потерянная затем при переходе его в прилагательное): «С первых же строк в «Речи» (проф. Никитенко.— А. Е.) поражают читателя и блеск ее изложения и ее живые мотивы, так сказать, *животрепеющие интересом современности*»¹.

Слово *среда* тоже вовлекается в состав публицистической лексики. Некоторое время оно конкурировало со словом *сфера*, и, например, в 40-х годах между словами *среда* и *сфера* еще не проводилось четкой грани. Так, в языке Белинского начала 40-х годов всюду встречается слово *сфера*, по своему значению соответствующее понятию *среда*. Например, «... погружен в сферу собственного состояния» (I, 144). Ср. свидетельство Тургенева, по выражению которого русские путешественники за границей «окружены все тою же *сферою*, или, как говорится ныне, *средою* гостиниц, кельнеров. Из этой *среды* путешественники наши... не выходят»². В 50-х годах слово *среда* становится публицистическим термином, часто выступающим в таких фразеологических единицах: *среда заела, среда давит* и т. д. Причем первое время употреблялось иногда и слово *средина*. Так, в 1848 году Щедрин писал: «Окружите ее (женщину.— А. Е.) другою *срединою*, и вся физиономия ее внезапно изменится» (I, 99).

В смысле перегруппировки значений у слов, вовлекаемых в сферу публицистических терминов, довольно показательно употребление слова *печатать*. В словаре 1847 года его значения располагались в следующем порядке: 1) «Бляха из металла или камня с вырезным гербом, вензелем; 2) Самый отпечаток на сургуче, воске; 3) Духовное таинственное запечатление; 4) Тиснение металлическими буквами; 5) Шрифт».

Публицистического характера контексты этого слова (например, у Щедрина: «препятствие к развитию нашей *политической печати*», VI, 115) свидетельствуют о появлении нового значения, синонимического понятия *пресса, публицистика*.

Слово *красный*, употребляясь в стилях публицистики, тоже приобретает социально-идеологическое значение. В 1862 году Щед-

¹ В. Г. Белинский, Сочинения, т. II, стр. 915.

² См. «Атеней», 1958, № 6 (январь—февраль), стр. 354—375.

рин свидетельствует, что «завелись либералы *красные*, либералы *умеренные*».

Путем расширения значений и метафоризации общеизвестных русских слов в публицистику второй половины XIX века были вовлечены слова: *перо* («бойкое перо»); *голос* — в смысле *корреспонденция* («голос из Пензы», «голос из Калуги»); *дух* — в смысле *идейное направление* («дух статьи», «статья с душком»); *запах* («в статье запах такой, который ясно говорит о присутствии этих слов»); *кружок*, *союз*, *слой* («социальный слой»); *класс*, *сближение*, *лагерь*, *знамя* («Одно знамя вручает русскому народу г. Чичерин, другое — г. Аксаков, третье — г. Катков. Наконец, г. Краевский полагает, что можно и совсем без *знамени*, а делай, что приказано, — ведь и это тоже своего рода *знамя*», Щедрин) и многие другие.

Кроме того, в публицистику входит много естественнонаучных терминов, узкотерминологическое значение которых расширялось и усложнялось значением общественно-политическим. В силу этого происходит детерминологизация этих слов. Например, слово *кризис* начинает употребляться в политическом значении («политический кризис»), как и слова: *элемент*, *масса*, *реакция*, *брожение* и др.

Значительное количество новых публицистических терминов формировалось путем суффиксации, префиксации и словосложения. К числу таких суффиксальных новообразований второй половины XIX века относятся: *устность*, *гласность*, *крепостник*, *мальчишество*, *попустительство*, *укрывательство*, *передовики* («журналисты, которые писали передовицы»), *славянофилы*, *западники*, *газетчик*. Словарь Академии наук 1847 года у слова *газетчик* отмечает такие значения: издатель газеты, а также разносчик или переносчик. Новое же значение слова *газетчик* (в смысле «корреспондент, журналист») еще не зарегистрировано.

Ряд публицистических терминов образовывался путем субстантивации: *передовая*, *гласный*, *выборные*, *присяжные*; ср. популярные в 60—80-х годах псевдонимы корреспондентов: *Прохожий*, *Приезжий* и т. д.

Новые публицистические термины создавались путем словосложения: *судопроизводство*, *самоуправление*, *законодательство*, *свободолюбцы*, *свободомыслие*, *славянофильство*, *разночинцы* и др.

Публицистические стили литературного языка непрерывно пополнялись и за счет общественно-политических терминов интернационального характера (*буржуазия*, *эксплуатация*, *ренегат*, *конституция*, *прогресс* и многие другие). Причем наблюдалась русификация этой иноязычной терминологии, выражавшаяся в усложнении этих терминов суффиксами русского происхождения и в соответствующем расширении и видоизменении их значений. Например: *политиканить*, *критикан* (что у Белинского равнялось «зубоскалу»), *проектицы*, *афишки*, *газетка*, *фельетонцы* и т. д. Значительное количество публицистических терминов формировалось путем создания фразеологических единиц.

В стилях публицистики, как и в стилях научного изложения, фразеологические новообразования были одним из мощных средств создания новой терминологии. Например, слово *политический* в 60—70-х годах XIX века уже выступало в таких фразеологических единицах, являющихся общественно-политическими терминами: *политическая свобода, политический противник, политическая газета, политические события, политическая сфера, политический элемент, политические деятели* и т. п. Ср.: *общественная жизнь, общественное сознание, общественный суд, общественное мнение.*

В тематическом отношении публицистическая лексика и фразеология середины XIX века и позднее крайне разнообразна.

В большом ходу были термины, связанные с наименованием общественно-политических деятелей. Например, в 60-х годах весьма употребительными были термины: *космополит, обскурант, консерватор, либерал, ретроград, славянофил, доктринер* и многие другие.

Широкую известность приобретают слова с суффиксами *-изм, -ист*: *коммунизм, социализм, идеализм, коммунист, социалист, пропагандист, прогрессист, антагонист, сепаратист, эклектизм, деспотизм* и др.

Значительную группу составляют слова, являвшиеся лозунгами, за которые шла борьба различных общественно-политических направлений: *свобода, революция, конституция, самоуправление, эмансипация, цивилизация, свобода полемики, равенство перед законом.*

Укажем также на распространение публицистических терминов, обозначающих явления общественно-политической жизни: *пропаганда, агитация, тайное общество* и другие, а также имущественные отношения и социальные категории людей: *капиталист, предприниматель, рабочий, пролетарий, акционер, трудящийся человек, буржуа, рабы и рабыни.*

В стилях публицистики различных направлений отражается и официально-правительственная фразеология общественно-политического характера: *внутренние враги России, сыны отечества, православная Русь, превратные толкования, государственная безопасность, меры правительства, репрессивные меры, злоупотребление властью, отечественное преуспевание, хороший образ мыслей, похвальные чувства.*

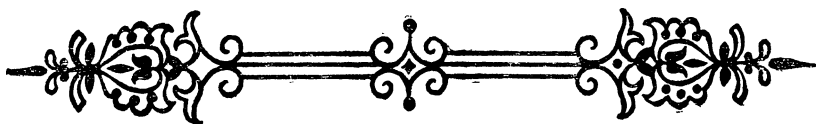
В сферу общественно-политической терминологии входят многие профессионально-издательские термины, теряющие узкопрофессиональный смысловой оттенок и употребляющиеся в более широком значении: *передовая статья, фельетон, хроника, компиляция, панегирик, опровержение* и т. п.

В полемических целях активизировались многие средства разговорно-бытового характера. Например, у Щедрина: почти цивилизованные *колотырники, презренный паразит* журналистики, совать свой *смердящий нос* в самое святилище мысли писателя, литературные *помойные ямы, нравственные подзатыльники, безобразная и бессовестная клевета* и др.

ЛИТЕРАТУРА

А. Ф. Ефремов, Язык Н. Г. Чернышевского, «Ученые записки Саратовского пединститута», вып. XIV, 1951. А. И. Ефимов, Язык сатиры Салтыкова-Щедрина, изд. МГУ, 1953. Я. Эльсберг, Стиль Щедрина, ГИХЛ, 1940. В. Стражев, Из наблюдений над стилем и языком Герцена. Сб. «А. И. Герцен», изд. Гос. литературного музея, М., 1946. В. П. Вомперский, Лексика и фразеология произведений Салтыкова-Щедрина 80-х годов (Автореферат), изд. МГУ, 1954. Неизвестная рецензия М. Е. Салтыкова-Щедрина (опыт стилистического анализа). Сб. «Статьи по практической стилистике и литературному редактированию», изд. МГУ, М., 1957. А. Х. Мищенко, Публицистическая лексика и фразеология А. И. Герцена (по статьям в «Колоколе») (Автореферат), М., 1954. Структурно-семантические разряды публицистической лексики А. И. Герцена. Сб. «Вопросы изучения русского языка», изд. АН Казахской ССР, Алма-Ата, 1955. Г. А. Шелюта, Особенности общественно-политической лексики в публицистике Н. Г. Чернышевского, «Ученые записки Черкасского пединститута», т. VII, вып. 2, 1955.

ГЛАВА 13

ИЗМЕНЕНИЯ В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ, СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

§ 64. Расширение сферы применения профессиональной терминологии

Развитие лексики литературного языка происходит не только путем пополнения словарного запаса, т. е. появления новых слов, но также и благодаря расширению самой сферы применения уже существующих в нем лексических единиц. Эта закономерность хорошо прослеживается в том случае, если мы обратимся к использованию в разных жанрах художественной и научной литературы (проза, публицистика, критические работы и т. п.) профессиональной терминологии.

В 40—60-х годах XIX века происходит литературное освоение ряда специфических профессиональных терминов. Мы уже указывали на употребление термина *рыбопромышленников животно-вещиц* Белинским. Напомним об использовании термина торговцев фруктами *мякотелый* в известной формуле Щедрина «мякотелый интеллигент» и т. п. Массовые размеры принимает в это время перемещение профессионализмов в новые для них сферы речевого общения. Это приводило к развитию их семантики и к своеобразной детерминологизации.

Расширение функций специальных терминов влекло за собой совершенствование принципов и способов переносного их употребления, благодаря чему слова лишались узкотерминологической окрашенности и становились достоянием общелитературного словаря.

Семантические явления, наблюдающиеся при таком переносно-метафорическом словоупотреблении, представляли значительный интерес, потому что термины, как правило, однозначные, далекие от полисемантизма, обрастали новыми значениями. Новые, переносно-фигуральные значения обычно базировались на старых, терминологических. В художественной литературе нашел яркое отра-

жение этот процесс детерминологизации слов, сопровождавшийся расширением их смыслового объема.

Состав используемых писателями и публицистами профессиональных терминов очень широк. К этому следует еще добавить, что многообразие терминов различных профессий подкреплялось и усложнялось в первой половине XIX века сословной дифференциацией людей. Белинский следующим образом характеризовал в 40-х годах пестроту социально-речевых стилей, отличавших людей по их сословной и профессиональной принадлежности: «В нашем обществе преобладает дух разъединения, у каждого нашего сословия все свое, особенное — и платье, и манеры, и образ жизни, и обычаи, и даже язык. Чтобы убедиться в этом, стоит только провести вечер, на котором сошлись бы нечаянно чиновник, военный, духовный, студент, семинарист, профессор, художник; увидя себя в таком обществе, вы можете подумать, что присутствуете при разделении языков»¹.

Обратимся к переносно-метафорическому употреблению профессиональной терминологии, проследив расширение сферы применения торгово-финансовых, чиновничье-канцелярских, военных, театрально-артистических и других терминов.

Вовлечение торгово-финансовой терминологии в сферу общелитературных средств выражения принимает в 40-е годы XIX века и позднее довольно широкие размеры и разнообразные формы. Показательно, что литературно-критические и общественно-публицистические статьи и книги этого времени весьма насыщены этой терминологией.

Белинский, например, употребляет слово *кредит*, применяемое в переносном смысле («доверие, вера, популярность») и вводимое в такого рода контексты: «Его (Карамзина. — А. Е.) *кредит* у современников был так велик!» (I, 43); «Тогда обозрения начали *терять свой кредит*» (I, 193); «Авторитеты обанкротились и потеряли свой *кредит*, очарование имен исчезло» (I, 564); «Необходимое условие существования журнала и его *постоянного кредита у публики*» (I, 199); «Литературная известность, составленная им («любимцем публики». — А. Е.) *на кредит*» (II, 175). Ср. синонимические соответствия: «Такая огромная *слава на кредит*, такой огромный *авторитет на честное слово* не могли стоять твердо и незыблемо» (о Марлинском, I, 486).

Ср. у Щедрина: «Почему, например, так скоро *потеряла кредит* так называемая обличительная литература?» (рецензия, т. V, 1863, стр. 260); «*пользоваться кредитом*» (X, 322). У Добролюбова: «Представитель умеренного либерализма *потерял кредит* и уступил честь и место князю Ивану Сергеевичу»².

В языке критических работ Белинского довольно обычны также следующие специфические торгово-промышленные выражения: «Вы

¹ В. Г. Белинский, Сочинения, т. IV, стр. 290—291.

² Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. II, 1911, стр. 175.

помните, как А. Ф. Смирдин... кликнул клич по нашим гениям, крикнул да денежкой бракнул и объявил *таксу* на все роды литературного производства и как вербовались наши производители толпами и его *компанию*; вы помните, как усердно и великодушно *взял на откуп* всю нашу словесность. И что же вышло из этого великого *патриотически-торгового предприятия?*» (I, 85). Ср. также: «соблазнил *барыщами* талантливых представителей литературы» (т а м ж е): «необыкновенно удачный *сбыт*» (романов Булгарина. — А. Е.); «...успех Пушкина, которого каждый напечатанный стих принимается как *ассигнация или вексель*» (II, 166); «*биржа* европеизма» (II, 230); «*бюджет* русской литературы» (IV, 1); «*капитал* литературы» (IV, 120); «*залежавшийся товар* ума и фантазии» (IV, 305); идея, вычитанная..., не получившая отпечатка вашей личности, есть *мертвый капитал* не только для поэтической, но и всякой литературной деятельности» (IV, 598). Ср. также фразеологические связи, в которых существенно видоизменялся смысловой объем этих терминов: «пошлые и *торговые мнения* об искусстве» (I, 480); *литературные промышленники* (I, 480); *торгаши* идеями (III, 496); *торгаши-журналист* (I, 13); «*литературный базар*, где толчется и суется жалкая посредственность, мелкое честолюбие» (I, 562); «*барышничество* в литературе» (I, 563); «теперь книгопечатание ни больше ни меньше как *фабрикация сбыточного товара*» (I, 653); «*явления рыночной литературы*» (I, 740). Ср. название известной в то время статьи С. Шевырева «*Словесность и торговля*» и отклик на нее у Добролюбова¹.

В очерках и рецензиях Щедрина периода 40—60-х годов и позднее также весьма употребительны переносные значения торговых и финансовых терминов: «Быть может, мы думаем, что со временем наши *фонды поднимутся?*» (IV, 46); «Современник», в котором я пишу мои заметки, бывает здоров и цветущ только тогда, когда небо безоблачно, когда *фонды на бирже стоят твердо* и в обществе возникают вопросы и вопросцы ко благу всеобщему» (VI, 135); «конечно, образ и подобие божии у него (Молчалина. А. Е.), г о в о р я б и р ж е в ы м я з ы к о м, и доднесь находятся в *слабом настроении*» (разрядка Щедрина, IX, 212); «*спрос на ограниченность*» (VII, 162); «надеясь всплыть наверх в таком случае, когда будет *запрос на пошлецов восторженных*»; «*запрос на пошлецов непромокаемых*» (VI, 405 и т. п.).

Таким образом, в языке прозы также отражалось начавшееся еще в 30—40-е годы XIX века широкое распространение торгово-промышленных и финансовых терминов и выражений. Судя по словоупотреблению Белинского, Щедрина и Добролюбова, это распространение было особенно интенсивным в стилях общественно-публицистических, литературно-критических, юридических.

Возрастающее общественно-политическое и литературно-стилистическое значение торгово-финансовой, а также промышленной

¹ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, 1911, т. II, стр. 1003.

терминологии, объясняемое развитием капитализма в России, усилением Колупаевых и Разуваевых, вызвало в жизни разного рода исследования этой лексики, а также составление словарей и справочников. В середине XIX века появляется несколько технических словарей, содержащих в себе слова по части железных дорог, горного и заводского дела, различных ремесел и т. п. Коммерческие словари первой половины и последующих десятилетий XIX века также представляют значительный интерес для понимания общего процесса формирования русской торговой терминологии, ее специфики и отношения к международным коммерческим терминам.

Приобретение чиновничьей канцелярской терминологии к общелитературным средствам выражения в конце XVIII—начале XIX века обычно препятствовала их стилистическая, «родословная», связь с приказным, суконно-канцелярским языком. Известно, например, что Карамзин, руководствуясь нормами светской речи, настойчиво устранял из языка все то, что напоминало приказный слог (*вследствие чего, дабы, колико* и пр.). В стилях художественной прозы канцеляризмы выполняли роль своеобразных и забавных «заплат на общем фоне хорошего литературного языка»¹. Под влиянием литературного языка, прежде всего стилей публицистики и юриспруденции, сама канцелярская переписка несколько видоизменилась и модернизировалась.

Об этом свидетельствует отзыв Н. Греча², а также, например, Н. В. Сушкова, который заявлял, что воспитанники Московского университетского благородного пансиона, постоянно приглашаемые в сенат, коллегии, в министерства, в палаты, «общими силами *очистили, обработали, облагородили, возвысили* прежний канцелярский, судейский, словом, приказный, подъячий язык до настоящего, ясного, краткого, литературно-делового слога»³.

Совсем другого мнения об этом «литературно-деловом слоге» был Н. А. Добролюбов, который в рецензии на сочинение Сушкова писал: «Юноши! Не увлекайтесь похвалами почтенного старца нынешнему канцелярскому слогу; но избегайте оного, помня, что слог сей ни краток, ни ясен, ни литературен»⁴.

В середине XIX века, в связи с развитием общественно-публицистических, научных и особенно юридических стилей, наряду со многими элементами профессионально-терминологического характера, литературный язык начинает пополняться и за счет документально-канцелярской речи.

Уже в языке Белинского неоднократно встречается лексика и фразеология чиновничьего происхождения, употребляемая иногда

¹ Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX в., Киев, 1941, стр. 262.

² См.: Н. Греч, Чтения о русском языке, т. I, СПб, 1840, стр. 150 и сл.

³ Н. В. Сушков, Московский университетский благородный пансион, 7, 1858, стр. 35.

⁴ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. V, М., 1911, стр. 290.

иронически. Например: «Провинция и подозревать не может, чтоб знаменитый Ушаков теперь был *уволен* из знаменитых *в чистую*» (I, 620); «Старый год в своем последнем месяце бывает похож на *начальника*, который *подал в отставку*, но за *сдачей дел* еще не оставил своего места» (IV, 223); «Он (автор.— А. Е.) может изображать верно только мир, подлежащий *ведомству* его задушевной мысли» (IV, 615); «*Свободен от постоя* в отношении мысли» (III, 276).

Ср. также употребление Белинским в прямом и переносном значениях таких терминов, как «полицейский *реестр*» (I, 370); «*реестры писателей*» (I, 190); «*титул* великого и мирового поэта» (II, 869); «имена в нашей литературе — то же, что *чины* в нашей общественной жизни» (IV, 360); «писать литературные *донесения*» (I, 298).

Кроме такого рода сравнений, аналогий и применения в качестве материала речевого творчества, чиновничья лексика и фразеология употребляются Белинским в роли средств речевой характеристики описываемой среды. Например: «*сделаться писцом в приказе, дяком или земским ярыжкой*» (I, 145); «и, как говорится, *пошел писать*» (I, 29); «*шутам закон не писан*» (III, 130) и т. п.

Роль и место элементов чиновничье-канцелярских терминов в литературной лексике определялись прежде всего общими закономерностями развития русского литературного языка в середине XIX в., обогащавшегося за счет речевых средств, бытовавших у различных профессий. В условиях самодержавно-бюрократического строя чиновничество стало большой общественно-политической силой. Его речь находила отражение в стилях художественной литературы и публицистики, а также в разговорном языке.

Укажем, например, что К. М. Станюкович так пародийно воспроизводит образцы речи героини, влюбленной в действительного статского советника: «Ваше превосходительство! Принимая в соображение, что мгла страсти бурует мою душу, — что возбуждение оной не противоречит видам родителей, а, напротив, ими поощряется, — что бифуркации, т. е. перемещения чувства моего до гробовой доски не предвидится, — и на основании определительно вашим превосходительством выражениях конгломератных движений, — имею честь почтительно доложить вашему превосходительству, что я согласна быть вашей любящей, глубоко, неизменно, непрерывно, искренне, нелицеприятно и неукоснительно любящей супругой, лишь бы мое чувство споспешествовало видам вашего превосходительства...» (Полное собрание сочинений, т. VII, СПб, 1907, стр. 399).

Расширение смыслового объема слов путем осложнения узко-терминологических значений дополнительными значениями и оттенками обнаруживалось в употреблении писателями и публицистами в о е н н о й терминологии. При этом нельзя не заметить той особой экспрессии и образно-фигурального значения, которое выступает у многих типично военных выражений: *взять приступом*,

бить тревогу, дать отбой, взять в плен, держать знамя, положить оружие, держать в осаде, выступать в поход и др. Например, у Белинского встречаются многочисленные примеры переносно-метафорического употребления военных терминов: «Посмотрите, как неловко и неуклюже начала воевать с «Библиотекой для чтения» «Северная пчела», еще недавно ее постоянная и усердная *партизанка*». Ср. *«сражаться неравным оружием», «бой был неравен»*.

§ 65. Изменения в словообразовании и в системе грамматических средств

Развитие и преобразование словообразовательных, морфологических и синтаксических средств русского литературного языка осуществлялось в связи и в соответствии с общими тенденциями развития его семантических и стилистических категорий. Уже в первой половине XIX века отчетливо обнаружилось интенсивное развитие к а т е г о р и и к а ч е с т в а, вследствие чего были активизированы не только различные суффиксы, но и префиксы и словосложение. Наряду с этим происходило изменение значений многих имен прилагательных и причастий, формировались словосочетания адъективного характера. Кроме усиления в языке этих качественно-характеристических элементов, развивалась также к а т е г о р и я л и ц а, что не могло не отразиться на составе и функциях соответствующих словообразовательных и морфологических средств. Появление множества средств а б с т р а к т н о г о з н а ч е н и я также сопровождалось активизацией суффиксов и других морфем, не говоря уже об изменениях в смысловой структуре слов.

Таким образом, развитие словообразовательных и грамматических средств в XIX веке было обусловлено расширением и усложнением самих функций литературного языка, развитием его важнейших семантических и стилистических категорий. Например, развитие категории абстрактности было связано с формированием стилей научного изложения, появлением множества философских, публицистических, литературно-критических и других сочинений. Следовательно, в активизации грамматических средств отражаются общие закономерности развития литературного языка.

Весьма интенсивное развитие в XIX веке у имен существительных категории качества объяснялось в первую очередь влиянием художественной речи, деятельностью выдающихся писателей и публицистов, значительно расширявших и обогащавших систему образных, эмоционально-экспрессивных определений (эпитетов) и характеристик. В связи с этим значительно пополнился состав имен прилагательных, изменились значения многих слов, активизировалось словосложение. Большую роль в развитии категории качества играли адъективные словосочетания (*полный отчаяния, полный злобы* и т. п.).

Развитие качественных значений шло в различных направлениях.

1. Категория качества существенно пополнялась в течение XIX века за счет словосложения, которое практиковалось и ранее, но было заметно активизировано уже в 30—40-х годах. Сложные прилагательные широко употребительны у Белинского («холодно-жгущее отчаяние»; «неотразимо-грустное впечатление»; «насмешливо-презрительный взгляд» и т. п.); у Добролюбова («глупо-наглая фраза»; «сатирико-полицейская и поздравительно-экономическая литература» и др.); у Щедрина («нагло-восторженная публицистика»; «плавно-пустопорожняя речь»; «беззаветно-нелепая улыбка», «самодовольно-нахальный публицист»; «умильно-почтительно-преданное выражение лица»; «заднекрылечное знакомство»; «размазисто-стыдливо-пустопорожнее красноречие»; «ассенизационно-любопытная газета» и т. п.)¹.

2. Категория качества развилась при помощи суффиксов, в связи с чем в XIX веке были активизированы многие суффиксы качественно-относительных прилагательных, а также причастий.

Укажем на продуктивность суффикса *-тельный*, при помощи которого образовывались многие прилагательные оценочного характера: *употительный* роман (Пушкин). Ср. сатирические новообразования Щедрина: *подслушивательный* интерес, *подтягивательный* нигилизм, *ругательный* лиризм, *хвалительный* либерализм, *головушибательные* увеселения, *сила оплевательная*, *осмеятьельная*, *хныкательная* эссенция и др.

Кроме образования с продуктивными суффиксами *-лый* (*охладе-лый*), *-мый* (*незнакомый*), *-ический* и *-ский* (*философический* и *философский*), *-ный* (*комичный*, *типичный*), категория качества пополнялась также за счет префиксации, причем в состав приставок вовлекались многие предлоги и наречия (*сверхъестественный*, *сверхштатный*, *послеобеденный*, *международный* и др.).

3. Категория качества заметно обогащалась за счет адъективных словосочетаний. Например: «глаза ее, неподвижные и полные неизъяснимой грусти» (Лермонтов); «фигура полная величия» (Гончаров); «полный содержания разговор» (Л. Толстой). См. у Пушкина в эпиграмме на Аракчеева: «Полон злобы, полон мести...» Ср. еще: «покорный Перуну» (Пушкин); «покорный приличиям» (Мамин-Сибиряк); «люди, подобные Вернеру» (Лермонтов); «говор, подобный весеннему жуужанью пчел в родимых ульях».

4. Укажем также, что развитие категории качества происходило за счет многообразных и весьма выразительных сравнений, употреблявшихся при именах прилагательных, как бы развивавших и уточнявших заложенные в них характеристические признаки. Это хорошо прослеживается, например, в следующих строках Пушкина, где прилагательные *весела*, *мила* и другие конкретизируются при помощи сравнений:

¹ Н. Н. Прокопович, Из наблюдений над синтаксисом имени прилагательного в современном русском языке, «Ученые записки МГПИ имени В. И. Ленина», т. XXXIX, вып. 6, 1956.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда как утро весела,
Как жизнь поэта простодушна,
Как поцелуй любви мила...

Расширяя, уточняя и усиливая качественные определения, сравнения способствуют не только развитию образно-экспрессивных свойств речи, но также и обличительно-характеристических. В подтверждение можно сослаться на следующий текст из сатиры Щедрина, в котором описывается «хороший человек» и при этом каждое прилагательное оригинально конкретизируется сравнениями: «Он *прям*, как аршин, *поджар*, как борзая собака, *высокомерен*, как губернаторский камердинер, и *загадочен*, как тот хвойный лес, который от истоков рек Камы и Вятки тянется вплоть до Ледовитого океана» (т. II, стр. 526).

5. Качественно-характеристические признаки пополнялись и развивались путем *м е т а ф о р и з а ц и и*, приводившей к расширению смысловой структуры слов. Это наблюдалось, например, в относительных прилагательных, которые употреблялись в значении качественных. В систему метафорического словоупотребления вовлекалось большое количество относительных прилагательных. См. в прозе Лермонтова: «У нее такие *бархатные* глаза — именно *бархатные*...» («Герой нашего времени»); у Гоголя: «Ну, попробуй, например, рассказать один блеск их (глаз.— А. Е.): *влажный, бархатный, сахарный*» («Мертвые души»). Ср. у Белинского «огненное слово сатиры» (II, 124) и т. п.

6. Наконец, развитию категории качества способствовали многие *ф р а з е о л о г и ч е с к и е* *к о н т е к с т ы*, в которых видную роль играл родительный определенный: *змея воспоминаний, луч надежды, пальма первенства, храм науки, весна жизни, перл создания, лоно природы, печать безмолвия, предмет страсти, иго деспотизма, поприще литературы* и т. д.

Итак, развитие категории качества активизировало в русском литературном языке целый комплекс средств и приемов речевого творчества. Поэтому роль суффиксации, префиксации, словосочетаний и сравнений следует рассматривать в их взаимодействии и в тесной связи с процессами, происходившими в семантической структуре слова и экспрессивно-стилистических средствах литературного языка.

В связи с развитием в XIX веке *к а т е г о р и и* *а б с т р а к т н о с т и* также активизировались многие словообразовательные и грамматические средства. Изменения в области научной и общественно-политической жизни повлекли за собой значительное пополнение и расширение круга слов отвлеченного значения. Способы развития этой категории абстрактности речевых средств различны. Укажем на важнейшие из них.

1. Заимствование иностранных слов отвлеченного значения. Так, в 40—50-х годах распространяются в русском литературном

языке слова: *капитализм, пролетариат, эмансипация, цивилизация, ассоциация, идея* и многие другие.

2. Активизация в русском языке суффиксов отвлеченного характера *-ость, -ство, -ние* и др. В связи с появлением разнообразных трудов по философии, логике, эстетике образуются многие разряды абстрактной лексики. Эти суффиксы присоединяются к большому количеству русских слов. Ср. у Белинского: *всецелость, детскость* понятий, *глубокость* и др.; у Щедрина: *азбучность, безнаказанность, брезгливость, беспочвенность, впечатлительность, вещественность, естественность, жизненность, изобретательность, игривость, косность* и др.

Под влиянием Белинского появляются новообразования, в которых этот суффикс присоединяется к иностранным словам. Например, критик часто прибегает к таким образованиям: *субъективность, индивидуальность, рельефность, гениальность, тривиальность, рыцарственность, виртуозность* и др. Ср. у Добролюбова: *карикатурность, эксцентричность, галантерейность* обхождения и т. п.

Широкое распространение получают в это время образованные с помощью калькирования слова. Например, немецкие слова переводились следующим образом «Ganzheit» — «целость», «Folgerichtigkeit» — «последовательность», «Anschaulichkeit» — «наглядность» и т. д. Комически воспроизводя типичные для того времени отвлеченные термины, Гоголь так говорит в «Мертвых душах» о языково-стилистическом своеобразии философских сочинений:

«Шесть огромных томищей предстало ему (Чичикову.— А. Е.) перед глаза под названием: «Предуготовительное вступление в область мышления. Теория общности, совокупности, сущности и в применении к уразумению органических начал обоюдного раздвоения общественной производительности». Что ни разворачивал Чичиков книгу, на всякой странице *проявление, развитие, абстракт, замкнутость и сомкнутость*, и черт знает, чего там не было! «Это не по мне», — сказал Чичиков и обратился к третьему шкафу, где были книги по части искусств».

Укажем на распространение в середине XIX века образования отвлеченных слов с суффиксом *-ство*. Например, в сатире Щедрина употребляются слова, образованные с помощью терминологической лексики: *устройство крайсерства, претендовать на редакторство, славянофильство, ренегатство, шпионство, депутатство* и др. Ср. его сатирические новообразования: *хреноводство, горчицеводство, клоповодство*.

Не менее продуктивным был в то время суффикс *-ние*, входивший в состав многих абстрактных слов: *убеждение, распадение, призвание* и т. п.

3. Активизация иностранного по происхождению суффикса *-изм*. Этот суффикс, образующий названия отвлеченных понятий (научные направления, течения, взгляды и т. п.), обычно употребляется при словах публицистического характера: *либерализм,*

демократизм, аскетизм, обскурантизм, пауперизм, паразитизм, иезуитизм, панегиризм и т. п.

Однако уже в 40—60-х годах XIX века наблюдается употребление этого суффикса с основами русского происхождения. Например, у Белинского: *глупицизм*, у Щедрина: *клубницизм*, *четвертацизм* (от слова «четвертак») и др.

Глагольные слова отвлеченного значения образовывались с такими суффиксами, как *-изировать*, *-ировать*, *-овать*, *-ствовать* и др.: *идеализировать*, *цитировать*, *критиковать*, *умствовать* и т. п.

В области развития словосочетаний прослеживалась тенденция к абстрагированию значений в ряде конструкций с предлогами. Это наблюдалось в предложных конструкциях типа *жадный к познанию*, *свободный от уз* и других, в которых значения предлогов как бы расширялись, становились более абстрактными. Подобные словосочетания употреблялись в первой половине XIX века параллельно с беспредложными конструкциями.

Общая же закономерность развития таких синонимических конструкций выражалась в том, что беспредложные сочетания сменялись и вытеснялись предложными.

К а т е г о р и я л и ц а также интенсивно развивалась в течение всего XIX века, чем объясняется активизация ряда словообразовательных средств и самих приемов словоупотребления.

Особенно продуктивным становится суффикс *-тель*, обозначающий лицо по характеру поступков и кругу деятельности. Общественно-публицистическая лексика пополнялась в это время многими новыми словами: *обличитель*, *угнетатель*, *ревнитель*, *подражатель*, *попуститель*, *укрыватель*, *возражатель* и т. п.

В соответствии с общепринятыми моделями осуществляется и словотворчество писателей. Укажем, например, на щедринские новообразования: *пенкосниматели*, *сочувствователи*, *попиратели* авторитетов, *изрыгатели* проклятий, *убаюкиватели* общества, *сгибатели* (от выражения «сгнуть в бараний рог»), литературные *лаятели* и т. п.

Не менее многочисленны образования с суффиксом *-ист*, которые еще в первой половине XIX века начали употребляться не только с иноязычными, но и с русскими словами. См., например, у Белинского: *шишковисты*, *карамзинисты*; ср. употребление его с разговорно-просторечным словом у Щедрина: *ерундисты* и *ерундистики* — «люди, рабски следующие кодексу светских приличий».

Что же касается образований с иноязычными основами, то они весьма многочисленны: *материалист*, *идеалист*, *пропагандист*, *юморист*; ср. у Белинского: *байронист*, *шиллерист*, *гетист*.

Относительно популярности подобных образований свидетельствует, например, такое замечание Щедрина, который писал в 1886 году о возможности распада общества на две противоположные партии: «с одной стороны, разных нравственных *истов* (курсив Щедрина.— А. Е.), с другой — людей, несокрушимых

в своих жизненных убеждениях, установившихся под влиянием желудочных внушений» (т. VIII, стр. 318).

Укажем в заключение, что новые и более продуктивные словообразовательные средства и грамматические конструкции приходили на смену устаревшим. В силу этого создавался параллелизм суффиксальных образований. Например, у Пушкина еще встречается слово *балтийский*, которое позднее сменяется формой *балтийский*.

Ср. также существование в первой половине XIX века следующих синонимических пар: *философический* — *философский*, *характеристический* — *характерный*, *эластический* — *эластичный*, *нервический* — *нервный* и др.

Продуктивный в первой половине XIX века суффикс - *ический* затем начинает употребляться значительно реже, уступая место синонимичным образованиям. Чехов, например, употребляет в рассказе «Житейские невзгоды» слово *энергический* (вместо использованной в первой редакции формы *энергичный*) по стилистическим соображениям, в целях создания юмористической характеристики: «Наверху за потолком какой-то *энергический* мужчина, вероятно, ученик консерватории, разучивал на рояли рапсодию Листа с таким усердием, что, казалось, по крыше дома ехал товарный поезд».

§ 66. Церковнославянизмы в русском литературном языке второй половины XIX века

Вопрос о роли церковнославянизмов в русском литературном языке середины XIX века решался в тесной зависимости от основных тенденций развития его стилей. Его сложность и противоречивость определялись существенными изменениями в соотношении стилей литературной речи. Для раскрытия этой роли необходимо установить, какие речевые средства квалифицировались в то время как церковнославянизмы.

В многочисленных замечаниях Чернышевского, Щедрина, Добролюбова, Тургенева о церковнославянизмах настойчиво повторяется мысль о *семинарском колорите*, сообщаемом ими художественному произведению. Это утверждение было своего рода знамением времени. Разумеется, не все элементы церковно-книжного характера, а лишь некоторая часть их давала повод для такого рода заключений. Поэтому представляется необходимым установить, какие именно лексические, словообразовательные, фразеологические и семантико-стилистические элементы церковнославянского происхождения квалифицировались как «семинаризмы» и, следовательно, оставались за пределами литературной нормы.

Мысль о семинарском колорите, создаваемом некоторыми церковнославянизмами, в свое время высказывалась Добролюбовым, Щедриным и Тургеневым, которые в свою очередь повторяли и развивали взгляды Белинского. В рецензии на «Новую библиотеку для воспитания» Белинский, отмечая правильный и чистый язык

сказочек дедушки Ириней, возражает против употребления в них слова *сия*. Он относит его к непонятным, семинарским. «Теперь, когда уже подъячие перевелись,— пишет он,— а вместо них явились благовоспитанные чиновники, теперь только через знакомство с семинаристами да с русскою литературою можно детям познакомиться с неприличными словами вроде *сих, оных, коих, каких, таковых, поелику, днесь, се* и т. п.»¹.

К «семинарским» относились те элементы церковно-книжной лексики, которые носили отпечаток архаичности, были окружены экспрессией книжности, евангельской риторики. Именно против этого «духа книжничества и риторики»², против слога «подъячий прошлого времени»³, «смешных, нелепых, книжных слов»⁴ выступал Белинский. Добролюбов, встретив в рецензируемой «Всемирной истории, уроке и отдыхе домашней наставницы» Е. Соколовой (1858) слово *пиштика*, восклицает: «Господи, что это за наука? Неужли г-жа Соколова училась в семинарии?»⁵

Отзывы Тургенева о семинарском колорите тоже имеют в виду прежде всего архаично-книжную лексику. В одной из своих первых рецензий (о переводе «Фауста» М. Вронченко, 1844), опубликованной в «Отечественных записках» за 1854 год, он упрекает переводчика за то, что тот «прибегает к славянским словам, к риторической напыщенности, везде неуместной и охлаждающей читателя», и иллюстрирует это употреблением таких слов, как: «а чудеса *суть чада веры!*», *веры не иму, возмогу, почто, днесь, перси, нарицать, зане, млада, зрак, никто не весть, дохновение* и др.⁶. В следующей своей рецензии («Новоселье», изд. А. Смирдина, 1846) Тургенев опять возвращается к этой мысли, заявляя, что «автор (Кукольник), чтоб хоть чем-нибудь резко оттенить свои лица, навел на них какой-то особый семинарский колорит», и иллюстрирует это примерами: *купно, попечительная натура моими устами... изволят поведать* одну из *благодетельных тайн* своих» и т. п.⁷. В письме к С. Аксакову он рассказывает, как убеждал Фета в неуместности употребления «устарелых слов» вроде *перси* и др.⁸. Таким образом, Тургенев выступал против употребления устаревших славянизмов не только в прозе, но и в поэзии.

Для середины XIX в. стремление освобождать художественные и публицистические тексты от церковно-книжной лексики было довольно типичным. В этом убеждают также авторские правки

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. X, 1914, стр. 176. (Курсив всюду наш. — А. Е.)

² Там же, стр. 391.

³ Там же, т. VIII, стр. 360.

⁴ Там же, т. IX, стр. 376.

⁵ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. II, 1911, стр. 181.

⁶ См.: И. С. Тургенев, Сочинения, т. XII, изд. Худож. лит.-ра, 1933, стр. 46.

⁷ См.: Там же, стр. 54.

⁸ См.: «Вестник Европы», 1894, № 2, стр. 474.

Н. Г. Чернышевского. Выправляя рукопись, а также первое издание своей диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» и ее авторецензию, Чернышевский удаляет или заменяет следующие церковнославянизмы. Например, в рукописи: «Искусство становится в число нравственных *деяний* человека», в 1-м издании: нравственных *деятельностей* человека»¹; в 1-м издании слово *небытие* («человек... ужасается *небытия*») заменено в 3-м издании словом *смерть* (стр. 9 ук. изд.); вместо *страждут* — *страдают* (77), «*достоинство* поэтического произведения» — *значение* (132), «*могущество* идеи» — «*важность* идеи» (119), «*влюбленная чета*» — «муж и жена» (228). Кроме лексических замен, Чернышевский устраняет некоторые книжные словообразовательные элементы. Он, например, удаляет суффиксы отглагольных существительных, а также причастий, заменяя их следующим образом: вместо «всякое человеческое *действие*» — действие (34), «при *господствовании*» — при *господстве* пристрастия (94), *изучающих* — *изучают* (235) и т. п.

Пересмотр состава и функций церковнославянской лексики в русском литературном языке XIX века нашел отражение у Даля, который не поместил в своем словаре очень многих церковно-книжных терминов. Какие это славянизмы и сколько их не включено в его словарь, об этом можно судить по таким сравнительным данным. Из 154 слов (на буквы *Аи Б*), помеченных в «Словаре церковнославянского и русского языка» Академии наук 1847 года как «церковные», Даль поместил в свой словарь лишь 82 слова, следовательно, им исключено около половины их, т. е. 72 слова.

В числе исключенных оказались, во-первых, многие книжные слова, явившиеся достоянием преимущественно церковно-богословских стилей. Это сложные двухкорневые слова: *ангелозрачный*, *ангелоименитый*, *ангелопепный*, *баснодеяние*, *басномышление*, *басночревный*, *благобязненный*, *благобытие* и т. п.

Наряду со сложными словами Даль не поместил многих слов с суффиксами *-ство*, *-ие*: *безблзнство*, *беззрачие*, *бесквасие*, *безочество* — «наглость», *беспищие*, *бессоблазнство*, *брачество* и др.

Наконец, довольно большую группу исключенных слов составляет терминологическая лексика греческого происхождения. Причем это не столько церковно-служебные термины, сколько бытовые, для которых в русском языке имелись соответствующие термины: *алектр* — «петух», *амигдаль* — «миндаль», *анепсий* — «племянник» и др.

Таким образом, стремление очистить русский язык от устаревших, архаично-книжных слов у Даля вполне очевидно. Правда, многие церковнославянские слова все же включены им в словарь. Представление о стилистических вкусах Даля, отразившего влияния

¹ Н. Г. Чернышевский, Статьи по эстетике, изд. АН СССР, Институт философии, Гос. соц.-эконом. изд., М., 1938, стр. 133. (Разночтения приведены в подстрочнике.)

своего времени, будет полным в том случае, если мы укажем, какие именно это слова. Так, к числу 82 слов, помеченных Словарем 1847 года как церковные (на букву А и Б) и помещенные Далем в Словаре, относятся, во-первых, термины литургического характера: *ангел, акафист, аллилуия, амвон, антифон* — «стих», *архиерей* и др.; во-вторых — специфическая евангельская лексика, употребляемая при богослужении: *аз, аки, аминь, аще* и т. п.; в-третьих — обрусевшие слова, получившие широкую известность в книжных стилях: *алкать, бдеть, безбранный, бездыханный, безмолвствовать, бесстрастие, бестелесный, бисер, благодать, благовидность, буйство* и т. п. Но при всем этом многие архаичные церковнославянизмы все же были помещены в словаре Даля. К ним относятся: *ангеломудрый, безблагодатный, безвестная, бесрамница, бессупруж-ный, бесхрамный, бесчадие, благовремение, благогласие, благопотреб-ный, благосоветие, богозданный, богосудный, бесносвятство* и др.

Наряду с архаично-книжной лексикой семинарскому колориту свойственны, следовательно, некоторые атрибуты церковнославянского словообразования. Судя по наблюдениям Щедрина, дворянской речевой культуре была весьма далека речь воспитанников семинарий, употреблявших в разговоре книжные слова. В рассказе «Деревенская тишь» он изображает сценку разговора помещика с батюшкой, который постоянно прибегает к сложным словам типа *во благовремении, время неблагопотребное* и т. п.

Следующая категория церковнославянизмов, оставшаяся за пределами литературного языка и квалифицируемая как пережиточный элемент семинарского слога, относится к области стилистико-синтаксической. Укажем на обилие причастных форм, архаичных синтаксических конструкций, насыщенных отглагольными существительными, устаревшими словами, союзами и т. п.

Определение понятия «церковнославянизм» осложняется тем обстоятельством, что в одном слове часто перекрещивалось два значения — церковнославянское и русское. Проиллюстрируем это употреблением слова *брат*. В ряде текстов оно выступает в русском, точнее — светском значении, — «каждый из сыновей одних родителей» (определение Даля).

Наряду с этим светским значением слово *брат* имело и церковно-книжное — «всякий ближний», «брат во Христе»¹ и т. д.

В ряде фразеологических сочетаний эти два значения как бы сливаются, образуя качественно новую семантическую единицу. Это явление семантического взаимопроникновения² можно обнаружить в таких выражениях старообрядца щедринаского очерка «Старец»: «Крутогорская эта сторона, доложу я вам, сплошь населена нашим братом», «Хлеб у него (народа. — А. Е.) завсегда свой, и такой, сударь, хлеб, что нашему брату только на диво».

¹ См.: Словарь церковнославянского и русского языка, т. I, 1847, стр. 168.

² См.: В. В. Виноградов, История лексики русского литературного языка. Сб. «Русская речь», под ред. Л. В. Щербы, 1927, стр. 113.

Нет сомнения, что в словосочетании *наш брат* церковно-книжное значение слова *брат* осложнилось светским, обобщенно-собирательным. Ср. у Даля: «Наш *брат* крестьянин» и т. п.

Обратимся к данным словарей. В них не только регистрировалось совмещение в одном слове церковных и светских значений, но и давались указания относительно ведущих и второстепенных ролей, занимаемых этими значениями. Кроме того, сопоставление показаний Академического словаря 1847 года и словаря Даля позволяет обнаружить некоторые признаки семантических процессов, вызванных таким сосуществованием двух значений.

В «Словаре церковнославянского и русского языка» Академии наук (1847) приводимые значения слов обычно пронумерованы, а значения церковно-книжные помечены: *церк.* (т. е. «церковные речения»). Нумерация эта дает представление о том, какие значения определялись как ведущие (выводились под первым номером) и какие занимали второстепенное место. Так, у слова *вар* отмечены: 1) *церк.*, «солнечный зной, жар»; 2) «кипяток» (т. I, стр. 209). В. Даль, включая подобную лексику в свой словарь, иногда оставлял эти указания на церковнославянское значение. Но в большинстве случаев он или не делал этих помет, или же совсем не приводил церковных значений. Так как его определения семантической системы слов весьма показательны для общих тенденций эпохи и имеют значение для определения самого понятия «церковнославянизм», то мы приведем здесь образцы его изменений в семантической характеристике слов.

Существо этих изменений таково. Во-первых, у многих слов Даль не воспроизвел совсем тех значений, которые Академическим словарем обозначены как церковные. Например, в слове *пакость* Словарь 1847 года устанавливал значения: 1) зло, вред; 2) *церк.*, досада, оскорбление (см. т. III, стр. 32); ср. в словаре Даля: *пакость* — I. скверна, мерзость, гадость, вред, порча, искажение; II. нечистота, погань, кал, дермо (т. III, стр. 15). Слово *безбедно* в Словаре 1847 года содержит: 1) без нужды, 2) *церк.*, безопасно, безответственно (т. I, стр. 56). Это второе значение Даль убрал (см. Толковый словарь, т. I, 146).

Во-вторых, Даль существенно изменил самое соотношение ведущих и второстепенных значений слов, выдвинув на первый план вместо церковнославянских русские. Например, в слове *студень* Академический словарь устанавливал: 1) *церк.* холод, стужа; 2) застуженный говяжий или рыбий взвар (т. IV, стр. 505). Даль убрал с первого места церковное значение, поставив его на третье место: *студень* — 1) застуженный взвар, 2) зябкий человек, 3) *церк.*, стужа (см. т. IV, стр. 596). У слова *будильник* Даль не только убрал приведенное Словарем 1847 года на первом месте церковное значение — «будящий от сна» (т. I, стр. 179), но и совсем устранил эту омонимичность, приведя это слово с суффиксом *-щик* — *будильщик* (т. I, стр. 333) и оставив слово *будильник* лишь с общераспространенным значением — принадлежность часового механизма.

В-третьих, в ряде слов Даль не сохранил помет тех значений слов, которые рассматривались Академическим словарем как церковные. Напр., у слова *баба* под вторым значением в Словаре 1847 года указано: 2) церк., повивальная бабка (т. I, стр. 33). В комментариях Даля этой пометы не приведено. Ср.: *баба* — «замужняя женщина, мать отцова, жена, повитуха, повивальная бабка» (т. I, стр. 81—82). Точно так же Даль не назвал церковными следующие значения, приведенные вслед за Академическим словарем в его Толковом словаре: *беззаконник*. См. в Словаре 1847 года — 2) церк., не имеющий закона (т. I, стр. 64); *беседа* — 2) церк., наречие (I, 95); *бранимый* — 1) церк., военный (I, 166); *брат* — церк., всякий ближний (I, 168); *пагуба* — 2) церк., мор, язва (III, 329) и т. п.

Наконец, Далем не произведены никакие изменения в соотношениях основных и побочных значений слов и сохранены пометы о церковных речениях лишь при таких явно книжных лексемах, как *усекновение* (IV, 775), *грех* (I, 994), *сомнище* (IV, 383), *преисподняя* (III, 1023), *покров* (III, 653), *елей* (I, 1290) и др.

Словарь Даля отразил процессы, происходившие в семантической системе слов русского языка и обусловленные взаимодействием церковнославянских и русских значений. После знакомства с ними становится понятным то конкретное содержание, которое вкладывал Даль в свое заявление в статье о «Русском словаре», относительно состава привлеченных им славянизмов: «Церковный язык наш исключен; но приняты все выражения его, вошедшие в состав живого языка, также обиходные названия предметов веры и церкви».

Определение понятия «церковнославянизм» для второй половины XIX века усложняется не только рассмотренными выше явлениями смысловых отношений славянской и русской лексики. Многие церковно-книжные слова употреблялись в просторечных сферах, встречались, как свидетельствует Даль, в речи народной. Естественно, проходя через такие далекие для них речевые сферы, церковно-книжные слова обрести новые значения. Это подтверждается, например, употреблением у Щедрина слова *рождество* в его новом, просторечном значении — «лицо, рожа». В очерках «Сатиры в прозе» автор говорит о «хороших людях любого старого времени»: «Или, например, перебернет нечаянно в карты (за что тут же получит возмездие в *рождество*) и вслед за этим воскликнет: «а не распить ли нам бутылочку холодненького?»

О том, что это не есть явление индивидуального словоупотребления Щедрина, свидетельствуют показания словаря Даля: слово *рождество* употребляется в значении «лицо, рожа» в псковск., тверск., саратовск. и других говорах (см. т. III, стр. 1704).

Для процесса «обмирщения» церковнославянской лексики показательное употребление ряда слов. Так, под влиянием вначале индивидуального словоупотребления, а затем уже массового, слово *елейный* приобретает в языке 40—60-х годов новое, светское значение — «приглаженный», «примасленный»; хотя ни в Словаре

1847 года, ни у Даля этого значения не приведено. См. напр., у Щедрина: «елейная раздутость фразы» (VI, 474), «елейный слог», «елейность» и т. п.

Подведем итоги. Какие же элементы русского литературного языка квалифицировались в середине XIX в. как «церковнославянизмы»? Рассмотренный выше материал позволяет назвать часть тех признаков, которые вкладывались в это понятие. Мы могли убедиться, что некоторая часть лексики церковно-книжного происхождения (*перси, стогны, днесь*) квалифицировалась как устарелая, книжно-семинарская. Элементы книжного словообразования (словосложение, суффиксация) расценивались как искусственные, архаично-книжные. Синтаксические конструкции, обильные причастиями, архаичными союзами и проч., относились к «семинаризмам». Наконец, наблюдения над соотношениями семантики церковно-книжного и светского характера, изменения этих соотношений убеждают в том, что мы имеем дело с семантико-синтаксической категорией языка.

ЛИТЕРАТУРА

В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., изд. 2, Учпедгиз, 1938; Русский язык, Учпедгиз, 1947. К истории лексики русского литературного языка. Сб. «Русская речь», под ред. Л. В. Щербы, 1927. Г. О. Винокур, О славянизмах в современном русском литературном языке, «Русский язык в школе», 1947, № 4. Е. Ф. Будде, Опыт грамматики языка Пушкина, 1904; Очерки истории современного литературного русского языка, 1908. Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, Учпедгиз, 1954. В. И. Чернышев, Правильность и чистота русской речи. И. С. Ильинская, К истории словарного состава русского литературного языка XIX в. Сб. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. III, изд. АН СССР, 1953. Н. М. Шанский, Из истории имен существительных на *-ость* в русском литературном языке (рукопись диссертации), МГУ, 1948. К истории некоторых слов на *-ость*, «Ученые записки Рязанского пединститута», № 8, 1949. Ф. Г. Коровин, Прилагательные с суффиксом *-тельный* в русском языке (Автореферат), изд. МГУ, 1955. Н. Н. Прокопович, Из наблюдений над синтаксисом имени прилагательного в современном русском языке, «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. XXXIX, вып. 6, 1956. Очерки истории русского литературного языка XIX века. Проспект, изд. АН СССР, 1956. В. Д. Левин, Наблюдения над стилистическими изменениями в лексике русского литературного языка в первой половине XIX века. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», изд. АН СССР, т. IV, 1957. Н. С. Авлова, Материалы по лексике и фразеологии физиологического очерка 40-х годов XIX в. (опубликована там же). Е. А. Земская, Из истории русской литературной лексики XIX века (К изучению научного наследия Я. К. Грота (там же). М. В. Канкава, Даль как лексикограф, Тбилиси, 1958.

ГЛАВА 14

ОБОГАЩЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ НАУКИ, ТЕХНИКИ И ИСКУССТВА

§ 67. Развитие стилей научного изложения

Вторая половина XIX века, ознаменовавшаяся значительным развитием научной мысли, появлением большого количества трудов по материалистической философии, психологии, естествознанию, медицине, физике, химии, характеризуется расширением и обогащением национальной научной терминологии. Это формирование новой научной терминологии осуществлялось путем активизации различных способов словообразования, а также путем привлечения терминологии интернационального научно-терминологического фонда. При этом некоторые иностранные термины переводились на русский язык, другие же употреблялись без перевода или параллельно с кальками.

В процессе формирования научной терминологии учитывались прежде всего два фактора: 1) потребности научной мысли и 2) возможности понимания и усвоения терминов читателями.

Необходимость постоянно учитывать возможности и способность читателя понимать и осваивать научные термины и формулы побуждала ограничивать употребление сугубо научных формул и отвлеченных выражений, упрощать словарь, делать его общедоступным и удобопонятным.

Деятели революционно-демократического лагеря вели научную пропаганду главным образом со страниц журналов. Передовые журналы, популяризируя материалистическую науку, открывали научно-популярные отделы. Выходило много брошюр и книг, рассчитанных на массового читателя. В связи с этим со всей остротой встала проблема научно-популярного стиля, который должен был располагать такими речевыми средствами, с помощью которых все достижения науки были бы доведены до читателя. Необходимо было, чтобы этот стиль обладал простотой и общедоступностью.

В связи с появлением многих новых научных терминов возникла необходимость в выпуске соответствующих словарей и справочни-

ков. Поэтому, начиная с середины XIX века, публикуется множество специальных пособий. В 1845 году выходят «Философский лексикон» А. Галича, «Лексикон философских предметов», автор которого заявляет, что он равнялся на «человека светского», а не на записных ученых, поэтому стремился излагать «как можно проще и общепонятнее», избегая даже «употребляемых в науке философии формул и технических выражений».

В это же время выходит много словарей по ботанике. Группа биологических словарей дополняется и расширяется изданием специальных медицинских словарей, а также справочников по химии, математике и другим наукам.

Во второй половине XIX века значительно увеличивается спрос на латино-русские и греко-русские словари, часть которых (например, словарь Кронеберга) выдерживает много изданий. Еще в 40-х годах вышел словарь иностранных слов Кириллова, и Белинский сочувственно отнесся к появлению этого справочника. По словам акад. Л. А. Булаховского, словарь Кириллова, «с подчеркнутой ориентацией на науки и вместе с тем рассчитанный на широкую публику, знаменовал своим появлением народившуюся потребность облегчить понимание литературной лексики, уже выходившей за границы установочной доступности»¹.

Таким образом, остро ощущалась необходимость создания отечественной научной терминологии, что диктовалось потребностями развивавшейся науки, ибо термины, как говорит Белинский, «объемлют собой и заключают в себе обширнейшее, глубочайшее и высшее понятие»².

Ориентируясь при создании и употреблении научных терминов на широкую читательскую публику, Герцен неоднократно отзывался в «Письмах об изучении природы» о сочинениях некоторых философов: «Неужели отвлеченным, трудным, запутанным языком... можно было говорить с народом?»³. Ср. его замечания об абстрактности выводов Аристотеля⁴, о Спинозе и Гегеле, говоривших «темным языком» и притом иногда явные нелепости⁵.

Для деятелей передовой науки весьма актуальной была задача очищения терминов от идеологически чуждых толкований, от идеалистической интерпретации их. Это положение подчеркивается публицистом Антоновичем в его полемике с Лавровым.

В статье «Два типа современных философов» Антонович заявлял: «Метафизика с формальной логикой спутали человеческие понятия и решительно заразили все слова и термины, так что современной науке приходится или выдумывать новые слова, или предстоит

¹ Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, Киев, 1941, стр. 321.

² В. Г. Белинский, Сочинения, т. II, стр. 555.

³ А. И. Герцен, Письма об изучении природы, Госполитиздат, 1946, стр. 174.

⁴ См. там же, стр. 114.

⁵ См. там же, стр. 128.

гигантский труд очищать слова от метафизических мифов, которые так плотно срослись с ними»¹.

Наконец, при формировании научной терминологии учитывалось и следующее обстоятельство: стили научно-популярного изложения, при всей их общедоступности и простоте, должны, однако, не упрощать сложности проблем науки, иметь много общего со стилями специальных научных работ. Белинский указывал, что «самая критика о дельном, ученом сочинении... по необходимости должна говорить его языком и ставить читателя на его точку зрения»². В силу этого он признавал, что многие журнальные статьи не отражают действительного состояния ряда наук и их мощного развития.

§ 68. Отказ от заузного языка

Как Белинский, так и Герцен отдали дань своему времени, когда многие из начинающих философов несколько увлекались сложной философской терминологией. Тургенев в своих воспоминаниях замечает, что Белинский в течение года наполнял свои статьи выражениями традиционной философии.

Такая же полоса увлечения абстрактно-научной терминологией была характерна и для Герцена. Его «Письма об изучении природы» написаны таким трудным языком, каким позднее он уже не писал. Показательно при этом, что одним из критиков его слога был именно Белинский, который, по свидетельству П. Анненкова («Литературные воспоминания»), так отзывался о нем: «Каким отвлеченным, почти тарабарским языком написаны эти статьи, точно Герцен составил их для своего удовольствия. Если я мог понять в них что-нибудь, так это потому, что имею за собой десяток несчастных лет колобродства по немецкой философии, но не всякий обязан обладать таким преимуществом»³.

Сам Герцен впоследствии осуждал в «Былом и думах» это увлечение «молодых философов» заузным языком, в котором латинским словам давали «православные окончания», а русские слова звучали иностраннее латинских. Отход от сугубо научного изложения обнаруживается не только у Герцена, но также и у Чернышевского. Судя по его правке диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», Чернышевский убирает очень много специфических научно-философских слов и выражений. Это заметно при сопоставлении рукописи с последующими изданиями⁴:

Рукопись

Употребляя терминологию *спекулятивной философии*

Издание

Выражаясь терминами *гегелевской школы* (стр. 17)

¹ М. А. Антонович, Избранные статьи, Л., 1938, стр. 58—59.

² В. Г. Белинский, Сочинения, т. II, стр. 872.

³ Л. А. Булаховский, Русский литературный язык второй половины XIX века, Киев, 1941.

⁴ См.: Н. Г. Чернышевский, Статьи по эстетике, изд. АН СССР, М., 1938. (Разночтения приведены в подстрочнике.)

В объективном существовании
Рефлективные понятия
Натуральность речей действующих лиц

Трансцендентальная система философии
Индивидуальный авторский произвол
Рассудительный образ мыслей
Небытие

В действительном бытии (стр. 42)
Привитые понятия (стр. 71)
Естественность речей действующих
лиц (стр. 129)
Наука (стр. 229)
Личный авторский произвол (стр. 293)
Научный образ мыслей (стр. 288)
Смерть (стр. 9)

Показательно также, что Чернышевский практикует в этой работе систему переводов, позволяющих избегать употребления специфических философских формул и выражений. Например: «Прекрасно то существо, в котором вполне выражается идея этого существа» — *в переводе на простой язык* будет значить: «Прекрасно то, что превосходно в своем роде; то, лучше чего и нельзя вообразить в этом роде»¹. Ср. также обычные у Чернышевского приемы стилистической синонимии, вроде: «выражая эту философскую формулу обыкновенным языком»², и т. п.

Некоторая неупорядоченность терминологии, а также способов и приемов научного изложения наблюдалась не только в печатных работах, но и при чтении лекций, и вообще в устных выступлениях на научные темы. Поэтому еще в 1843 году Белинский иронизировал: «Заседания ученых обществ в глазах нашей публики — род спектакля, на который должно смотреть с приличной важностью, не зевая»³. Стиль научных трактатов значительно отличался от публицистического, юридического и др.

В связи с тем что многие термины науки проникали в художественные и публицистические произведения, вторая половина XIX века характеризуется сложным взаимодействием и взаимообогащением научных и других стилей литературного языка.

Узкоспециальные слова, которые бывали преимущественно в стилях научного изложения, начинают все чаще и чаще употребляться в публицистике. Таким образом, они выходят за рамки специальной терминологии и становятся общелитературными, являясь достоянием общеупотребительной лексики.

В результате этого раздвигались границы словарного состава литературного языка. Кроме того, специальные термины, употреблявшиеся в других жанрах литературы, обрастали новыми значениями. Наблюдался процесс детерминологизации, т. е. расширения значений специфических научных терминов, принявший большие размеры и составивший одну из характерных закономерностей развития лексики русского литературного языка второй половины XIX века.

¹ Н. Г. Чернышевский, Статьи по эстетике, изд. АН СССР, М., 1938, стр. 6.

² Там же, стр. 19.

³ В. Г. Белинский, Сочинения, т. III, стр. 131.

§ 69. Распространение в литературном языке абстрактно-философской терминологии

Русская философская терминология создавалась преимущественно на материале исконно русских или церковнославянских слов, употреблявшихся в отвлеченно-философских значениях: *начало, созерцание, противоречие, дух* и проч. Наряду с этим большую роль в формировании терминологии играло словопроизводство. Наиболее активными способами словопроизводства были:

1. Суффиксальные образования, осуществлявшиеся с помощью суффиксов *-ость, -ство* и других: *общность, особность* и проч.

2. Словосложение: *саморазвитие, самодвижение, умозрение*.

3. Существенно активизирована была субстантивация, с помощью которой образовывались такие термины, как: *общее, частное, конкретное, абстрактное* и др.

4. Наиболее продуктивным способом формирования новых терминов являлось фразеологическое новообразование: *примирить противоречия* и т. д.

К числу закономерностей, типичных для формирования специальных научных терминов за счет общеупотребительных слов, относится процесс терминологизации.

Этот процесс терминологизации общеупотребительных слов заключался в том, что одно из значений слова специализировалось, строго очерчивались его семантические границы, необходимые для выражения определенных понятий, и таким образом создавался научный термин. Это же слово, имея и другие значения, продолжало оставаться общеупотребительным во всех стилях языка. Возникали омонимы или параллельные значения, что приводило к совпадению в одном слове значений «житейских» и специально-научных. Например, слово *капитал* становится в XIX веке термином политической экономии, но оно сохраняет и свое прежнее значение (ср. у Пушкина — «И дедов верный *капитал*»).

Укажем на общеупотребительные русские слова, которые в результате терминологизации стали употребляться у Белинского, Герцена, Чернышевского как философские термины. Так, философским термином в середине XIX века становится слово *начало*. Ср. у Герцена: «Ионийцы с отроческой простотой в самой природе искали *начала*; они его искали как сущее между существующим, как высшую вещественность, составляющую основу прочих вещей»; «*сущее начало* искать в самой природе, а не вне ее» («Письма об изучении природы», стр. 92 и 96); «Сократ сознает в общем движении и покойное *начало*; это *начало* — сущность, вечно хранящаяся и определяющаяся целью — есть истинное благо» (там же, 120).

Академический словарь 1847 года устанавливает у слова *начало* такие значения: «1. То, чем начинается бытие или действие (*начало мира, начало года*); 2. Первая причина, источник бытия чего-нибудь (*Бог есть начало всячески*); 3. Первое основание какой-либо науки (*начала математики*); 4. В химии: простое, или, точнее, неразло-

жимое вещество — стихия». Следовательно, философское значение вырастает на основе этих отвлеченных значений.

То же происходит со словом *бытие*, превращающимся в философский термин. В словаре 1847 года оно толкуется как *пребывание*. У Герцена оно употребляется в специфически философском значении: «единство *бытия* и мышления», «*абстракция чистого бытия*» («Письма», стр. 51, 101).

Философское значение слова *дух* формировалось тоже на основе имевшихся у него ранее отвлеченных значений. Академический словарь 1847 года под № 4 и 8 приводит такие значения этого слова: 4) «*Душа человека*», 8) «*Ум, мысль*». Точно так же философскими терминами становятся общеизвестные русские слова: *разум, истина, закон, сознание, созерцание, сущность, представление, отрицание, снятие, мышление, скачок, душа* и др.¹

Слово *разум* Герцен употреблял, например, как философский термин, синонимичный понятию *ум*. Причем иногда он отдавал предпочтение греческому слову *нус* или же употреблял в одной и той же фразе в качестве синонима. Например: «нус побеждает эту отдельность, но ему (*уму*) нужно вещество»; «*ум*, или *нус*, здесь — понятие животворящее и расчленяющееся».

Можно привести еще слова, которые благодаря специализации стали широко известными философскими терминами. Например, у Герцена: «*скачок от чистого мышления* в религиозное представление»; «*копыт и умозрение*» (т а м ж е, стр. 131 и 26), «*единство бытия и мышления*» (51), *примирение, отвлечение, снятие* и др. У слова *материя*, ставшего научным термином, Академический словарь 1847 года регистрирует под первым номером именно философское его значение: «1. В философии: неорганизованная сущность, служащая основанием всех существ физич. мира, вещество. 2. В богословии: вещество, противоположное духу». Таким образом, Словарь 1847 года выдвинул на первое место философское значение.

Такая же перегруппировка и активизация абстрактно-философских значений наблюдается в словах *система, школа, идея*. Например, прежде чем дать философское определение слова *идея*, Белинский обращается к аналогиям, примерам из художественной литературы, поясняет смысл этого термина, уделив на это несколько страниц текста.

Общепотребительные слова, становясь терминами, сохраняли, однако, свои прежние значения. Это давало возможность употреблять слова сразу в двух смысловых значениях. Так, Щедрин, прибегая к философским терминам, образованным путем расширения и абстрагирования значений, иногда употреблял слова сразу в двух семантических планах — философском и житейском. Напри-

¹ Идеалистический «Философский словарь» С. Гогоцкого 1876 года поясняет, что «душою называют внутреннее начало, которое животворит наш телесный организм» (стр. 20).

мер, описывая внешность Горехвастова («Губернские очерки»), имевшего огромный рост, «голос густой и зычный, глаза, как водится, свинные» и проч., сатирик заключает: «Вообще заметно, что здесь *материя* преобладает над *духом*».

Для изучения взаимодействия стилей литературного языка целесообразно проследить, какая специфическая научная лексика распространялась в публицистике, в художественной литературе и в литературной критике и т.п. В этом отношении интересны и ценны примеры употребления философской терминологии в беллетристических и публицистических произведениях Щедрина, тем более что сатирик не писал специальных научно-популярных работ. В его прозе и публицистике 40—60-х годов употребляются такие термины: *скачок*, *посылки сделаны*, *примирить противоречия*; первое произведение Щедрина называлось «Противоречия», в котором он, воспользовавшись гаммой значений этого слова, показал социально-идеологические противоречия общества, опираясь как на научно-философское, так и на широкоупотребительное его значение. Сатирик использует также термины: *созерцание*, *бытие*, *сознание бытия*, *столкновение*, *абсолютное* и *относительное* несовершенство, *абсолютная истина*, *ощущение*, *материя*, *материальный*, *безотносительная истина* и др. К ним можно добавить многие философские термины, образованные с помощью субстантивации: *гармоническое целое*, *сущее*, *бесконечное*, *абстрактное* и т. д., а также путем суффиксации, префиксации и словосложения: *разумность*, *соответственность*, *отвлеченность*, *множественность*, *неосеязаемость*, *бестелесность*; *отвлечение*, *столкновение*, *отрицание*, *миросозерцание*— *умозрительная сфера*, *умозрительное заключение* и т. д.

Наряду с этими новообразованиями в стилях прозы и публицистики отслаивалось много философских терминов интернационального характера. По свидетельству Жуковского и Белинского, слова типа *субъект*, *объект*, *субъективный* и т. д. стали распространяться в русском языке с начала XIX века. Жуковский в статье «Христианская философия» писал: «В нашем философском языке, столь еще бедном определенными техническими выражениями, недавно начали употреблять слова: *субъект*, *субъективный*; *объект*, *объективный*»¹. Ср. свидетельство Белинского, утверждавшего в 1841 году, что «назад тому двадцать лет» слова, вроде *абсолютное*, *субъективное*, *индивидуум* и другие, были использованы в журналах². В публицистике Пушкина 30-х годов использованы были термины: *материализм*³, *доводы чистого афеизма*, *скептицизм* и др.

К числу интернациональных философских терминов, употреб-

¹ В. А. Жуковский, Сочинения, т. III, 1918, стр. 304—305. Ср. замечание Пушкина: «Ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись» (см. т. V, ГИХЛ, 1947, стр. 19).

² См.: В. Г. Белинский, Сочинения, т. II, стр. 173.

³ См.: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. V, ГИХЛ, 1947, стр. 274. История, критика, публицистика.

ляемых Щедриным в их собственном значении, относятся: *спекулятивные науки, скептицизм, скептик, синтез, материалист, идеалист, силлогизм, эклетизм, гармония, коллизия, спекуляция, рефлекторство, примирять противоречие теории и практики, индивидуализм, утопия, спекулятивно-энциклопедическое образование, абсолютная истина жизни, эмпирик, индивидуумы, аналитический элемент исследования, материя, материализм, утопизм, абсолютизм* и др.

§ 70. Использование терминов политической экономии

Формирование публицистических стилей, а также стилей художественной прозы осуществлялось в тесной зависимости от развития русской общественной мысли. Распространение прогрессивно-демократических идей, популяризация экономических учений, экономическая характеристика современного общества — все это не могло не отразиться как в публицистической, так и в художественной литературе. В связи с этим уже в первой половине XIX века наблюдается интенсивное распространение в ряде стилей литературного языка терминов политэкономии.

Например, Белинский привлекает значительное количество слов этой науки, иногда сопровождая их употребление ссылками на самую манеру выражения, стиль экономистов. В этом отношении показателен следующий контекст: «Чтобы быть ученым, поэтом или литератором вполне, необходимо видеть в науке, в искусстве или в литературе свое исключительное призвание, свое, так сказать, ремесло, свой *род промышленности, говоря языком политической экономии*»¹.

Пути и средства формирования политико-экономической терминологии довольно различны. Такие термины, как *труд, промышленность, цена, производительность* и другие, формировались на русской почве из общеупотребительных речевых средств, обрстая при этом бытовыми или профессиональными смысловыми оттенками.

Слово *капитал*, кроме научного значения (совокупность стоимостей, при помощи которых в капиталистическом обществе путем эксплуатации наемного труда извлекается прибавочная стоимость), имело и другие, в том числе образно-метафорические. Например, Щедрин говорит о Гейне: «Другие свойства таланта Гейне... его исполненное горечи отрицание, его желчный юмор и холодное полуотчаяние, полупрезрение, свойства, которые именно и составляют *основной и самый прочный капитал его поэтической деятельности*» (V, 330).

В прозе и публицистике Щедрина употреблялась также следующая лексика и фразеология: «В *политической экономии* он («мерзавец времен новейших». — А. Е.) позволяет себе сомневаться, полагая, что *экономический закон о спросе и предложении* есть вы-

¹ В. Г. Белинский, Сочинения, т. IV, стр. 168.

думка, ни на чем не основанная»; *«средства пропорциональны потребностям»* (I, 158), *«Краткий опыт сравнительной статистики»* (VI, 181), *акционеры, акции, дивиденд, промышленные предприятия, спекуляция, биржа, компания, «производительные силы литературы»* находятся в тревожном и напряженном состоянии» (V, 259). Кроме того, эта терминология служит средством создания пародийно-сатирических формул.

Таким образом, в стилях прозы и публицистики политическая и экономическая терминология употребляется в прямом терминологическом значении, а также в расширенном, вследствие чего она может применяться и применялась к понятиям нравственно-идеологического характера.

§ 71. Процесс детерминологизации естественнонаучных терминов

Развитие во второй половине XIX века естественных наук не могло не сказаться на распространении очень многих терминов в различных стилях книжной и разговорной речи. Показательно, что ранний Щедрин охотно употребляет в своих произведениях научные термины: *слуховой орган, мозговое вещество* и проч.: *«Песенка была самая простая, лилась себе ровно и без претензий, и вдруг поразила слуховой орган Ивана Самойлыча»* (I, 221); *«На этот раз мыслей оказалось нестерпимо много... Они вдруг засуетились в голове его ужасно, с быстротою молнии начали перебегать по всем нервам его мозгового вещества и выковырывать такие античные морщины на лбу его»* (I, 218).

Термин *фибра* употребляется им в качестве эквивалента к словам *черты, выражение лица*. Например, в «Противоречиях»: *«какая-то неестественная, невызревшая развитость говорит в каждой фибре утомленного лица»*. Наряду со словом *дети* в качестве синонима Щедрин употребляет термин *личинки*: *«Притаились дети вокруг стола... все мускулы на этих полных жизни личинках выразили какое-то напряженное внимание»*.

Из биологических терминов широкую известность приобрели такие, например, названия животных и организмов, которые постоянно употребляет в своих работах Герцен: *зародыш, позвоночные и беспозвоночные, мозг, организм, череп, мышцы, соки, артерии, кислород, управляющий нерв, связки, сухие жилы* и т. п.

Широкую известность приобретают названия, соприкасающиеся с другими науками, — медициной, психологией и т. п.: *эмбриология, дарвинизм, атомизм, физиология, анатомия, зоология, естествоведение, естествоиспытатели, натуралисты, анатомический театр, скальпель* и др.

Многие биологические термины употребляются в перифрастическом значении. Например, слово *организм* начинает следующим образом употребляться в произведении Н. В. Успенского *«Записки хозяина»*: *«государство — живой организм»*; *народные силы — «ат-*

рофированный член»; «в организме болезнь: у крестьянина — *атрофия*, у помещика — *гипертрофия*» и т. п.

Значительно расширяется значение слова *натура*, которое употребляется не только в узкотерминологическом значении, обозначая, судя по Словарю 1847 года, природу, естество, но также и в более широком. Ср. у Щедрина «талантливые *натуры*», т. е. губернские мефистофели, печорины и другие, отличающиеся «необыкновенной размашистостью натуры».

Укажем на другие примеры метафоризации научных терминов. Так, слово *эмбрион* употребляется у Щедрина в таких контекстах: *эмбрион стыдливости*, *эмбрионическое состояние мысли*, *эмбрионическая поэзия* (о произведениях Фета). В таком же расширенном, преимущественно метафорическом значении употребляет он термины: *эпидемия болтовни*, *эпидемическая путаница понятий*, *бесплодие современной «изящной» литературы*, духовное *малокровие*, «испускать из себя *гангрену* разрушения», «*операционный нож* критики».

Естественно-биологическая терминология распространялась и в стилях литературно-критических работ еще первой половины XIX века. Например, у Белинского: «Разделение поэзии на *роды и виды*» (заголовок, см. т. II, стр. 477). В смысле образно-метафорического применения биологической терминологии у Белинского интересна своеобразная *генеалогия*: «от дворового через конторщика... до чиновника: «Итак, дворовый — яйцо, подьячий — червь, приказный — куколка, чиновник — бабочка»¹.

§ 72. Приемы употребления в художественной литературе и публицистике терминов химии, физики, математики и других наук

Середина XIX века и последующие десятилетия интересны в смысле освоения многих специальных терминов точных наук. Большое количество этих терминов становится достоянием общелитературной лексики и поэтому помещается в филологических словарях, что свидетельствует о их общественной значимости и общепотребительности.

Из химической терминологии, которая употребляется в прозе и публицистике второй половины XIX века, можно указать на такие термины, как *брожение*, *разложение*, *реакция*, *анализ*, *фiltrация* и др. В «Письмах об изучении природы» Герцена используются многие специфические термины: *реагения*, *сублимировать*, *кристаллизующая масса*, *химические весы*, *раствор*, *реакция*, *кислород*, *химизм* и т. д.

Герцен указывал, что для процесса формирования научных терминов характерно перемещение слов из одной области науки в другую. Например, по его мнению, физическая терминология пополнялась за счет философской и математической, при этом пер-

¹ В. Г. Белинский, Сочинения, т. IV, стр. 86.

воначальное значение терминов заслонялось и осложнялось позднейшим. Он писал об этом: «Так, *отвлеченные силы, причины, поляризация, оттолкновение и притяжение* — все это в физику перешло из логики, из математики, и, разумеется, взятое без критики, без связи, *утратило настоящий смысл свой*»¹.

Из стилей научного изложения многие термины поступали в публицистику, в литературную критику, в прозу, при этом они в известной степени утрачивали свой прежний смысл и приобретали новые оттенки. Все это вело к усложнению смыслового объема слов, о чем можно судить, например, по употреблению слова *брожение*. Этот химический термин начиная со второй половины XIX века употребляется в общественно-политическом значении, обозначая революционные волнения, подготовку к восстанию и т. п.

Это же наблюдается в терминах *разложение, реакция* и др. Появление у слова *реакция* общественно-политического значения датируется концом 50-х — началом 60-х годов XIX века. Например, Щедрин так комментирует социальное содержание этого термина: «И действительно, что такое *реакция* в общественном смысле этого слова? Это эпоха величайшего умственного утомления, эпоха прекращения частной и общественной инициативы, эпоха торжества сил, имеющих значение не столько сдерживающее и регулирующее... сколько уничтожающее и мертвящее. Таково по крайней мере общепризнанное представление о реакции» («Признаки времени», т. VII, стр. 162). Ср. также свидетельство Добролюбова о том, что «различные партии называются в журналах и газетах либералами, *реакционерами*, легитимистами и проч.»².

Значительно расширяется семантическая структура у слова *анализ*. Судя по Словарю 1847 года, это было слово с узкотерминологическим значением. Но в стилях публицистики и литературной критики оно начинает употребляться в весьма широком смысле. Ср. у Белинского: «История, говоря метафорически, — есть гумно, на котором *цепами анализа* отделяются зерна от мякины человеческих деяний» (IV, 71).

Эти новые образно-метафорические значения терминов базировались на основе узкотерминологических. Например, слово *микроскопический* обычно наделялось содержанием, не имеющим прямого отношения к микроскопу. Ср. у Щедрина: «на арену выступило множество *микроскопических деятелей*», «не могло обойтись без некоторого *микроскопического самохвальства*» (VI, 472) и т. п. Но при всем этом первоначальное значение этого слова сохранялось, так как даже в этих формулах остается некоторое указание на микроскоп, хотя речь идет о чем-то крайне мелком, еле заметном.

В расширенном значении употребляется также слово *лаборатория*. Пользуясь его метафорическим смыслом, Белинский писал: «Лаборатория словесности — келья монаха, уединение мудреца,

¹ А. И. Герцен, Письма об изучении природы, стр. 45.

² Н. А. Добролюбов, Сочинения, т. IV, стр. 359.

зала пиршества, темный лес, зеленые дубравы и широкие поля».

Широкое распространение получили также некоторые термины физики, употреблявшиеся на правах общелитературных слов: *элемент, сила, энергия, сфера, масса, инертный, призма, калейдоскоп, фокус, магнетический* и др.

Терминологическое значение слова *сфера* — это «тело, происходящее от обращения полукруга около своего диаметра». Но уже во времена раннего Тургенева, Добролюбова это слово начинает употребляться в более общем значении, синонимичном словам *ерода, область* (умозрительная *сфера*, отвлеченная *сфера*). Ср. у Белинского: «погрузиться в *сферу* собственного сословия». То же самое происходит со словом *элемент*, употребляющимся в общественно-публицистическом значении (*недовольные элементы*).

Еще в работах Белинского слово *масса* начинает употребляться для обозначения основного и самого угнетенного слоя государства — народа-труженика. В переносном значении употребляются во второй половине XIX века термины: *атмосфера, призма, калейдоскоп, магнетический, фокус, оптический* и т. д.

Укажем на некоторые математические термины, которые входят в общелитературное употребление начиная с середины XIX века. Это относится, например, к термину *сумма*, который в публицистике встречается в таких контекстах: «пользоваться всею *суммою* наслаждений», «извлечь из всякого мгновения возможную *сумму* наслаждений» (Щедрин). Термин *аксиома* употребляется в качестве синонима к понятию азбучная истина: «Разве не *аксиома*: где жизнь там и поэзия» (Белинский). Арифметическая фразеология *дважды два — четыре* тоже используется в переносном значении для обозначения элементарной истины.

Следует указать, что очень немногие научные термины имели в Словаре 1847 года синонимы общеупотребительного характера. Этим и объясняется распространение большого количества научных терминов в стилях прозы и публицистики, которыми назывались научные открытия и достижения. В Словарь 1847 года включены синонимы лишь к некоторым терминам научного характера¹. Причем в некоторых случаях приведены слова явно неэквивалентные. *Сумма* не может быть трюно переведена словом *количество*, потому что за *количеством* и в науке и в житейском обиходе закреплено определенное значение.

Таким образом, во всеобщее употребление входили, во-первых, специальные термины, в которых терминологическое значение пе-

¹ *Аксиома* — «самоистина» (т. I, стр. 10); *фибра* — «волокно» (т. IV, стр. 387); *лимфа* — «песок» (т. IV, стр. 532); *натура* — «природа» (т. II, стр. 415); *анализ* — «разбор» (т. I, стр. 17); *материя* — «вещество» (т. II, стр. 607); *бытие* — «пробывание» (т. I, стр. 192); *разум* — «значение, смысл» (т. IV, стр. 72); *сумма* — «количество» (т. IV, стр. 521); *механизм* — «устройство» (т. II, стр. 631.); *теория* — «умозрение» (т. IV, стр. 586); *критика* — «суждение» (т. II, стр. 465); *особенность* — «отдельность» (т. III, стр. 178) и др.

рекредивалось с общеобиходным, что способствовало быстрому усвоению и распространению этих терминов. Во-вторых, та научная лексика, в которой узкотерминологическое значение осложнялось значениями переносно-фигуральными (например, философский термин *субъект* употреблялся и для обозначения человека). В-третьих, широкое употребление приобретали термины и формулы, не имевшие синонимических эквивалентов и, следовательно, выступавшие в собственно терминологических значениях. Например, *мифология*, *еловосочетание*, *физиология*, *текстология*, *астрономия*, *климат*, *полюсы*, *ландшафт*, *метеор*, *тезисы* и т. д.

Особенно широкое применение и быстрое распространение получила общенаучная терминология, т. е. не закрепленная за какой-либо одной наукой и, следовательно, стилистически более универсальная, а в семантическом отношении весьма многогранная. Например, такие полисемантические слова, как *теория*, *учение*, *закон*, *курс* и другие, не могли быть закреплены за какой-либо гуманитарной или точной наукой. Такого рода терминология широко использовалась и в художественной литературе, и в публицистике, а также служила материалом для речетворчества писателей.

Например, слово *теория*, входившее в различные фразеологические сочетания (*«теория чистого искусства»*, *«теория словесности»*, *«теория света»* и т. д.), использовалось Щедриным для сатирических новообразований. Пользуясь фразеологической обусловленностью этого слова, сатирик подновлял второй элемент этих словосочетаний, вводя его в связь со словами различных лексических пластов. Например: *«теория ежовых рукавиц»*, *«теория кукиша с маслом»*, *«теория вождения влиятельного человека за нос»*, *«теория благородного сидения сложа руки»*, *«теория «не твое дело»*, *«теория макаров, где-то телят не гоняющих, и ворон, куда-то костей не заносящих»*.

В заключение укажем, что в систему расширенно-метафорического словоупотребления вовлекались также многие театральные термины, что свидетельствовало об усложнении и развитии самих методов обогащения средств литературной речи.

Метафорическое употребление театрально-искусствоведческой терминологии широко представлено у Белинского. Например: *«Даже не разыграю вам никакой прелюдии о литературе средних веков, а начну прямо с русской»* («Литературные мечтания»); *«дирижировать журналом»* (I, 30); *«он (Пушкин. — А. Е.) перепробовал все тоны, все лады, все аккорды своего века»* (I, 57). Ср. о начале критической статьи «Москвитянина»: *«Увертюра разыграна мастерски и вполне подготовила к впечатлению самой оперы»* (IV, 507); *«Карамзин — вот актер нашей литературы»* (I, 38); *«жонглер фразы»* (О Марлинском, IV, 312) и т. п.

Процесс детерминологизации подобных специальных слов и выражений интересен в том отношении, что у терминов, характеризующихся обычно одним значением, благодаря метафоризации

происходит как бы приращивание новых, дополнительных значений, производных от основного, терминологического. Например: «За разнообразие поручиться не могу, потому что в жизни его не обретається, потому что *декорации-то* ее все одни и те же: сегодня день и завтра день» (Щ е д р и н, «Противоречия»). Ср. еще: «Сердце мое сжалось, как будто здесь оканчивался *последний акт моей жизни*» (т а м ж е).

Такое расширение значений и вообще увеличение смыслового объема слова прослеживается в употреблении многих лексических единиц: *спектакль, водевиль, репертуар, афишка, ария, хорист, солист, прелюдия, увертюра, актер, комедиант, амплуа, закулисные* (т. е. скрытые, сплетнические) и др. См. у Щедрина: «Княжна мгновенно, так сказать, гальванически, была посвящена во все *мелочи губернской закулисной жизни*» («Губернские очерки»).

Ср. метафорическое употребление аналогичных слов у Лескова: «Постановка голоса у писателя заключается в умении овладеть голосом и языком своего героя и не сбиваться с *альтов на басы*... Но если человек *поет* не своим голосом, а тянет *петухом, фальцетом*, собственный же голос у него куда-то запрятан, подменен чужим — дело безнадежно».

ЛИТЕРАТУРА

Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, Киев, 1941. С. А. Копорский, О языке Н. В. Успенского, «Ученые записки Калининского пединститута», т. XV, вып. I, 1947. Е. И. Мотина, Научная терминология в произведениях Н. А. Добролюбова (Автореферат), изд. МГУ, 1954. Ю. С. Сорокин, Естественнонаучная лексика в публицистике Д. И. Писарева, «Ученые записки ЛГУ», вып. 16, 1949.

ГЛАВА 15

РОЛЬ СЛОВАРЕЙ И ГРАММАТИК В РАЗВИТИИ И НОРМАЛИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

§ 73. Значение словарей для развития речевой культуры

Появление хорошего словаря русского литературного языка обычно расценивается как большое событие в развитии национальной речевой культуры. Пушкин, например, дал очень высокую оценку «Словарю академии Российской». Высказав сожаление по поводу того, что «наши писатели слишком редко прибегают к этому словарю», он затем так охарактеризовал его значение: «Он останется вечным памятником попечительной воли Екатерины и просвещенного труда наследников Ломоносова, строгих и верных опекунов языка отечественного». Вот что говорит Карамзин в своей речи:

«Академия Российская ознаменовала самое начало бытия своего творением, важнейшим для языка, необходимым для авторов, необходимым для всякого, кто желает предлагать мысли с ясностью, кто желает понимать себя и других. Полный словарь, изданный Академией, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иностранцев: наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями»¹.

Сочувственно относясь к лексикографической деятельности языковедов, многие писатели XVIII и XIX веков сами участвовали в создании толковых словарей русского языка или же составляли свои собственные словари. Так, в составлении «Словаря академии Российской» принимали деятельное участие Фонвизин, Княжнин, Богданович, Державин.

Гоголь тепло приветствовал появление академического словаря, изданного в 1847 году. Он заявлял, что «Академия наук тремя изданиями своего словаря теперь проложила путь» его личному под-

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. V, изд. АН СССР, 1949, стр. 512.

вигу — подготовке издания «Объяснительного словаря», который был создан им в результате многолетних занятий русским языком. Для этого объяснительного словаря Гоголь собрал более 2500 слов, причем лексический материал лишь частично привлекался им из книжных источников, в большинстве же случаев был собран самим писателем. Он, например, записал многие слова, отсутствовавшие в словарях того времени: *душистик, кухлянка, орью орать, намутки, милотарь, погадка* и другие, взятые из народных говоров¹. Кроме этого «Объяснительного словаря», в записных книжках Гоголя, как об этом говорилось ранее, было собрано множество разнообразных слов и выражений, употребительных в народной речи.

Лексикографической деятельности уделял также большое внимание драматург Островский, составивший большой словарь, в котором была сосредоточена лексика, характерная для носителей волжских говоров².

Можно указать на большой интерес к составлению словаря русского языка древнейшей эпохи у Чернышевского, который весьма сочувственно относился к деятельности И. И. Срезневского, работавшего над материалами для словаря древнерусского языка.

В записных книжках Пушкина, Вяземского, Толстого, Чехова и других писателей можно встретить превосходные образцы толкования слов и выражений, свидетельствующих о неослабном внимании, которое мастера слова уделяли собиранию и объяснению словарных богатств родного языка.

Рассмотрим замечания и отзывы писателей о характере и объеме филологических словарей, а следовательно, и о некоторых принципах их составления. Существо этих высказываний сводится к тому, что словари, являющиеся мощным орудием культуры, должны удовлетворять всесторонним требованиям не только авторов, но и всех знатоков и любителей языка и словесности. Важнейшие из этих требований таковы.

1. В словаре необходимо сосредоточить все лексические ценности языка. Гоголь, сравнив Пушкина с лексиконом, подчеркнул, таким образом, мысль, что словарь должен заключать в себе «все богатство, силу и гибкость нашего языка»³. Кроме общеупотребительных слов, Фонвизин, например, рекомендовал включать имена собственные, имеющие общественно-историческое значение (*Нерон, Зоил* и др.). Пушкин объяснял значение и ценность фразеологических средств для писателя следующим образом: «Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писате-

¹ См.: Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. IX, изд. АН СССР, 1952, стр. 441 и далее.

² В. Н. Виноградов, Лексикографические материалы А. Н. Островского, «Русский язык в школе», 1958, № 3.

³ В. В. Виноградов, Толковые словари русского языка. Сб. «Язык газеты», 1941, стр. 356.

ля»¹. Жуковский призывал быть внимательными к неологизмам, так как, по его мнению, каждое новое слово — это «событие в области мысли».

2. Признаком хорошего словаря являются ясные и точные определения, раскрывающие, по определению Гоголя, «истинное значение коренных русских слов». Показательно, что Пушкин, ссылаясь на изречение Декарта, советовал: «Определяйте значение слов, и вы избавите свет от половины его заблуждений»². Гоголь указывал, что заняться составлением объяснительного словаря его побудила «любовь к русскому слову, которая... заставляла останавливаться над внутренним его существом и выражением». Он так объяснял свой взгляд на толкование слов:

«В продолжение многих лет я занимаюсь русским языком, поражаясь более и более меткостью и разумом слов его, я убеждался более и более в существенной необходимости такого объяснительного словаря, который бы выставил, так сказать, лицом русское слово в его прямом значении, осветил бы его, выказал бы ощутительнее его достоинство, так часто не замечаемое, и обнаружил бы отчасти самое происхождение. Тем более казался мне необходимым такой словарь, что посреди чужеземной жизни нашего общества, так мало свойственной духу земли и народа, извращается прямое, истинное значение коренных русских слов, одним приписывается другой смысл, другие позабываются вовсе...

Объяснительный словарь есть дело лингвиста, который бы для этого уже родился, который бы заключил в своей природе к тому преимущественные, особенные способности, носил бы в себе самом внутреннее ухо, слышащее гармонию языка»³.

Вывод, к которому приходит Гоголь, говоря о необходимости удачно объяснить значения слов, сформулирован им таким образом: «Раз утвержденные меткие определения слов останутся навсегда».

3. В словарях необходимо давать образцы удачного употребления слов и выражений. П. А. Вяземский выражал сожаление, что словари не уделяют внимания использованию лексики и фразеологии, «не приводят примеров различного употребления слов и выражений, какими являются они в разных эпохах и у разных писателей»⁴.

4. Хороший толковый словарь — это непререкаемый авторитет для писателя, его настольная справочная книга. Пушкин называл словарь «уложением языка»⁵, сводом законов и правил, подчеркивая этим юридическим термином значимость собранных в нем сведений и авторитет одобренных им норм языка. Интересна и показательна также аргументация Щедрина, защищавшего свое право употреб-

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. V, ГИХЛ, 1936, стр. 254.

² Там же, т. VI, стр. 161.

³ Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. IX, изд. АН СССР, 1952, стр. 441.

⁴ П. А. Вяземский, Старая записная книжка, 1929, стр. 83.

⁵ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. V, ГИХЛ, 1936, стр. 134.

лять просторечные слова. Когда рецензент указал на кажущиеся ему вздорными слова *головотяпы*, *гужееды* и другие, то сатирик сослался на Даля, Сахарова и других знатоков языка, подчеркнув, что он «имеет полнейшее право» воспользоваться этими словами и допустить их в книгу, так как они созданы народом и известны в разговорной речи ¹. Лестные отзывы о словаре Даля и о самом его составителе можно встретить у Некрасова, Тургенева, Толстого и других писателей.

§ 74. Участие языковедов в нормализации литературного языка во второй половине XIX века

По мере развития языкознания как самостоятельной науки становится все более ощутимым активное участие языковедов в развитии и нормализации литературного языка. Эта нормализаторская деятельность приобретает в XIX веке, особенно во второй половине, широкий размах и становится фактором большого общественного значения. Лучшие представители отечественного языкознания (Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, Я. К. Грот, А. А. Шахматов и другие) уделяют много внимания различным вопросам нормирования литературного языка и задачам дальнейшего развития культуры устной и письменной речи.

Эта плодотворная деятельность языковедов в разработке средств и норм литературного языка была в значительной степени подготовлена в XVIII и первой половине XIX века. Еще Ломоносов наметил широкий круг вопросов, которые стояли перед исследователями литературного языка и которым уделяли большое внимание А. А. Барсов, А. Х. Востоков, К. С. Аксаков и другие. Их деятельность в области развития русского литературного языка хорошо раскрыта и получила высокую оценку в трудах акад. В. В. Виноградова ², акад. С. П. Обнорского ³, а ранее в «Очерке истории языкознания в России» С. К. Булича ⁴.

Во второй половине XIX века значительно увеличивается и обостряется интерес языковедов к проблемам развития литературного языка, языку художественных произведений и вопросам стилистики. Наряду с этим вырастают авторитет и общественная значимость деятельности языковедов. Все это свидетельствует о том, что в литературной обработке общенародного языка участвуют не только писатели, «мастера слова», но и лучшие представители научной общественности. Роль языковедов в развитии русского литературного языка определялась их конкретным вкладом в разра-

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин, Полное собрание сочинений, т. XVII, ГИХЛ, 1937, стр. 239.

² В. В. Виноградов, Русская наука о русском литературном языке, «Ученые записки МГУ», т. III, кн. I, 1946.

³ С. П. Обнорский, Итоги научного изучения русского языка, (Опубликована там же.)

⁴ С. К. Булич, Очерк истории языкознания в России, СПб, 1904.

ботку средств и норм литературного выражения, а также созданием основ научного изучения литературного языка и его истории. Являясь знатоками языка и его истории, они приводили средства литературного выражения в стройную систему и направляли дальнейшее его развитие по верному пути.

Круг вопросов, которые поднимались языковедами во второй половине XIX века и решение которых имело большое значение для дальнейшего развития и совершенствования русского литературного языка, был весьма широким. К числу наиболее актуальных из них можно отнести следующие:

- а) определение источников, за счет которых должно происходить дальнейшее пополнение средств литературного языка;
- б) вопросы нормализации литературного языка в области лексики, грамматики и орфографии;
- в) создание стилистики русского языка и разработка принципов стилистических исследований;
- г) изучение языка художественных произведений и роли писателей в истории литературного языка.

Фольклор, язык произведений устного народного творчества — вот один из важнейших источников, на который указывали Буслаев, Потебня и другие языковеды, когда обращались к вопросам пополнения и развития средств литературного языка. Например, Буслаев, посвятивший изучению языка древних российских стихотворений большой труд («Материалы для русской стилистики»), так мотивировал необходимость изучения языка фольклора: «Органическая жизнь, которою проникнут он, дает ему характер предмета, имеющего полное право войти в область филологии»¹. В языке древних российских стихотворений он обнаружил речевые периоды, меткие эпитеты, сравнения, удачные примеры образного словоупотребления, встречающиеся также у Карамзина, Пушкина, Гоголя и других писателей.

Большое внимание уделял языку русского фольклора Потебня, по мнению которого развитие языка определяется прежде всего успехами устного народного словесного творчества. Он с увлечением занимался анализом произведений народной поэзии², полагая, что основной созидательной и движущей силой в развитии языка является творчество народа.

Акад. А. А. Шахматов указывал на диалектизмы как на источник пополнения литературной лексики в XIX веке и разъяснял это в предисловии к Академическому словарю русского языка следующим образом: «В общеупотребительном языке не достает слов для выражения многих понятий, определенно выражаемых областными словами: таковы, в особенности, слова, относящиеся к различным явлениям природы, многим ремеслам и производствам... Между

¹ Ф. И. Б у с л а е в, О преподавании отечественного языка, изд. 2, 1868, стр. 329.

² См.: А. А. П о т е б н я, Из записок по теории словесности, Харьков, 1905.

тем множество местных слов, например, *паук, земляника, пахать, брюква* и т. д., уже ассимилировались литературным языком»¹.

Проблема литературного освоения диалектизмов в ряде случаев рассматривалась языковедами второй половины XIX века в связи с использованием просторечия, а также различных элементов языка старинных песен и других произведений устного поэтического творчества. Причем этим речевым средствам иногда отдавалось предпочтение, подчеркивалось их преимущество перед нормированной «образованной речью». На это обращал внимание Буслаев, утверждавший, что в «нынешнем просторечии, видоизменяемом по местным или областным особенностям, ... сохранилось древнейших и существенных свойств русского языка больше, нежели в современной образованной речи»².

Следующий круг вопросов, интересовавших языковедов второй половины XIX века, относился к нормализации литературного языка, к определению тех образцов и авторитетов, на которые следует равняться при установлении литературной нормы в области лексики, грамматики и стилистики.

Словари и грамматики, утверждая и популяризируя литературные нормы языка, должны, судя по отзывам Буслаева, Давыдова, Срезневского, Потебни, Шахматова, руководствоваться двумя основными авторитетами: а) словоупотреблением народа, типичным для живой разговорной речи; б) творчеством выдающихся писателей. Так, Давыдов указывал, что авторы словарей и грамматик должны «не изобретать язык, а прислушиваться к языку живому, следить за самобытными писателями и все богатство народного языка вносить в словарь, все изгибы народной речи вписывать в грамматику; *хранить и утверждать язык* — вот обязанность современной филологии». По его мнению, словари и грамматики должны служить «сокровищницею завещанного предками богатства и руководством для современников»³.

Акад. Шахматов следующим образом решал вопрос относительно нормализации языка. Он признавал, что «главный и единственный авторитет в языке — это обычай употребления». Поэтому, разъяснял он, «странно было бы вообще, если бы ученое учреждение, вместо того чтобы показывать, как говорят, решилось указывать, как надо говорить. Очевидно, что такое учреждение упразднило бы, таким образом, те два авторитета, которые одни могут иметь решающее значение в вопросах языка, — это, во-первых, авторитет самого народа с его безыскусственным употреблением, во-вторых, авторитет писателей — представителей духовной и умственной жизни народа. Вот почему Академия должна дать в словаре отечественного языка по возможности полное описание

¹ «Словарь русского языка», т. II, 1907. Предисловие, стр. VI.

² Ф. И. Б у с л а е в, Историческая грамматика русского языка, изд. 5, 1881, стр. 20.

³ И. И. Д а в ы д о в, Опыт общесравнительной грамматики русского языка. Предисловие, стр. V—VI.

существующего словоупотребления; ее словарь должен содержать... такой надежный материал, из которого было бы видно, как говорит народ в различных областях России, как выражаются современные писатели, в каком значении употреблялись те или другие слова писателями прежнего времени и т. д.»¹

Создание стилистики русского языка и включение ее в состав филологической науки, способствующей развитию литературного языка и подъему речевой культуры народа, — вот также одна из важнейших проблем, которой уделяли внимание в XIX веке многие выдающиеся языковеды.

В «Материалах для русской стилистики» Буслаева дано определение предмета стилистики, приведены образцы стилистического анализа и выражено настойчивое пожелание дать стилистике «прочную филологическую основу и неразрывными узами совокупить с грамматикой: поэтому многие статьи стилистики являются дальнейшим развитием синтаксиса, этимологии и словаря»². Взгляды Буслаева на соотношение стилистики и грамматики в основных чертах совпадают со взглядами на предмет и задачи стилистики, изложенные Белинским. По этому поводу Белинский писал в рецензии на риторику Кошанского. Подчеркнув, что говорить правильно и говорить хорошо — совсем не одно и то же, что иной семинарист говорит и пишет как олицетворенная грамматика, а его нельзя ни слушать, ни читать. Он разъяснял:

«Дело в том только, чтоб грамматика знала свои границы и слушалась языка, которого правила объясняет: тогда она научит правильно и писать, и читать; но все-таки т о л ь к о п р а в и л ь н о, не больше: учить же говорить и писать х о р о ш о — совсем не ее дело. Сколько мы догадываемся, на это претендует риторика. Нелепость, сушая нелепость!»³

Словесное искусство имеет свои приемы и закономерности. В искусстве говорить, особенно в искусстве писать, подчеркивал Белинский, «есть своя техническая сторона, изучение которой очень важно». С т и л и с т и к а, по его мнению, должна «составить с о б о й д о п о л н и т е л ь н у ю, о к о н ч а т е л ь н у ю ч а с т ь г р а м м а т и к и, в ы с ш и й с и н т а к с и с, то, что в старинных латинских грамматиках называлось: *syntaxis ornata* и *syntaxis figurata*»⁴.

Таким образом, стилистика не противопоставляется грамматике, а рассматривается как закономерное ее продолжение, как дополнительная и окончательная часть, как высшая ступень изучения речевой деятельности.

Буслаев так определил отношение стилистики к грамматике: «Стилистика необходимо должна основываться на грамматике, ибо

¹ А. А. Шахматов. Статья «Несколько слов по поводу записки И. Х. Пахмана».

² Ф. И. Буслаев, О преподавании отечественного языка, 1941, стр. 169.

³ В. Г. Белинский, Сочинения, т. IV, 1900, стр. 707.

⁴ Там же, стр. 708.

она есть не иное что, как та же грамматика, только в непрестанном применении к чтению писателя и к собственному сочинению¹.

Склоняясь к тому, что область стилистики — это область функционирования языка, а также изучения словесного мастерства писателей, слога различных сочинений, Буслаев перечисляет основные «статьи», которые грамматика и стилистика должны отобрать у риторики. К ним он относит такие вопросы: о чистоте и правильности языка, о синонимах и архаизмах, о провинциализмах и варваризмах и др. «Только понятие о слоге индивидуальном или личном, — заключает Буслаев, — выступает из области филологии, ибо слог известного писателя определяется характером самого писателя; здесь филология граничит с историею и философиею»². Историческая стилистика должна, по его мнению, заниматься историей речений, старинных любимых выражений, обычных поговорок, фигур и т. п. Буслаев пользуется термином «украшенный синтаксис», синонимичным стилистическому синтаксису или приведенному Белинским латинскому термину *syntaxis ornata*.

Начиная с середины XIX века появляются исследования, посвященные роли писателей в истории литературного языка. Они свидетельствуют о растущем интересе языковедов к языку художественных произведений, к вопросам развития и совершенствования средств литературного выражения. Кроме упоминавшихся ранее исследований Буслаева, Потебни, можно указать на диссертацию К. С. Аксакова «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (1846), в которой выясняется роль Ломоносова как преобразователя литературного языка, воздается должное его творческому гению, указывается, что он очистил русский язык от старинных славянизмов и что «свободный от этой старинной примеси, от древних притязаний церковнославянского языка русский язык свободно вознесся в новую сферу»³.

Большой интерес и ценность имеет работа акад. Грота «Карамзин в истории русского литературного языка», в качестве подзаголовка к ней помечено: «Пересмотр вопроса о начале «нового слога» (1867). Чтобы оценить значение писателя в истории русского литературного языка и показать, как «в трудах Карамзина совершилось решительное вступление языка в новый период его литературного развития»⁴, он дает подробный очерк состояния литературного языка во второй половине XVIII века, говорит о роли Ломоносова, Фонвизина и других предшественников, а также современников Карамзина, характеризует его слог. Подробно излагая взгляды Шишкова, он затем переходит к характеристике филологических взглядов Карамзина, рассматривает роль в его произведениях славянизмов, иностранных слов, неологизмов. В приложении

¹ Ф. И. Б у с л а е в, О преподавании отечественного языка, 1941, стр. 168.

² Там же.

³ К. С. А к с а к о в, Ломоносов в истории русской литературы и русского языка, 1846, стр. 329.

⁴ Я. К. Г р о т, Филологические разыскания, т. II, СПб, 1899, стр. 49.

Грот поместил отрывки речей профессоров, являвшихся современниками Карамзина, а также высказывания писателя о языке, образцы его слога.

Общий вывод, к которому пришел Грот, сформулирован им так: «Карамзин дал русскому литературному языку решительное направление, в котором он еще и ныне продолжает развиваться». Благодаря Карамзину у нас «возникла в первый раз на русском языке проза ровная, чистая, блестящая, музыкальная, в выразительности и изяществе не уступающая прозе самых богатых литератур Европы»¹.

§ 75. Вопросы нормализации языка в „Исторической грамматике русского языка“ Ф. И. Буслаева

Нормализаторская деятельность заключается обычно в определении прав литературности речевых средств, то есть допустимости и возможности их употребления в литературе или в разговорной речи культурных людей. В соответствии с этим происходит отбор слов, выражений, форм словообразования и словоизменения, а также синтаксических конструкций, устанавливаются нормы словоупотребления. Нормализация литературного языка немаловажна без оценки речевых средств, в результате чего одним отдается предпочтение перед другими, выделяются и утверждаются наиболее жизненные и образцовые. Так как литературная норма в области лексики, грамматического строя и особенно стилистики исторически развивается и претерпевает изменения, то в процессе нормализации обычно учитываются эти сдвиги и устанавливаются, с одной стороны, новые жизненные тенденции, а с другой стороны, исчезающие, уходящие в прошлое. Из этого следует, что нормализация языка немаловажна без четко установленных грамматических правил, а также рекомендаций относительно более удачного употребления слов и выражений.

«Историческая грамматика русского языка» Ф. И. Буслаева (изд. 1—1858 г., изд. 2—1863 г.), продолжая традиции нормативно-стилистической грамматики Ломоносова, сделала очень многое в смысле упорядочения норм русского литературного языка второй половины XIX века. Знаток языка, ученый-мыслитель и безупречный стилист, Буслаев даже в труде по исторической грамматике отводит место вопросам нормализации современного ему языка. В различных параграфах и разделах его исследования разбросаны многочисленные замечания о речевых средствах, которые имеют права литературности или же не одобрены литературной нормой, о словах и выражениях, которые были употребительны в старом языке, но позднее не могли считаться образцовыми. Много внимания уделено в грамматике стилистическим нормам языка, оценке удачных и эффективных средств и приемов выражения. Буслаеву уда-

¹ Я. К. Грот, Филологические разыскания, т. II, СПб, 1899, стр. 86.

лось упорядочить и привести в систему правила словоизменения и словоупотребления, указать на различные колебания и варианты в области морфологии и синтаксических связей, определив, каким из них следует отдавать предпочтение.

Обратимся вначале к отбору речевых средств, к разграничению их на 1) одобренные литературной нормой и 2) нелитературные, употребление которых в образцовом языке не рекомендовалось. В грамматике Буслаева уделено этой дифференциации слов и их форм большое внимание. В ней четко разграничиваются речевые средства, употребительные в литературном языке, от неупотребительных средств, характерных для диалектов или для памятников древней письменности. Например, он указывает, что из существующих в русском языке трех разновидностей прилагательных сравнительной степени *больше*, *более* и *боле* (ср. *дальше*, *далее* и *дале*) первая и вторая приемлемы в литературном языке. Что же касается формы *боле*, то она определяется им как характерная для «областного», следовательно, нелитературного словоупотребления, хотя эти формы, как напоминает Буслаев, были в древнерусском языке: «В древнерусском и областном употребляются формы древнейшие: *боле*, *мене*, *дале*... в м. книжных: *более*, *менее*, *далее* и проч. (ч. I, стр. 156) ¹.

Указав, что литературному языку свойственны две формы — *более* и *больше*, Буслаев затем различает их употребление в книжном языке и в разговорной речи: «В языке книжном принято употреблять сравнительные с окончанием *-ше* в смысле прилагательных, ...прилагательные же на *-е* — в смысле наречий. Речь разговорная такого различия не знает, пользуясь в обоих случаях только одним окончанием *-ше*. Например, «чем *дальше* (вм. *далее*) в лес, тем больше дров». Кроме пословицы, он ссылается на употребление у «образцовых писателей» и цитирует Фонвизина: «Он уже стал *больше* француз, нежели русский» (ч. I, стр. 156). Наконец, в примечании делается ссылка на употребление в древнерусском языке «до времен Ломоносова» форм *светляе*, *смеляе*, которые теперь «слышатся в северном наречии» (ч. I, стр. 157).

Такое же четкое разграничение литературных средств от диалектных при устаревших наблюдается у Буслаева в описании синонимов русского языка. Словам, имеющим права литературности (*ноги*, *крыло*, *губы* и др.), он противопоставляет из «областного просторечия» такие примеры метафорического словоупотребления, как *ходули*, *махало*, *грибы*, указывая при этом, что в нижегородской речи *губы* означает *грибы*, а в смоленской, наоборот, *грибами* называют *губы* (ч. II, стр. 54—55).

Отличать новые и жизненные в языке средства от устаревших, уходящих в прошлое, — тоже задача нормализаторов языка. Бус-

¹ Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, изд. 5, 1881. Часть первая (Этимология) обозначается цифрой I, вторая (Синтаксис) — цифрой II.

лаев, говоря об уменьшительных и ласкательных именах, широко известных в древнерусском языке и в просторечии (*Петька, Иринка, людишки, лошадушка* и др.), подчеркивает, что они в современном литературном языке малоупотребительны.

«Новейшая книжная речь удалась от таких имен, как от слов, по своей наивности не соответствующих строгому логическому течению мыслей» (ч. II, стр. 201—202). В довершение к этому он замечает, что в народной речи ласкательная форма иногда употребляется там, где в логическом отношении она не совсем уместна: вместо *смерть, измена, хворь* — *смертушка, изменушка, хворобушка* и т. п.

Современное литературное употребление, например, титула *князь* Буслаев противопоставляет использованию его без изменения падежей «в старинном и народном языке» в качестве приложения при собственном имени: «*Князь* Петра», «*князь* Петру» (ч. II, стр. 247). «Ныне употребительнее, — пишет он, — после глагола *ждать, ожидать* управление с родительным падежом» (ждать ч е г о?), а не с винительным (ждать ч т о?), хотя последнее «встречается не только в старинном и народном языке, но и у писателей: «жни, баба, пшеницу, жди п и р о г и» (пословица); «у ч а с т ь Казани ожидает и Нижний» (Пушкин)» (ч. II, стр. 306).

Обращая внимание на исчезновение из общеупотребительного литературного языка в середине XIX века ряда церковнославянизмов, Буслаев так объясняет права литературности и нормы употребления архаичных слов: «В речи книжной, витиеватой употребляются слова и формы церковнославянские, каковы: *брег, чело, глагол, усопиши* и проч., в отличие от речи разговорной, которой свойственны слова чисто русские, каковы: *берег, лоб, слово, умерший* и проч.» (ч. II, стр. 51).

Обратимся к тем правилам и рекомендациям, которые давал Буслаев, учитывая всю сложную динамику развития грамматического строя языка и смысловой структуры слов и стремясь создать единую и стройную систему норм литературного выражения. Свою нормализаторскую деятельность, а также необходимость утверждения твердых правил употребления слов и их форм он ставил в зависимость от закономерностей исторического развития языка, его стремления к однообразию. Во введении к синтаксису у него сказано об этом так: «Подчиняясь общим законам логики, язык в позднейшем периоде своего развития стремится подвести под общие правила разнообразное употребление слов старинной и народной речи. Потому синтаксис новейшей книжной речи отличается от синтаксиса древнего и народного языка большею простотою и однообразием в правилах управления и согласования слов» (ч. II, стр. 20).

В тех же случаях, когда происходили изменения в смысловой структуре слова, когда в нем появлялись новые значения и оно вступало в синонимические отношения со словами, ранее далекими от него, грамматика должна была улавливать это новое качество

и соответствующим образом дифференцировать различные смысловые отношения. Необходимость такого уточнения грамматических правил Буслаев иллюстрирует глаголом *наблюдать*, который первоначально управлял винительным падежом (так как имел значение — «хранить что-либо»). С течением времени у него возникает новое значение. «Будучи сближен с понятиями *следить за кем, смотреть за кем*, управляет, как и эти глаголы, творительным падежом с предлогом *за* (*наблюдать за кем*); будучи сближен с понятием *делать опыт над чем*, получает управление, одинаковое с этим описательным выражением, принимая после себя творительный падеж с предлогом *над* (*наблюдать над чем*)» (ч. II, стр. 76). Так, наряду со значением расширяются и формы глагольного управления, которые находятся в тесной зависимости от семантики и ее исторического развития. Буслаев, следовательно, не только описывает правила нормативной грамматики, но и стремится их обосновать и объяснить, указывая при этом и на первоначальные, древние, и на новейшие синтаксические связи слов. Например, глагол *следовать* «в значении первоначальном, наглядном, требует творит. падежа с предлогом *за* (*следить за кем*), а в переносном — дательного (*следовать кому*)» (ч. II, стр. 75).

Проследивая отражение в грамматической структуре слов процесса метафоризации — появления переносно-фигуральных значений, он объясняет, когда слова *пень, язык, мешок* и другие (если они обозначают одушевленные предметы) могут употребляться в винительном падеже, сходном с родительным. Употребленные по адресу человека, они выступают в переносном значении, а поэтому возможны такие выражения: «Этого *пня* не скоро своротишь», «*Языка* ведут» и т. п. (ч. II, стр. 190).

Значительное место отведено в грамматике Буслаева стилистической дифференциации лексики, частей речи и синтаксических конструкций, объясняемой своеобразием исторического развития стилей литературного языка. Он неоднократно напоминает, что формы и обороты, типичные, например, для «высокого слога», для «книжной, витиеватой речи», не всегда могут быть пригодны в обычной речи. Например, архаичные окончания винительного падежа допустимы в «высоком слоге у писателей образцовых»: у Державина — «*сыны сынов* своих увидят», у Батюшкова — «спешу принести цветы... *нежны первенцы* полей» (ч. II, стр. 192).

Буслаев уделяет также внимание стилистическому своеобразие синонимов, сопоставляя слова с оттенком вежливости с их эквивалентами, лишенными этого качества: *кушать* и *есть*, *почивать* и *спать*, *пожаловать* и *дать*, *изволить* и *хотеть* и др. При этом он указывает и на существование грубых слов, которые, будучи синонимичными глаголам *умереть, есть, спать* и другим, употребляются применительно к животным, а также к людям «для придания выражению грубого оттенка» (ч. II, стр. 52). Показательно, что Буслаев не приводит примеры этих грубых слов, давая этим почувствовать, что они не одобряются литературной нормой.

В задачу нормативно-стилистической грамматики входит объяснение разнообразных и весьма тонких различий в употреблении довольно близких по значению слов. Это хорошо показано у Буслаева, например, в описании различного употребления слов *всякий* и *каждый*. Он поясняет, что это различие «основывается на их произведении», и указывает, что *всякий* (от *весь*) употребляется тогда, когда говорится о всех, в смысле ка к о й б ы т о н и б ы л о; например, «*всякий хочет* наслаждаться», т. е. какой бы то ни было: и богатый, и бедный, и глупый, и умный и т. д.; *каждый* (*кий-ждо*) имеет смысл числительный, обозначая всех поодиночке, самого себя; например, у Пушкина: «оба мы замолчали, погружаясь *каждый* в свои размышления» (ч. II, стр. 179).

Таким образом, в своей «Исторической грамматике русского языка» Буслаев стремился раскрыть и показать нормы образцового языка, объяснить их закономерности и показать историческое развитие речевых средств. Грамматика эта сыграла большую роль в нормализации русского литературного языка во второй половине XIX века и оказала плодотворное влияние на языковедческие работы, продолжавшие ее традиции.

§ 76. Значение словаря Даля и Академических словарей (издания 1847 и 1895 годов) для развития литературного языка

Акад. И. И. Срезневский так определял в середине XIX века роль словарей в развитии художественной литературы и речевой культуры народа: «Где знание отечественного языка считается более необходимым, где, следовательно, лучше составлены словари его, где писатели чаще к ним обращаются, там и литература, как искусство, стоит выше»¹. Из этого следует, что успехи лексикографии, появление хорошо составленных словарей находятся в прямой зависимости от «знания отечественного языка», от уровня языковедческой науки. Словарь оказывает влияние на развитие речевой культуры, а писатели охотно к нему обращаются в том случае, когда он составлен со знанием дела и построен на прочной научной основе.

Вторая половина XIX века ознаменовалась заметным подъемом лексикографической деятельности. Наряду с толковыми словарями в это время создаются словари исторические, научно-технические, орфографические, фразеологические, областные, иностранных слов и др. Заметно повышается и теоретический уровень лексикографии, расширяются и увеличиваются требования к филологическим словарям. Появляются подлинники энтузиасты словарного дела, например Владимир Даль.

Напомним также, что акад. И. И. Срезневский много лет (при-

¹) См.: «Известия Академии наук. Отд. русского языка и словесности», т. III, 1853, стр. 150—151.

близительно с 1847 по 1880 г.) работал над словарем древнерусского языка, который еще в 1869 году хотел назвать «Словарем книжного и народного языка»¹. Его взгляды на состав, объем и принципы толкования слов свидетельствовали о больших успехах отечественной лексикографии. Считая необходимым представить в словаре все богатства книжной и разговорной речи, он вместе с тем подчеркивал важность создания исторического словаря, в котором были бы даны сведения о появлении слов, о развитии словарного состава языка. Что же касается круга читателей словаря, то Срезневский представлял его очень широким. В числе их он видел не только писателей, учителей и вообще грамотных людей, но и людей науки, специалистов по разным отраслям знания. Относительно исторических сведений о словах он писал в 1866 году, что «не только исследователю языка и словесности, но и историку и археологу любопытно, а иногда и важно знать, с какого времени и как те или другие слова... вошли в употребление и как долго удерживались, если не остались принадлежностью нынешнего языка»².

Опубликование в 1863—1866 годах «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля было событием большого культурно-исторического значения. Впервые в этом словаре были собраны и показаны неисчислимые богатства русского языка, его речевые самородки и самоцветы. Кроме огромного количества слов (во втором издании их было более 200 тысяч), в словаре приведено свыше 30 тысяч пословиц и поговорок.

Говоря о собранных Далем «сокровищах языка и ума народного», акад. Я. К. Грот так оценивал значение его труда, получившего в 1870 году Ломоносовскую премию Академии наук: «В современной русской лексикографии это без всякого сравнения самый полный и многообъемлющий словарь; притом это труд, задуманный смело и оригинально, выполненный самостоятельно. Совершение подобного труда, при всех его недостатках, есть подвиг важный, редкий в нашей литературе: давно уже у нас не было такого обширного и веского по русскому языку сочинения, которое могло бы идти в сравнение с этим»³.

Красной нитью через все высказывания Даля о словаре и языке проходит мысль о богатстве живого языка русского народа и о необходимости коренного улучшения языка литературного. Основная идея Даля, вдохновлявшая его и определившая своеобразие состава и структуры созданного им словаря, выражена у него в следующей формуле: «Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный».

Даль придерживался того мнения, что современный ему литературный язык далек от совершенства, что в него без нужды вне-

¹ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, 1893. Предисловие, стр. IX.

² Там же, стр. 11.

³ Я. К. Грот, Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля, Филологические разыскания, т. II, 1889, стр. 43.

сено много иностранных слов, не говоря уже об искусственных книжных оборотах речи и многих примерах неудачного словопроизводства. По поводу увлечения иноязычными речевыми средствами в первой половине XIX века Даль говорил: «Надев фрак и заговорив на все лады, кроме русского, мы будем врать, врать и врать».

Чтобы приблизить книжный язык к живым источникам народной речи и выработать из нее «язык образованный», необходимо было собрать и умело показать все ценности общенародного языка. Даль был глубоко убежден, отстаивая свою точку зрения до конца жизни, что «живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, целость и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной, разумной русской речи взамен нынешнего языка нашего»¹.

Эта забота об улучшении литературного языка и об освоении лучших достижений речевой культуры русского народа сказалась на взглядах и во всей деятельности Даля. Правда, вопрос о соотношении живой народной речи и языка литературного не сразу получил у него правильное решение. Приблизительно лет за 25 до опубликования словаря Даль был даже склонен отдать предпочтение способу выражения, свойственному простонародной речи. Например, встретив в 1837 году Жуковского, проезжавшего через Уральск, Даль предложил ему образчик двоякого способа выражения: 1) на общепринятом языке: «Казак оседлал лошадь как можно поспешнее, взял товарища своего, у которого не было верховой лошади, к себе на круп и следовал за неприятелем, имея его всегда в виду, чтобы при благоприятных обстоятельствах на него напасть» и 2) на языке народном: «Казак сделал уторопь, посадил бесконного товарища на забедры и следил неприятеля в назерку, чтобы при спопутности на него ударить». Жуковский, мало сочувствуя последнему способу выражения, заметил, что так можно говорить лишь с казаками и притом о близких им предметах².

Позднее Даль существенно пересматривает такой взгляд на литературные права любых элементов народной речи. Он выступает против того, чтобы увлекаться и некритически вносить в литературу слова и выражения, от которых «пахнет сивухой, дегтем или, по крайности, банными вениками». Как он сам настойчиво подчеркивал, «слова, речи и обороты всех концов великой Руси» он собирал и объяснял «не для безусловного включения их в письменную речь, а для изучения, для знания и обсуждения их, для изучения самого духа языка и усвоения его себе, для выработки из него постепенно своего, образованного языка». При этом он полагался на вкус и чутье писателя, а также и читателей: «Читатель, а тем паче писатель

¹ В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, 1863; стр. 11.

² См.: Я. К. Грот, Филологические разыскания, стр. 12.

сами разберут, что и в каком словаре можно принять и включить в образованный язык»¹.

В соответствии с этими задачами Даль составлял словарь, стараясь продемонстрировать в нем все языково-стилистические ценности русского языка, показать их с лучшей стороны. Поэтому целесообразнее было расположить слова не в алфавитном порядке, так как этот способ лишает возможности проследить родственные связи многих слов, обнаружить богатую систему словообразования, раскрыть целые гнезда слов, произведенных от одного корня, а в алфавитно-гнездовом.

В качестве основного способа толкования слов Даль использовал синонимический (значение слова раскрывается путем приведения ряда синонимов, очень близких по значению). Это дало ему возможность привести целые ряды синонимов с их тонкими смысловыми оттенками, свидетельствующими о богатстве языка и высокой речевой культуре. Кроме того, огромное количество пословиц, поговорок и других фразеологических единиц, использованное им для пояснения значений слов и их употребления (к слову *лапоть* приведено около 30 изречений, к слову *глаз* — более 100, к слову *жена* — около 50 и т. д.), тоже позволяло Далю наглядно показать, какие неисчерпаемые возможности для творчества представляет в распоряжение писателей русский язык.

В числе синонимов Даль приводил не только общеупотребительные слова, но и диалектные, поскольку он считал местные говоры «законными детьми русского языка». Например, к слову *глаза* он приводит синонимы: *шары, талы, буркалы, зенки* и т. п.; *кокетка* — *миловидница, красовитка, жеманница, хорошиха, казотка* и др.; *бодрый* — *бойкий, живой, несонный, невялый, бдительный; смелый* — *мужественный, дюжий, здоровый, сильный; осанистый* — *видный, молодцеватый*. Безусловно некоторые из приводимых здесь слов нельзя считать близкими или общими по значению.

Для Даля важно было показать, что есть в живом словоупотреблении народа, над чем можно и нужно работать, создавая «язык образованный». Поэтому его толкования слов, преследующие эту же цель, в ряде случаев выходили за нормы, установленные для филологических словарей, так как он привлекал некоторые сведения энциклопедического характера. Это хорошо прослеживается в его толковании слова *лапоть*:

«*Лапоть, лапоток, лаптишка, лаптища*. Плетеная, короткая обувь, вроде грубого башмака, из лык, иногда из бересты, шелюги, таловой, ивовой, вязовой коры: это *берестяники, шелюжники, бахоры, ступни, босовики*; из драни молодого распаренного дуба (чрнг.); есть и соломенные, и пеньковые *курты, крутцы*, из оческов или из ветхих и развитых веревок, *шептуны* и *волосяники*, из конских грив и хвостов. Лапоть плетется в 5—12 лык, на колодке, кочедыком,

¹ В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, стр. V.

и состоит из *плетня* (подошвы), *головы* (переду), *обушника* (боков) и *запятника*; обушник, или кайма, сходится концами на запятнике и, связываясь, образует *оборник*, род пятки, в которую продеваются *оборы*. Поперечные лыка, загибаемые на обушнике, называются *курцами*; в плетне обычно десять *курцев*. Иногда лапоть еще *подковыривают*, проводят по плетню лыком или же паклею; а *писанные лапти* украшаются узорною подковыркою.

Стремясь сблизить литературный язык с общенародным и призывая подорожить народным языком и выработать из него язык образованный, Даль стоял в этом отношении на правильной позиции. Его словарь не мог не оказать плодотворного влияния как на развитие и обогащение средств литературного выражения, так и на самую оценку и принципы обработки народного языка мастерами слова.

Обратимся к академическим словарям издания 1847 и 1895 годов, кратко охарактеризовав их значение для нормализации русского литературного языка. В отличие от «Словаря Академии Российской» (1789) с развитой в нем системой стилистических помет (просторечное, простонародное, низкий слог, простое употребление и т. п.) «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847) значительно сокращает состав стилистических характеристик слов. Речевые средства, не имеющие прав литературности, обозначены в нем преимущественно двумя пометами: «просторечное» и «простонародное».

Например, к просторечным словам в нем отнесены: *якшаться*, *баклуши*, *чушь*, *огорошить*, *ляпать* (ударять) и т. п.; к простонародным: *бахвал*, *зипун*, *ямлить*, *допекать*, *гурьба*, *забуддыга*, *прихвостни*, *простофиля*, *затрещина* и др.

Регистрируя изменение литературной нормы и включение в состав литературной лексики ряда слов, считавшихся в прошлом просторечными, авторы словаря 1847 года изменяют некоторые стилистические характеристики. Они сняли, например, пометы «просторечие» (которые были в «Словаре академии Российской») у таких слов: *вздор*, *вышколить*, *коверкать*, *ковылять*, *остолбенеть*, *тупица* и др.

Значение и ценность словаря 1847 года для развития литературного языка объясняются тем, что он, по замыслу составителей, должен являться «сокровищницей русского языка на протяжении многих веков, от первых письменных памятников до позднейших произведений нашей словесности»¹.

О богатстве представленного в нем материала и росте литературного языка можно судить по таким сравнительным данным. Если в «Словаре Академии Российской» (1789—1802) было помещено 43 257 слов, то теперь (в 1847) это число было доведено до 114 749, причем увеличение произошло преимущественно за счет включения новых слов. Значительно улучшились также способы толкования слов, свидетельствующие об успехах отечественной лексикографии.

¹ «Словарь церковнославянского и русского языка», т. I, СПб, 1847. Предисловие, стр. IX.

Так как словарь 1847 года отражал состояние и нормы русского литературного языка 30—40-х годов XIX века, то, уже начиная с середины этого века, Академия наук приступила к составлению нового словаря, более обширного и современного. Работу эту возглавляли вначале Я. К. Грот, а с 1895 года — А. А. Шахматов. Словарь этот, выходивший отдельными выпусками начиная с 1891 года (т. I, А—Д, 1891—1895), остался незаконченным.

Судя по первому тому этого словаря, подготовленному под редакцией Грота, в нем большое внимание уделялось нормализации языка: Чтобы полнее отразить состояние русского языка, составители включали в него «неологизмы, которыми за последние десятилетия обогатилась русская речь»¹. Особое внимание было уделено стилистической характеристике речевых средств. Грот считал, что редактируемый им словарь имеет по преимуществу практический характер, «отвечая потребностям образованного класса людей вообще». Поэтому Грот разрабатывает более тонкую и подробную систему стилистических помет, ориентирующуюся на нормы литературного языка середины XIX века. «Так, в «Словаре русского языка» различаются слова и выражения не только просторечные (например, *белки* — «глаза»; ср. *вытаращить белки*; *выкрутасы*; *выпивала*; *выпяливаться* — «одеваться в нарядное платье»; *высасывать* — «обирать»; *впянуть в хлопоты*, *втридорога* и т. д.), простонародные — крестьянско-мещанские (например, *вылупить глаза*, *высадить* — «сместить», *взбучка*, *вечеря* — «посиделки», *вечорошний*, *взъерепенить*, *вздержка*, *волдырь*, *вова*, *встряска* и др. под.), народные (общерусские, крестьянские) речения, употребляемые в языке образованных людей, речения народно-поэтические (например, *белоярый* и т. д.), вообще поэтические, старинные, устарелые, областные, но и детские (например, *бляшка*, *бляка*), иронические (*возлияние Бахусу*, *вылезть в люди*), простонародно-иронические (например, *втюриться по уши* и др. под.), шуточные (*белотелец* — прозвище ярославцев, ср. отметку: *грубая шутка*), непристойные и т. п. Таким образом, вводятся обозначения разной экспрессивной, выразительной окраски слов. Уточнена система указаний на социально-групповые различия языка (например, введены отметки: *школьн.* — *вдолбежку*, *выдолбить*, *вызубрить* и т. д., *бурсацк.*, *бухгалтерск.*, *диплом.*, *делов.*, *канцелярск.*, *заводск.*, *кондитерск.*, *коннозаводч.*, *купеческ.* и др. под.)»².

Дальнейшее развитие отечественной лексикографии, а также появление новых грамматик и исследований языка писателей со всей очевидностью убеждает, что не прекращающийся процесс формирования и шлифовки средств литературного языка все более и более вовлекал в его нормализацию широкий круг тех деятелей, которые наряду с писателями тоже участвовали в качестве безупречных «мастеров слова» и таким образом способствовали подъему речевой культуры.

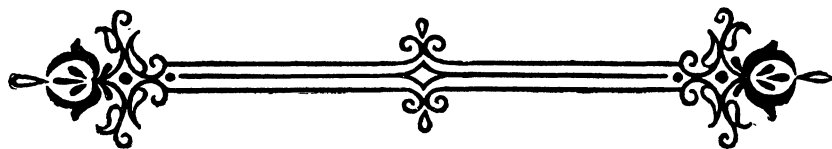
¹ «Словарь русского языка», т. I, СПб, 1895. Предисловие, стр. VI.

² В. В. Виноградов, Русская наука о русском литературном языке, «Ученые записки МГУ», т. III, кн. I, 1946, стр. 77—78.

ЛИТЕРАТУРА

В. В. Виноградов, Русская наука о русском литературном языке, «Ученые записки МГУ», т. III, кн. I, 1946. Толковые словари русского языка. Сб. «Язык газеты», Гизлегпром, 1943. С. П. Обнорский, Итоги научного изучения русского языка, «Ученые записки МГУ», т. III, кн. I, 1946. С. К. Булич, Очерк истории языкознания в России, СПб, 1904. Я. К. Грот, Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. Филологические разыскания, т. II, 1889. М. В. Канкава, В. И. Даль как лексикограф, Тбилиси, 1958. Ю. С. Сорокин, Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской», «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», изд. АН СССР, т. I, 1949. Е. А. Василевская, Лингвистическое наследие Н. Г. Чернышевского, «Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. XXV, вып. 4, 1954. М. И. Литвинов, Семантическая структура ремесленно-промысловой терминологии по материалам словаря Даля, «Ученые записки Шуйского пединститута», вып. 2, 1955. В. Н. Виноградова, Лексикографические материалы А. Н. Островского, «Русский язык в школе», № 3, 1958.

ГЛАВА 16

О РОЛИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РАЗВИТИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В XIX ВЕКЕ

§ 77. Язык художественной литературы и литературный язык

Определить роль художественной литературы в развитии национального литературного языка — значит раскрыть сложный исторический процесс плодотворного влияния речевой деятельности писателей на обогащение и совершенствование средств литературной речи, а также норм и приемов их употребления. При решении этой задачи возникает необходимость четко различать явления, при значительной их общности, явно неоднородные: 1) стилистический аспект: обогащение литературного языка творческими элементами, к которым относятся новые сочетания слов, выражения, обороты, новые значения и смысловые оттенки, оригинальные приемы употребления, расширяющие изобразительно-выразительные возможности языка, развивающие его стилистическую систему; 2) собственно языковой: пополнение через посредство художественной литературы грамматических или лексических средств, входящих в состав его языковой системы.

Сложность этих проблем объясняется тем, что литературный язык в XIX веке и позднее пополняется и обогащается не столько за счет новых языковых ценностей, созданных самими писателями, сколько за счет привлекаемых и употребляемых ими общенародных речевых средств, не имевших ранее прав литературности. Таким образом, язык художественной литературы, будучи одним из источников, питающих литературный язык, является в то же время своеобразным посредником, с помощью которого осуществляется связь между литературным языком и общенародной разговорной речью — этим основным и неистощимым резервуаром, откуда речевые средства, проходя через фильтр языка художественной литературы, поступают во всеобщее употребление.

Из этого следует, что во взаимодействии находятся в указанный период три языковых потока: общенародная разговорная речь, язык

художественной литературы и литературный язык. Выступая в качестве посредника между двумя основными языковыми стихиями, язык художественной литературы выполняет роль обогатительной лаборатории, сложного и многоступенчатого фильтра. В этом его главное назначение, так как новообразования самих писателей слишком ничтожны по сравнению с огромным потоком слов, выражений, словообразовательных и грамматических средств, которые проходят через эту лабораторию по пути из общенародной речи в литературный язык.

Функции языка художественной литературы не ограничиваются одним только пополнением состава средств литературного выражения. Являясь критерием образцовых литературных норм, как указывали на это Буслаев, Шахматов, он способствует очистке литературного языка от всего устаревшего и неполноценного. Фильтрации, следовательно, подвергаются как элементы нового качества, так и старого—исчезающие, уходящие в прошлое, причем существенное значение в этом процессе имеет эстетическая функция языка художественной литературы.

Плодотворно влияя на развитие литературного языка, язык художественной литературы (при всем многообразии ее направлений и жанров) в свою очередь находится в теснейшей зависимости от его состояния и общих тенденций употребления речевых средств. Писатели ограничены в словесно-художественном творчестве средствами и возможностями языка. Такая взаимозависимость, изменяющаяся на разных этапах истории речевой культуры, является решающим фактором в развитии интересующих нас языковых категорий.

Проблема взаимодействия языка художественной литературы и национального литературного языка может быть правильно решена лишь в том случае, если в качестве исходного положения будет принят тезис о взаимосвязи и взаимообусловленности процесса их развития.

В соответствии с этим положением должна строиться наука о литературном языке, как и стилистика художественной речи. Больше того, самая история русской литературы не может плодотворно развиваться в отрыве от истории национальной речевой культуры. Эта мысль неоднократно развивалась историками русского языка и зарубежными филологами. Например, А. А. Потебня считал историю русского литературного языка основой для истории литературы. Последняя «должна все более и более сближаться с историей языка, без которой она так же не научна, как физиология без химии»¹. Трудно привести серьезные аргументы и доказательства, которые бы опровергали это справедливое утверждение. Аналогичные мысли развивал И. И. Срезневский, взгляды которого на тесную связь развития языка и литературы имеют первостепенное значение для решения вопросов периодизации истории литера-

¹ А. А. Потебня, Мысль и язык, Харьков, 1876, стр. 182.

турного языка. Он полагал, что «главные эпохи нашей новой литературы, эпохи Проклоповича и Кантемира, Ломоносова и Сумарокова, Державина и Фонвизина, Карамзина и Крылова, Жуковского и Пушкина — это эпохи развития народности в книжном языке более даже, чем эпохи усовершенствования литературы по ее содержанию, эпохи развития народности литературного языка в отношении к словам и оборотам, к складу и слогу и т. п.»¹

В трудах К. С. Аксакова и Я. К. Грота о роли Ломоносова и Карамзина в истории русского литературного языка сделана попытка определить значение выдающихся писателей для развития речевой культуры и строить эту науку, учитывая роль личности писателя. Однако теоретические основы таких исследований еще не были разработаны.

В таком же плане строится история других славянских литературных языков. Например, большое значение придается языку художественной литературы в развитии польского литературного языка. Проследивая его историю позднего периода, акад. Т. Лер-Сплавинский² выдвигает на первый план язык художественной литературы, подробно характеризуя язык и стиль выдающихся авторов и обнаруживая в их творчестве отражение общих тенденций развития польской литературной речи. То же самое наблюдается и в трудах чешских историков языка. В своей «Истории литературного чешского языка»³ акад. Б. Гавранек уделяет большое внимание развитию поэтической речи, ее различным типам, характерным для эпох классицизма и романтизма. В опубликованной к IV съезду славистов (1958) статье «Роль национальной художественной литературы в развитии славянских литературных языков» проф. К. Горалек стоит на тех же позициях, утверждая в частности, что эта роль «определяется диалектикой функционального использования языковых средств при создании произведения словесного искусства»⁴.

Итак, с уточнением предмета изучения и выработкой методов исследования более четко определится и научная проблематика. Среди других проблем должное место займут и те, которые связаны с выяснением роли языка художественной литературы в развитии литературного языка. Назовем некоторые из них: 1) значение языка художественной литературы для развития стилистической системы литературного языка; 2) проблема периодизации истории литературного языка в соответствии с этапами развития литературы; 3) роль писателей в развитии народности (в «демократизации») литерату-

¹ И. И. Срезневский, Мысли об истории русского языка, Учпедгиз, М., 1959, стр. 78.

² T. Lech-Splawinski, Język polski. Pochodzenie powstanie, rozwój, 2 wyd. Warszawa, 1951. См. русский перевод: Т. Лер-Сплавинский, Польский язык, М., 1954.

³ B. Havranek, Vývoji spisovného jazyka českého, «Československá vlastivěda», řada II, Praha, 1936.

⁴ K. Horálek, Vloha národní umelecké literatury ve vývoji slovanských spisovných jazyků. См. сб. «Československé přednášky pro IV mezinárodní sjezd slavistů Moskve, Praha, 1958, стр. 419.

ного языка; 4) принципы литературного освоения просторечных и других нелитературных речевых средств; 5) роль личности выдающегося писателя в развитии средств и приемов литературного выражения; 6) значение художественной литературы в расширении и нормализации лексико-фразеологических и грамматических средств, в развитии системы синонимических соответствий; 7) влияние на средства литературного языка и приемы словоупотребления различных литературных направлений, школ и жанров (классицизм, романтизм, реализм и т. п.); 8) роль писателей в повышении культуры речи; 9) влияние литературного языка (при посредстве художественной литературы) на диалектную и народно-разговорную речь; 10) проблема общих и специфических категорий у литературного языка и языка художественной литературы и др.

§ 78. Роль писателей в развитии стилистической системы литературного языка

Чтобы точнее и объективнее определить влияние языка художественной литературы на развитие русского литературного языка в XIX — начале XX века, необходимо уточнить самые принципы подхода к решению этой сложной проблемы. Во-первых, следует установить, на какие компоненты или сферы литературного языка указанного периода это влияние распространилось наиболее ощутимо и когда роль языка художественной литературы была весьма незначительной. Во-вторых, выяснить, в чем конкретно выражалось влияние языка художественной литературы. В-третьих, решить вопрос о правомерности резкого противопоставления этих двух категорий, т. е. литературного языка и языка художественной литературы, а также о месте языка выдающихся писателей в истории литературного языка.

Известно, что литературный язык развивается как сложная, исторически видоизменяющаяся система систем. Его составными частями являются: фонетико-орфоэпическая система, грамматическая система, система лексико-фразеологическая и, наконец, стилистическая система, наиболее сложная и изменчивая, острее других испытывающая влияние языка художественной литературы.

Совершенно очевидно, что на историю литературного языка нельзя смотреть исключительно глазами историка-грамматиста и изучать ее теми же методами, которыми исследуется, например, в исторической грамматике развитие морфологической структуры общенародного языка.

Значение языка художественной литературы в развитии всех сторон литературного языка далеко не одинаково. Так, устойчивость морфологических норм в сложившемся национальном литературном языке после Пушкина не дает оснований говорить о значительной роли писателей в развитии этой категории.

В области произносительно-фонетических средств и норм этот период тоже не отмечается заметным влиянием языка художествен-

ной литературы (как это было в XVIII веке). Но совсем иные возможности открывались перед писателями в сфере лексико-семантических и фразеологических единиц. Наиболее же сильно и ошутимо влияние языка художественных произведений сказывалось на развитии стилистической системы литературного языка, на чем мы остановимся более подробно.

Прежде чем характеризовать важнейшие черты этой стилистической системы, необходимо согласиться с тем, что под понятием «история литературного языка» мы будем понимать не только развитие грамматических и лексических его средств, но также систему его стилей и характерных для них экспрессивно окрашенных речевых средств. Об этом приходится говорить потому, что в наше время существует тенденция — отказаться от привлечения в качестве предмета исследования языка художественных произведений и самых стилей литературного языка. Одним из поводов к этому, как ни странно, послужило следующее замечание авторов изданного в 1956 году проспекта «Очерков истории русского литературного языка XIX в.» В предисловии они писали, что будут изучать развитие грамматических и лексических средств: «Вопросы же, которые до сих пор обычно стояли в центре исследовательских интересов языковедов, изучающих историю литературного языка, — такие, как история стилей литературного языка, описание языковых особенностей разных жанров письменности, характеристика языка и стиля произведений отдельных писателей и т. п., — остаются за пределами наших «Очерков»¹.

Эта своего рода «фигура умолчания» была понята рядом филологов таким образом: все внимание следует сосредоточить на изучении грамматики и лексики литературного языка; что же касается его стилей и языка писателей, то ими заниматься не следует, а пристальное внимание к ним — если не заблуждение, то во всяком случае явление нежелательное. Например, в предисловии к «Истории русского литературного языка» В. Б. Бродской и С. О. Цаленчук в качестве «существенного недостатка» моего «Курса лекций» по истории русского литературного языка отмечается «слишком большой интерес к характеристике различных речевых стилей и их дифференциации»².

Подобного рода недоразумения побуждают усилить аргументацию в пользу изучения истории литературного языка как истории национальной речевой культуры в XIX—первой половине XX века, а в соответствии с этим назвать конкретные задачи и проблемы, связанные с влиянием языка художественной литературы на русский литературный язык этого периода.

¹ См. «Очерки истории русского литературного языка XIX века. Проспект (материалы к обсуждению)» под ред. чл.-корр. АН СССР С. Г. Бархударова, изд. АН СССР, М., 1956, стр. 4—5.

² В. Б. Б р о д с к а я, С. О. Ц а л е н ч у к. История русского литературного языка, ч. I, изд. Львовского университета, 1957, стр. 3.

Есть все основания утверждать, что предмет науки о литературном языке нельзя так суживать и ограничивать, в силу чего она во многом отождествляется с несколько расширенной и доведенной до нашего времени исторической грамматикой и исторической лексикологией. В итоге исчезает самый предмет исследования историков литературного языка. Если историческая грамматика, исследуя закономерности развития системы языка, не будет ограничивать свои наблюдения XVI—XVIII веками, а подробно охарактеризует изменения в морфологии, словообразовании и синтаксисе, происшедшие в XIX веке, то что же остается на долю истории литературного языка? Кроме того, многие изменения в парадигмах и синтаксических связях, описанные в хронологической последовательности, еще не вдохнут «духа жива» в науку о литературном языке, не дадут о нем представления как важнейшем факторе национальной речевой культуры. Такие сводки парадигм представят литературный язык в виде своеобразного гербария, в котором нет ни цветов, ни плодов. Между тем, как хорошо сказал акад. А. А. Шахматов, история литературного языка — это «история развития русского просвещения».

Рассматривая литературный язык как систему стилей и характерных для них речевых средств, как явление, развивающееся в единстве с развитием литературы (художественной, публицистической, научной и т. д.), исследователи в таком случае правильно понимают предмет науки. В качестве объекта наблюдений они имеют не только развитие и нормализацию самих средств литературного выражения, но также их стилистическое своеобразие и важнейшие закономерности употребления. Ведь литературный язык — это не склад мертвых, безжизненных речевых единиц. В нем слова, выражения, словосочетания живут вместе со способами и приемами их применения. Поэтому историк литературного языка стоит перед необходимостью изучения всех его стилевых разновидностей, включая книжную и разговорную формы, в том числе ораторскую речь. Поскольку же язык художественной литературы является важнейшей и организующей разновидностью литературного языка, внимание к роли писателей в этом процессе должно быть разносторонним и неослабным. Трудно представить себе и согласиться, будто бы язык Тургенева, Некрасова, Щедрина или, например, Чехова, под обаянием и благотворным влиянием которого воспитывается не одно поколение грамотных людей, — это замечательное событие в истории русской речевой культуры по многообразию средств и приемов литературного выражения — не имеет никакого отношения к истории русского литературного языка конца XIX — начала XX века.

Стилистическая система национального литературного языка со всем ее богатством и разнообразием — это его важнейшее и специфическое качество, благодаря которому он значительно отличается от разговорно-бытовой речи народа. Есть основания утверждать, что стилистическую систему литературного языка образуют не только все его основные стили с их разновидностями и подгруппами, раз-

вивающимися во взаимосвязи и взаимодействии, но так же и все характерные для различных видов литературной речи экспрессивные, стилистически окрашенные элементы лексики, фразеологии, словообразования, грамматики, которые употребляются наряду с нейтральными и на их фоне, образуя многочисленные языковые светотени. В ее состав входят все образные речевые средства. Так, афоризмы писателей («А ларчик просто открывался»), вошедшие во фразеологию литературного языка, отличаются своим стилистическим ореолом, в силу чего относятся к экспрессивно-стилистическим средствам литературного языка. То же следует сказать относительно экспрессивных синонимов (*очи — глаза, конь — лошадь, кушать — есть*) и о других изобразительных средствах: переносно-метафорических значениях, слов, образных перифразах и т. п.

Следовательно, под стилистической системой литературного языка разумеется совокупность его стилевых разновидностей и стилистически окрашенных речевых средств, исторически сложившихся в каждом стиле, употребляемых на фоне и в сочетании с нейтральными общестилевыми средствами, используемыми в соответствии с установившимися стилистическими нормами. Проследивая важнейшие изменения этой системы, мы каждый раз убеждаемся, что наиболее активная роль в ее развитии принадлежит писателям, на которых обычно равняются публицисты, ораторы и др.

Существование стилистической системы литературного языка немислимо без сложившихся на каждом этапе его развития стилистических норм литературной речи. Отклонения и нарушения этих норм бывают различными. Во-первых, нарушение стилистических норм, например, у школьников, студентов и других людей, приобщающихся к литературному языку, чаще всего квалифицируется как недостаточная грамотность. Во-вторых, отклонения и новаторство в этой области, характерные для крупных писателей, дают весьма эффективные и плодотворные результаты. Это отчетливо прослеживается в тех случаях, когда авторы смело объединяют разностильные элементы, не считаясь с общепризнанными приемами их употребления. См., например, сатирические формулы Щедрина: «Политико-экономическое рассуждение на тему: «Не устроить ли колбасную?», «Исследование на тему: была ли замужем Баба-Яга», административная «Комиссия несведения концов с концами» и др.

С точки зрения исследователя стилистической системы литературного языка язык писателей — важнейший предмет изучения, ибо это и есть литературный язык эпохи.

В чем конкретно выражается влияние писателей на стилистическую систему литературного языка?

1. Речевое творчество писателей, как убеждает в этом развитие русского литературного языка в XIX веке, оказывает на отдельных этапах решающее влияние на коренные изменения в его стилистической системе. Например, под влиянием деятельности Пушкина в этой системе происходят большие преобразования. Известно, как было велико значение реформаторской деятельности Ломоносова

в XVIII в. По мнению Белинского, Карамзин — «преобразователь языка и стилистики»¹.

2. Соотношение и взаимодействие основных стилей литературного языка, выдвижение на первый план стилей поэзии или прозы, влияние на общепринятые нормы и способы выражения элементов романтической литературы, преобразования в языке, происходившие в связи с появлением и развитием реализма², — все это свидетельствует о значительной роли языка художественной литературы.

3. Писатели, подобные Чернышевскому и Щедрину, оказывали заметное влияние на развитие некоторых стилистических разновидностей литературного языка, в частности на стили общественно-публицистические. То же самое можно сказать относительно ораторской речи, ибо, например, в выступлениях судебных деятелей второй половины XIX века часто встречались средства и приемы образно-литературного словоупотребления.

4. Главным образом в языке художественной литературы появляются и утверждаются новые принципы и способы освоения и литературной обработки элементов живой народно-разговорной речи. Именно Пушкин, Гоголь, Некрасов, Щедрин, Островский, Чехов и другие писатели дали непревзойденные образцы использования народных пословиц, просторечных слов и т. п.

5. Новые типы и модели сочетания слов, новые принципы их объединения, реформаторская деятельность Карамзина и Пушкина в синтаксисе литературного языка — это те факторы, с которыми нельзя не считаться, говоря о роли языка художественной литературы.

6. Развитие фразеологической системы литературного языка, формировавшейся из национальных русских источников, а также путем заимствования, калькирования, создание многих афористических изречений, популяризация в XIX в. церковнокнижных выражений и т. д. и т. п. — все это осуществлялось при активном участии писателей.

7. Стилистическая оценка слов и выражений, которую давали в своих произведениях авторы и их персонажи, в ряде случаев определяла дальнейшую судьбу слов, приобретавших своеобразный «стилистический паспорт».

8. Прежде всего писателям принадлежит разработка самих принципов объединения в одном целом разнородных элементов, о чем, например, говорил Гоголь, успешно занимавшийся этим. Имея в виду язык Державина, он поражался «необыкновенным соединением самых высоких слов с самыми низкими и простыми»³.

9. Роль личности выдающегося писателя в преобразовании всей

¹ В. Г. Белинский, Собрание сочинений в трех томах, Гослитиздат, М., 1948, т. II, стр. 141.

² См.: В. В. Виноградов, Реализм и развитие русского литературного языка, «Вопросы литературы», 1957, № 9, стр. 16 и след.

³ Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, изд. АН СССР, М.—Л., 1947—1952, т. VIII, стр. 374.

стилистической системы литературного языка, и прежде всего его стилистических норм, хотя еще не определена, но может быть раскрыта всесторонне и убедительно.

Таковы важнейшие аспекты, с которыми приходится иметь дело историку стилистической системы литературного языка. Что же касается историков его грамматического строя и лексики, то перед ними встают несколько иные задачи. В ряде случаев (например, история развития в XIX веке наречий, числительных и т. п.) о роли языка художественной литературы говорить всерьез не приходится. Тургенев или Чехов в отношении этих частей речи ничего не прибавили и не убавили в морфологии русского языка. Но нет никаких сомнений в том, что Гоголь очень интересен и значителен для истории развития стилистической системы литературного языка.

§ 79. Значение языкового новаторства писателей

Поиски новых речевых средств и оригинальных приемов их употребления — вот что характерно для творчества многих писателей, благодаря деятельности которых постоянно пополняется и обогащается стилистическая система литературного языка. Этот фактор новизны и стилистической изобретательности талантливых авторов заметно отличает язык художественной литературы от языка науки, официально-документальной переписки и других разновидностей литературного языка. Важно при этом, что некоторая часть этих новых средств, а также способов их применения проникает в литературный язык и становится общим достоянием.

В подтверждение можно было бы сослаться на многочисленные заявления об этом самих авторов. Карамзин, выдвигая принцип фразеологического и синтаксического новаторства, призывал писателей «выдумывать, сочинять выражения; угадывать лучший выбор слов; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть от них необыкновенность выражения»¹. Пушкин настойчиво призывал к «смелости изобретения»², в своих стихах он ценил «звук или слов нежданное стечение», «странность рифмы новой, неслыханной дотоль («К моей чернильнице»). Относительно смелого и удачного сочетания слов в «Евгении Онегине» Пушкина («... С каким *тяжелым умилением* Я наслаждаюсь дуновеньем В лицо мне веющей весны») Тургенев восторженно заявлял, что он «дал бы себе обрезать по мизинцу на каждой руке за то, чтобы суметь так сказать»³.

Развивая эти доказательства, можно было бы привести весьма красноречивые примеры поисков новых средств и способов литературного выражения. Указывая, что «язык неистощим в соображе-

¹ Н. М. Карамзин, Сочинения, СПб, 1848, т. III, стр. 528.

² А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, изд. АН СССР, т. XI, 1937—1949, стр. 60.

³ Л. Нелидова, Памяти И. С. Тургенева, «Вестник Европы», 1909, № 9, стр. 232.

нии слов», Пушкин соглашался с тем, что «счастливая шутка» Вяземского относительно эпитетов («все существительные названы и нам остается заново оттенить их прилагательными») в известной мере справедлива. Творческая практика самого поэта блестяще подтверждает эту мысль. Так, по данным картотеки Словаря языка Пушкина, при слове *ум* поэт употребляет 56 определений: *блестящий, быстрый, великий, верный, возвышенный, высокий, глубокий, гордый, государственный, дивный, замечательный, здравый, испытывающий, книжный, колкий, лукавый, мирный, младенствующий, молодой, надменный, насмешливый, нежный, незрелый, необыкновенный, нестройный, обширный, ограниченный, озлобленный, оригинальный, острый, охлажденный, погибающий, посредственный, праздный, природный, развивающийся, развращенный, разгульный, резвый, резкий, светский, свободный, слабый, смелый, смятенный, тихий, томный, тонкий, точный, хладный, холодный, человеческий, чужой, юный, ясный*. Бесспорно, не все эти определения, используемые Пушкиным (и не одному ему принадлежащие), со временем вошли во всеобщее употребление. Важно лишь, что часть их является общим достоянием (*тонкий ум, ясный, смелый* и т. п.), а главное — принцип новаторства, смелого сочетания иногда далеких друг от друга слов (*колкий ум, охлажденный* и др.) побуждает к речевой изобретательности не только писателей, но и всех носителей литературного языка.

Обычно поиски новых и выразительных речевых средств идут в различных направлениях: извлекаются устаревшие слова, бытовавшие в языке прошлых эпох, и они начинают жить новой жизнью; писатели обращаются к национальным и диалектным элементам, к речевым средствам, бытующим в среде чиновников, к украинизмам и жаргонизмам, создают кальки, занимаются новаторством в области лексики, фразеологии, синтаксиса, средств словесно-художественной изобразительности.

На разных этапах развития национального литературного языка это новаторство по-разному отражается на его составе и стилистической системе. Важно одно: это влияние никогда не прекращается, и нет оснований полагать, что оно прекратится в будущем. По сравнению с началом XIX века во второй его половине происходят некоторые изменения в самом характере деятельности писателей. Но и в это время художественная литература, как подчеркивает В. Д. Левин, «была мощным средством распространения и закрепления новообразований, возникавших в публицистике, науке, живой речи; она отражала, далее, стилистическое многообразие литературного языка, а также и особенности устной речи различных социальных слоев общества, и, наконец, художественная литература продолжала обогащать литературный язык выразительными словами, выражениями, афоризмами, изобразительными средствами»¹.

¹ В. Д. Левин, Краткий очерк истории русского литературного языка, Учпедгиз, М., 1958, стр. 167.

При определении роли художественной литературы в развитии национального литературного языка не следует упускать из вида активное вмешательство писателей в нормализацию речевых средств, их творческие усилия в борьбе за чистоту, богатство, а также разнообразие выразительных возможностей литературной речи. Это объясняется тем, что литературный язык — большая культурно-историческая ценность. Споры по поводу путей его развития обычно имеют социально-идеологический характер.

Отражение в художественной литературе изменений, которые происходят в стилистической системе литературного языка, а также влияние писателей на эти изменения — вот те сложные и мало еще разработанные вопросы, которые ждут своего решения. Интересно проследить, какую роль играет язык художественной литературы в развитии и совершенствовании разных стилей литературного языка, как изменяется взаимодействие этих категорий. Например, во второй половине XIX века под влиянием публицистики и научной литературы несколько изменяется самое понятие художественности. «Рост влияния научно-деловой и газетно-публицистической прозы, развитие «беллетристики», которая противопоставлялась еще В. Г. Белинским чистому художеству, — создает новые формы взаимодействия между художественной речью и разными жанрами и стилями книжного и разговорного языка. «В связи с изменением состава и функций художественных стилей, в структуре русской литературной речи решительно перемещаются связь и соотношение разных стилей и жанров»¹.

Роль личности выдающегося писателя и его языкового творчества в развитии национальной речевой культуры раскрыты еще явно недостаточно. Это объясняется тем, что не найдены точные и объективные ориентиры и критерии, которыми необходимо руководствоваться при определении объема и значимости того вклада, который внесли талантливые мастера слова в сокровищницу литературного языка. В качестве подтверждения можно было бы привести примеры многих поспешных и неосновательных утверждений и выводов, встречающихся в работах о языке писателя. Иногда бывает так: достаточно найти в произведениях, например, Мамина-Сибиряка несколько просторечных слов или выражений, чтобы утверждать, что писатель оказал большое влияние на литературный язык, обогатил его и т. п. Между тем эти слова так и остались нелитературными, а рассуждения о влиянии — заблуждением.

При оценке роли писателя иногда учитываются лишь некоторые стороны его речевой деятельности. Так, Карамзина принято ценить за преобразования в синтаксисе. Вся же остальная его деятельность как преобразователя литературного языка, в частности — выдвинутый им и осуществляемый принцип фразеологического новаторства, его приемы калькирования, в ряде случаев удачного и откры-

¹ В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., изд. 2; Учпедгиз, М., 1938, стр. 387 и 389.

вающего перспективы создания новых слов, его оценка иноязычий и приемы их употребления и т. п. — остаются в тени, не получают должной оценки.

Такая же односторонняя, а иногда и противоречивая оценка роли писателей в истории литературного языка характерна не только для русской филологической науки, но и зарубежной. Например, имея в виду чешскую прозу эпохи чешского национального возрождения, проф. Ф. Вадичка придает большое значение Йозефу Юнгманну, который существенно преобразовал структуру чешского предложения, изменив порядок слов. Полемизируя с ним, проф. К. Горалек приходит к иным выводам. Он пишет: «В оценке значения Юнгманна для развития литературного чешского языка надо вообще действовать осторожнее, нежели это делается в последнее время. На первый взгляд действительно кажется, что Юнгманн, не будучи большим поэтом, был настоящим творцом языка и уже этим помогал общему развитию литературы. Однако достаточно сравнить язык Юнгманна с языком Маха, чтобы понять, что большую поэзию можно было создавать на основе языка, который как лексически, так и синтаксически мало отличается от народного языка. При этом такая простая в изобразительных средствах (но одновременно тонкая и эмоционально богатая) поэзия не является в основе своей реакцией на литературную усложненность; скорее всего это только следствие новых общественных условий, нового отношения к реализму, нового понимания задач искусства. Важно при этом отметить, что все это новое выражалось новыми средствами, по существу теми, которыми располагал разговорный язык широких народных слоев и язык народного творчества»¹.

Повышенный интерес к реформаторской деятельности этих писателей в сфере синтаксиса литературного языка объясняется различными причинами. Прежде всего следует подчеркнуть, что деятельность Карамзина и чешских писателей совпадает с периодом становления и оформления национальных литературных языков. Роль писателей в это время неизмеримо возрастает. Им приходится освобождать синтаксис литературного языка от иноязычных конструкций, устаревших словосочетаний, существенно изменять порядок слов, бороться с искусственной книжностью и неудачным подражанием, чуждым реализму, за подлинную народность литературного языка. Для реформаторской и созидательной деятельности в такое время открывались большие возможности, каких уже не было, например, в конце XIX века. Их произведения являли собой образцы новой синтаксической системы, основанной на базе синтаксиса родного языка.

Другой причиной, объясняющей повышенный интерес к синтаксису художественной литературы и национального литературного языка, является смысловая и стилистическая значимость самих

¹ См. сб. «Československé přednásky pro IV mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě», Praha, 1958, стр. 420.

синтаксических единиц, в первую очередь — предложения. Как справедливо указывает в своих «Главах из чешской поэзии» проф. Я. Мукаржовский, «предложение не есть только синтаксическая форма и мелодическая формула, но также и это самое главное — есть способ мышления, способ выражения отношений к действительности»¹. В связи с этим полезно напомнить о глубокомысленном замечании Карамзина, который утверждал, что «авторы помогают согражданам *лучше мыслить и говорить*», что «достоинство народа оскорбляется бессмыслием и косноязычием худых писателей»².

Таким образом, преобразования, осуществляемые писателями в синтаксисе литературного языка, имеют большое культурно-историческое значение. Роль же предложения как средства мыслительной деятельности должна учитываться не только историей литературного языка, но стилистикой художественной речи. Последняя еще очень мало сделала для того, чтобы убедительно доказать справедливость тезиса: «Предложение в гораздо большей степени является носителем стиля, чем слово»³.

§ 80. Принципы отбора и обработки писателями средств народной речи

Самые принципы отбора и литературной обработки средств общенародной речи в XIX веке вырабатываются и осуществляются в первую очередь писателями, за которыми уже следуют публицисты, ораторы, ученые и др.

В распоряжение писателя разговорная речь народа, с ее территориальными диалектами и социально-речевыми стилями, представляет богатейшие возможности выбора. Но как отбор, так и обработка этого материала не могут осуществляться без четко установленных принципов, которыми руководствуются мастера слова при всей индивидуальности каждого автора. С именем и творчеством Пушкина не случайно связано представление о новом этапе в развитии русского литературного языка, так как он создал и осуществил новые и смелые принципы отбора, обработки и использования широко известных всему народу языковых средств.

Учитывая творческую практику реалистических писателей первой половины XIX века, когда завершался процесс формирования национального русского литературного языка, можно назвать те важнейшие общие принципы, которыми они руководствовались при отборе речевых средств.

1. Принцип развития народности литературного языка. Он выражается в отборе и привлечении писателями лучших образцов и высших достижений речевой культуры народа, в насыщении лите-

¹ J a n M u k a ř o v s k ý, Kapitoly z české poetiky, Die II, 1948, стр. 408 и след.

² Н. М. Карамзин, Сочинения, СПб, 1848, т. 3, стр. 532. (Курсив автора.)

³ См. М. В е р л и, Общее литературоведение, М., 1957, стр. 69.

ратурного языка наиболее ценными, самобытными и характерными средствами родной речи, что способствует сохранению и усилению его национальной специфики.

2. Историзм в отборе речевых средств и широкая известность их всему народу. Этот принцип исторической апробированности и общеупотребительности страховал писателей от привлечения в литературный язык малоизвестных диалектных или случайных языковых элементов.

В соответствии с этими основными двумя принципами решалась тогда проблема заимствований, устранялось влияние на литературный язык социальных жаргонов, ограничивающих его возможности, засоряющих словарь и фразеологию.

Что же касается идеи так называемой национальной демократизации языка, то изложенное здесь вполне исчерпывает то содержание которое принято вкладывать в этот термин. Сам же по себе этот термин, заимствованный у литературоведов, нельзя признать удачным в тех случаях, когда он применяется к языку. Дело в том, что понятие демократизма и демократизации — это категория социально-идеологическая, успешно применяемая при оценке замыслов писателя, его воззрений, идейного содержания произведения. Язык же не является категорией классово-идеологической. Следовательно, говоря о демократизации литературного языка, мы смешиваем и подменяем понятием идеологического и языкового. Если бы литературный язык был, как утверждал Н. Я. Марр, явлением классовым, языком господствующего класса, то вполне закономерна была бы речь о его демократизации, т. е. приближении к языку народному, насыщении его элементами народной речи. Но поскольку он является высшей формой (обработанной и обогащенной) языка народного, его «сердцевиной», то говорить о сближении каких-то двух различных и противостоящих языковых категорий нет необходимости.

Если мы обратимся к определению роли художественной литературы в развитии лексики литературного языка, то необходимо прежде всего решить вопросы: какие новые языковые ценности, отобранные в литературу из народной речи или созданные самим писателем, входят в литературный язык? Почему не все эти речевые средства получают права литературности, входят в употребление не сразу, а постепенно, причем некоторые из них утверждаются вместе с приемами их употребления? Ответить на эти вопросы помогут конкретные исследования фактов, ставших на памяти истории достоянием литературного языка. Необходимы также теоретические обобщения, раскрывающие условия и закономерности взаимодействия языка писателя и литературного языка.

Остаются еще недостаточно точно определенными те сферы и источники, из которых пополняется в XIX веке лексика литературного языка. Так, исследования по истории языка авторов, участвовавших в выпуске четырех томов «Материалов и исследований по истории русского литературного языка» убеждают, что не диалек-

тизмы, а просторечная лексика пополняла в конце XVIII и в XIX веке литературный язык. Его достоянием становятся бывшие просторечные слова *сливки*, *лихач* (как указывает Н. С. Авилова, т. IV), Ю. С. Сорокин и В. Д. Левин прослеживают литературное освоение слов *надо*, *толковать*, *надоедать*, *быт*, *богач*, *бедняк*, *блажь*, *белоручка*, *истома*, *закадычный*, *вдоволь*, *навеселе*, *наотрез*, *нахлынуть*, *чваниться*, *юркнуть* и др. Интересна история слова *самодур*, которую прослеживает Е. А. Земская. Однако роль художественной литературы в популяризации этих слов остается еще недостаточно выясненной.

Наряду с этим предстоит решать и другие вопросы. Например: что из привлекаемого просторечного материала остается в литературном языке и что отсеивается? Так, в смысле расширения границ литературного языка и пополнения его словаря и фразеологии в середине XIX века заметную роль играли писатели так называемой натуральной школы. Поясним это на примерах, не приписывая, конечно, какому-либо автору решающей роли в пополнении литературной лексики. Так, в произведениях Даля, Григоровича, Писемского и других авторов читатели встречали огромное количество новых и не известных еще в литературном языке слов, выражений, характерных для разговорно-бытовой речи простого народа, словосочетаний и структур предложений.

Например, в рассказе Д. В. Григоровича «Прохожий» употребляются приблизительно 20 слов, часть которых рассматривалась Академическим словарем 1847 года как простонародные (*зипун*, *трафиться*, *раздобаривать*, *лихоманка*), а другая — совсем не приводилась, ибо они не имели прав литературности: *поява*, *светец*, *запевала*, *хороводица*, *позыватка*, *поддевичка*, *рядно*, *перемена*, *за обедом*, *зовутка*, *касатик*, *серенка*, *уклоняться*, *пришипиться*, *вестимо*, *ишиига*, *побирушка*. Но очень немногие из этих слов со временем стали общеупотребительными, вошли в лексику литературного языка, например *запевала*, *перемена за обедом*. При этом слово *запевала* позднее с помощью метафоризации образовало второе, омонимичное значение — «инициатор, зачинатель». Такая же закономерность образования от бывших просторечных речевых единиц новых слов с отвлеченным значением прослеживается в истории слова *подоплека*. В словаре Академии Российской оно приводилось как «простонародное», хотя словарь 1847 года уже снял эту помету. Наряду с первым значением («холщевая подкладка у крестьянских рубах») приводится второе: «Действительная, но скрытая причина чего-нибудь». Следовательно, отсутствие в литературном языке середины XIX века средств для именования этих понятий способствовало литературному освоению этих слов и образованию от них новых лексико-семантических единиц.

Не вошли же в употребление из рассказа Григоровича лишь те слова, для которых в языке существовали более известные синонимические эквиваленты (*лихоманка* — «лихорадка», *вестимо* — «извест-

но», *серенка* — «спичка» и т. п.), или же слова, необходимость в которых отпала или не ощущалась: *светец*, *позыватка*, *зовутка* и др.

Если путем привлечения большого материала исследовать важнейшие закономерности пополнения речевых средств литературного языка через посредство художественной литературы, то окажется, что увеличение количества общеупотребительных слов зависит от следующих факторов:

1) отсутствия в языке необходимого слова или выражения, необходимых для обозначения предмета, понятия, явления, в силу чего, например, вошло в литературный язык привлеченное Тургеневым слово *зелена* или пущенное в обращение Достоевским слово *стушеваться* и др.; 2) социально-идеологической значимости слова, отражающего новые явления общественной жизни (например, известное ранее, но пущенное в оборот Тургеневым *нигилизм*); 3) потребности в экспрессивных средствах, необходимых для образных характеристик (*помпадур* Щедрина, *жалкие слова* Гончарова и т. п.); 4) авторитет писателя и популярность его средств и приемов выражения (ср. крыловские изречения: «А Васька слушает да ест», «А воз и ныне там») и др.

Как уже указывалось, новые и ценные речевые средства, появившиеся в художественной литературе, входят во всеобщее употребление не сразу. Иногда требуется известный период времени и другие обстоятельства, чтобы часть их стала достоянием носителей языка. Известно, например, как много времени понадобилось для того, чтобы слово *парень*, о котором так неодобрительно отзывался еще Карамзин, стало употребительным в разговорной речи. Среди многих причин, объясняющих закономерности постепенного включения новых речевых средств в литературный язык, необходимо особо выделить следующие. Подлинно художественное произведение бессмертно, оно по мере развития общественной жизни и литературы продолжает жить и приобретать новое звучание. Афористические изречения, удачные характеристики, меткие сатирические формулы, эпитеты извлекаются и популяризируются по мере возникновения новых понятий, явлений общественной жизни, в силу необходимости расширения самих наименований, а также экспрессивных характеристик. Так, пушкинские удачные изречения продолжают пополнять фонд русской фразеологии. После того как Тургенев и другие писатели стали цитировать его строки, афористическую известность приобрели изречения. «А счастье было так возможно...» и др. Такими же крылатыми становятся его слова из «Полтавы» (о Мазепе): «Но старость ходит осторожно И подозрительно глядит». Многие щедринские сатирические формулы лишь со временем стали крылатыми; например, афористическую известность приобрели его выражения: «Взятка — женщина уже в годах, но вечно юная», «У нас путешествие без командировки немыслимо», «У нас середины нет — либо в рыло, либо ручку пожалуйте!».

Нетрудно заметить, что многие словарные и фразеологические новообразования писателей (а речь выдающихся художников слова

в развитии литературной фразеологии огромна) входят в употребление вместе с приемами и способами их использования. Объясняется это тем, что неологизмы обычно обладают отчетливо определенным стилистическим паспортом, в зависимости от которого находится и сфера их применения, привычные для них контексты.

В заключение кратко коснемся тех материалов и исследований, которые необходимы для разработки интересующей нас проблемы. Для основательного и убедительного раскрытия роли художественной литературы в развитии национального русского литературного языка исследователю необходимо располагать такими материалами:

1. Словарями языка тех писателей, которые наиболее полно отразили важнейшие эпохи в формировании и развитии национального литературного языка. Словарь Ломоносова может дать хорошее представление о состоянии литературного языка в середине XVIII века. Завершаемый словарь Пушкина предоставляет исследователям ценнейшие сведения о новом этапе речевой культуры. Если со временем будут созданы словари Л. Толстого и М. Горького, то мы получим свидетельства о развитии литературного языка во второй половине XIX века и в советскую эпоху. Когда же появится в свет словарь языка В. И. Ленина, то сопоставление этих материалов откроет перед историками языка широкие перспективы исследований и обобщений.

Наряду с этим необходимы словники (словоуказатели) многих писателей, отразивших в своих произведениях богатство и разнообразие русской речи: Фонвизина, Радищева, Державина, Карамзина, Грибоедова, Крылова, Лермонтова, Гоголя, Щедрина, Тургенева, Островского, Достоевского, Мамина-Сибиряка, Чехова, Маяковского, Шолохова и др.

2. Исследованиями тех речевых средств, которые проникли из народной речи в литературный язык благодаря развитию литературных школ и направлений. Как уже указывалось, закономерный интерес вызывают писатели натуральной школы (Гоголь, В. Даль, Григорович, Писемский и др.), значительно расширявшие круг лексико-фразеологических средств. Не менее полезные сведения могут дать исследования языка произведений социалистического реализма.

3. Каталогами бывших диалектных, просторечных и профессиональных речевых средств, вошедших в литературный язык. Это позволит ответить на ряд интересующих нас вопросов: какие элементы речи получили права литературности, когда это произошло, как развивалась система синонимических соответствий, каковы закономерности пополнения литературного языка?

4. Справочниками фразеологических единиц, вошедших во всеобщее употребление из художественной литературы, необходимость которых очевидна.

5. Тщательно собранными и систематизированными высказываниями писателей (не только классиков) о языке, что представляет несомненную ценность для истории литературного языка и стилистики.

Для выяснения роли языка художественной литературы в истории литературного языка необходима углубленная разработка науки о языке художественного произведения, а также исторической стилистики русского языка. Это будет способствовать выяснению роли писателей в развитии не только лексико-фразеологических и грамматических средств литературного языка, но и его произносительных норм, орфографии и пунктуации.

В целях полного и всестороннего изучения процесса развития литературного языка целесообразно поощрять развитие как стилистики художественной речи, так и стилистики речи научной, публицистической, деловой. Такое комплексное изучение основных разновидностей литературного языка не замедлит сказаться на результатах, ибо появится возможность сопоставить и оценить вклад в литературный язык не только писателей, но и ученых, публицистов и общественных деятелей.

ЛИТЕРАТУРА

В. В. Виноградов, О языке художественной литературы, Гослитиздат, М., 1959; Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы, «Вопросы языкознания», 1955, № 4. Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века. Лексика и общие замечания о слоге, изд. 2, Киев, 1957. А. И. Ефимов, Стилистика художественной речи, изд. МГУ, 1957. М. М. Орлов, Язык Н. Г. Помяловского, ч. I и II, Нальчик, 1959.

ГЛАВА 17

ЗНАЧЕНИЕ ОРАТОРСКОЙ РЕЧИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ УСТНОЙ ФОРМЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В XIX ВЕКЕ

§ 81. Публичная речь и ее значение для развития национальной речевой культуры

Развитие в XIX веке многих видов публичной речи оказывает плодотворное влияние на расширение и обогащение средств литературного выражения. Наряду с этим меняется и соотношение устной и письменной форм литературного языка, так как формирование разнообразных по своему характеру видов публичной речи не могло не влиять на нормы речи книжной. Характер этого соотношения двух форм литературного языка сложен и исторически изменчив. Известно, что вначале публичные речи писались; например, большинство судебных ораторов 60-х годов заранее писало свои речи. Следовательно, публичная речь испытывала на себе заметное влияние книжных приемов выражения. Но по мере развития и совершенствования публичных выступлений характерные для них приемы выражения стали все более проникать и в речь книжную. Таким образом, публичная речь вносила много нового как в состав, так и в функции русского литературного языка, обогащала и развивала национальную речевую культуру.

Можно указать на ряд факторов, которые способствовали весьма интенсивному развитию уже в середине XIX века разнообразных видов публичной речи. Подъем русского революционно-освободительного движения, развитие науки и просвещения, появление ряда политических партий, развитие полемик и дискуссий, появление в 60-х годах гласного судопроизводства и т. п. — все это нуждалось в живом слове, в развитии красноречия.

По мере развития и совершенствования публичной речи развивалось и красноречие. В связи с этим появляются различные пособия и руководства, цель которых — улучшение речи, популяризация способов и приемов словесного мастерства. Доведенная до степени совершенства, публичная речь становится ораторской речью.

Ораторская речь развивалась в XIX веке, как мы увидим далее, в двух основных направлениях: 1) в среде буржуазно-дворянской

интеллигенции она перерождалась в красноречие, фразерство и риторику, вследствие чего как бы компрометировалась и самая идея красноречия; 2) в связи с подъемом революционного движения и развитием прогрессивных сил русского общества ораторская речь служила мощным оружием в борьбе за коренное преобразование всей жизни; лучшие представители русской интеллигенции, рабочие-революционеры и все ценители подлинного красноречия уже к концу XIX и в начале XX века высоко подняли культуру ораторского слова, сделали публичную речь достоянием широких масс народа.

«Во все времена богатство языка и ораторское искусство шли рядом», — утверждал А. П. Чехов, подчеркивая, таким образом, выдающуюся роль красноречия в развитии национальной речевой культуры. Он писал: «И в древности, и в новейшее время ораторство было одним из сильнейших рычагов культуры»¹.

Значение ораторской речи для развития речевой культуры определяется тем, что красноречие — это область словесного мастерства. Чем выше это мастерство, чем более развита культура слова, тем богаче выразительные возможности языка. Следовательно, подъем ораторского искусства неизбежно вызывает подъем всей речевой культуры, развивает и обогащает стилистическую систему литературного языка.

Ораторская речь плодотворно влияет на состояние речи разговорно-бытовой, поднимает ее на более высокий уровень. Известно, что красноречивые профессора и адвокаты XIX века производили сильное впечатление на своих слушателей, побуждали их тоже говорить хорошо, красиво. В подтверждение можно сослаться на имевшие большой успех лекции Грановского и других профессоров. Белинский, например, восторженно отзывался о красноречии профессора Никитенко, произнесшего на собрании Петербургского университета речь о критике (1842). Он охарактеризовал эту речь как «прекрасное произведение мысли и красноречия», в котором с первых же слов поражает «блеск изложения»².

Как это удачно изобразил Гончаров в «Обыкновенной истории», иногда у красноречивых профессоров находились незадачливые ученики и подражатели. Адуев-младший говорил, по определению его дяди, каким-то диким языком»³. Это, как он сам признался, объяснялось влиянием одного из его учителей — профессора эстетики: «У нас профессор эстетики так говорил и считался самым красноречивым профессором».

¹ А. П. Чехов, Полное собрание сочинений, т. 8, ГИХЛ, стр. 501.

² В. Г. Белинский, Сочинения, т. II, 1896, стр. 764.

³ Например: «— Я постараюсь; дядюшка, приноровиться к современным понятиям. Уже сегодня, глядя на эти огромные здания, на корабли, принесшие нам дары дальних стран, я понял волнение этой разумно-деятельной толпы, готов слиться с нею...»

Петр Иванович при этом монологе значительно поднял брови и пристально посмотрел на племянника. Тот остановился.

— Дело, кажется, простое, — сказал дядя, — а они, бог знает, что заберут в голову...» «разумно-деятельная толпа»!!»

§ 82. Развитие в XIX веке основных видов ораторской речи

XVIII век имел слишком мало ораторов. Как указывает Л. А. Булаховский, начало XIX века, судя по свидетельствам И. М. Долгого и П. А. Вяземского, тоже не могло похвалиться успехами публичной речи. Лишь только кружки Герцена, Станкевича, Хомякова кое-что сделали в смысле развития ораторского слова¹. Причины слабого развития в XVIII веке красноречия хорошо раскрыл Фонвизин. Он следующим образом отвечал на вопрос: отчего мы имеем так мало ораторов?

«Никак нельзя положить, чтоб сие происходило от недостатка национального дарования, которое способно ко всему великому, ниже от недостатка российского языка, которого богатство и красота удобны ко всякому выражению. Истинная причина малого числа ораторов есть недостаток в случаях, при которых бы дар красноречия мог показаться». Далее Фонвизин говорит о том, «какого рода и силы было бы российское витийство, если бы имели мы, где рассуждать о законе и податях и где судить поведение министров, государственным рулем управляющих»².

Широкое развитие в XIX веке культуры ораторской речи, объясняемое подъемом революционно-освободительного движения, развитием общественной мысли, повлекло за собой развитие новых разновидностей литературного языка и прежде всего его устной формы.

Наряду с совершенствованием сложившегося еще в прошлом веке академического красноречия, а также духовного, имеющего большую историю, в XIX веке формируются новые разновидности ораторской речи. К ним относится прежде всего политическое красноречие, развитие которого шло параллельно с ростом русского революционно-освободительного движения. Судебная реформа 60-х годов вызвала к жизни особый вид ораторской речи — судебное красноречие. Увлечение застольными, юбилейными, свадебными речами, тостами значительно способствовало совершенствованию церемониально-бытового красноречия.

Уже в начале XIX века появляются специальные руководства, посвященные публичной речи. Необходимость в этих пособиях ощущалась не только в силу требований самой практики, но и потому, что в риториках начала этого века, как справедливо указывал Белинский, смешивались и не расчленились вопросы поэтического творчества, ораторского мастерства, логики, психологии и др. Риторика брались учить всему, давая общие и шаблонные рецепты. Влияние их на развитие речевой культуры было ничтожным.

Из литературы, в которой освещаются теоретические основы ораторской речи, следует прежде всего указать на книгу М. Спе-

¹ Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, т. I, стр. 31 и сл.

² Д. И. Фонвизин, Полное собрание сочинений, СПб, 1888, стр. 837.

ранского «Правила высшего красноречия», СПб, 1844. В течение XIX века были опубликованы также другие пособия по ораторскому искусству: Ф. Малиновский «Основания красноречия», 1875; А. Галич «Теория красноречия всех родов», СПб, 1830; Его же «Руководство к церковному красноречию с примерами», 1826; Д. Коровяков «Искусство выразительного чтения», СПб, 1892; А. Г. Тимофеев «Судебное красноречие в России», СПб, 1900 и многие другие.

§ 83. Развитие политического красноречия в XIX веке

Развитие политического красноречия в XIX веке происходило особенно интенсивно в те периоды, когда обострялись классовые противоречия и ораторское слово использовалось как средство и орудие борьбы.

Условия, в которых приходилось действовать ораторам революционно-демократического лагеря, коренным образом отличались от условий, в которых развивалось официально-правительственное красноречие, включая его разновидности, характерные для ораторов консервативного лагеря, а также смыкавшегося с ним буржуазно-либерального.

Если декабристы, по меткому определению Пушкина, были «витийством резким знамениты»¹, как затем и члены кружков Петрашевского, Герцена и т. д., то официально одобренное красноречие консерваторов и либералов представляло собой совсем другой тип политического красноречия, отличавшийся фразерством и риторикой. Недаром Щедрин называл это красноречие «размазисто-стыдливо-пустопорожним».

Сатирик так характеризует речь и фразеологию одного из «благонамеренных сеятелей» («Признаки времени»), говорившего о великом будущем России: «И публика, и сеятели — все смолкло под гнетом впечатления, произведенного заключительною речью одного из ораторов, смелая мысль которого по поводу вопроса о возобновлении верстовых столбов успела, в какую-нибудь четверть часа, облететь все страны Европы, сходить в Америку, окунуться в мрак прошедшего и приподнять таинственную завесу будущего. В воздухе колом стоят и «рутинные пути», и «великое будущее», и «твердые упования», и «светлые надежды», — словом, все, чем красна речь всякого благонамеренного сеятеля». По поводу такого рода фразеологии и популярных в среде реакционеров приемах публичной речи Щедрин писал в «Скрежете зубовном»:

«Я должен с прискорбием сознаться, что сжатость, которую преимущественно щеголяли наши предки, утрачена нами безвоз-

¹ В X главе «Евгения Онегина» Пушкин писал:

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты, (Муравьева)
У осторожного Ильи. (Долгорукова)

вратно. Увы! мы уже не говорим больше: «Цыц, собака!» Мы уже находим, что эти первобытные формы не соответствуют современному состоянию цивилизации и что никакая речь не может быть, в строгом смысле, названа человеческою, если она не обставлена приличными делу обстоятельствам и не заключает в себе силлогизма. Поэтому мы стараемся выразить мысль свою не прямо, а как-нибудь стороною; даем, например, почувствовать, что «на свете становые существуют», что «если они существуют, то надо полагать, что есть какая-нибудь цель этого существования»... Или, например, по поводу искреннего желания содрать кожу с нашего ближнего мы отнюдь не выскажем прямо, очень бы, дескать, приятно и, так сказать, полезно, но прежде углубимся в девственные леса Америки, поднимем завесу, скрывающую от нас древний Рим, «с истинным прискорбием» найдем, что везде и всегда обдирание ближнего считалось чуть ли не доблестью, и только тогда уже, когда достаточно забросаем слушателя грязью наших исторических и статистических изысканий, осторожноенько заключим, что если везде были люди, везде человеки, что если древний Рим, покоривший полвселенной, то почему же бы и нам и т. д.»

Совсем иными путями по своему характеру и составу речевых средств развивалось в XIX веке политическое красноречие революционных демократов. «Полное страсти слово Белинского», как впоследствии вспоминал Щедрин, производило неотразимое впечатление. Лишенные возможности выступать с университетской кафедры, а также скованные цензурой, передовые представители русской общественной мысли еще в первой половине XIX века переносили наиболее сильные и действенные приемы ораторской речи в свои статьи и книги. В их произведениях наблюдалось оригинальное сочетание жизненных и эффективных средств как книжной речи, так и устной, ораторско-обличительной.

§ 84. Из истории академического красноречия

Успешное развитие этого вида публичной речи в XIX веке связано с подъемом научной мысли, расширением университетского образования, с борьбой материалистической науки против идеалистической.

Существенные недостатки, характерные для академического красноречия первой половины XIX века, объяснялись засильем в прошлом латыни как языка науки. К этому еще следует добавить, что не только в течение всего XVIII века, но и в начале XIX века происходила острая борьба передовых ученых за чтение лекций и опубликование научных работ на русском языке. Им противостояли некоторые профессора-иностранцы, плохо говорившие по-русски и доказывавшие, что на русском языке нельзя успешно излагать научные знания.

С течением времени чтение лекций на русском языке все более прочно входит в университетскую практику. В связи с этим совер-

шенствуется и русское академическое красноречие. Уже в первой половине XIX века насчитывалось значительное количество красноречивых профессоров, успехи которых заслуживали всеобщее признание. Это относится, например, к Грановскому, Надеждину, Никитенке и др.

Известно, что на лекции профессора всеобщей истории и общественного деятеля Грановского собиралось огромное количество слушателей, которых он покорял своим красноречием. Зарисовку восторженного восприятия аудиторией лекций Грановского мы встречаем у Герцена в его «Былом и думах»; Герцен свой рассказ сопровождает выражением собственного восхищения: «Я вышел из аудитории в лихорадке»¹.

В своих воспоминаниях о Московском университете Гончаров рассказывает о лекциях Надеждина по филологии и философии: «Он был нам дорог своим вдохновенным, горячим словом... Он читал на память, не привозя никаких записок с собою... Изливая горячо, почти страстно перед нами сокровища знания, он учил нас и мастерскому владению речи. Записывая только одни его лекции, можно было научиться чистому и изящному складу русского языка»².

Лекции читались на «память», т. е. произносились, а не зачитывались по заранее написанному тексту не только Надеждиным, но и многими другими профессорами. Грановский, например, утверждал, что «самое лучшее приходит в голову уже во время чтения». Следовательно, творческий подход к лекции, обращение к живому слову, отказ от дословного повторения в аудитории заранее написанной лекции — все это было шагом вперед в развитии академического красноречия.

Чтобы составить представление о тех средствах и приемах академического красноречия, при помощи которых профессора добивались успеха, мы приведем небольшой отрывок из упоминавшейся ранее речи о критике профессора А. Никитенки, произнесенной в 1842 году на собрании Петербургского университета (Белинский назвал профессора красноречивым). Назвав критику «судом разума над творчеством», он продолжал:

«Но как же разум осмеливается присвоить себе право суда и приговора над августейшей, первоначальной властью мира, совершительницей жизни и судеб ея? Что значат бледные, бескровные и бесплотные понятия пред ярким и звучным могуществом событий? То, что родит только тени, дерзает состязаться с силой, воздвигающей вещи?.. И как заглянуть в недра вулкана или в лицо солнцу, чтоб спросить у них: «Зачем эти неприязненные тревоги вещей, обуздываемых законом тяготения, зачем это сияние?» или сказать

¹ См.: И. Я. Б л и н о в, Мастерство произнесения лекции, «Ученые записки МГПИ имени В. И. Ленина», вып. 2, 1948, стр. 143.

² И. А. Г о н ч а р о в, Собрание сочинений, т. VII, изд. «Правда», 1952, стр. 259.

им: «Вот этому быть бы так, а тому иначе». Суетны слова там, где нет им другого отзыва, кроме жизни или смерти»¹.

Как можно в этом убедиться из приведенного примера, пафос ораторской речи создается при помощи образного словоупотребления, использования вопросов и ответов, характерных для диалога, а также благодаря повторениям однотипных конструкций, что является характерной чертой ораторской речи.

Дальнейшее развитие академического красноречия ознаменовалось, с одной стороны, явными успехами, которых добились, например, во второй половине XIX века Менделеев, Сеченов и другие выдающиеся ученые; с другой стороны, в чтении лекций наблюдалась известная неупорядоченность терминологии, а также способов и приемов научного изложения. Не случайно еще в 1843 году Белинский иронизировал: «Заседания ученых обществ в глазах нашей публики—род спектакля, на который должно смотреть с приличной важностью, не зевая»².

Начиная с середины XIX века развитие академического красноречия принимает широкий размах. Появление новых областей и методов научного исследования, критическое (а иногда и некритическое) отношение к зарубежным научным школам — все это не могло не способствовать формированию новых средств и приемов, типичных для публичной речи ученых.

Наряду с привлечением русских речевых средств и созданием на их основе научной лексики и фразеологии уже в середине XIX века наблюдается излишнее увлечение иностранной терминологией. Это приводило к злоупотреблениям, к созданию псевдоученого слога, непонятного и недоступного даже образованному человеку.

Герцен, отдавший в молодости некоторую дань увлечению сложным ученым языком, позднее так рассказывал об этих поисках новых средств и форм выражения: «Увлеченный тогдашним потоком, я сам писал точно так же, да еще удивлялся, что известный астроном Перевощиков назвал это «птичьим языком»³.

Приводя в «Былом и думах» образец этого «птичьего языка», Герцен раскрывал и причины распространения в России такого наукообразного способа выражения. Он писал: «Никто в те времена не отрекся бы от подобной фразы: *Конкресцирование абстрактных идей в сфере пластики представляет ту фазу самоочищающего духа, в которой он, определяясь для себя, потенцируется из естественной имманентности в гармоническую сферу образного сознания в красоте*. Замечательно, что тут русские слова звучат иностраннее латинских. Немецкая наука, и это ее главный недостаток, приучилась к искусственному, тяжелому, схоластическому языку своему именно пото-

¹ В. Г. Белинский, Сочинения, т. II, 1896, стр. 764.

² В. Г. Белинский, Сочинения, т. III, 1896, стр. 131.

³ А. И. Герцен, Былое и думы, т. II, М., 1937, стр. 195—196. Ср. слова Перевощикова: «Ваши статьи-с читал-с! Понимать-с нельзя-с, птичий язык-с», и примечание Герцена: «Я долго смеялся над этим разговором, т. е. долго не понимал, что язык-то у нас тогда действительно был скверный...» (ч. I, гл. VII).

му, что она жила в академиях, т. е. в монастырях идеализма. Это язык попов науки, язык для верных, и никто из оглашенных его не понимал; к нему надобно было иметь ключ, как к шифрованным письмам. Ключ этот и теперь не тайна; понявши его, люди были удивлены, что наука говорила очень дельные вещи и очень простые на своем мудреном наречии. Фейербах стал первый говорить человеческое. Механическая слепка немецкого церковно-ученого диалекта была тем непростительнее, что главный характер нашего языка состоит в чрезвычайной легкости, с которой все выражается на нем, — отвлеченные мысли, внутренние лирические чувствования, «жизни мышья беготня», крик негодования, искрящая шалость и потрясающая страсть»¹.

Разумеется, далеко не все деятели науки употребляли чрезмерно иноязычные речевые средства и стремились выражаться заумно и наукообразно. Даже во времена наибольшего увлечения иностранной терминологией многие передовые профессора вели борьбу за культуру подлинно научной и доступной русской речи. Биографы Грановского, например, указывают, что он «благодаря своему верному смыслу, сколько и чувству изящного в языке, умел сохранить свою речь свободною от всякой посторонней примеси», что основное качество его речи состояло в «изяществе, ясности, простоте и каком-то особенном благородстве языка, столько же мужественного, сколько и выразительного»².

В заключение следует указать, что академическое красноречие существенно отличается от других видов ораторской речи в силу самой специфики преподаваемой научной дисциплины и выработавшихся традиционных норм чтения лекций. Поэтому элементы ораторской речи в хороших лекциях представлены весьма умеренно: они не должны отвлекать внимание слушателей или преобладать во время изложения научных знаний. Чехов очень хорошо указал на это своеобразие академического красноречия. Изображенный им профессор («Скучная история») приходит к заключению, что лектору «в одно и то же время приходится изображать из себя и ученого, и педагога, и оратора, и плохо дело, если оратор победит в вас педагога и ученого, и наоборот».

§ 85. Судебное красноречие во второй половине XIX века

В связи с введением в 60-х годах XIX века гласного судопроизводства и появлением института адвокатов в русском литературном языке стала быстро развиваться новая его разновидность — судебное красноречие. Роль этого заметно прогрессирующего красноречия в развитии публичной речи была, бесспорно, положительной.

¹ А. И. Герцен, Собрание сочинений, т. II, СПб, 1906, стр. 311—312.

² См.: Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, Киев, 1941, стр. 192.

Своеобразие судебного красноречия определялось самими условиями, в которых оказывались во время судебного процесса обе стороны: и обвинение, и защита. Во время допроса обвиняемых и свидетелей, а также заявлений и выступлений адвокатов постоянно возникали новые ситуации, обнаруживались новые материалы и факты. Все это ставило судебных ораторов перед необходимостью отказа от чтения заранее написанных речей. Они должны были все время иметь дело с живой устной речью, а это побуждало осваивать и развивать речевую культуру, уметь в совершенстве владеть языком, быть красноречивым, находчивым и убедительным.

Живое слово судебных ораторов, начавшиеся, по выражению Щедрина, «обвинительно-защитительные турниры» — полемика сторон и порой блестящие речи талантливых судебных деятелей: Кони, Спасовича, Карабчевского, Хуковского, Плевако, Андреевского и других — все это вызывало большой интерес общественности. Залы судебных заседаний во время некоторых процессов (например, дело миллионера Овсянникова¹ и др.) были переполнены. Среди посетителей бывали представители прессы, литературы (Щедрин, Достоевский и другие), театра.

История судебного красноречия знает немало исканий и попыток улучшить публичные выступления, придать им живость, силу и остроту.

Основным источником и материалом, откуда черпали судебные ораторы яркие и образные речевые средства, была художественная литература. Например, речи и статьи прогрессивного судебного деятеля А. Ф. Кони полны цитат из произведений лучших писателей, афоризмов², а также оборотов речи, отличающихся новизной и образностью: «Сомнения бывали... разрушены, и на развалинах их возникло твердое убеждение в виновности»³. «Зачем было топиться Лукерье в Ждановке, когда в десяти шагах течет Нева, которая не часто отдает жизни тех, кто пойдет искать утешения в ее глубоких и холодных струях»⁴. «А счастье было так возможно, так близко», — цитирует он Пушкина по поводу «Темного дела» («На жизненном пути», т. I, стр. 97), а также Некрасова: «Ликует враг — молчит в недоумении вчерашний друг, поникнув головой» (там же, стр. 113).

Стремление украсить речь судебного деятеля, сочетать яркие и образные выражения с сухими, официально-деловыми статьями и определениями, которые приходилось цитировать из свода законов, уголовного кодекса, безусловно, не всегда удавалось. Наряду с красноречивыми ораторами в залах судебных заседаний выступали

¹ См.: А. Ф. Кони, На жизненном пути, т. I, изд. 3, СПб, 1914.

² Ср. в судебных речах и мемуарах В. Д. Спасовича: «Есть истина, которая имеет свои права» («За много лет», 1872, стр. 378); «Что такое чудовище? Это уклонение от естественных законов, нечто необычайное, загадка» (стр. 379); «Равноправность сторон составляет душу состязательного процесса» (стр. 415) и пр.

³ А. Ф. Кони, На жизненном пути, т. I, СПб, 1914, стр. 133.

⁴ А. Ф. Кони, Судебные речи, СПб, 1911, стр. 16.

и незадачливые их подражатели и последователи. Речи последних отличались фразерством и красноречием.

Все это давало основание писателям, внимательно следившим за развитием судебного красноречия, пародировать стиль и фразеологию адвокатов, снижающих, а не повышающих культуру публичной речи. Например, Щедрин демонстрирует в «Господах ташкентцах» такие образцы «цветов» судебной риторики. Обвинитель призывает присяжных: «Такова, милостивые государи, фабула преступления. Спустимся же с факелом правосудия в дебри преступления и постараемся осветить их». У его же противника образ факела и дебрей перефразируется так: «Я с своей стороны постараюсь с тем же факелом опуститься в дебри обвинения и водрузить знамя освобождения на развалинах невинности».

Пойски новых приемов и средств выражения приводили некоторых судебных ораторов к другим крайностям, например к злоупотреблениям научно аргументированными формулировками, к стремлению выражаться наукообразно, что в ряде случаев производило комическое впечатление. А. Ф. Кони приводит такое определение драки, данное молодым адвокатом с научно-философской и юридической точек зрения: «Драка, господа присяжные заседатели, есть такое состояние, субъект которого, выходя из границ дозволенного, совершает вторжение в область охраняемых государством объективных прав личности, стремясь нарушить целостность ее физических покровов повторным нарушением таковых прав. Если одного из этих элементов нет налицо, то мы не имеем юридического основания видеть во взаимной коллизии субстанцию драки»¹.

Л. Н. Толстой, изображая картину царского суда, воспроизвел в речи товарища прокурора, обвинявшего Маслову («Воскресение»), многие элементы наукообразного языка судебных ораторов. Он так характеризует, а затем демонстрирует речь обвинителя: «В его речи было все самое последнее, что было тогда в ходу в его круге и что принималось тогда и принимается еще и теперь за последнее слово научной мудрости. Тут была и наследственность, и приращенная преступность, и Ламброзо, и Тард, и эволюция, и борьба за существование, и гипнотизм, и внушение, и Шарко, и декадентство».

См. из речи обвинителя (относительно Масловой): «— Женщина эта, — говорил товарищ прокурора, не глядя на нее, — получила образование, — мы слышали здесь на суде показания ее хозяйки. Она не только знает читать и писать, она знает по-французски, она, сирота, вероятно, несущая в себе зародыши преступности, была воспитана в интеллигентной дворянской семье и могла бы жить честным трудом; но она бросает своих благодетелей, предается страстям и для удовлетворения их поступает в дом терпимости, где выдается от своих товарок своим образованием и, главное, как вы слышали здесь, господа присяжные заседатели, от ее хозяйки, умением влиять на посетителей тем таинственным, в последнее время исследо-

¹ А. Ф. Кони, На жизненном пути, т. I, СПб, 1914, стр. 111.

ванным наукой, в особенности школой Шарко, свойством, известным под именем внушения. Этим самым свойством она завладевает русским богатырем, добродушным, доверчивым Садко — богатым гостем, и употребляет это доверие на то, чтобы сначала обокрасть, а потом безжалостно лишить его жизни.

— Ну, уже это он, кажется, запартовался, — сказал, улыбаясь, председатель, склоняясь к строгому члену.

— Ужасный болван, — сказал строгий член.

Фразерство и неестественность речи некоторой части судебных деятелей XIX века в значительной степени объяснялись влиянием цветистого красноречия некоторых французских адвокатов. Например, известный русский судебный деятель Н. П. Карабчевский иронически указывает в статье «Французский адвокат XVIII столетия», что «адвокат Жербье нашел возможным публично упрекать обвиняемого в том, что, будучи пяти лет от роду, он больно ударил лакея»¹.

А. Ф. Кони тоже скептически описывает тип французского обвинителя-фразера, который в таком духе говорит про подсудимого: «Я беру его со времени рождения; имея год от роду, он укусил свою кормилицу; двух лет он показал язык своей матери; трех лет украл два куска из сахарницы своего деда; четырех лет таскал яблоки из чужого сада. И если негодяй в пять лет от роду не сделался отцеубийцей, то лишь потому, что имел счастье быть сиротой!»². По заключению Кони, такая фразистость обеспечивала дешевый успех и легкую карьеру.

Эти элементы цветисто-фразерской речи на русской почве, как правило, не прививались³. По свидетельству Кони, русские судебные ораторы в преобладающем большинстве не были «слепыми подражателями западным образцам», а шли своей дорогой. Они доказали, что вся искусственность и наигранность западных ораторов «не подходит к природе русского человека, которому чужда приподнятая фразеология»⁴.

Известно, что Чехов с интересом следил за успехами лучших судебных ораторов, читал их речи и изучал с точки зрения стилистического мастерства. В письме к Андреевскому (21 декабря 1891 г.) он сообщал: «Для меня речи таких юристов, как Вы, Кони и др. представляют двойкий интерес: в них я ищу, во-первых, художественных достоинств, искусства и, во-вторых, того, что имеет научное или судебно-практическое значение. Ваша речь по поводу юнкера, убившего своего товарища, это—вещь удивительная по грациозности, простоте и картинности: люди живые, и я даже дно оврага вижу»⁵.

¹ Н. П. Карабчевский, Около правосудия, изд. 2, 1908, стр. 102

² А. Ф. Кони, На жизненном пути, т. I, СПб, 1914, стр. 100.

³ См.: В. Д. Спасович, За много лет, СПб, 1872, стр. 412.

⁴ Там же, стр. 132. Ср.: Н. П. Карабчевский, Около правосудия, 1908, стр. 98 и далее.

⁵ А. П. Чехов, Полное собрание сочинений, т. 15, ГИХЛ, 1949, стр. 229—300.

Контроль писателей и всей общественности за языком судебных деятелей оказывал благотворное влияние на состояние и развитие судебного красноречия. А. Ф. Кони так характеризует общий вывод, к которому приходили передовые судебные ораторы во второй половине XIX века: «Лучшие из наших судебных ораторов того времени поняли, что в стремлении к истине всегда самые глубокие мысли сливаются с простейшим словом. Слово — одно из величайших орудий человека. Бессильное само по себе — оно становится могучим и неотразимым, сказанное умело, искренно и вовремя. Оно способно увлечь за собой самого говорящего и ослеплять его и окружающих своим блеском. Поэтому нравственный долг судебного оратора — обращаться осторожно и умеренно с этим оружием и делать свое слово лишь слугою глубокого убеждения, не поддаваясь соблазну красивой формы или видимой логичности своих построений и не заботясь о способах увлечь кого-либо своею речью»¹.

§ 86. Церемониально-бытовое, духовное и другие виды красноречия

К основным видам публичной речи во второй половине XIX века относится также красноречие церемониально-бытовое и духовное. Что касается красноречия церемониально-бытового, то оно имело много разновидностей: речи юбилейные, застольные, свадебные, надгробные, поздравительные тосты, произносимые по случаю какого-нибудь торжества. Духовное же красноречие было представлено в виде проповедей, которые священнослужители произносили в церквях перед прихожанами. Так как, кроме пересказа евангельских мифов, священники обычно касались конкретных вопросов жизни и быта, то их проповеди часто насыщались речевыми средствами бытового характера. В силу этого духовное красноречие отличалось своеобразным синтезом архаично-книжных и живых, разговорно-бытовых элементов языка.

Качество юбилейных, застольных речей и других разновидностей церемониально-бытового красноречия зависело от самих ораторов, степени их образованности и умения владеть языком. Указывая, например, на косноязычие и очень низкую речевую культуру чиновничьей бюрократии, Щедрин привел в «Сатирах в прозе» такой образец красноречия помпадуров:

«Красноречие торжественное или, так сказать, обеденное. Очень рад, господа, что имею случай... тово... Это теперича доказывает мне, что вы, с одной стороны... чувства преданности... ну, и прочее... а с другой стороны, и я, без сомнения, не премину... от слез не могу говорить... Господа, за здоровье Крутогорской губернии!»

О степени распространения в конце XIX века различных видов церемониально-бытового красноречия, а также о характере произносимых тогда речей можно составить хорошее представление по вос-

¹ А. Ф. Кони, На жизненном пути, т. I, СПб, 1914, стр. 103.

производимым в художественных произведениях типам ораторов и их выступлениям.

В 80-х годах Чехов имел возможность создать яркий и выразительный тип краснбая, способного произносить речи на любую тему и в любое время. В рассказе «Оратор» (1886) он изобразил Запойкина, который «обладает редким талантом произносить экспромтом свадебные, юбилейные и похоронные речи. Он может говорить когда угодно: спросонок, натошак, в мертвецки пьяном виде, в горячке. Речь его течет гладко, ровно, как вода из водосточной трубы, и обильно; жалких слов в его ораторском словаре гораздо больше, чем в любом трактате тараканов. Говорит он всегда красноречиво и длинно, так что иногда, в особенности на купеческих свадьбах, чтобы остановить его, приходится прибегать к содействию полиции».

Свидетельства Чехова, несмотря на их гротескность и комизм, весьма ценны для изучения характера и функций церемониально-бытового красноречия в конце XIX века. Из приведенной здесь характеристики оратора видно, что поздравительные речи широко вошли в быт, они стали желательными на купеческих свадьбах; оратора просят сказать речь не только о близких ему людях; выработались некоторые требования к оратору, так как чиновник, приглашавший Запойкина сказать на кладбище речь, просил его «развести там на могиле какую-нибудь мантифолию поцицеронистей».

Что же касается самого состава речевых средств и приемов их употребления, то Чехов, воспроизведя в этом рассказе похоронную речь, очень ярко представил все наиболее характерные и типичные элементы церемониально-бытового красноречия. Об этом можно судить по началу речи: «Верить ли глазам и слуху? Не страшный ли сон сей гроб, эти заплаканные лица, стоны и вопли? Увы, это не сон, и зрение не обманывает нас! Тот, которого мы еще так недавно видели столь бодрым, столь юношески свежим и чистым, который так недавно на наших глазах, наподобие неутомимой пчелы, носил свой мед в общий улей государственного благоустройства, тот, который... этот самый обратился теперь в прах, в вещественный мираж. Неумолимая смерть наложила на него коснеющую руку в то время, когда он, несмотря на свой согбенный возраст, был еще полон расцвета сил и лучезарных надежд. Незаменимая потеря! Кто заменит нам его?»

Своеобразие ораторской речи создается в данном случае при помощи вопроса-ответной формы, цветистых фраз и «жалких слов» (которые звучат комично, так как оратор не разобрался, кто из чиновников умер, и говорил о живом секретаре, который присутствовал на похоронах), речевых периодов с характерными для них повторениями однотипных конструкций («тот, который...»), образных определений и сравнений (*неутомимая пчела, носить мед в общий улей государственного благоустройства*) и т. п.

§ 87. Чехов о снижении культуры ораторского слова в среде буржуазной интеллигенции в конце XIX века

Как и все выдающиеся русские писатели, Чехов внимательно следил за развитием национальной речевой культуры и живо откликался на все новое, что улучшало или понижало уровень публичной речи. Когда в Московском университете стали с конца 1892 года преподавать студентам декламацию, то Чехов назвал это обучение искусству «говорить красиво и выразительно» «прекрасным нововведением». В статье «Хорошая новость», посвященной этому начинанию, он как бы обобщил свои взгляды на ораторскую речь и развитие в России красноречия, указав на упадок культуры публичных выступлений в конце XIX века. Существо взглядов Чехова заключается в следующем.

Русский народ любит красноречие. «Мы русские люди, — говорит в этой статье Чехов, — любим и поговорить, и послушать, но ораторское искусство у нас в совершенном загоне»¹.

Справедливость отзыва о тяге народа к красноречию подтверждается, например, множеством русских пословиц, одобряющих красивую речь и высмеивающих разного рода косноязычие². Ораторское искусство, по Чехову, показатель богатства языка, один из сильнейших рычагов культуры. Истинному красноречию, за которое он ратует, обычно противостоят различные извращения, снижающие речевую культуру народа. Чехов заявлял:

«В обществе, где презирается истинное красноречие, царит риторика, *ханжесство* слова или пошлое красноречие» (там же, т. 8, стр. 500).

Подчеркивая роль и значение эстетики слова, эстетические функции красноречия, Чехов приходил к выводу, что люди, равнодушные к ораторскому искусству, лишают себя «одного из высших, благороднейших наслаждений, доступных человеку».

Высказываясь за всемерное развитие «истинного красноречия», Чехов приходит в этой статье к заключению, что культура ораторского слова очень низка. В качестве доказательства он ссылается в первую очередь на косноязычие, наблюдаемое в различных собраниях и заседаниях дворян, земских деятелей и др.: «В земских и дворянских собраниях, ученых заседаниях, на парадных обедах и ужинах мы застенчиво молчим или же говорим вяло, беззвучно, тускло, «уткнув бороды», не зная куда девать руки; нам говорят слово, а мы в ответ — десять, потому что не умеем говорить коротко

¹ А. П. Чехов, Полное собрание сочинений, т. 8, ГИХЛ, 1944—1951, стр. 499.

² Например, в сборнике русских пословиц В. Даля в разделе «Язык—речь» приведено около 500 пословиц. Многие из них посвящены красноречию, а также недостаткам речи: «для красного словца не пощадит ни матери, ни отца», «за словом в карман не полезет», «красна речь слушанием», «лучше ногою запнуться, нежели языком», «у него слово слову костыль подает», «ничего говорить, так: того-оно, как оно» и др. (см. т. I, 1879, стр. 517—534.)

и не знакомы с той грацией речи, когда при наименьшей затрате сил достигается известный эффект».

Затем Чехов обращается к судебным деятелям и тоже приходит к заключению относительно низкого уровня их речевой культуры: «У нас много присяжных поверенных, прокуроров, профессоров, проповедников, в которых по существу их профессии должно предполагать ораторскую жилку, у нас много учреждений, которые называются «говорильными», потому что в них по обязанности службы много и долго говорят, но у нас совсем нет людей, умеющих выражать свои мысли ясно, коротко и просто. В обеих столицах насчитывают всего-навсего настоящих ораторов пять-шесть» (т. 8, стр. 499).

В более резких выражениях отзывается он о лекциях профессоров, выступлениях литераторов и критиков: «На кафедрах у нас сидят зайки и шептуны, которых можно слушать и понимать только приспособившись к ним, на литературных вечерах дозволяется читать даже очень плохо, так как публика давно привыкла к этому, и когда читает свои стихи какой-нибудь поэт, то она не слушает, а только смотрит» (т. 8, стр. 500).

Снижение уровня речевой культуры в среде буржуазной интеллигенции конца XIX века Чехов подтверждает в этой статье ссылками на анекдоты того времени, рассказывающие о курьезных случаях в области красноречия и косноязычия.

«Ходит анекдот про некоего капитана, который будто бы, когда его товарища опускали в могилу, собирався прочесть длинную речь, но выговорил «будь здоров!», крикнул — и больше ничего не сказал. Нечто подобное рассказывают про почтенного В. В. Стасова, который несколько лет назад в клубе художников, желая прочесть лекцию, минут пять изображал из себя молчаливую, смущенную статую, постоял на эстраде, помялся, да с тем и ушел, не сказав ни одного слова. А сколько анекдотов можно было бы рассказать про адвокатов, вызывавших своим косноязычием смех даже у подсудимого, про жрецов науки, которые «изводили» своих слушателей и в конце концов возбуждали к науке полнейшее отвращение» (т. 8, стр. 500).

Отдавая себе отчет в том, что в условиях чиновничье-полицейской действительности невозможно процветание красноречия, Чехов обращает свои взоры в будущее. Сославшись на историю, на эпохи процветания государств, он затем так говорит о будущем русского красноречия и о необходимости обучения ораторскому слову: «Все лучшие государственные люди в эпоху процветания государств, лучшие философы, поэты, реформаторы были в то же время и лучшими ораторами. «Цветами» красноречия был усыпан путь ко всякой карьере, и искусство говорить считалось обязательным. Быть может, и мы когда-нибудь дождемся, что наши юристы, профессора и вообще должностные лица, обязанные по службе говорить не только учено, но и вразумительно и красиво, не станут оправдываться тем, что они «не умеют» говорить. В сущности ведь для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считаться таким же неприли-

чем, как не уметь читать и писать, и в деле образования и воспитания обучение красноречию следовало бы считать неизбежным» (т. 8, стр. 500—501).

§ 88. Подъем культуры публичной речи в связи с ростом революционного движения в конце XIX — начале XX века

Рост революционного движения, появление новых форм политической борьбы (стачки, маевки, демонстрации, подпольные кружки, митинги, партийные конференции и съезды), формирование кадров большевистских агитаторов и пропагандистов — все это ознаменовалось в конце XIX — начале XX века значительным подъемом культуры публичной речи. В это время складывается тип нового оратора — оратора революции, обогащаются и обновляются средства и принципы публичных выступлений.

Рабочие-революционеры, деятели Коммунистической партии внесли новую и свежую струю в политическое красноречие, в речь революционных ораторов. Горький превосходно изобразил то сильное впечатление, которое производили на всех страстные речи рабочих-революционеров. Речь Павла на суде («Мать») — это образец высокой речевой культуры борца-революционера. Не признавая себя виновным и обличая царское правосудие, Павел говорил: «Мы — революционеры и будем таковыми до поры, пока одни — только командуют, другие — только работают. Мы стоим против общества, интересы которого вам приказано защищать, как непримиримые враги его и ваши, и примирение между нами невозможно до поры, пока мы не победим. Победим мы, рабочие! Ваши доверители совсем не так сильны, как им кажется. Та же собственность, накапливая и сохраняя которую они жертвуют миллионами поработанных ими людей, та же сила, которая дает им власть над ними, возбуждает среди них враждебные трения, разрушает их физически и морально. Собственность требует слишком много напряжения для своей защиты, и, в сущности, все вы, наши владыки, более рабы, чем мы, — вы поработаны духовно, мы — только физически».

Гениальным оратором революции был В. И. Ленин. Язык и слог его публичных выступлений — это вершина русской речевой культуры. Услышав впервые выступления В. И. Ленина, Горький — этот огромный художник слова, мастер языка — был поражен и восхищен умением говорить просто и понятно о сложнейших вопросах политики, гениальностью оратора революции, «человека простых и потому великих мыслей»¹.

Укажем в заключение, что развитие ораторской речи в XIX веке благотворно сказывалось на сближении двух основных разновидностей литературного языка — письменной и устной, хотя и не уничтожало различия между ними. Способствуя слиянию этих

¹ М. Горький. Статьи о литературе и литературной технике, М., 1931, стр. 54.

форм литературного языка в единую систему, красноречие оказало весьма положительное влияние на развитие устной литературной речи, на общий подъем русской речевой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

В. И. Ленин, Из прошлого рабочей печати в России, Сочинения, т. 20, М. В. Ломоносов, Риторика, Полное собрание сочинений, т. VII. Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX века, Киев, 1941. И. Я. Блинов, Мастерство произнесения лекции, «Ученые записки МГПИ имени В. И. Ленина», вып. 2, 1948; О мастерстве публичной речи, «Ученые записки МГПИ имени В. И. Ленина», вып. 4, 1954; О русской речевой интонации «Ученые записки МГПИ имени В. И. Ленина», т. XXXIX, вып. 6, 1956. А. И. Ефимов, О культуре публичной речи, изд. «Знание», М., 1956; О мастерстве речи пропагандиста, Госполитиздат, М., 1957. Е. В. Ухмылина, Культура и развитие речи. Указатель литературы, Горький, 1959.

ГЛАВА 18

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

§ 89. Значение Октябрьской революции в создании нового этапа развития русского литературного языка

Советская эпоха, ознаменовавшаяся коренными изменениями в области экономических и социальных отношений людей, ознаменовавшаяся привлечением к общественной жизни многомиллионных масс, внесла много качественно нового в развитие русского литературного языка, оказав большое влияние как на средства литературного выражения, так и на нормы их употребления.

В результате Октябрьской революции существенно расширился самый состав носителей литературного языка, так как уже в первые годы после революции к литературному языку стали прибоящаться массы трудящихся, ранее не имевшие для этого возможностей.

В советскую эпоху изменилось соотношение литературного языка и диалектов. Если раньше диалекты оказывали известное влияние на литературный язык, то после революции, благодаря мощному развитию культуры и распространению знаний через школы, театр, кино, радио, население стало энергично прибоящаться к средствам литературного выражения. В связи с этим многие черты местных говоров начали быстро исчезать; пережитки старых диалектов сохраняются сейчас в деревне преимущественно у старшего поколения.

Русский литературный язык освободился в советскую эпоху от влияния классовых жаргонов, существовавших в прошлом и в известной степени оказывавших влияние на нормы литературного языка. Если жаргонное словоупотребление, а также заимствования из иностранных языков, не оправданные жизненной необходимостью, были в XVIII и XIX веках весьма распространенным явлением, то после Октябрьской революции, устранившей почву, питавшую эти жаргоны, исчезли самые жаргоны, и таким образом прекратилось их воздействие на литературный язык.

Старые нормы литературности, которые раньше сковывались рамками светских приличий и условной интеллигентности, были в значительной степени пересмотрены. Средства литературного языка заметно обогатились за счет самых различных источников, которые ранее не служили источниками пополнения литературной речи.

Вслед за ломкой старых экономических и социальных отношений в революционную эпоху происходит пересмотр стилистических норм литературного языка.

Уже в первые годы после революции литературный язык интенсивно освобождается от всего обветшавшего и устаревшего. Поэтому большое количество слов и выражений, которые были типичными для старого социального уклада, после Октябрьской революции стало быстро забываться, исчезать из языка.

Резко порывая со всем устаревшим и уходящим в прошлое, литературный язык революционной эпохи пополняется за счет множества неологизмов. Это смелое новаторство в создании и использовании речевых средств различного происхождения с особой силой обнаруживалось в творчестве художников слова, ибо новая эпоха требовала в известной степени новых средств литературного выражения. Поэтому смелое новаторство (исключая всякое «штуракство» и словесное фокусничество) было подсказано самой жизнью и потребностями развивающейся литературы.

В советскую эпоху русский литературный язык выходит на широкую мировую арену в качестве дипломатического языка. У свободолюбивых народов мира неизмеримо возрастает интерес к русскому языку — языку прогресса, дружбы и интернационализма. Многие русские слова (*совет, коммунист, спутник* и др.), как и самые способы словообразования, становятся широко известными в языках различных народов.

Перед исследователями русского языка советской эпохи стоит задача изучения того, как с развитием новой, социалистической культуры, общественности, морали, науки обогащался и развивался словарный и фразеологический состав русского языка. Поскольку в советскую эпоху изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое значение, а также выпало из словаря некоторое количество устаревших слов, то изучение этих закономерностей тоже является одной из первоочередных задач языковедов, которым предстоит исследовать эти сдвиги в семантической системе слов и установить круг тех слов, которые после революции стали архаизмами.

В период перехода от социализма к коммунизму общественные функции русского литературного языка возрастают и усложняются. Основные закономерности его развития имеют много общего с развитием других национальных языков СССР. К этим общим закономерностям, объясняемым усилением и ускорением в период перехода к коммунизму исторических процессов, характерных для социалистического общества в целом, относятся:¹

1. Серьезное увеличение роли единого общенародного (т. е. прежде всего литературного) языка.

¹ И. К. Белодед и А. С. Мельничук. Вопросы развития национальных языков в период перехода от социализма к коммунизму, «Вопросы языкознания», 1959, № 5, стр. 4 и след. Ср. Ю. Д. Дешериев, Развитие младописьменных языков народов СССР в советскую эпоху, «Вопросы языкознания», 1957, № 5.

2. Более явственное и последовательное стирание диалектных особенностей и вытеснение их из всех сфер функционирования.

3. Уменьшение различий между нормами письменного языка и особенностями языка разговорного.

4. Дальнейший количественный рост структурных черт, общих для языков всех социалистических наций.

5. Возрастание роли русского языка как орудия межнационального общения в едином Советском государстве, как средства развития социалистической идеологии, что, конечно, не означает ограничения роли или темпов развития отдельных национальных языков.

§ 90. Борьба Горького и советской общественности за чистоту и богатство языка

С именем А. М. Горького связана целая эпоха в развитии и обогащении языка художественных произведений. Выражая мысли представителей советской общественности, он вошел в историю как неутомимый борец за чистоту и богатство литературного языка новой эпохи, как гениальный мастер образного слова, существенно обогативший речевую культуру русского народа. Раскрыв существо самого понятия литературный язык и важнейшие закономерности его исторического развития, Горький обращал особое внимание на его взаимосвязь и соотношение с языком общенародным. Он указывал на преемственность, которая наблюдается в развитии современной речевой культуры.

Призывая бережно и любовно относиться к наследию и учиться мастерству образного слова у писателей-классиков, Горький в то же время всемерно поддерживал и поощрял то новое и жизненное, что внесла в литературный язык советская эпоха, а также новаторство, которое осуществляли в языке художественных произведений хорошие писатели. Следует подчеркнуть, что Горький не имел ничего общего с теми деятелями словесности, которых некогда Белинский называл «литературными староверами»: в отношении развития речевой культуры народа он был смелым и в то же время трезвым новатором, шагая с веком наравне, о чем неоспоримо свидетельствует вся его речетворческая практика как в области художественной прозы, так и в публицистике, практика, получившая одобрение и поддержку партии, всего советского народа.

Сложные процессы взаимодействия общенародного и литературного языков нашли в освещении Горького точные и ясные объяснения. Так как литературный язык представляет собой высшую, творчески обработанную форму общенародного языка, то он не может быть оторван от последнего и противопоставлен ему. Однако есть не только общая основа, которая роднит эти две речевые категории, но и нечто специфическое, отличное, что позволяет не отождествлять их и различать в этом единстве общее и частное.

Общенародный язык, представляющий собой сложную и пеструю речевую стихию, располагает, по наблюдениям Горького, с одной

стороны, большим количеством «наиболее живучих, четких, простых и ясных слов»¹, а с другой — некоторыми случайными, временными и даже искаженными речевыми средствами.

В литературный язык отбираются наиболее яркие, живучие, ясные и образные слова; за его пределами остается все случайное и менее ценное. Таким образом, общее, что роднит литературный язык с общенародным, — это жизненная основа, это активные и общепотребительные элементы словаря и грамматического строя.

Но литературный язык, отдавая предпочтение наиболее ценным и ярким речевым средствам и имея эту общую основу с языком общенародным, отличается от последнего, т. е. от своего первоисточника, тем, что «он откидывает из речевой стихии все случайное, временное и непрочное, капризное, фонетически искаженное, не совпадающее по различным причинам с основным «духом», т. е. строем общеплеменного языка»².

Необходимость строгого и вдумчивого отбора из общенародного языка Горький мотивировал следующими соображениями. Во-первых, писателей читают миллионы людей, и, следовательно, они ответственны за развитие и совершенствование национального языка. Во-вторых, успех самой творческой деятельности писателей в значительной степени зависит от того, какой речевой материал они отберут из языка, насколько он в художественно-эстетическом отношении пригоден для создания образцовых литературных произведений.

Примером правильного подхода к оценке жизненных в литературном языке речевых средств может служить замечание Горького о церковнославянизмах. Когда один из его корреспондентов утверждал, что «необходимо изгнать из языка церковнославянские слова», то он, по выражению Горького, стрелял мимо цели: изгонять нужно прежде всего постыдные факты из жизни, и тогда сами собой исчезнут из языка слова, обозначающие эти факты. «В старославянском языке все-таки есть веские, добротные и образные слова, но необходимо отличать язык церковной догматики и проповеди от языка поэзии. Язык, а также стиль писем протопопа Аввакума и «Жития» его остается непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца, и вообще в старинной литературе нашей есть чему поучиться».

Говоря о закономерностях исторического развития языка в связи с развитием общественной деятельности людей, Горький определял и самые факторы, способствующие быстрому пополнению и обновлению средств литературного языка. При этом он указывал на то влияние, которое испытывает язык при изменении характера трудовых процессов, а также при обострении классовых противоречий.

Он, например, так охарактеризовал причины, объясняющие значительные изменения в русском литературном языке советской эпохи: «Язык быстро обогащался в эпохи наиболее энергичной общест-

¹ М. Горький, О литературе, М., 1953, стр. 48.

² Там же, стр. 666.

венной деятельности людей, вместе с разнообразием новых приемов труда и обострением классовых противоречий»¹. В связи с этим Горький делает вывод: «... консервативная защита устаревших слов, смыслы коих уже стерлись, выпали», — бессильна и бессмысленна.

Наблюдая распространение в литературном языке советской эпохи терминов производственно-технического характера, он вскрывает причины их популярности и находит, что необходимо разработать приемы включения этих новых слов в текст художественных произведений. При этом Горький предостерегает писателей от различных злоупотреблений.

«Техника за последние годы мощно разрослась, и все это не может не влиять на человека. Тут нужно найти какие-то особенные приемы. Но нельзя злоупотреблять техническими терминами»².

Предостережение Горького против увлечения специальной терминологией находит объяснение и обоснование в общей его концепции языка художественных произведений, в которых слово и образ, сливаясь в единое целое, дают законченное и высокохудожественное полотно.

Язык, как на это неоднократно указывал Горький, — это могучее орудие культуры. Смысл и цель борьбы за чистоту и совершенство языка им определены в соответствии с этим четко и ясно. «Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точно направлено — тем оно победоносней»³.

Долг каждого передового писателя, считал Горький, — бороться с засорением и искажением языка во имя развития и расцвета всей национальной культуры. Применительно к себе он говорил, что считает себя «обязанным бороться против засорения русского литературного языка случайными «местными речениями» и вообще словесной шелухой»⁴. И это заявление не оставалось лишь одной декларацией: Горький был одним из тех писателей, которые зарывливо и ревностно относились к вопросам речевой культуры народа, много отводили времени и трудолюбиво работали с начинающими писателями.

Развернувшаяся в 30-х годах дискуссия по вопросам литературного языка⁵ убедительно показала, что вся советская общественность горячо поддержала Горького и что его плодотворная деятельность на поприще художественного слова оказала большое организующее влияние на развитие современной речевой культуры.

Как в ходе дискуссии, так и в течение всей своей творческой деятельности Горький не только вскрывал причины, порождавшие

¹ М. Горький, О литературе, М., 1953, стр. 667.

² М. Горький, Несобранные литературно-критические статьи, М., 1950, стр. 169.

³ М. Горький, О литературе, М., 1953, стр. 663.

⁴ Там же, стр. 644.

⁵ Подробно об этой дискуссии см. М. Горький, О литературе, 1953, статья «О языке» и др.

некоторые тенденции к засорению и обеднению языка, но и намечал пути и задачи дальнейшего подъема культуры речи как составной части всей социалистической культуры. Предостерегая молодых советских писателей от неточных и неверных шагов в выборе и употреблении слов, он указывал на широкие перспективы развития и совершенствования всего литературного языка.

Засорение литературного языка происходило, по наблюдениям Горького, в силу того, что некоторые из начинающих и даже опытных писателей (например, Панферов и др.) некритически относились к привлечению в литературу многих «местных речений», диалектизмов (*скукожился*, *скабалдычить* и др.), а также неудачных, порой бессмысленных неологизмов (*трушились*, *грякнул* и др.). В распространении таких «сорняков» Горький видел большую опасность: увлекаясь подобного рода словечками, «новаторы» окажут плохую услугу литературному языку. Он так писал об этом, имея в виду, например, «словотворчество» Ильенкова: «Ценность его «словотворчества» весьма сомнительна. «Взбрыкнул, трушились, встопорщил, грякнул, буруздил» и десятки таких плохо выдуманных словечек, все это — даже не мякина, не солома, а вредный сорняк, и — есть опасность, что семена его дадут обильные всходы, засорят наш богатый, сочный, крепкий литературный язык»¹. Чтобы избавиться от подобного рода «новаторства» и выйти на широкую дорогу подлинного речевого творчества, Горький советовал литераторам учиться языку у народа, внимательно присматриваться к фольклору, для которого характерны веками отшлифованные слова и выражения. «Работая по словотворчеству, — писал он, — необходимо знать наш богатейший фольклор, особенно же наши изумительно четкие, меткие пословицы и поговорки»².

Во время дискуссии о языке Горький поставил вопрос о роли диалектизмов в литературном языке. Твердо придерживаясь того мнения, что писатель «должен писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски», он энергично выступил против привлечения в язык всякого словесного «хлама», ссылаясь при этом на опыт русских классиков, которые при выборе изобразительных средств из стихии народной речи не увлекались «местными речениями» и фонетически искаженными словами. В связи с дискуссией по этим вопросам Горький писал, что «речевые капризы нашей страны весьма многообразны. Задача серьезного литератора сводится к тому, чтобы отсеять, отобрать из этого хаоса наиболее точные, емкие, звучные слова, а не увлекаться хламом, вроде таких бессмысленных словечек, как «подъялдыкивать», «базынить», «скукоживаться» и т. д.»³.

Так как в 20-х и частично в начале 30-х годов наблюдался наплыв в художественную литературу диалектизмов (и иногда даже вульгаризмов и арготизмов типа *на ять*, *на большой палец*, *мура*, *буза*

¹ М. Горький, О литературе, М., 1953, стр. 560.

² Там же, стр. 395.

³ М. Горький, О литературе, М., 1953, стр. 646.

и т. п.), то Горький решительно восстал против «бессмысленных словечек» и «местных речений». Вот некоторые из его тезисов: «Прежде всего не нужно увлекаться местными речениями, оставьте это этнографам»¹. «Местные речения, «провинциализмы» очень редко обогащают литературный язык, чаще засоряют его, вводя нехарактерные, непонятные слова»². «Пристрастие к провинциализмам, к местным речениям... мешает яркости изображения»³. «Задача серьезного литератора сводится к тому, чтобы отсеять, отобрать наиболее точные, емкие, звучные слова, а не увлекаться хламом»⁴.

Развитие языка советской художественной литературы в последующие годы показало, насколько Горький был прозорлив и прав в решении проблемы литературного использования диалектизмов.

Засорение литературного языка происходило и от употребления иностранных слов без надобности. Развивая мысль В. И. Ленина о том, что русский язык портится от неправильного употребления иностранных слов, употребления их без надобности, что увлечение нижегородско-французским словоупотреблением ведет к коверканью русского языка, Горький сурово критиковал литераторов за обилие в их произведениях иностранных слов. Например, одному из начинающих литераторов он замечал: «Поражает обилие иностранных слов, соединяемых Вами удивительно смешно и провинциально, например: «шедевр классического аристократизма», «пунктуальность в исполнении формальностей этикета» и т. д.»⁵.

Ср. аналогичные же замечания Горького: «Было бы, пожалуй, гораздо полезней, если бы все мы писали проще, экономнее, так, «чтобы словам было тесно, мыслям — просторно», а не так, например: «...Мы должны отвергнуть тенденцию к аполитации дискуссии»⁶. «Втыкание в русскую фразу иностранных слов» затрудняет нашего читателя. «Нет смысла писать «конденсация», когда мы имеем свое хорошее слово — «сгущение»⁷. Ссылаясь на опыт В. И. Ленина, он приходил к заключению, что можно легко обойтись без ряда иностранных слов, что нет ничего такого, что нельзя было бы уложить в простые, ясные слова.

§ 91. Обогащение лексики и фразеологии литературного языка

Словарный состав и фразеология русского языкаполнились в советскую эпоху огромным количеством новых слов и выражений. На это обращал внимание Горький, который говорил, что, сопоста-

¹ М. Горький, Несобранные литературно-критические статьи, М., 1950, стр. 204.

² М. Горький, О литературе, М., 1953, стр. 587.

³ Там же.

⁴ М. Горький, О литературе, М., 1953, стр. 136.

⁵ М. Горький, Материалы и исследования, т. I, изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 61.

⁶ М. Горький, О литературе, М., 1953, стр. 416.

⁷ Там же, стр. 558.

вив слова, употребляемые советскими писателями и писателями прошлых эпох; можно убедиться, как значительно расширился и обогатился словарный состав современного русского языка.

Это обогащение лексики и фразеологии прежде всего выразилось в том, что язык пополнился множеством новых слов, которые в свою очередь стали служить базой для образования неологизмов. Такие; слова, как *партия, комсомол, профсоюз, совет, коммунизм, социализм, марксизм, ленинизм, агитатор, пропагандист, трактор, колхоз, совхоз, радио, кино* и многие другие, прочно вошли во всеобщее употребление. Как слова жизненно необходимые, известные всему народу, они употребляются во всех стилях литературного языка: в художественно-беллетристическом, публицистическом, производственно-техническом, научно-деловом и др.

В связи с развитием марксистско-ленинской теории литературный язык пополнился очень многими словами и выражениями общественно-идеологического характера. Во всеобщее употребление вошли следующие выражения: *диалектический материализм, классовая борьба, народная демократия, эксплуататорские классы, пережитки капитализма в сознании людей, производительные силы, производственные отношения, производительность труда, коллективный труд* и другие, а также слова *космополитизм, оппортунизм, объективизм, ревизионизм* и т. п.

В советскую эпоху в литературном языке появился новый, довольно своеобразный класс слов: сложносокращенные слова. Многие из них прочно вошли в словарный состав языка. В связи с этим оформились и разные способы создания таких слов: а) путем слияния слов и произношения их по названиям первых букв: *МГУ, СССР, ВЦСПС* и др.; б) путем использования первых звуков слов: *рик, роно* и т. п.; в) путем слияния первых слогов слов: *совхоз, комсомол*; г) утвердился смешанный тип образования сложных слов: *облоно, районо*, когда берется начало первого слова и первые звуки других слов. Кроме того, в литературном языке получили права гражданства некоторые усеченные слова типа *спец, зам, пом*.

Значительное количество новых слов создано в советскую эпоху с помощью суффиксации и префиксации. Вследствие этого активизировался целый ряд суффиксов имен существительных: *передовик, стахановец, колхозник, вузовец, комсомолец, отличник, беспризорник, застройщик, зачетка, зажигалка* и т. п., причем словосложение иногда комбинируется с суффиксацией, что приводит к созданию слов типа *самописка*.

Так как в первые годы революции замечалось некоторое увлечение сложносокращенными словами, то в 30-х годах стал наблюдаться заметный отход от употребления многих искусственно звучащих сокращений. Из сложносокращенных слов в языке остаются только широко известные слова, смысл которых понятен и доступен всем.

Новые слова и выражения создавались не только с помощью средств словопроизводства. Характерной чертой развития литературного языка в советский период является переосмысление значений

слов и выражений. Это переосмысление заключается в том, что иногда значение слова расширялось или же оно могло сужаться, что в результате давало качественно новые речевые единицы. Так, например, путем расширения значения слов созданы такие неологизмы, как *ударник*, *ударная бригада*. Следовательно, *ударник* — это отличник производства, передовой советский человек. Старое значение этого слова — деталь винтовочного затвора.

Слово *октябрь*, ранее употреблявшееся только для названия месяца, приобрело более широкое, общественно-политическое значение. *Октябрь* — это название Великой Октябрьской социалистической революции, а также ежегодного праздника трудящихся в честь этого знаменательного события. Такое же переосмысление значения, приводящее к созданию новых слов и омонимов, произошло в слове *совет*. Обозначая орган государственной власти, это слово стало омонимом по отношению к старому его значению («дать хороший *совет*»). Такая же закономерность характерна для образования известного теперь всему миру слова *спутник*.

Одной из типичных закономерностей развития лексики русского языка в советскую эпоху является изменение эмоционально-экспрессивной окраски многих в прошлом широко употребляемых слов. Например, с иронической окраской стали употребляться слова: *чиновник*, *бюрократ*, *господин*, *барин* или *барыня*, *мадам* и др.

Столь же характерным для развития современной лексики является процесс детерминологизации ряда производственно-технических терминов. Так, слово *рычаг* стало употребляться, наряду с прежним предметным значением, в более широком смысле. То же можно сказать о слове *звено* (ср. «*звено бригады*», «*звено в пионерской организации*» и т. п.). В новом значении употребляются слова: *двигатель*, *нагрузка* (общественная нагрузка) и др.

Переосмысление значений старых слов распространилось на лексику, весьма разнообразную по значению и функциям: *знатный*, *потомственный*, *сознательный*, *сигнализировать*, *охватить* (охватить подпиской), *слет*, *показатель*, *увязать*, *согласовать*. Если раньше слово *обслуживать* было употребительно только в речи официантов (в смысле «кого-то обслуживать, кому-то служить»), то в современном русском языке оно употребляется уже в новом значении («удовлетворять чьи-либо потребности», «следить за машиной» и т. п.). Слово *напарник* вышло из профессионального выражения «работать на-пару», т. е. вдвоем, по очереди выполнять работу¹.

В эпоху Великой Отечественной войны существенному переосмыслению подверглись многие общеупотребительные слова, в результате чего они стали выражать новое, социалистическое содержание: *ополчение*, *гвардия*, *солдат*, *офицер*, *генерал* и др. Новые значения этих слов отличны от старых в той же степени, в какой существу-

¹ Подробнее обо всем этом см. С. И. О ж е г о в, Основные черты развития русского языка в советскую эпоху, «Известия отделения литературы и языка АН СССР», т. X, вып. I, 1951, стр. 22 и далее.

ет различие между солдатом царской армии и воином Советской Армии.

Во время войны наблюдалось также расширение смыслового объема слов преимущественно конкретно-бытового характера. Например, слово *котел* стало обозначать окруженную группу противника: *сталинградский котел*, *корсунь-шевченковский котел* и др. Слово *клещи* употреблялось в специфически военном смысле: *взять в клещи*.

То же самое наблюдается в употреблении слов: *болванка*, применяемом в качестве синонима к слову *снаряд*: «Немцы стреляли из танков и штурмовых орудий *болванками*» (А. Гончар, Злата Прага); *автомат* (в смысле «автоматическое оружие»), *техника* (т. е. «техническое вооружение армии»), *факельщики* («фашистские поджигатели домов»), *самоходка* («пушка»).

В период войны была существенно активизирована метафоризация слов, в результате чего создавались образные и эмоционально окрашенные речевые единицы. Так, бойцы прозвали гвардейские минометы *катюшей*; вражеский разведчик — *рамой*, потому что он имел «странный, похожий на букву П, хвост» (К. Симонов, Дни и ночи). В качестве синонимов к слову *рама* употреблялись *горбач*, *костыль* и др.

Следующее явление, характерное для эпохи Великой Отечественной войны, — это создание ряда новых слов путем словосложения и суффиксации. Так были созданы: *Совинформбюро*, *бронбойщик*, *бронетранспортер*, *светомаскировка*, *пистолет-пулемет*, *тридцатьчетверка* (танк), *штрафники* (бойцы из штрафного батальона), *кукурузник* (небольшой ночной бомбардировщик) (см. у К. Симонова: «Где кукуруза — там *кукурузник*, где огородов много — там огородник... Главная причина, что летает низко, землю любит» «Дни и ночи»), *станкачи* (от *станковый пулемет*), *огневики* и т. п.

Значительно активизировалось во время войны сокращение нескольких слов в одну лексическую единицу (аббревиатуру): *НП* («наблюдательный пункт»), *КП* («командный пункт»), *ППС* («полевая почтовая станция»), *БО* («боевое охранение»), *ППШ* («пистолет-пулемет Шпагина»), *дот*, *дзот* и т. п.

Наконец, безусловно новое, ярко выраженное современное идейно-политическое значение получили такие слова и выражения, как *победа*, *герой*, *Отечественная война*; *честь*, *свобода* и *независимость Родины*.

Как появление каждого нового слова, так и исчезновение устаревших тесно связано с определенными событиями в общественной жизни. Благодаря крушению старого мира и ломке всего старого государственного аппарата произошли существенные изменения в общественной жизни страны. В связи с этим из языка стали исчезать слова, употреблявшиеся для названия старых учреждений, должностей, чинов, титулов. Так, вышли из массового употребления слова: *департамент*, *губернатор*, *гимназия*, *городовой*, *экзекутор*, *столоничальник*, *подасть*, *акциз*, *мещанин*, *гласный*, *богадельня*, *приют* и т. п.

Уходит в прошлое и многообразная лексика, связанная с общественно-бытовыми отношениями капиталистического общества: *проситель, обыватель, губернёр, инородец, прислуга, харчевня, лакей* и т. п. Слово *провинция* постепенно заменяется словом *периферия*, ибо со словом *провинция* было связано представление о захолустье, о чем-то очень отдаленном, заброшенном и забытом. В наше время, когда устраняется различие между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, когда всюду проникла культура и наука, радио, кино, телевизоры, таких заброшенных уголков нет. Поэтому сама жизнь убеждает, что слово *провинция* не соответствует действительному положению вещей. Для обозначения же того, что противопоставляется центру, столице, стало употребляться слово *периферия*.

Исчезли из языка характерные для классового общества различные обращения и титулы типа *ваше превосходительство* и *ваше сиятельство*, а также формулы вежливости и учтивости, которые отражали по существу униженность и неравноправие людей: *милости прошу, сделайте милость, не откажите, благоволите сообщить*.

Большое развитие в советскую эпоху получили речевые средства военного происхождения. Это объясняется тем, что после революции несколько лет длилась гражданская война. Многие активные строители молодого Советского государства прошли во время революции и гражданской войны большую жизненную школу. Рождение нового строя было связано с непримиримой борьбой со старым. Поэтому вошли во всеобщее употребление и сохранились после гражданской войны при переходе к мирному строительству многие военные термины.

Лишенные узкотерминологического значения, они нашли широкое применение в разговорной и книжной речи. Можно указать, например, на такие военные термины, как: *штурм, кампания, авангард, смотр, штаб, наступление на капитал, равнение* (на что-нибудь), *открыть огонь, крепить оборону, держать курс* (на что-нибудь) и др.

Литературный язык советской эпохи значительно пополнился за счет различных профессиональных терминов, широко распространившихся в языке в связи с развитием производства и техники. Особый интерес и актуальность приобрела проблема вовлечения и употребления этой узко профессиональной терминологии в художественной литературе, а также помещения специальных терминов в толковые филологические словари. Наиболее удачным и приемлемым является следующее решение этого вопроса: лишь те производственно-технические термины, общественная значимость которых очевидна и общепризнана, необходимо вводить в словари и употреблять в художественных произведениях.

В силу того, что появление новых слов и выражений (*шагающий экскаватор, блюминг, радиолокатор, телевизор* и др.) отражает целый переворот в технике, в способах производства, они быстро входят во всеобщее употребление.

В связи с практическим осуществлением национальной политики нашей партии русский язык в советскую эпоху пополнился значительным количеством речевых средств национальных языков братских народов.

Наряду с этим в советскую эпоху русский литературный язык значительно обогатил национальные языки нашей страны научной терминологией, общественно-политической, производственно-технической, а также терминологией, относящейся к области искусства и культуры. Поэтому в советскую эпоху выработался большой фонд речевых средств, широко известных во всех национальных языках СССР и способствующих общению народов.

В связи со значительным пересмотром старых средств литературного выражения некоторые изменения претерпели и орфоэпические нормы литературного языка. Это объясняется и тем, что сменился самый состав носителей образцового литературного произношения. Старомосковские нормы произношения в ряде случаев оказались пересмотренными. Например, произношение ряда слов с мягким *р* (*вторьник*) заменилось новым, с твердым звуком *р* (*вторник*); старомосковское ударение в слове *творог* сменяется более массовым — *тврор*; произношение-окончания глаголов на *-ся* с твердым звуком *с* (*улыбаеься*) уже не является теперь образцовой нормой, и орфоэпические справочники рекомендуют произношение с мягким звуком *с* (*улыбаеься*) и т. д.¹

§ 92. Изменения в стилистической системе литературного языка советской эпохи

В связи с мощным развитием общественно-публицистических стилей, а также устной, ораторской публицистической речи, в связи с тем, что миллионы советских людей принимают участие в агитации и пропаганде, общественно-политическая терминология и вообще элементы публицистических стилей стали широко известными и употребительными в других стилях литературного языка и прежде всего в стилях художественно-беллетристических. Поэтому, например, стили поэзии, освободившиеся от некоторых традиционных и обветшалых речевых средств, стали насыщаться элементами публицистической лексики. Так, в стихотворениях Маяковского обильно представлена общественно-политическая терминология (*капитализм, антанта, полиция, плакат* и т. п.), что не могло не отразиться на специфике самого стиля поэтических произведений.

В системе стилей литературного языка происходит перемещение речевых средств, в силу чего устанавливается несколько новый характер взаимодействия речевых средств различных стилей.

Большие изменения в советскую эпоху произошли в документально-деловых стилях; всё то крючкотворство, которое в прошлом куль-

¹ Об изменениях норм литературного произношения см. Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение, изд. 2, Учпедгиз, 1954, стр. 134 и след.

тивировалось в чиновничьей среде, увлекавшейся, как свидетельствовал Шедрин, писанием «объясненьиц с приплетеньицами», решительно устранено из деловой переписки. Борьба за речевую культуру захватила и область документально-деловых стилей. Общественность и печать активно реагируют на всякие искажения и недостатки, которые еще иногда встречаются в официально-документальной переписке.

Развитие техники и производства оказало большое влияние на формирование ряда новых производственно-технических стилей, так как значительное количество новых отраслей производства создано только при Советской власти. В связи с этим происходит формирование специальной научно-технической терминологии, характерной для этих стилей.

Советская эпоха характеризуется развитием нового, большевистского стиля речи. В высказываниях Ленина о языке коммунистической пропаганды и агитации четко указано, что сила и отличительная черта выступлений коммунистических ораторов заключается прежде всего в их глубоком идейном содержании и убежденности. Другой не менее важный признак языка коммунистической пропаганды — это правдивость. Еще в годы гражданской войны В. И. Ленин указывал, что белогвардейцы во всех своих газетах кричат о том, что у большевиков прекрасная агитация. Но народ пошел за большевиками только потому, что их агитация была правдива.

Сила и отличительная черта выступлений коммунистических агитаторов и пропагандистов заключается в точности, ясности, простоте. Это тоже важнейшие качества нового стиля речи.

§ 93. Роль русского литературного языка в развитии языков народов СССР и в истории мировой культуры

Огромное общественно-политическое и культурное значение русского языка, которое он имеет в настоящее время, удачно охарактеризовал Владимир Маяковский:

Да будь я
и негром преклонных годов,
и то
без унынья и лени
я русский бы выучил
только за то,
что им
разговаривал Ленин.

Значение русского языка в развитии речевой культуры народов СССР определяется прежде всего ведущей ролью русского народа, сделавшего огромный вклад в мировую культуру и цивилизацию, в революционно-освободительное движение народов всего земного шара.

Роль русского языка в развитии и обогащении многочисленных языков народов СССР весьма значительна. Он способствует обмену

научными, техническими и культурными ценностями, создаваемыми всем советским народом. Русский язык помогает народам Советского Союза сплотиться в единую братскую семью.

В союзных и автономных республиках все более растет интерес к русскому языку и желание изучить и освоить его богатства.

В семье народов нашей страны все национальные языки равноправны, любой национальный язык пользуется уважением как национальная и культурно-историческая ценность. Русский язык не противопоставляется языкам национальным. Он занимает первое место среди равных. Ведущее положение русского языка усилилось после Великой Октябрьской социалистической революции, когда он стал оказывать благотворную помощь языкам братских народов. Множество слов, выражений и оборотов русского языка вошло без перевода в национальные языки народов СССР. Обогащение этих языков шло также за счет распространения в них русских способов и приемов словообразования, построения фраз и словосочетаний.

Например, весьма ощутимым и полезным было влияние русского языка на развитие и обогащение украинского литературного языка. В советскую эпоху это влияние усиливается и оказывается наиболее плодотворным, о чем свидетельствуют исследователи украинского языка.

«В развитии языка украинской художественной прозы, в обогащении его чертами нового, связанного с принципами социалистического реализма в литературе, имел большое значение I Всесоюзный съезд советских писателей, борьба А. М. Горького «за чистоту, за смысловую точность», высокую культуру языка художественных произведений...

Тематика, идейная направленность, художественный язык выдающихся произведений русской литературы оказали плодотворное влияние на развитие национальных литератур, в том числе на украинскую литературу и ее художественный язык. Многие категории лексики и фразеологии, отражающие новое в языке, возникали одновременно в братских русском и украинском языках; многие категории лексики и фразеологии создавались и внедрялись в язык украинской художественной литературы по образцу ведущего языка в братской семье языков Советского Союза — русского языка»¹.

В свою очередь русский литературный язык, находясь в тесном общении с украинским и другими братскими языками, пополнял свои средства выражения за счет этих языков. В словарный состав и фразеологию русского языка вошло множество украинских, белорусских, татарских и других слов.

Интерес и тяга к русскому языку наблюдаются далеко за пределами нашей страны. Еще в прошлом веке наблюдалось большое и

¹ И. К. Белодед, Вопросы развития языка украинской советской художественной прозы (преимущественно послевоенного периода 1945—1951). Автореферат, Киев, 1951, стр. 9.

плодотворное влияние русского литературного языка на языки славянских народов, с интересом и любовью изучавших русский язык и приобщавшихся к русской культуре. Интересны в этом отношении свидетельства историка русского языка акад. И. И. Срезневского, который посетил страны западных и южных славян. В своих письмах он отмечал глубокий интерес к русской культуре и к русскому языку у славянских народов. По его наблюдениям, представители славянской интеллигенции хорошо знают русский язык, и особенно усердно занимается его изучением молодежь.

Так, творчество выдающихся болгарских писателей (П. Славейков, Л. Каравелов, Х. Ботев, И. Вазов и др.) развивалось под влиянием русской литературы. Болгарский профессор Б. Цонев писал в 1902 году о том влиянии, которое оказал русский язык на язык болгарский. «Но наиболее значительно и прочно русское влияние отложилось в нашем языке, который до настоящего дня кишит русскими словами, которые мы и не считаем за русские, потому что их понимают и употребляют у нас все от мала до велика»¹.

Русский язык оказал влияние и на неславянские языки. В литовском, латышском, румынском и других языках имеется множество русских слов. Значительное количество научных терминов усвоено ими из русского языка или через посредство русского.

В наше время, особенно после окончания Великой Отечественной войны, интерес к русскому языку, прежде всего у трудящихся стран народной демократии, возрос еще больше. В Польше, Болгарии, Албании, Венгрии, Румынии, Чехословакии с большой любовью изучают русский язык — язык народа-освободителя.

Например, в Румынской Народной Республике наблюдается массовое изучение русского языка: «Изучение русского языка в нашей стране все более и более принимает характер организованного массового движения. Трудящиеся Румынии стремятся изучать русский язык... язык народа, который первый в мире осуществил социалистическую революцию»².

Известно, что в Чехословакии начиная с 1945 года русский язык изучается во всех школах — от начальных до высших включительно. Огромной популярностью пользуются народные курсы русского языка.

Огромный интерес и желание изучать русский язык проявляют трудящиеся Китайской Народной Республики. Русский язык оказывает им большую помощь в успешном освоении советской культуры, а также богатейшего опыта социалистического строительства в СССР. Общество китайско-советской дружбы организует вечерние школы и кружки по изучению русского языка, издает специальные учебники и журналы, организует радиопередачи в помощь изучающим русский язык.

¹ Н. С. Д е р ж а в и н, Племенные и культурные связи болгарского и русского народа, 1944, стр. 51.

² Журнал «Народно-демократическая Румыния», 1951, № 7, стр. 8.

Большое организующее влияние русского языка на все языки народов СССР, особенно на бесписьменные в недавнем прошлом языки, которые вступили в новую стадию жизни при Советской власти выражается в том, что эти языки воспринимают лексику и фразеологию, связанную с идеями марксизма-ленинизма, с процессом социалистического строительства. Это выражается в заимствовании множества терминов (*партия, совет, колхоз, социализм, кооперация, план, коммунист, школа*). Новые слова и выражения в ряде случаев создаются в них по образцам русского словообразования и словоупотребления.

Развитие культур, национальных по форме и социалистических по содержанию, выражается в появлении научных понятий и терминов, в освоении новых областей культуры и техники, в распространении интернационального словаря, в расширении отвлеченной лексики, в расцвете художественной литературы. В этом отношении влияние русской речевой культуры на языки народов СССР велико и плодотворно.

О большом интересе различных слоев населения капиталистических стран к изучению русского языка наблюдается в последнее время, как сообщает «Вечерняя Москва» (от 9 февраля 1960 г.): «Одна из крупнейших английских газет «Манчестер гардиан» поместила большую статью, в которой подчеркивается необходимость расширения преподавания русского языка в Англии. Газета заявляет, что «национальные потребности Англии ввиду достижений Советского Союза требуют значительно большего числа людей, владеющих русским языком».

Директор управления по вопросам просвещения при Оксфордском университете Петерсон пишет в «Таймсе», что русский наряду с английским является наиболее ценным языком в области науки и техники.

В Вашингтоне проведена конференция по изучению русского языка в американских школах. Все ее участники признали, что в США необходимо в широком масштабе преподавание русского языка, истории и литературы...

Русский язык изучается во многих учебных заведениях Франции. В 120 средних школах он преподается как обязательный предмет.

До недавнего времени индийцы были вынуждены изучать русский язык по пособиям, изданным на английском языке. Теперь в стране выпущены на языках хинди русская грамматика и русско-хинди словарь... В предисловии к изданному в Дели русско-хинди словарю премьер-министр Индийской Республики Д. Неру пишет: «Я надеюсь, что изучение русского языка в Индии будет расширяться, и это будет способствовать лучшему пониманию русского народа и его великих достижений».

ЛИТЕРАТУРА.

В. И. Ленин, О национальной гордости великороссов, Сочинения, т. 21; Нужен ли обязательный государственный язык? Сочинения, т. 20; Об очистке русского языка, Сочинения, т. 30. М. Горький, О литературе, М., 1953. В. В. Виноградов, Великий русский язык, Гослитиздат, 1945. Заметки о языке советских художественных произведений. В сб. «Вопросы культуры речи», изд. АН СССР, вып. I, 1955. С. П. Обнорский, Культура русского языка, изд. АН СССР, М., 1948. Е. С. Истрина, Нормы русского литературного языка и культура речи, изд. АН СССР, 1948. С. И. Ожегов, Основные черты развития русского языка в советскую эпоху, «Известия Отд. литературы и языка АН СССР», т. X, вып. I, 1951. Очередные вопросы культуры речи. Сб. «Вопросы культуры речи», изд. АН СССР, вып. I, 1955. Г. О. Винокур, Маяковский — новатор языка, ГИХЛ, 1942. А. В. Миртов, Из наблюдений над русским языком в эпоху Великой Отечественной войны, «Вопросы языкознания», 1953, № 4. А. Н. Кожин, Из наблюдений над сложносокращенными словами в русском языке (на материале лексики эпохи Великой Отечественной войны), «Ученые записки Московского областного пединститута», т. XXXII, вып. 2, 1955. И. К. Белодед, Вопросы развития языка украинской советской художественной прозы (преимущественно послевоенного периода, 1945—1951) (Автореферат докторской диссертации), изд. АН СССР, Киев, 1951. И. С. Ильинская и В. Н. Сидоров, О сценическом произношении в московских театрах. В сб. «Вопросы культуры речи», изд. АН СССР, вып. I, 1955. В. К. Фаворин, К вопросу о современной произносительной норме, «Известия Отд. литературы и языка АН СССР», т. XII, вып. I, 1953. Русское литературное ударение и произношение (словарь-справочник), под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, Изд. иностранных и национальных словарей, М., 1960. Л. Андрейчин, К вопросу о влиянии русского языка советской эпохи на развитие современного болгарского языка, «Вопросы языкознания», 1958, № 4. Г. И. Шклярский, Введение в историю русского литературного языка, изд. Харьковского университета, 1959.

О ЯЗЫКЕ ГОРЬКОГО

Б. А. Дарин, Заметки о языке пьес А. М. Горького и его театральной интерпретации, «Ученые записки Ленинградского пединститута имени Герцена», т. 69, 1946. Е. М. Галкина-Федорук, Язык и стиль ранних рассказов А. М. Горького, «Русский язык в школе», 1946, № 5—6; Горький и современный русский язык, «Русский язык в школе», 1951, № 4; Стилистическая функция синтаксиса в ранних рассказах Горького, «Русский язык в школе», 1947, № 4. И. В. Васильев, Борьба А. М. Горького за чистоту, смысловую точность и остроту русского литературного языка, «Русский язык в школе» 1946, № 2. С. И. Абакумов, Заметки о синтаксисе романа А. М. Горького «Мать», «Русский язык в школе», 1946, № 2. Перльмуттер, Язык и стиль «Песни о Соколе» и «Песни о Буревестнике» М. Горького, «Литературная учеба», 1937, № 6. Н. Пиксанов, Горький и фольклор, изд. 2, Гослитиздат, Л., 1938. М. Я. Кривонкина, Общественно-политическая лексика публицистики А. М. Горького советского периода (Автореферат), изд. МГУ, 1953. М. И. Хмелинина, Фразеология ранних фельетонов А. М. Горького (Автореферат), М., 1952. Б. А. Оррас, Стилистические функции форм субъективной оценки имен прилагательных в прозе А. М. Горького, «Ученые записки Свердловского пединститута», вып. XVI, 1958. В. Ф. Рудов, Фразеология произведений М. Горького, «Ученые записки Таганрогского пединститута», т. II, 1957.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Г л а в а 1

Предмет и задачи курса истории русского литературного языка

- § 1. Марксистско-ленинское учение о развитии языка в связи с историей народа — основа построения курса истории литературного языка 3
- § 2. Литературный язык как высшая форма языка общенародного 5
- § 3. Письменно-книжная и устно-разговорная разновидности литературного языка 8
- § 4. Литературный язык — язык нормированный 9
- § 5. Задачи историко-стилистического изучения литературного языка . . 14

Г л а в а 2

Происхождение русского литературного языка

- § 6. Появление письменности на Руси и формирование литературного языка 21
- § 7. Различные взгляды на происхождение русского литературного языка . 23
- § 8. Народная основа литературного языка древней Руси 26
- § 9. Прогрессивная роль старославянского языка в развитии языка древней Руси 31

Г л а в а 3

Светские и церковно-книжные стили литературного языка древнерусской народности (эпоха киевской Руси)

- § 10. Две группы стилей древнерусского литературного языка 36
- § 11. Письменно-деловой язык 38
- § 12. Язык «Слова о полку Игореве» 42
- § 13. Своеобразие языка летописей 45
- § 14. Язык частных писем на бересте 48
- § 15. Стили церковно-богослужебные 50

Г л а в а 4

Литературный язык великорусской народности (эпоха Московского государства XIV—XVI веков)

- § 16. Развитие литературного языка в период образования русской народности и Московского государства 55
- § 17. Документально-деловой язык 58
- § 18. Развитие жанров письменности и литературного языка в XIV—XVI веках 61

§ 19. Обогащение лексики литературного языка Московского государства	66
§ 20. Изменения в системе грамматических средств и их стилистических функций	68
§ 21. Значение так называемого «второго южнославянского влияния»	71
§ 22. Книгопечатание и его значение для развития литературного языка	73

Г л а в а 5

Развитие литературного языка в начальный период формирования русской нации (XVII век)

§ 23. Расширение и усложнение функций литературного языка в период формирования русской нации	76
§ 24. Расширение словарного состава языка	77
§ 25. Словари, созданные в XVI—XVII веках	80
§ 26. Грамматическая нормализация литературного языка в XVII в.	82
§ 27. Проникновение в литературный язык XVII века элементов просторечия (язык «Жития протопопа Аввакума»)	85

Г л а в а 6

Развитие литературного языка в Петровскую эпоху

§ 28. Государственные и общественные преобразования и их влияние на литературный язык	89
§ 29. Реформа графики и ее значение для вытеснения старокнижных традиций	90
§ 30. Обогащение словарного состава языка и роль заимствований	91
§ 31. Старина и новизна в языке	97
§ 32. Первые русские «Ведомости» и их значение для формирования газетно-журнальных стилей	101
§ 33. Словари и грамматики Петровской эпохи	102
§ 34. Своеобразие произносительных норм в языке Москвы начала XVIII века	104

Г л а в а 7

Роль Ломоносова в истории русского литературного языка

§ 35. Культурно-историческая роль церковнославянизмов в оценке Ломоносова	107
§ 36. Теория трех стилей	109
§ 37. Три стиля литературного языка или же языка художественной литературы?	112
§ 38. Фонетические и грамматические нормы каждого стиля	116
§ 39. «Российская грамматика» Ломоносова и ее значение для нормализации литературного языка	119
§ 40. Роль Ломоносова в развитии стилей научного изложения и создании научной терминологии	122
§ 41. Тредьяковский и Сумароков о путях развития русского литературного языка	124

Г л а в а 8

Развитие литературного языка во второй половине XVIII века

§ 42. Борьба за установление норм литературного языка на основе живой разговорной речи	127
--	-----

§ 43. Роль Радищева в формировании публицистического стиля	133
§ 44. Борьба с иноязычными заимствованиями в речи высших дворянских кругов	137

Г л а в а 9

Завершение формирования национального литературного языка

§ 45. Спорные вопросы развития русского литературного языка в конце XVIII — начале XIX века	142
§ 46. Принципы карамзинских преобразований	143
§ 47. Карамзинские приемы языкового новаторства	145
§ 48. Развитие средств речевой образности	147
§ 49. Шишков о соотношении церковнославянского и русского языков . .	151
§ 50. Борьба Шишкова против нового слога	153

Г л а в а 10

Пушкин — основоположник норм современного русского литературного языка

§ 51. Пушкинская эпоха в развитии русской речевой культуры	152
§ 52. Борьба Пушкина за народность литературного языка	159
§ 53. Принципы литературной обработки общенародного языка у Пушкина	163
§ 54. Семантическое преобразование церковнославянизмов и их стилистические функции	168
§ 55. Пушкин и проблема заимствований в русский язык	171
§ 56. Значение Пушкина для грамматической и стилистической нормализации русского литературного языка	173

Г л а в а 11

Литературный язык в 30—40-е годы XIX века

§ 57. Белинский об основных вопросах развития литературного языка . .	180
§ 58. Творчество Лермонтова — новый этап в развитии средств литературного языка	
§ 59. Роль Гоголя в развитии языка прозы	

Г л а в а 12

Развитие публицистики и ее влияние на литературный язык во второй половине XIX века

§ 60. Важнейшие тенденции в развитии литературного языка в связи с демократизацией интеллигенции и ростом революционно-освободительного движения	
§ 61. Ведущая роль публицистических стилей	
§ 62. Условия формирования речевых средств прогрессивной публицистики	
§ 63. Распространение в литературном языке публицистической терминологии	

Г л а в а 13

Изменения в лексико-фразеологических, словообразовательных и грамматических средствах литературного языка

§ 64. Расширение сферы применения профессиональной терминологии	
§ 65. Изменения в словообразовании и в системе грамматических средств	

§ 66. Церковнославянизмы в русском литературном языке второй половины XIX века	226
--	-----

Г л а в а 14

Обогащение литературного языка в связи с развитием науки, техники и искусства

§ 67. Развитие стилей научного изложения	233
§ 68. Отказ от заумного языка	235
§ 69. Распространение в литературном языке абстрактно-философской терминологии	237
§ 70. Использование терминов политической экономии	240
§ 71. Процесс детерминологизации естественнонаучных терминов	241
§ 72. Приемы употребления в художественной литературе и в публицистике терминов химии, физики, математики и других наук	242

Г л а в а 15

Роль словарей и грамматик в развитии и нормализации литературного языка во второй половине XIX века

§ 73. Значение словарей для развития речевой культуры	247
§ 74. Участие языковедов в нормализации литературного языка во второй половине XIX века	250
§ 75. Вопросы нормализации в «Исторической грамматике русского языка» Ф. И. Буслаева	255
§ 76. Значение словаря Даля и Академических словарей (издания 1847 и 1895 гг.) для развития литературного языка	259

Г л а в а 16

О роли национальной художественной литературы в развитии русского литературного языка в XIX веке

художественной литературы и литературный язык	266
писателей в развитии стилистической системы литературного языка	269
ние языкового новаторства писателей	274
типы отбора и обработки писателями средств народной речи	278

Г л а в а 17

ораторской речи для развития устной формы литературного языка в XIX веке

ичная речь и ее значение для развития национальной речевой культуры	284
тие в XIX веке основных видов ораторской речи	286
тие политического красноречия в XIX веке	287
тории академического красноречия	288
ное красноречие во второй половине XIX века	291
онально-бытовое, духовное и другие виды красноречия	295
о снижении культуры ораторского слова в среде буржуазной интеллигенции в конце XIX века	297
культуры публичной речи в связи с ростом революционно-освободительного движения в конце XIX — начале XX века	299

Глава 18

Литературный язык советской эпохи

- § 89. Значение Октябрьской революции в создании нового этапа развития русского литературного языка
- § 90. Борьба Горького и советской общественности за чистоту и богатство языка
- § 91. Обогащение лексики и фразеологии литературного языка
- § 92. Изменения в стилистической системе литературного языка советской эпохи
- § 93. Роль русского литературного языка в развитии языков народов СССР и в истории мировой культуры

Александр Иванович Ефимов
История русского литературного языка

Редактор *Г. П. Смолицкая*
Художник *Г. В. Смелова*
Художественный редактор *Б. М. Кисин*
Технический редактор *В. Л. Коваленко*
Корректор *С. М. Березина*

* * *

Сдано в набор 28/XI 1960 г. Подписано к печати
23/II 1961 г. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 20,25. Уч.-изд. л.
21,34. Тираж 32 000 экз. А 04235. Заказ № 1196

* * *

Учпедгиз. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Цена без переплета 43 к., переплет 15 к.

58 mm.

Созданием файла
занимался ewgeni23
(июнь 2010)